

СТИВЕН КИНГ

Кто нашел,
берет себе

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН КИНГ

Кто нашел,
берет себе

II
Мистер Мерседес
II

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84(7Coe)-44

К41

Серия «Темная башня»

STEPHEN KING
FINDERS KEEPERS

Перевод с английского В.А. Вебера

Художник В.И. Лебедева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Кто нашел, берет себе. Мистер Мерседес-2 : [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. В.А. Вебера]. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 448 с. — (Темная башня).

ISBN 978-5-17-091236-0

«Просыпайся, гений» — с этих слов начинается новый потрясающий роман Стивена Кинга, книга о силе Слова, в какой-то степени продолжающая историю, которую писатель начал в романе «Мистер Мерседес», и в то же время перекликающаяся с одним из лучших его произведений — «Мизери»

Гений — писатель Ротстайн, прежде бунтарь, а теперь затворник вот уже долгие годы ничего не публикует. Но это не значит, что он ничего не пишет. В его доме — множество черновиков, ждущих «своего часа». Сборники стихов, рассказы и даже продолжение знаменитой саги, изменившей судьбу едва ли не целого поколения фанатов Ротстайна. Но теперь крутой поворот делает судьба самого писателя — черновики похищают, а Ротстайна жестоко убивают...

Однако пройдет много лет, прежде чем блокноты писателя вновь всплывут на поверхность, чтобы самым непостижимым образом соединить людей, имевших отношение к трагическим событиям, связанным с Мистером Мерседесом...

УДК 21.111(73)-313.2

ББК 84(7Coe)-44

© Stephen King, 2015

© Перевод. В.А. Вебер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

С мыслями о Джоне Д. Макдональде

Только спускаясь в бездну, мы вновь
обретаем сокровища жизни.

Джозеф Кэмпбелл

Дерьмо ни хрена не значит.

Джимми Голд

Часть I

КЛАД

1978 ГОД

-Просыпайся, гений.
Ротстайн просыпаться не хотел. Слишком хороший был сон. Главную роль в нем играла его первая жена, за полгода до того, как они поженились, семнадцатилетнее совершенство от макушки до пяток. Ослепительно нагая. Нагим был и он, девятнадцатилетний, с грязью под ногтями, но она ничего не имела против, во всяком случае, тогда, потому что он жил мечтами, а мечтать она любила. Она верила в его мечты даже больше, чем он сам, и правильно делала. Во сне она смеялась и тянулась к той части его тела, которая сама напрашивалась, чтобы ее схватили. Ротстайн попытался еще глубже уйти в этот сон, но кто-то начал трясти его за плечо, и сон лопнул как мыльный пузырь.

Его девятнадцать остались в далеком прошлом, как и двухкомнатная квартира в Нью-Джерси. Через полгода ему исполнится восемьдесят, и проснулся он на ферме в Нью-Хэмпшире, где завещал себя похоронить. В его спальне находились мужчины. Они были в балаклавах, красной, синей и канареечно-желтой. Увидев их, Ротстайн попытался убедить себя, что это всего лишь другой сон — сладостный соскользнул в кошмарный, как иногда случалось, — но чужая рука еще крепче ухватила его за плечо и скинула с кровати. Он ударился головой и вскрикнул.

— Полегче, — бросил Желтая Маска. — Хочешь, чтобы он отключился?

— Только глянь! — Мужчина в красной маске ткнул пальцем. — У него стояк. Классный, видать, был сон.

Синяя Маска, тот, что тряс Ротстайна за плечо, возразил:

— Стоит, потому что ссать охота. В таком возрасте от другого уже не встает. Мой дед...

— Угомонись, — осадил его Желтая Маска. — Твой дед никого не интересуется.

Все еще ошеломленный, не вырвавшийся из объятий сна, Ротстайн тем не менее понимал, что попал в беду. *Незаконное проникновение в дом*, вертелось в голове. Он смотрел снизу вверх на трио, появившееся в его спальне. Голова болела (справа появится огромный синяк, спасибо препаратам, разжижающим кровь, которые он принимал), сердце с опасно истончившимися стенками жутко колотилось. Они нависали над ним, трое мужчин, скрывших лица под вселяющими ужас балаклавами, в перчатках и осенних куртках из шотландки. Налетки и он, в пяти милях от города.

Ротстайн собрался с мыслями, насколько мог, отгоняя сон и говоря себе, что и в этой ситуации есть светлая сторона: если эти люди не хотят, чтобы он увидел их лица, значит, намерены оставить его в живых.

Возможно.

— Господа... — начал он.

Мистер Желтый рассмеялся и воздел руки с поднятыми вверх большими пальцами:

— Хорошее начало, гений.

Ротстайн кивнул, словно получил комплимент. Взглянул на часы у кровати — четверть третьего, — потом вновь посмотрел на мистера Желтого, возможно, главаря.

— Денег у меня не много, но вы можете их взять. Только не трогайте меня.

Порыв ветра зашуршал листьями у западной стены дома. Ротстайн обратил внимание, что шумит водогрейный котел, впервые с весны. Неужели лето закончилось?

— А нам шепнули, что денег у тебя предостаточно, — возразил мистер Красный.

— Придержи язык. — Мистер Желтый протянул руку. — Поднимайся, гений.

Ротстайн схватился за руку, не без труда поднялся и тут же упал на кровать. Он тяжело дышал, но при этом прекрасно отдавал себе отчет (самоанализ всю жизнь являлся его проклятием и благословением), какую являет собой картину: старик в болтающейся пижаме, вместо волос — облачка белого пуха за ушами. Вот что стало с писателем, о котором в год избрания президентом Джона Кеннеди журнал «Тайм» написал на обложке: «ДЖОН РОТСТАЙН, АМЕРИКАНСКИЙ ГЕНИЙ-ЗАТВОРНИК».

Просытайся, гений.

— Отдышись, — продолжил мистер Желтый. Голос звучал успокаивающе, но Ротстайн ему не верил. — Потом перейдем в гостиную, где нормальные люди обычно беседуют. Спешить некуда. Успокойся.

Ротстайн задышал медленно и глубоко, и сердце чуть замедлило бег. Он попытался думать о Пегги, ее грудях с чайную чашку (маленьких, но идеальной формы), длинных ногах с гладкой кожей, но сон ушел, как и тогдашняя Пегги, теперь превратившаяся в старую каргу, живущую в Париже. На его деньги. По крайней мере Иоланта, его вторая попытка в обретении семейного счастья, уже умерла, положив конец выплате алиментов.

Красная Маска покинул спальню, и Ротстайн слышал, как тот шурует в его кабинете. Что-то упало. Ящики выдвигались и задвигались.

— Полегчало? — спросил мистер Желтый, а когда Ротстайн кивнул, добавил: — Тогда пошли.

Ротстайна увели в маленькую гостиную. Мистер Синий пристроился слева, мистер Желтый — справа. Погром в кабинете продолжался. Скоро мистер Красный заглянет в стенной шкаф, сдвинет пару пиджаков и три свитера и обнаружит сейф. Иначе быть не могло.

Ну и ладно. При условии, что они оставят записные книжки, но с чего им брать записные книжки? Таких бандюг интересуют только деньги. Письма в «Пентхаус» — самое сложное, что они способны прочесть.

Вот только Желтая Маска вызывал у него сомнения. Он походил на образованного.

В гостиной горели все лампы, шторы были открыты. Бодрствующие соседи могли бы задаться вопросом, а что происходит в доме старика-писателя... будь у него соседи. Но ближайшие жили в двух милях от него, на шоссе. Он ни с кем не дружил, никто не заглядывал к нему в гости. Редкого коммивояжера тут же отправляли куда подальше. Ротстайн относился к таким странным старикам. Отошедший от дел писатель. Затворник. Он платил налоги, и его не трогали.

Синий и Желтый подвели его к креслу перед телевизором, который Ротстайн включал редко. Он не успел быстро сесть, и Синий его толкнул.

— Полегче! — бросил Желтый. Синий отступил на шаг, что-то бормоча. Мистер Желтый командовал, это точно. Он был главарем и теперь склонился над Ротстайном, оперев руки в колени, обтянутые вельветовыми штанами.

— Выпьешь чего-нибудь, чтобы окончательно прийти в себя?

— Если вы насчет спиртного, то я бросил двадцать лет назад. По настоянию врачей.

— Это хорошо. На встречи ходишь?

— Я не был *алкоголиком*, — раздраженно ответил Ротстайн. Безумие, конечно, раздражаться в такой ситуации... или нет? Кто знает, как следует реагировать, когда посреди ночи тебя вытряхивают из постели мужчины в цветных балаклавах? Он задался вопросом, как описал бы эту ситуацию, и не нашел ответа. В его произведениях такого не встречалось. — Хотя люди исходят из того, что в двадцатом веке каждый белый писатель должен быть *алкоголиком*.

— Хорошо, хорошо, — кивнул мистер Желтый. Он словно разговаривал с капризным ребенком. — Воды?

— Нет, благодарю. Я хочу, чтобы вы ушли, поэтому готов быть с вами абсолютно честным. — Он не знал, знаком ли мистер Желтый с едва ли не главным принципом человеческого поведения: если кто-то говорит, что собирается быть абсолютно честным, в большинстве случаев он станет врать быстрее, чем мчащаяся галопом лошадь. — Мой кошелек на комод в спальне. В нем чуть больше восьмидесяти долларов. На каминной полке керамический чайник...

Он показал. Мистер Синий повернул голову, мистер Желтый — нет. Мистер Желтый с улыбкой изучающе смотрел на Ротстайна, его глаза весело поблескивали из-под балаклавы. *Не срывается*, подумал Ротстайн, но отступить не хотел. Теперь, полностью проснувшись, он не только боялся — он кипел от злости, хотя понимал, что показывать этого нельзя.

— Там я держу деньги на расходы по дому, пятьдесят или шестьдесят долларов. Больше тут нет ни цента. Забирайте их и уходите.

— Гребаное брехло, — фыркнул мистер Синий. — Денег у тебя гораздо больше, дедун. Мы знаем. Поверь мне.

И тут, словно это был спектакль и последняя фраза служила сигналом, из кабинета донесся голос мистера Красного:

— Бинго! Нашел сейф! Большой!

Ротстайн знал, что мужчина в красной маске найдет сейф, но сердце у него все равно упало. Глупо держать в доме наличные только потому, что он не любил кредитные карты, чеки, облигации и прочие финансовые инструменты, все эти золотые цепи, которыми приковывают людей к самой сокрушительной американской машине уничтожения, работавшей по принципу займи-и-потрать. Но наличные могли стать его спасением. Наличные он

мог заменить. А вот записные книжки, числом более ста пятидесяти, — нет.

— Теперь шифр. — Мистер Синий щелкнул затянутыми в перчатку пальцами. — Выкладывай.

От распивавшей его злости Ротстайн едва не отказался — не зря Иоланта говорила, что его жизненная позиция всегда строилась на злости («Наверняка ты был таким же даже в своей проклятой колыбели», — говорила она), — но он устал и боялся. Если бы он уперся, они силой выбили бы из него шифр. Дело могло дойти до еще одного инфаркта, который он едва ли переживет.

— Если я назову вам шифр, вы возьмете деньги и уйдете?

— Мистер Ротстайн, — произнес мистер Желтый с, казалось бы, искренней (и потому гротескной) добротой, — вы не в том положении, чтобы торговаться. Фредди, сходи за сумками.

На Ротстайна дунуло ледяным воздухом, когда мистер Синий, он же Фредди, вышел через дверь кухни. Мистер Желтый тем временем продолжал улыбаться. Ротстайн уже терпеть не мог эту улыбку. Эти алые губы.

— Давай, гений, колись. Быстрее начнешь, быстрее закончишь.

Ротстайн вздохнул и продиктовал шифр, открывавший замок сейфа «Гардолл», вмонтированного в заднюю стенку шкафа:

— Три — два поворота влево, тридцать один — два поворота вправо, восемнадцать — поворот влево, девяносто девять — поворот вправо, потом на ноль.

Алые губы за маской разошлись шире, обнажив зубы.

— Я бы мог догадаться. Твой день рождения.

И пока Желтый выкрикивал шифр мужчине, стоявшему у сейфа в шкафу, Ротстайн пришел к крайне неприятным выводам. Мистера Синего и мистера Красного интересовали исключительно деньги. Мистер Желтый тоже мог получить свою долю, но Ротстайн не верил, что деньги — главная цель человека, который называл его

гением. Словно в подтверждение этих мыслей, мистер Синий вернулся, принес с собой еще один порыв ледяного воздуха. Он притащил четыре пустые дорожные сумки. Они висели на его плечах, по две на каждом.

Из кабинета донесся крик мистера Красного:

— Святой Боже, Морри! Мы сорвали банк! Матерь Божья, тут прорва денег! В банковских конвертах! Их десятки!

Как минимум шестьдесят, мог бы сказать Ротстайн, может, и восемьдесят. С четырьмя сотнями долларов в каждом. От Арнольда Абеля, моего нью-йоркского бухгалтера. Дженни обналичивает чеки и привозит деньги в конвертах, а я кладу их в сейф. Только расходов у меня мало, потому что крупные счета Абель оплачивает из Нью-Йорка. Время от времени я даю чаевые Дженни, на Рождество — почтальону, но по другим поводам наличные трачу редко. Эта история с конвертами тянется долгие годы, и почему? Арнольд никогда не спрашивает, что я делаю с деньгами. Может, думает, что ко мне приезжает девушка по вызову, а то и две. Может, думает, что я играю на ипподроме в Рокингэме.

Но есть один забавный момент, мог бы сказать он мистеру Желтому (также известному как Морри), *я сам себя* никогда об этом не спрашивал. Не спрашивал и о том, почему я продолжаю списывать одну записную книжку за другой. Что-то ты просто *делаешь*, без всяких вопросов.

Он *мог* бы все это сказать, но молчал. Не потому, что мистер Желтый его бы не понял. Наоборот, алогубая улыбка свидетельствовала о том, что он как раз поймет.

Но пропустит мимо ушей.

— Что там еще? — крикнул мистер Желтый, по-прежнему не отрывая взгляда от Ротстайна. — Коробки? Коробки для рукописей? Того размера, как я тебе говорил?

— Никаких коробок, только записные книжки, — доложил мистер Красный. — Гребаный сейф набит ими.

Мистер Желтый улыбнулся, глядя в глаза Ротстайну:

— Пишешь от руки? Ты так это делаешь, гений?

— Пожалуйста, — взмолился Ротстайн, — оставьте их. Этот материал не предназначен для чужих глаз. Там нет ничего завершенного.

— И никогда не будет, вот что я думаю. Естественно, ты же у нас великий барахольщик. — Веселый блеск глаз (ирландский блеск, подумал Ротстайн) исчез. — Да и зачем, если нет нужды публиковать что-то еще? Никакой *финансовой необходимости*. Ты получаешь гонорары с «Бегуна». И со второй книги — «Бегун берет разгон». И с третьей — «Бегун сбрасывает темп». Знаменитая трилогия о Джимми Голде. Всегда на полках магазинов. Изучается в колледжах всей нашей великой страны. Спасибо клике преподавателей литературы, которые уверены, что до тебя и Сола Беллоу остальным как до луны. Поток студентов-выпускников, покупающих твои книги, не иссякает. У тебя все устоялось, верно? Зачем идти на риск и публиковать что-то еще? А вдруг появится вмятина на сверкающей золотом репутации? Ты можешь позволить себе спрятаться здесь и прикинуться, будто остального мира не существует. — Мистер Желтый покачал головой. — Мой друг, благодаря тебе у термина «анальная фиксация» появилось совершенно новое значение.

Мистер Синий все еще топтался в дверях:

— Что мне делать, Морри?

— Иди к Кертису. Запакуйте все. Если в сумках не хватит места для всех записных книжек, найдите что-нибудь. Даже у такой домашней крысы, как он, должен быть хотя бы один чемодан. Не теряйте времени на пересчет денег. Я хочу, чтобы мы смылись отсюда как можно быстрее.

— Ладно. — И мистер Синий — Фредди — отбыл.

— Не делайте этого. — Ротстайн ужаснулся дрожи в собственном голосе. Иногда он забывал о возрасте, но не в эту ночь.

Мужчина, которого звали Морри, наклонился к нему, серо-зеленые глаза изучали старика сквозь прорези в желтой балаклаве.

— Я хочу кое-что узнать. Если получу честный ответ, может, мы оставим записные книжки. Будешь честен со мной, гений?

— Я попытаюсь, — ответил Ротстайн. — Кстати, я никогда так себя не называл. Это журнал «Тайм» назвал меня гением.

— Но и протеста ты не заявлял, верно?

Ротстайн промолчал. Сукин сын, думал он. Ехидный сукин сын. Ты ничего не оставишь, правда? Что бы я тебе ни сказал.

— Так вот что я хочу знать. Почему, во имя Господа, ты не мог оставить Джимми Голда в покое? Что заставило тебя ткнуть его лицом в грязь?

Такого вопроса он не ожидал и поначалу даже не понял, о чем говорит Морри, хотя Джимми Голд являлся самым знаменитым персонажем Ротстайна, и если его и будут помнить в веках, то именно за Джимми Голда. В той же статье «Тайм», где Ротстайн проходил как гений, Джимми Голда называли «американской иконой отчаяния в стране изобилия». Конечно, чушь собачья, но продажи возросли.

— Если хотите сказать, что мне следовало остановиться на «Бегуне», вы в этом не одиноки. — Почти не одиноки, мог бы добавить он. Продолжение первого романа, «Бегун берет разгон», укрепило его репутацию серьезного американского писателя, а третий роман, «Бегун сбрасывает темп», стал краеугольным камнем карьеры: бессчетные похвалы критиков, шестьдесят две недели в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». И Национальная книжная премия, пусть он и не пришел на ее вручение. «“Илиада” послевоенной Америки» — так оценили его труд, имея в виду не только последний роман, но и трилогию в целом.

— Я не говорю, что тебе следовало остановиться на «Бегуне», — ответил Морри. — «Бегун берет разгон» ничуть не хуже, может, даже лучше. Они *правдивые*. Я про последнюю. Это какая-то ярмарка лжи. Реклама? Я серьезно, *реклама*?

От следующего движения мистера Желтого у Ротстайна перехватило горло, а живот словно наполнился свинцом. Медленно, почти задумчиво налетчик стянул с головы желтую балаклаву, и перед Ротстайном предстал типичный молодой ирландец из Бостона: рыжие волосы, зеленоватые глаза, белоснежная кожа, которая всегда обгорает на солнце. Плюс эти странные алые губы.

— Дом в *пригороде*? «Форд»-седан на *подъездной дорожке*? Жена и двое *малолетних детей*? Купить можно любого, ты это пытался сказать? Все проглатывают ядовитую наживку?

— В записных книжках...

В записных книжках еще два романа про Джимми Голда, которые замыкают круг, вот что он хотел сказать. В первом Джимми видит пустоту жизни в пригороде и бросает семью, работу, уютный дом в Коннектикуте. Уходит на своих двоих, только с рюкзаком за плечами и в одежде, которая на нем. Становится повзрослевшей версией подростка, исключенного из школы, отвергнутого своей меркантильной семьей и вступившего в армию после одного пьяного уик-энда в Нью-Йорке.

— Что в записных книжках? — спросил Морри. — Давай, гений, выкладывай. Скажи, почему тебе пришлось сбить его с ног и потоптаться на его затылке.

В романе «Бегун уходит на Запад» он *вновь становится самим собой*, хотелось сказать Ротстайну. *Уникальной личностью*. Да только мистер Желтый показал лицо, а теперь еще и доставал пистолет из правого наружного кармана клетчатой куртки. Мистер Желтый выглядел опечаленным.

— Ты создал одного из величайших персонажей американской литературы, а потом обосрал его. Человек, который так поступил, не заслуживает жизни.

Злость прорвалась наружу, удивив самого Ротстайна.

— Если ты так думаешь, значит, не понял ни слова из написанного мной, — отчеканил старик.

Морри нацелил пистолет. Ствол, казалось, смотрел на Ротстайна черным глазом.

В ответ старик ткнул в Морри скрюченным артритом пальцем и с удовлетворением увидел, как молодой ирландец моргнул и подался назад.

— И не нужна мне твоя дебильная литературная критика. Я ее наслушался задолго до твоего рождения. Сколько тебе? Двадцать два? Двадцать три? Что ты знаешь о жизни, не говоря уж о литературе?

— Достаточно, чтобы утверждать: купить можно не всех. — Ротстайн удивленно смотрел, как ирландские глаза наполняются слезами. — Не тебе учить меня жизни, особенно после двадцати лет, которые ты прятался от мира, как крыса в норе.

Давний упрек — как ты *посмел* покинуть вершину славы? — превратил распирившую Ротстайна злость в слепую ярость (знакомую и Пегги, и Иоланте; эта ярость заставляла его бить посуду и ломать мебель), и он обрадовался. Лучше умереть в ярости, чем сжавшись в комок и моля о пощаде.

— Как ты собираешься превратить мой труд в наличные? Ты об этом подумал? Предполагаю, что да. Предполагаю, ты считаешь, что с тем же успехом мог бы попытаться продать украденную записную книжку Хемингуэя или картину Пикассо. Но твои дружки не такие образованные, как ты, да? Это видно по их речи. Им известно то, что известно тебе? Очевидно, нет. Но ты запудрил им мозги. Поманил большущим пирогом и пообещал, что каждый получит свой кусок. Думаю, ты на это способен.

Думаю, в твоём распоряжении целое озеро слов. Но я верю, что озеро это не из глубоких.

— Заткнись. Ты похож на мою мать.

— Ты обыкновенный вор, друг мой. И это глупо, воровать то, что ты никогда не сможешь продать.

— Заткнись, гений, я предупреждаю тебя.

Ротстайн подумал: допустим, он нажмет на спусковой крючок. Больше никаких таблеток. Никаких сожалений о прошлом и череде порушенных взаимоотношений, оставшихся на обочине жизни, как разбитые автомобили. Может, получить пулю в голову не так и плохо. Лучше рака или Альцгеймера, главного кошмара любого, кто зарабатывает на жизнь умственным трудом. Конечно, будут заголовки на первых полосах, их хватало даже до той чертовой статьи в «Тайм»... но если он нажмет на спусковой крючок, мне не придется их читать.

— Ты *глуп*, — продолжил Ротстайн. Внезапно его охватил экстаз. — Ты считаешь себя умнее тех двоих, но это не так. По крайней мере они понимают, что наличные можно потратить. — Он наклонился вперед, всматриваясь в бледное веснушчатое лицо. — Знаешь, что я тебе скажу, малыш? Именно из-за таких парней, как ты, читать стало считаться зазорным.

— Последнее предупреждение, — процедил Морри.

— Насрать мне на твоё предупреждение. И на твою мать. Или пристрели меня, или проваливай из моего дома.

Моррис Беллами пристрелил его.

2009 ГОД

Первая ссора из-за денег в доме Зауберсов — первая, которую подслушали дети, — произошла одним апрельским вечером. Не такая уж серьезная, но самые разрушительные ураганы начинаются с легкого ветерка. Питер и Тина Зауберс находились в гостиной. Питер делал уроки, Тина смотрела диск с мультфильмами про Губку Боба. Этот диск она уже видела не один раз, но с удовольствием смотрела снова и снова. К счастью для всех, потому что в доме Зауберсов канал «Картун нетворк» отсутствовал. Два месяца назад Том Зауберс отказался от подписки на кабельное телевидение.

Том и Линда Зауберс были на кухне, где Том застегивал старый рюкзак, груженный протеиновыми батончиками, пластиковым контейнером с нарезанными овощами, двумя бутылками воды и банкой колы.

— Ты чокнутый, — выговаривала ему Линда. — Нет, я всегда знала, что у тебя плохо с головой, но это уже новый уровень. Если бы ты поставил будильник на пять утра, я бы не возражала. Ты заехал бы за Тоддом, прибыл к Городскому центру к шести и все равно оказался бы первым в очереди.

— Если бы, — ответил Том. — Тодд говорит, что такая же ярмарка вакансий в прошлом месяце проводилась в Брук-парке, так люди начали занимать очередь за сутки. *За сутки, Лин!*

— Тодд много чего говорит. А ты слушаешь. Помнишь, как Тодд сказал, что Питу и Тине очень *понравится* «Шоу грузовиков-монстров»...

— Это не «Шоу грузовиков-монстров», и не концерт в парке, и не фейерверк. Это наша *жизнь*.

Пит оторвался от домашнего задания и на мгновение встретился взглядом с младшей сестрой. Тина красноречиво пожалала плечами: *Родители — ничего не напишешь*. Пит вернулся к алгебре. Еще четыре примера, и он сможет пойти к Хауи. Посмотреть, нет ли у Хауи новых комиксов. У Пита их точно не было. Деньги на его карманные расходы постигла та же участь, что и кабельное телевидение.

Том закружил по кухне. Линда подстроилась под мужа, нежно взяла его за руку.

Она заговорила тихо, отчасти чтобы дети не услышали и не разволновались (Пит уже начал тревожиться, она это знала), но в первую очередь — чтобы снять напряжение. Она знала, что чувствовал Том, и искренне за него переживала. Страх — это плохо, но попасть в унижительное положение еще хуже, а именно это, по мнению Тома, с ним и произошло, поскольку он больше не мог выполнять свою первейшую обязанность: содержать семью. И унижительное положение, пожалуй, не в полной мере отражало ситуацию. Тома донимал стыд. Десять лет он проработал в риелторском агентстве «Лейк-фронт риелти», постоянно входил в число лучших сотрудников, обеспечивавших максимальные продажи, зачастую его фотография висела на доске почета агентства. И деньги, которые зарабатывала Линда, преподававшая в третьем классе, тянули лишь на глазурь на торте Тома. Потом, осенью 2008 года, экономика отправилась под откос, и Зауберсы перешли в ряд семей с одним кормильцем.

Причем Тома не просто сократили с тем, чтобы вернуть назад, как только дела пойдут на поправку. Риелторское агентство «Лейк-фронт риелти» превратилось в пустую бетонную коробку с исписанными граффити стенами и таб-

личкой «ПРОДАЖА ИЛИ АРЕНДА» на входной двери. Братья Риардон, унаследовавшие бизнес своего отца (который пошел по стопам своего), активно инвестировали в акции и потеряли практически все, когда котировки обвалились. Линду не утешало, что лучший друг Тома, Тодд Пейн, оказался в той же лодке. Линда считала Тодда болваном.

— Ты слышал прогноз погоды? Я — да. Похолодает. К утру с озера наползет туман, возможно, пойдет ледяной дождь. *Ледяной дождь*, Том.

— Хорошо. Я надеюсь, так и будет. Число жаждущих получить работу уменьшится, и наши шансы возрастут. — Он сжал ее руки, но мягко. Никто никого не тряс, никто не кричал. Пока. — Я должен получить работу, Лин, и завтрашняя ярмарка вакансий — мой лучший шанс этой весной. Я уже все ноги истоптал...

— Я знаю...

— И *ничего*. Полный *ноль*. Да, несколько вакансий в доках, на строительстве торгового центра рядом с аэропортом, но ты можешь представить меня на этой работе? Для нее мне надо сбросить тридцать фунтов и двадцать годков. Этим летом я смогу подыскать что-нибудь в деловом районе... получу место клерка, если дела пойдут чуть лучше... но работа будет низкооплачиваемая и наверняка временная. Поэтому мы с Тоддом поедем в полночь, простоим в очереди до открытия дверей, и я обещаю, что вернусь с работой, за которую платят реальные деньги.

— И, вероятно, с инфекцией, которую мы все от тебя подхватим. После чего нам придется ужать расходы на продукты, чтобы оплачивать медицинские счета.

Тут он действительно начал злиться на нее.

— Я бы не отказался от поддержки.

— Том, ради Бога. Я *пытаюсь*...

— Могла бы назвать меня молодцом. «Самое время проявить инициативу, Том. Мы так рады, что ты стараешься ради семьи, Том!» Что-нибудь эдакое. Не думаю, что прошу слишком многого.

— Я лишь говорю...

Но кухонная дверь открылась и закрылась до того, как она закончила фразу. Том вышел на заднее крыльцо, чтобы выкурить сигарету. Когда Пит поднял голову, вновь оторвавшись от алгебры, он увидел печаль и тревогу на лице Тины. Помня, что ей всего восемь, Пит улыбнулся и подмигнул сестре. Она нерешительно улыбнулась в ответ и нырнула обратно в подводное королевство Бикини-Боттом, где отцы не теряют работу и не повышают голоса, а детям исправно дают деньги на карманные расходы. Плохим, конечно, нет, но хорошим точно дают.

Прежде чем уехать, Том отнес дочь в постель и поцеловал, пожелав спокойной ночи. Поцеловал и Миссис Бисли, любимую куклу Тины. На удачу, сказал он.

— Папуля? Все будет хорошо?

— Даже не сомневайся, милая. — Она это запомнила. Уверенность в его голосе. — Все будет очень хорошо. А теперь спи. — И он ушел, шагая как любой нормальный человек. Тина запомнила и это, потому что больше никогда не видела, чтобы он ходил нормально.

На вершине крутого подъема, ведущего от Мальборо-стрит к автомобильной стоянке Городского центра, Том воскликнул:

— Ух ты! Притормози, нет, остановись!

— Слушай, за мной автомобили, — возразил Тодд.

— Только на секунду. — Том поднял мобильник и сфотографировал людей, стоявших в очереди. Сотню, никак не меньше. Над дверьми висел транспарант: «**1000 РАБОЧИХ МЕСТ ГАРАНТИРОВАНА**». И «*Мы поддерживаем жителей нашего города!* **МЭР РАЛЬФ КИНСЛЕР**». Позади ржавого «субару» Тодда Пейна кто-то нетерпеливо засигналил.

— Томми, мне не хочется обламывать тебе кайф, когда ты стремишься запечатлеть это удивительное событие, но...

— Поезжай, поезжай, я уже, — ответил Том и добавил, когда Тодд въехал на автостоянку, где все ближайшие к зданию парковочные места уже разобрали: — Мне не терпится показать эту фотку Линде. Знаешь, что она сказала? Если приедем к шести утра, будем первыми в очереди.

— Я же говорил, старина. Тоддстер никогда не лжет. — Он припарковал автомобиль. Двигатель «субару» перднул, кашлянул и затих. — К рассвету здесь будет пара тысяч человек и телевидение. Все программы. «Город на заре», «Утренний отчет», «Городской дозор». У нас могут взять интервью.

— Мне хватит и работы.

В одном Линда оказалась права: ночь выдалась сырой. В воздухе чувствовался запах озера — едва заметная канализационная вонь. И температура так упала, что Том видел образующиеся при дыхании облачка пара. Между заранее расставленными стойками были натянуты желтые ленты с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ», разделявшие соискателей рабочих мест и делавшей толпу людей похожей на меха аккордеона. Том и Тодд разместились между последними стойками, и за ними тут же начали вставать другие люди, главным образом мужчины, некоторые в толстых флисовых куртках, какие обычно носили рабочие, кто-то в деловых пальто и с деловыми прическами, которые, правда, уже начали терять прежний лоск. Том предположил, что на заре, за четыре часа до открытия ярмарки, очередь протянется до дальнего края автостоянки.

Взгляд Тома остановился на женщине с младенцем. Она стояла в паре зигзагов впереди. Том задался вопросом, до какой степени отчаяния надо дойти, чтобы с младенцем на руках проводить под открытым небом такую сырую и холодную ночь. Ребенок сидел на груди у матери в слинге. Женщина говорила с крепким парнем, у которого на плече висел спальник, и младенец переводил взгляд с одного на другого, словно самый маленький в мире теннисный болельщик. Это выглядело весьма забавно.

— Хочешь согреться, Томми? — Тодд достал из рюкзака пинтовую бутылку виски «Беллс» и протянул ему.

Том уже собрался отказаться, памятуя последнюю фразу Линды: *И не смей возвращаться домой с запахом перегара, мистер*, — но бутылку взял. В такой холод глоток спиртного никак не мог повредить. Он почувствовал, как виски стекает вниз, согревая горло и желудок.

Надо будет прополоскать рот перед тем, как садиться за стол работодателя, напомнил он себе. Человека, от которого разит виски, не наймут ни на какую работу.

Когда Тодд предложил ему повторить — примерно около двух часов ночи, — Том отказался. Но после следующего предложения, в три часа, бутылку взял. Взглянул на уровень оставшегося виски и понял, что Тоддстер активно боролся с холодом.

«Почему нет?» — подумал Том и на этот раз глотнул от души.

— Вот и умница, — прокомментировал Тодд, язык у него уже начал немного заплетаться. — Дай волю своей темной стороне.

Охотники за работой продолжали прибывать, их автомобили, скрытые густым туманом, в реве двигателей поднимались с Мальборо-стрит. Очередь давно выплеснулась за стойки, и ее зигзаги распрямились. Том полагал, что понимает экономические трудности, которые переживала страна — разве он сам не потерял работу, очень хорошую работу? — но по мере того как автомобили подъезжали и подъезжали, а очередь удлинялась и удлинялась (конца он уже не видел), возникла и начала набирать силу новая пугающая идея. Может, слово *трудности* не в полной мере отражало сложившуюся ситуацию? Может, ей больше соответствовало другое слово — *катастрофа*?

Справа от него, в лабиринте стоек и лент, заплакал ребенок. Том огляделся и увидел, что мужчина со спальником держит края слинга, чтобы женщина (Господи, подумал Том, ей, похоже, нет и двадцати) могла вытащить малыша.

— Чё это за хрень? — Язык Тодда заплетался все сильнее.

— Ребенок, — ответил Том. — Женщина с ребенком.
Девушка с ребенком.

Тодд присмотрелся.

— О Иисус! Я считаю, это беза... это бесо... это безответственно.

— Ты пьян? — Линда недолюбливала Тодда, не видела в нем ничего хорошего, и сейчас Том разделял ее мнение.

— Чуть-чуть. Буду в норме, когда откроются двери. И мятные пастилки у меня есть.

Том подумал, а не спросить ли Тоддстера, не прихватил ли тот с собой визин (его глаза заметно покраснели), но решил, что такая дискуссия ему ни к чему. Вновь посмотрел в ту сторону, где стояла женщина с плачущим малышом. Поначалу ему показалось, что они ушли. Потом он опустил глаза и увидел, как она, прижимая к груди ребенка, заползает в спальный мешок крепкого мужчины. Тот ей помогал. Младенец орал благим матом.

— Неужели нельзя заткнуть ребенку рот? — крикнул какой-то мужчина.

— Кто-нибудь, вызовите службу социальной защиты, — добавила женщина.

Том подумал о Тине в столь нежном возрасте, представил ее здесь в эти холодные и туманные предрассветные часы и подавил желание предложить мужчине и женщине заткнуться... а еще лучше, прийти на помощь. В конце концов, все они оказались в одной лодке, так? Их всех помяла жизнь, им всем в одинаковой степени не повезло.

Крики затихли, потом смолкли.

— Наверное, она ее кормит, — предположил Тодд и сжал грудь, показывая, как это делается.

— Да.

— Томми?

— Что?

— Ты знаешь, что Эллен тоже потеряла работу?

— Господи, *нет*. Впервые слышу. — Он прикинулся, что не видит страха на лице Тодда. Не видит поблескивав-

ших влагой глаз. Возможно, причина была в холоде или спиртном. А может, и нет.

— Ее снова обещали взять, когда ситуация улучшится, но то же самое говорили и мне, а я уже полгода без работы. Я обналичил свою страховку. От нее не осталось ни цента. И знаешь, сколько у нас денег в банке? Пятьсот долларов. А как долго можно прожить на пятьсот долларов, если батон хлеба в «Крогере» стоит бакс?

— Недолго.

— Ты чертовски прав — недолго. Я должен здесь что-то получить. *Должен.*

— Ты получишь. Мы оба получим.

Тодд посмотрел на здоровяка, который теперь вроде бы охранял спальник, чтобы никто случайно не наступил на женщину и ребенка, находившихся внутри.

— Думаешь, они женаты?

Том об этом не задумывался. Теперь прикинул:

— Возможно.

— Тогда они оба безработные. Иначе один из них остался бы дома с ребенком.

— А может, они думают, что младенец повысит их шансы, — предположил Том.

Тодд широко улыбнулся.

— Надавить на жалость! Недурная идея! — Он протянул Тому виски: — Глотнешь?

Том сделал маленький глоток, думая: «Если не выпью я, Тодд выпьет все».

Из алкогольной дремы Тома вырвал громкий крик: «На других планетах открыта жизнь!» Шутка вызвала смех и аплодисменты.

Том огляделся и увидел дневной свет. Только нарождающийся, затуманенный, но все равно дневной свет. За дверями Городского центра мужчина в сером комбинезоне — работающий мужчина, счастливчик — пересекал вестибюль с ведром в руке.

— Кто это? — спросил Тодд.

— Никто, — ответил Том. — Уборщик.

Тодд посмотрел в сторону Мальборо-стрит.

— Господи, они все подъезжают.

— Да, — кивнул Том, подумав: «Послушай я Линду, сейчас мы стояли бы в конце этой очереди, которая растянулась на полпути до Кливленда». Эта мысль ему понравилась, всегда приятно видеть доказательство собственной правоты, но он сожалел, что прикладывался к бутылке Тодда. Во рту словно кошки насрали. Нет, он никогда не *пробовал* кошачье дерьмо, но...

Кто-то в паре зигзагов от него — недалеко от спального мешка — спросил:

— Это же «бенц?» Выглядит как «бенц».

Том увидел длинный корпус у въезда на автостоянку, на вершине подъема с Мальборо-стрит. Желтые противотуманные фары сверкали. Автомобиль не двигался: просто стоял.

— И что это он делает? — спросил Тодд.

Водитель автомобиля, следующего за «мерседесом», вероятно, задался тем же вопросом, потому что нажал клаксон: протяжный недовольный гудок заставил людей вздрогнуть, вскрикнуть, оглянуться. Еще мгновение машина с желтыми противотуманными фарами стояла на месте, а потом рванула вперед. Не влево, на заполненную почти под завязку стоянку, а прямо на людей, зажатых между лентами и стойками.

— Эй! — крикнул кто-то.

Толпа в едином порыве качнулась назад. Тома швырнуло на Тодда, который плюхнулся на пятую точку. Том пытался удержаться на ногах, и ему это почти удалось, но тут мужчина, стоявший перед ним — кричащий, нет, *воплящий*, — угодил задом ему в промежность, а локтем — в грудь. Том свалился на своего друга, услышал, как разбилась бутылка «Беллса», до его ноздрей долетел резкий запах виски, вытекшего на асфальт.

Он успел подняться на ноги, чтобы увидеть, как автомобиль — действительно «мерседес», большой седан, серый, как и это туманное утро, — врезался в толпу, по пути раскидывая людей, описывая пьяную дугу. Кровь капала с радиаторной решетки. Женщина упала на капот, выставив вперед руки, с ее ног слетели туфли. Она ударила ладонями по стеклу, попыталась схватиться за дворник, промахнулась, свалилась куда-то вбок. Рвались желтые ленты с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ». Стойка звякнула о борт седана, ни на йоту не замедлив его продвижение вперед. Том увидел, как передние колеса переехали спальник и крепкого мужчину, присевшего над ним на корточки, выставившего руку, словно защищая его.

Теперь «мерседес» надвигался на Тома.

— Тодд! — закричал он. — Тодд, *поднимайся!*

Он попытался найти руки Тодда, схватил одну, потянул. Кто-то врезался в него, и он вновь упал на колени. Он слышал двигатель машины-убийцы, ревущий на максимальных оборотах. Очень близко. Попытался отползти, чья-то нога ударила его в висок. Перед глазами вспыхнули звезды.

— Том! — Тодд оказался позади него. Как такое могло произойти? — Том, что за *хрень?*

На него упало тело, за которым последовало что-то еще, невероятно тяжелое, давящее, грозящее размазать по земле. Бедренные кости хрустнули, словно сухие косточки индейки. Потом давящая тяжесть исчезла. Ей на смену пришла боль.

Том попытался поднять голову и сумел продержать ее над мостовой достаточно долго, чтобы увидеть задние огни, растворяющиеся в тумане. Увидел он и осколки стекла от разбитой бутылки. Увидел и распростертого на асфальте Тодда. Из его головы текла кровь, собираясь в лужу. Алые следы протекторов уходили в туманный полумрак.

Линда была права, подумал Том. Ему следовало остаться дома.

«Я умираю, — подумал он, — и, может, оно и к лучшему. Потому что в отличие от Тодда Пейна я не обналичил свою страховку. Хотя, — подумал он, наверное, обналичил бы, если бы заставила нужда».

Потом пришла тьма.

Когда сорок восемь часов спустя Том Зауберс очнулся на больничной койке, Линда сидела рядом и держала его за руку. Том спросил, будет ли он жить. Она улыбнулась. Сжала его руку и ответила: да, точно.

— Я парализован? Скажи мне правду?

— Нет, дорогой, но у тебя множество переломов.

— А Тодд?

Она отвела взгляд, прикусила губу.

— Он в коме, но врачи думают, что рано или поздно он из нее выйдет. Об этом свидетельствуют его мозговые волны или что-то такое.

— Там был автомобиль, я не смог увернуться.

— Я знаю. Не только ты. За рулем сидел какой-то безумец. Его не поймали, во всяком случае, пока.

На водителя «мерседеса» Тому было наплевать. Он обрадовался, что его не парализовало, но...

— Насколько серьезные у меня травмы? Только честно.

Она встретила с ним взглядом, но сразу отвела глаза. Снова уставилась на открытки с пожеланием скорейшего выздоровления на прикроватном столике.

— Ты... ну... пройдет немало времени, прежде чем ты сможешь ходить.

— Сколько?

Она подняла его руку, всю в ссадинах, и поцеловала.

— Они не знают.

Том Зауберс закрыл глаза и заплакал. Линда какое-то время слушала, а потом, не выдержав, наклонилась и начала нажимать кнопку морфинового насоса. Нажимала и нажимала, пока машина не перестала впрыскивать лекарство. К тому времени Том уже спал.

1978 ГОД

Моррис достал одеяло с верхней полки стенного шкафа в спальне и укрыл Ротстайна. Тот со снесенной макушкой распростерся на кресле. Мозги, породившие Джимми Голда, Эмму, сестру Джимми, родителей Джимми, поглощенных собой, почти спившихся, — не отличимых от родителей самого Морриса, подсыхали на обоях. Случившееся не потрясло Морриса до глубины души, но порядком удивило. Он ожидал увидеть немного крови, дыру между глаз, но никак не мощный фонтан ошметков плоти и осколков костей. Все дело в отсутствии богатого воображения, предположил он. Вот почему он мог *читать* гигантов современной американской литературы — читать и оценивать, — но никогда не *станет* одним из них.

Фредди Доу вышел из кабинета. На его плечах висели туго набитые дорожные сумки. Кертис тащился за ним, склонив голову, с пустыми руками. Внезапно он ускорился, проскочил мимо Фредди, метнулся на кухню. Хлопнула раскрывшаяся дверь черного хода, ветер ударил ее о стену, донеслись характерные звуки: Кертиса рвало.

— Его стало мутить, — ввернул Фредди. Он всегда озвучивал очевидное.

— Ты в порядке? — спросил Моррис.

— Да. — Фредди вышел через парадную дверь не оглянувшись, остановился, чтобы подхватить монтажный лом, прислоненный к креслу-качалке на переднем крыльце.

Они собирались вломиться в дом, но хозяин не запер парадную дверь. Как и кухонную. Ротстайн, похоже, целиком и полностью надеялся на сейфовый замок. Вот тебе и недостаток воображения.

Моррис прошел в кабинет, увидел письменный стол Ротстайна, на котором царил идеальный порядок, пишущую машинку под чехлом. Посмотрел на фотографии на стене. Здесь были обе бывшие жены, смеющиеся, молодые и прекрасные, одетые и причесанные по моде пятидесятых годов. Любопытный факт: Ротстайн держал своих бывших там, где мог смотреть на них, когда писал, но Моррис не располагал временем, чтобы подумать об этом; он не успевал даже ознакомиться с содержимым ящиков стола писателя, хотя и очень хотелось. Хотя был ли в этом смысл? Записные книжки он заполучил. То есть завладел *мыслями* писателя. Всем, что тот написал за восемнадцать лет, которые не публиковался.

Фредди, конечно, сразу забрал все конверты с деньгами (естественно, Фредди и Кертиса заботили только купюры), а вот записных книжек на полках сейфа еще хватало. Ротстайн отдавал предпочтение записным книжкам «Молескин» — такими пользовался Хемингуэй и такими мечтал пользоваться Моррис, находясь в исправительной колонии для малолетних преступников: тогда во взрослой жизни он видел себя писателем. Но в колонии Ривервью ему выдавали на неделю только пять листов толстой мягкой бумаги «Блю хорз». Едва ли их могло хватить для того, чтобы начать писать Великий американский роман. Попытки получить больше ни к чему не привели. Однажды он предложил Элкинсу, доверенному лицу интенданта, отсосать за десяток листов, но получил по морде. Забавно, с учетом того, что все девять месяцев, проведенных в колонии, его заставляли заниматься сексом безо всякого согласия, обычно на коленях и зачастую с собственными грязными трусами во рту.

Он не считал свою мать *полностью* ответственной за все эти изнасилования, но часть вины, безусловно, лежала на ней. Знаменитая Анита Беллами, профессор истории, чья книга о Генри Клее Фрике номинировалась на Пулитцеровскую премию. Настолько знаменитая, что считала, будто знает о современной американской литературе все. Именно спор о трилогии Голда заставил его в тот вечер выбежать из дома, в ярости и с твердым намерением напиться. Что он и сделал, хотя был несовершеннолетним и выглядел соответственно.

Спиртное действовало на Морриса не лучшим образом. Выпив, он творил вещи, о которых потом не помнил, и все его деяния были отвратительны. В тот вечер он угнал автомобиль, проник в чужой дом, устроил там погром и подрался с охранником, который пытался удержать его до приезда копов.

С тех пор прошло почти шесть лет, но воспоминания оставались четкими и ясными. Украсть автомобиль, покаяться на нем по городу и бросить (может, предварительно помочившись на приборную панель) — это одно. Глупо, конечно, но при удаче он мог бы выйти сухим из воды. Но залезть в дом в Шугар-Хайтс и устроить погром? Это уже глупость в квадрате. Он *ничего* не хотел брать в том доме. Во всяком случае, потом не мог ничего такого вспомнить. А когда он что-то действительно захотел? Когда предложил определенные услуги за несколько листов бумаги «Блю хорз»? Ему дали в морду. Он рассмеялся, поскольку так поступил бы Джимми Голд (по крайней мере до того, как вырос и продался за Золотой бакс). И что произошло потом? Ему вновь дали в морду, только сильнее. Глухой треск ломающегося носа заставил его заплакать.

Джимми не заплакал бы никогда.

Он с вождением смотрел на записные книжки «Молескин», когда Фредди Доу вернулся с двумя пустыми

дорожными сумками. Он также принес потрепанный кожаный саквояж.

— Нашел в кладовой. Вместе с миллионом банок фасоли и тунца. Станный тип. Может, ждал Акрополиса. Давай, Морри, пора трогаться. Кто-то мог услышать выстрел.

— Соседей нет. Ближайшая ферма в двух милях. Расслабься.

— В тюрьмах полно парней, которые расслабились. Нам надо сматываться отсюда.

Моррис начал перекладывать записные книжки в сумки, но не удержался и заглянул в одну. Ротстайн действительно был странноватым и вполне мог набить сейф пустыми записными книжками, думая, что в конце концов что-то в них напишет.

Но нет.

В этой по крайней мере страницы — сверху донизу, от левого края до правого с крошечными полями — заполняли маленькие, аккуратные буквы, написанные Ротстайном.

...не знал, почему для него это так важно и почему он не может спать, пока пустой вагон позднего товарного поезда везет его через забытую Богом сельскую глубинку к Канзас-Сити. Сонная земля расстилалась вокруг, плотно набитый живот Америки отдыхал под уютным одеялом ночи, но мысли Джимми постоянно возвращались к...

Фредди тряхнул его за плечо, сильно:

— Завязывай с этим и собирай вещи. Один уже блюет и ни на что не годен.

Моррис бросил записную книжку в дорожную сумку, потянулся в сейф за новыми, его переполняла радость. Он забыл о трупe под одеялом в гостиной, забыл о Кертисе Роджерсе, которого выворачивало на розы, или циннии, или петунии, или что там могло расти во дворе. Джимми

Голд! Едет на запад в пустом товарном вагоне. Ротстайн все-таки с ним не закончил!

— Сумки полные. — Он повернулся к Фредди. — Забирай их. Остальное я уложу в саквояж.

— Эта штука так называется?

— Думаю, да. — Он это знал. — Иди. Я почти закончил. Фредди закинул сумки на плечи, но не ушел.

— Ты уверен насчет этого? Ротстайн сказал...

— Он просто хотел спасти свою шкуру. Мог сказать что угодно. Иди.

Фредди ушел. Моррис переложил последние записные книжки в саквояж и вышел из стенного шкафа. Кертис стоял у стола Ротстайна. Он снял балаклаву — они все так сделали. Бледный как полотно, под глазами — черные круги.

— Чего ты его убил? Ты же *не собирался*. Мы так не договаривались. Зачем ты это сделал?

Потому что он выставил меня глупцом. Потому что обругал мою мать, а это позволено только мне. Потому что называл меня юнцом. Потому что его следовало наказать: он же превратил Джимми Голда в одного из *них*. Но прежде всего потому, что никто, обладающий таким талантом, не имел права прятаться от мира. Да только Кертис ничего этого бы не понял.

— Потому что после его смерти мы сможем продать эти записные книжки дороже. — Однако прежде он прочитает каждое слово, Кертис же никогда не понял бы, почему это так важно, да ему этого и не требовалось. Как и Фредди. И Моррис принялся терпеливо объяснять на доступном Кертису уровне: — Больше Ротстайн ничего не напишет. Поэтому неопубликованные материалы сразу возрастают в цене. Это понятно?

Кертис почесал бледную щеку.

— Ну... наверное... да.

— Опять же, он не заявит, что записные книжки — подделка. А мог бы, просто от злобы. Кертис, я много

прочитал о нем, почти все, и это был злющий сукин сын.

— Ну...

Моррис удержался и не сказал: «Это слишком сложно для такой пустой головы, как твоя». Вместо этого он протянул Кертису саквояж:

— Бери. И не снимай перчатки, пока мы не сядем в машину.

— Тебе следовало обсудить это с нами, Морри. Мы твои *напарники*. — Кертис двинулся к двери, потом повернулся к Моррису: — У меня вопрос.

— Какой?

— Ты не знаешь, в Нью-Хэмпшире есть смертная казнь?

Направляясь в Вермонт, они пересекали узкую трубу Нью-Хэмпшира по сельским дорогам. Фредди вел «шеви-бискейн». Старый и неприметный. Моррис сидел рядом с раскрытым атласом на коленях. Время от времени он включал потолочный фонарь, чтобы убедиться, что они не сбились с пути. Ему ни разу не пришлось напоминать Фредди, что нельзя превышать скорость. Фредди Доу не впервые уезжал с места преступления.

Кертис улегся на заднем сиденье, и скоро они услышали его храп. Моррис полагал, ему повезло: похоже, Кертис выблевал собственный ужас. Сам Моррис не сомневался, что пройдет еще немало времени, прежде чем он крепко проспит всю ночь. Перед мысленным взором постоянно возникали мозги, сползающие по обоям. Ему не давало покоя не само убийство, а расплесканный талант. Целая жизнь, потраченная на его шлифование и оттачивание, разлетелась в доли секунды. Все эти истории, все эти образы, а что вылезло наружу? Какая-то гуща, похожая на овсянку. Как же так?

— Так ты действительно думаешь, что мы сможем продать эти его книжонки? — снова спросил Фредди. — В смысле, дорого?

— Да.

— И не попадемся?

— Да, Фредди, я в этом уверен.

Фредди долго молчал, и Моррис уже решил, что тема закрыта. Но Фредди к ней вернулся. В двух словах. Сухих и невыразительных:

— Я сомневаюсь.

Позже, уже за решеткой — только на этот раз не в колонии для малолетних преступников, — Моррис подумает: «Именно тогда я решил убить их обоих».

Но иногда ночью, когда он не мог заснуть, а его задний проход горел после очередного изнасилования в душевой, он признавал, что это неправда. Он все знал с самого начала. Оба были туповаты. Оба рецидивисты. Рано или поздно (скорее рано) один попадется на чем-то, и у него появится искушение скостить срок или совсем его избежать, рассказав о другом, более тяжком преступлении.

«Я просто знал, что они должны исчезнуть, — думал он в темноте тюремного блока, когда плотно набитый живот Америки отдыхал под уютным одеялом ночи. — По-другому быть не могло».

В северной части штата Нью-Йорк, когда позади них заря только начала подсвечивать темную линию горизонта, они повернули на шоссе номер 92, которое тянулось практически параллельно автострате номер 90 до самого Иллинойса, где поворачивало на юг и терялось в промышленном городе Рокфорд. В этот час шоссе по большей части пустовало, хотя они слышали шум плотного транспортного потока (а иногда и видели автомобили) на автострате.

Они проехали щит «ЗОНА ОТДЫХА — 2 МИЛИ», и Моррис вспомнил «Макбет»: *«Если уж делать, то быстро»*. Возможно, цитата не совсем точная, но понятно, о чем речь.

— Сверни туда, — попросил он Фредди. — Мне надо отлить.

— Там, наверное, есть торговые автоматы, — подал голос блевун с заднего сиденья и сел. Его волосы были всклокочены. — Я бы не отказался от крекеров с арахисовым маслом.

Моррис понимал, что ничего не выйдет, если в зоне отдыха будут другие автомобили. Автострада номер 90 утонула на себя львиную долю транзитного транспорта, раньше пользовавшегося этой дорогой, но с рассветом на ней могли появиться местные, которые по-прежнему ездили по шоссе номер 92 из одного паршивого городишки в другой.

Однако зона отдыха пустовала, в немалой степени из-за щита на въезде, гласившего: «НОЧЬЮ НАХОДИТЬСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПРЕЩЕНО». Припарковавшись, они вышли из машины. На деревьях чирикали птицы, обсуждая прошедшую ночь и строя планы на грядущий день. Несколькими листьями (в этой части страны они только начали менять цвет) спланировали вниз и остались на асфальте.

Кертис пошел к торговым автоматам, а Моррис и Фредди бок о бок направились к мужскому туалету. Моррис не слишком нервничал. Возможно, старая поговорка соответствовала действительности: самый сложный раз — первый.

Он придержал дверь для Фредди одной рукой, а второй достал пистолет из кармана куртки. Фредди поблагодарил не оглядываясь. Моррис переступил порог, дал двери хлопнуться, потом поднял пистолет. Приставил дуло почти вплотную к голове Фредди и нажал спусковой крючок. В облицованной кафелем комнате выстрел прогремел громко, но издали могло показаться, что это мотоциклетная обратная вспышка на шоссе. В первую очередь Морриса тревожил Кертис.

Он мог бы и не волноваться. Кертис стоял перед торговыми автоматами под деревянным навесом с надписью «ПРИДОРОЖНЫЙ ОАЗИС». В одной руке он держал пакет крекеров с арахисовым маслом.

— Ты это слышал? — спросил он Морриса. Потом, увидев пистолет, с искренним недоумением поинтересовался: — А это тебе зачем?

— Для тебя, — ответил Моррис и выстрелил ему в грудь.

Кертис упал, но — как ни странно — не умер. Более того, похоже, он и *не собирался* умирать. Он корчился на земле. Опавший лист пролетел, кувыркаясь, перед его носом. Кровь начала вытекать из-под Кертиса. Он по-прежнему сжимал в руке упаковку крекеров. Посмотрел вверх, сальные черные волосы падали ему на глаза. По скрытому деревьями шоссе номер 92 мимо зоны отдыха проехал грузовик, держа путь на восток.

Моррис не хотел вновь стрелять в Кертиса, потому что здесь выстрел никак не мог сойти за обратную вспышку, да и в любую секунду в зону отдыха мог кто-то свернуть.

— «Если уж делать, то быстро», — процитировал он и опустил на колено.

— Ты меня подстрелил. — В срывающемся голосе Кертиса слышалось удивление. — Ты на хрен *подстрелил* меня, Морри!

Думая о том, как он ненавидел это прозвище — ненавидел всю жизнь, потому что так его звали даже учителя, а уж им-то следовало быть поумнее, — Моррис перехватил пистолет за ствол и принялся молотить рукояткой по голове Кертиса. Три сильных удара особого результата не принесли. Это был пистолет тридцать восьмого калибра, слишком легкий, чтобы разбить череп. Кровь начала сочиться из-под волос Кертиса, стекать по щекам. Он стонал, глядя на Морриса полными отчаяния синими глазами. Слабо махнул одной рукой.

— Прекрати, Морри! Прекрати, мне *больно*!

Дерьмо. Дерьмо, дерьмо, *дерьмо*.

Моррис убрал пистолет в карман. Рукоятка стала липкой от крови и волос. Он вернулся к «бискейну», вытирая руку о куртку. Открыл дверцу, увидел пустой замок зажигания, прошептал: «Твою мать». Как молитву.

По шоссе номер 92 проехали две легковушки, потом фургон «Ю-пи-эс».

Моррис подбежал к мужскому туалету, открыл дверь, опустился на колени, принялся обшаривать карманы Фредди. Ключи от автомобиля нашел в переднем левом. Поднялся и поспешил обратно к торговым автоматам, в полной уверенности, что в зону отдыха уже свернула легковушка или грузовик. Машин все прибавлялось, у кого-то из водителей могло возникнуть желание опорожнить мочевой пузырь от выпитого за завтраком кофе, и тогда ему придется убить этого человека, а может, и того, который подъедет следом. Перед мысленным взором возник образ сцепленных бумажных кукол.

Но пока зона отдыха пустовала.

Моррис сел за руль «бискейна», купленного законным образом, но с украденными номерными знаками штата Мэн. Кертис Роджерс медленно полз по бетонной дорожке, ведущей к туалетам, подтягивая себя руками, слабо отталкиваясь ногами и оставляя тонкий кровавый след. Моррис не мог знать этого наверняка, но предположил, что Кертис пытается добраться до телефона-автомата, который висел на стене между мужским и женским туалетами.

Ничего такого не планировалось, думал Моррис, заводя двигатель. Он действовал под влиянием момента, и теперь скорее всего его поймают. Из памяти выплыли предсмертные слова Ротстайна: *Сколько тебе? Двадцать два? Двадцать три? Что ты знаешь о жизни, не говоря уж о литературе?*

— Я знаю, что не продаюсь, — сказал он. — Это я точно знаю.

Он включил передачу, и «бискейн» медленно покатился к человеку, ползшему по бетонной дорожке. Моррис хотел выбраться отсюда, его разум кричал, требуя, чтобы он выбрался отсюда, но оставалось одно дельце, требовавшее аккуратности.

Кертис оглянулся, его глаза за спутанными грязными волосами округлились и наполнились ужасом. Он поднял руку в жалкой попытке остановить надвигающийся автомобиль, а потом капот полностью скрыл его. Моррис чуть повернул руль, продолжая медленно продвигаться вперед. Передние колеса поднялись на тротуар. Закачалась сосенка — освежитель воздуха, висевшая на зеркале заднего вида.

Ничего... ничего, а потом колесо вновь на что-то поднялось. Раздался приглушенный хлопок, словно маленькая тыква взорвалась в микроволновой печи.

Моррис повернул руль влево, и автомобиль еще раз тряхнуло, когда колеса вернулись на мостовую. Моррис посмотрел в зеркало заднего вида и обнаружил, что голова Кертиса исчезла.

Хотя нет. Не совсем. Она осталась. Но расплющилась. Размазалась по бетону. *Невелика потеря*, подумал Моррис.

Он направил «бискейн» к выезду из зоны отдыха, а когда убедился, что дорога пуста, нажал педаль газа, набирая скорость. Он понимал, что ему надо остановиться и осмотреть переднюю часть автомобиля, особенно колесо, которое прошло по голове Кертиса, но сначала хотел проехать по шоссе миль двадцать. Никак не меньше двадцати миль.

— В своем будущем я вижу автомойку, — заявил Моррис. Фраза показалась ему забавной (*небанально* забавной, этого слова не понял бы ни Фредди, ни Кертис), и он долго, громко смеялся. Моррис вел машину на предельной разрешенной скорости. То и дело смотрел на одометр, но даже при скорости пятьдесят пять миль в час ему казалось, что цифры менялись не чаще раза в пять минут. Моррис не сомневался, что колесо оставило кровавый след, когда он выезжал на шоссе, но его наверняка затерли колеса других автомобилей. Тем не менее пришла пора вновь свернуть на сельские дороги, может, даже на грунтовки. Конечно, надо бы еще остановиться и выбросить все эти

записные книжки — и деньги тоже — в лес. Но этого он делать не собирался. Ни за что.

«Мои шансы — пятьдесят на пятьдесят, — сказал он себе. — Может, и выше. В конце концов, в Нью-Хэмпшире автомобиль никто не видел. Ни в Нью-Хэмпшире, ни в зоне отдыха».

Подъехав к заброшенному ресторану, Моррис свернул на автомобильную стоянку, осмотрел переднюю часть «бискейна» и переднее правое колесо. Решил, что все неплохо, очень даже неплохо, но на бампере осталась кровь. Моррис нарвал травы и стер ее. Сел за руль и покатил на запад. Он ожидал, что на дорогах выставлены блокпосты, но не увидел ни одного.

Уже в Пенсильвании, в Гованде, он нашел автомобильную мойку-автомат. Завертелись щетки, хлынули струи воды — и из мойки выкатился сверкающий «бискейн», чистый сверху донизу.

Моррис ехал на запад, направляясь к грязному городу, который жители называли жемчужиной Великих озер. Он собирался какое-то время отсидеться там и повидать давнего друга. Опять же, дом — это место, где тебя примут, если ты надумаешь туда вернуться; так говорил Роберт Фрост, и эта точка зрения соответствовала действительности: ведь жаловаться на возвращение блудного сына будет некому. Дорогой папуля давно уже сделал ноги, а дорогая мамуля проводила осень в Принстоне, куда ее пригласили читать лекции о баронах-разбойниках, так что дом на Сикомор-стрит пустовал. Не-слишком роскошный дом для крутого профессора — а тем более для автора книги, которая номинировалась на Пулитцеровскую премию, — но в этом следовало винить дорогого папулю. С другой стороны, Моррису нравилось жить в этом доме: он не разделял материнского негодования.

Моррис прослушал новости, но в них ничего не сообщалось об убийстве писателя — причем, согласно все той же статье в журнале «Тайм», не просто писателя, но «че-

ловека, который криком требовал от детей безмолвных пятидесятих пробудиться и возвысить свои голоса». Моррис считал это хорошей новостью, но не удивился. Согласно его источникам, домработница Ротстайна приходила к нему раз в неделю. В доме бывал еще и разнорабочий, но он приезжал только по вызову. Моррис и его ныне покойные спутники побывали у Ротстайна на следующий день после визита домработницы, и он мог рассчитывать, что тело обнаружат только через шесть дней.

Во второй половине дня, в сельском Огайо, Моррис проехал мимо комиссионного магазина и развернулся. После недолгих раздумий купил за двадцать долларов дорожный сундук. Старый, но крепкий. Отличное приобретение.

2010 ГОД

Теперь родители Пита Зауберса ссорились часто. Этому родительскому занятию Тина дала прозвище: гавкитявки. Пит находил, что в этом что-то есть, поскольку во время ссоры их голоса так и звучали: гав-гав-гав, тяв-тяв-тяв. Иногда Питу хотелось подойти к лестнице и крикнуть вниз, чтобы они успокоились. Просто успокоились. *Вы пугаете детей, хотелось крикнуть ему. В этом доме живут дети, или вы настолько глупы, что забыли об этом?*

Пит находился дома, потому что отличников отпускали из школы после ленча, если у них в расписании значились только домашние занятия и игровая площадка. Дверь своей комнаты он оставил открытой и услышал, как отец застучал костылями, быстро пересекая кухню, едва мамин автомобиль свернул на подъездную дорожку. Пит практически не сомневался, что сегодняшние боевые действия откроются фразой отца: «Господи, ты сегодня рано». А мама попеняет ему на провалы памяти: среда у нее всегда короткий день. Папа ответит, что никак не может привыкнуть жить в этой части города, причем в его исполнении это будет звучать так, словно их вынудили перебраться в самую дальнюю, самую отвратительную часть Лоутауна, а не просто в Нортфилд. Покончив с преамбулой, они смогут перейти к настоящим гавкам-тявкам.

Питу не слишком нравился Норт-Сайд, но ничего ужасного он в этом районе не находил и даже в тринадцать лет, похоже, понимал экономические реалии их

ситуации лучше отца. Может, потому, что ему не приходилось принимать каждый день по четыре таблетки оксиконтрина.

Они жили здесь, потому что среднюю школу Грейс Джонсон, где раньше преподавала его мать, закрыли в рамках плана оптимизации расходов, принятого городским советом. Многие учителя Грейс Джонсон так и остались без работы. Но Линду взяли в начальную школу Нортфилд библиотекарем и дежурной по залу самостоятельных занятий. В среду она приезжала рано, потому что библиотека работала до полудня. Как и библиотеки всех школ. Еще одна инициатива по оптимизации расходов. Отец Пита громко возмущался, потому что члены городского совета не «оптимизировали» свое *жалованье*, и называл их чертовыми чайными* лицемерами.

О чайных лицемерах Пит ничего не знал. Зато знал другое: нынче Том Зауберс возмущался по любому поводу.

К дому подъехал «форд-фокус», теперь их единственный автомобиль, и мама вышла из него, прихватив с собой старый потертый портфель. Поскользнувшись на полоске льда, которая постоянно намерзала в тени за передним крыльцом. Сегодня посыпать это место солью полагалось Тине, но она, обычное дело, забыла. Ссутулившись, мама медленно поднялась по ступенькам. У Пита защемило сердце: она словно тащила на спине мешок кирпичей. Костыли отца тем временем уже отстукивали двойные такты в гостиную.

Парадная дверь открылась. Пит ждал. Надеялся услышать что-то радужное, вроде: *Привет, как прошло твоё утро?*

Если бы.

* Движение чаепития — консервативное политическое движение в США, возникшее в 2009 г. как серия протестов, вызванных экономической политикой и скоординированных на местном и национальном уровне. — *Здесь и далее примеч. пер.*

На самом деле Пит не хотел подслушивать гавки-тявки, но в таком маленьком доме просто не мог их не слышать... если только не уходил. И в эту зиму он все чаще и чаще прибегал к этому стратегическому маневру. Но иногда чувствовал, что *обязан подслушивать*, как старший из детей. Мистер Джейкоби на уроках истории любил говорить, что знание — сила, и Пит полагал, что именно поэтому необходимо быть в курсе разгорающейся родительской словесной войны. Потому что с каждым гавками-тявками ткань их супружества натягивалась все сильнее и в какой-то момент могла просто разорваться. К этому следовало готовиться.

Но к чему именно? К разводу? Это казалось наиболее вероятным исходом. В чем-то ситуация улучшилась бы, если бы они разбежались — Пит все больше укреплялся в этой мысли, хотя еще не выразил ее словами, — но что именно означал развод *на* (еще одно любимое словечко мистера Джейкоби) *практике*? Кто останется и кто уйдет? Если уйдет отец, как он будет передвигаться без автомобиля, если едва может ходить? Если на то пошло, как кто-то из них может *позволить* себе уйти? Они уже разорены.

По крайней мере Тина не присутствовала при сегодняшней родительской разборке. Она оставалась в школе и теперь редко приходила домой после окончания занятий. Обычно являлась к обеду. Наконец-то нашла себе подружку, Эллен Бриггс, которая жила на углу Сикомор-стрит и Элм-стрит. Пит полагал, что у Эллен куриные мозги, но по крайней мере Тина теперь не слонялась по дому, грустя о прежних подружках, а иногда и плача. Пит терпеть не мог слезы Тины.

А теперь, дамы и господа, отключите мобильники и отложите газеты. Прожекторы на сцену, дневное шоу «Мы по уши в дерьме» начинается!

ТОМ. Эй, ты сегодня рано.

ЛИНДА (*устало*). Том, сегодня...

ТОМ. Среда, точно. Короткий день в библиотеке.

ЛИНДА. Ты опять курил в доме. Я чувствую запах.

ТОМ (*начиная дуться*). Только одну сигарету. На кухне. У открытого окна. На ступеньках заднего крыльца лед, я не хотел рисковать. Вдруг бы упал. Пит опять забыл посыпать их солью.

ПИТ (*обращаясь к зрительному залу*). Вы должны знать, что он составил график работ по дому, и на этой неделе посыпать лед солью — обязанность Тины. Эти таблетки оксиконтин, которые отец принимает, не только снимают боль. От них еще и дуреют.

ЛИНДА. Все равно запах чувствуется, и ты знаешь, что договор аренды отдельным пунктом запрещает...

ТОМ. Хорошо, ладно, я понял. В следующий раз я выйду во двор, рискуя свалиться на этих костылях.

ЛИНДА. Дело не только в договоре аренды, Том. Пассивное курение вредно для детей. Мы это уже обсуждали.

ТОМ. И обсуждали, и обсуждали...

ЛИНДА (*начинает распаляться*). Опять же, сколько нынче стоит пачка сигарет? Четыре с половиной доллара? Пять?

ТОМ. Ради Бога, я выкуриваю пачку за неделю!

ЛИНДА (*пробивает его оборону лобовой атакой*). Пять долларов за пачку — это больше двадцати долларов в месяц. И они берутся из моего жалованья. Потому что это наш единственный...

ТОМ. Пошло-поехало.

ЛИНДА. ...источник дохода.

ТОМ. Ты никогда не перестанешь меня этим попрекать, да? Можно подумать, что я специально полез под этот автомобиль. Чтобы без дела слоняться по дому.

ЛИНДА (*после долгой паузы*). У нас осталось вино? Я бы выпила немного.

ПИТ (*за сценой*). Скажи, что осталось, папа. Скажи.

ТОМ. Вина нет. Может, ты хочешь, чтобы я на костылях прогулялся до «Зоуни» и купил бутылку? Разумеется,

тебе придется выдать мне аванс из полагающегося мне пособия.

ЛИНДА (*еще не кричит, но на грани*). Ты ведешь себя так, будто случившееся с тобой — моя вина.

ТОМ (*кричит*). *Ничьей* вины тут нет, и это сводит меня с ума! До тебя не доходит? Они так и не поймали парня, который это сделал!

В этот момент Пит решил, что с него хватит. Глупая получалась пьеса. Может, они этого не видели, в отличие от него. Он закрыл учебник литературы. Решил, что дочитает заданный рассказ — написанный каким-то Джоном Ротстайном — вечером. Сейчас ему требовалось выбраться из дома и глотнуть не столь бурлящего эмоциями воздуха.

ЛИНДА (*спокойно*). По крайней мере ты не умер.

ТОМ (*в лучших традициях мыльной оперы*). Иногда я думаю, что было бы лучше, если б я умер. Посмотри на меня: сижу на окси и мучаюсь от боли, потому что он мне больше не помогает. Разве что приму столько, что он наполовину меня убьет. Да еще живу на жалованье жены, которое на тысячу долларов меньше, чем прежде, спасибо этим гребаным чай...

ЛИНДА. Ты полегче с выражени...

ТОМ. Дом? Прощай! Инвалидная коляска с мотором? Прощай! Сбережения? На исходе! И теперь я даже не могу выкурить гребаную сигарету!

ЛИНДА. Если ты думаешь, что причитаниями можно что-то решить, ради Бога...

ТОМ (*взрывается*). Ты называешь это причитаниями? Я называю это реальностью. Хочешь, скину штаны, чтобы ты посмотрела, что осталось от моих ног?

Пит спустился вниз, тихонько, в носках. Лестница выводила в гостиную, но родители его не заметили; они стояли лицом к лицу, играя в дурацкой пьесе, которую никто никогда не увидит. Его отец, навалившись на костьюли, наклонялся чуть вперед, с красными глазами и ще-

тиной на щеках. Мать прижимала сумочку к груди, словно щит, и кусала губы. Ужасная картина, а самое худшее заключалось в том, что он их любил.

Его отец еще забыл упомянуть про Резервный фонд, созданный через месяц после бойни у Городского центра стараниями единственной оставшейся городской газеты при участии трех местных телевизионных станций. Брайан Уильямс даже показал сюжет об этом фонде в программе «Вечерние новости на Эн-би-си»: о том, как нестигаемый город заботится о своих жителях в час беды, обо всех отзывчивых сердцах, обо всех помогающих руках, бла-бла-бла, а теперь рекламная пауза. Благодаря Резервному фонду дней шесть все горожане гордились собой. Но средства массовой информации ни словом не обмолвились о том, как мало удалось собрать денег со всеми этими благотворительными пешими походами, благотворительными велопробегами и концертом финалиста программы «Американский идол». Резервный фонд оказался слишком скудным, потому что тяжелые времена коснулись всех. И разумеется, собранные деньги приходилось делить на очень и очень многих. Семья Зауберсов получила чек на тысячу двести долларов, потом на пятьсот, потом еще один на двести. В прошлом месяце — с пометкой «ПОСЛЕДНЯЯ ВЫПЛАТА» — пришел чек на пятьдесят.

Увы и ах.

Пит проскользнул на кухню, взял сапоги и куртку и вышел из дома. Прежде всего он обратил внимание, что никакого льда на заднем крыльце нет: отец просто солгал. День выдался слишком теплым для льда, по крайней мере на солнце. До весны оставалось еще полтора месяца, но нынешняя оттепель длилась почти неделю, и на заднем дворе островки снега белели только под деревьями. Пит направился к забору и вышел через калитку.

Одно из преимуществ жизни в этой части Норт-Сайда состояло в том, что за Сикомор-стрит лежала неосвоенная

территория — пустошь размером с квартал. Пять акров кустов и чахлых деревьев спускались к замерзшей речке. Отец Пита говорил, что этот участок земли давно находится в таком состоянии и пробудет еще дольше из-за бесконечных судебных тяжб о праве собственности и о том, что можно здесь строить. «Никто в этих тяжбах не выигрывает, за исключением адвокатов, — объяснял он Питу. — Попомни мои слова».

По мнению Пита, выигрывали и дети, которые хотели поправить душевное здоровье, держась подальше от родителей.

Тропа, бегущая практически по диагонали между голыми деревьями, выводила к Центру досуга на Берч-стрит. С давних пор там собиралась нортфилдская молодежь, но заведение это доживало последние дни. В теплую погоду парни постарше кучковались на тропе и рядом с ней: курили сигареты, травку, вероятно, пили пиво, трахали своих подружек — но не в это время года. Нет больших парней — нет проблем.

Иногда, если ссора очень затягивала родителей — а в последнее время такое случалось все чаще и чаще, — Пит уводил сюда сестру. В Центре досуга они бросали мяч в кольцо, или смотрели видео, или играли в шашки. Он не знал, куда будет водить ее после закрытия центра. Оставался только продовольственный магазин «Зоуни». Сам он обычно шел к речке и бросал камушки. В воду, если она текла, на лед — если замерзала. Гадал, пробьет камень дырку или нет, и наслаждался покоем.

Гавки-тявки не радовали, но больше всего он боялся другого: как бы его отец, теперь всегда взведенный от окси, не ударил мать. Тогда туго натянутая ткань их супружества точно бы лопнула. А если бы нет? Если бы мать с этим смирилась? Все могло обернуться еще хуже.

Такого никогда не случится, говорил себе Пит. Отец этого не сделает.

А если сделает?

В этот день лед еще сковывал речку, но выглядел хрупким, а кое-где на нем появились большие желтые пятна, словно какой-то великан остановился на берегу, чтобы помочиться. Пит ступить на лед не решился. Он бы не утонул — вода доходила разве что до щиколоток, — но не испытывал ни малейшего желания возвращаться домой и объяснять, почему у него мокрые носки и брюки. Он сел на упавшее дерево, бросил несколько камушков (маленькие подпрыгивали и скользили по льду, большие проваливались сквозь желтые пятна), потом какое-то время разглядывал небо. С запада на восток плыли пушистые облака, скорее весенние, чем зимние. Одно напоминало старуху с горбом (или с рюкзаком), второе — кролика, третье — дракона. Еще одно...

Его отвлек мягкий, глуховатый удар, послышавшийся слева. Он повернулся и увидел, что рухнула нависавшая часть откоса, которую неделю размягчал тающий снег. Обвалившаяся земля обнажила корни и без того опасно накренившегося дерева. А под корнями появилось некое подобие пещеры, и, если он не ошибался — если это была не тень, — в пещере что-то лежало.

Пит подошел к дереву, схватился за голую ветвь и наклонился, чтобы рассмотреть получше. Верно, что-то там лежало, причем что-то большое. Может, это торец ящика?

Пит спустился вниз, каблуками выбивая ступени в податливой земле. Оказавшись ниже места маленького оползня, присел. Увидел потрескавшуюся черную кожу и металлические пластины с заклепками. Сундук. Кто-то закопал здесь сундук.

К любопытству присоединилось волнение. Пит схватился за ручку и дернул. Сундук не шевельнулся. Земля держала крепко. Пит дернул еще раз, скорее по инерции. Он уже понимал, что вытащить его не удастся. Во всяком случае, без инструментов.

Пит сидел на корточках, свесив руки между коленями, как частенько сживал отец, когда еще мог так делать,

и просто смотрел на сундук, торчавший из черной, пронизанной корнями земли. Мысли об «Острове сокровищ» (или о «Золотом жуке», новелле, которую они проходили по литературе годом раньше) казались безумными, но именно они роились в его голове. Однако были ли они безумными? Мистер Джейкоби не только говорил, что знание — сила, но и настаивал на важности логического мышления. И разве не логичным выглядело предположение, что прятать сундук в лесу будут лишь в одном случае: если в нем лежит что-то ценное?

А ведь сундук явно пролежал в земле достаточно долго. Кожа потрескалась, местами из черной стала серой. У Пита сложилось впечатление, что ручка оторвется, дерни он со всей силы. И металлические крепежные полосы потускнели, а кое-где покрылись ржавчиной.

Приняв решение, Пит направился по тропе к дому. Миновал калитку, поднялся на крыльцо к двери на кухню, прислушался. Никаких голосов, телевизор выключен. Отец, вероятно, ушел в спальню (на первом этаже; папа и мама спали там, хотя спальня была маленькой, потому что на второй этаж папа подниматься не мог) и прилег. Мама могла составить ему компанию, иногда гавки-тявки этим заканчивались, но скорее всего она сейчас в комнате-прачечной, которая также служила ей кабинетом, корпит над резюме или ищет работу по Интернету. Отец, возможно, сдался (и Пит признавал, что у него были на то причины), но мать — нет. Она хотела вновь работать учителем полный день, и не только потому, что за это больше платили.

К дому примыкал небольшой гараж, но мама загоняла в него «фокус» лишь перед сильным снегопадом. В нем лежали вещи из прежнего дома, для которых не нашлось места в их нынешнем — более маленьком — съемном жилище. Здесь хранился отцовский ящик с инструментами (Том пытался продать инструменты через «Крейгслист» или что-то такое, но не получил достойную цену), их с Ти-

ной старые игрушки, бачок с солью и совок, кое-какой садовый инвентарь. Пит выбрал лопату и, держа ее перед собой, как солдат — винтовку, побежал на тропу.

Он спустился к самой речке, пользуясь сделанными ранее ступеньками, и принялся забрасывать землей образовавшуюся после маленького оползня пещеру. Конечно, он не смог забросить обнажившиеся корни, но торчащий торец сундука укрыл, к чему и стремился.

На тот момент.

Гавки-тявки, пусть и вялые, продолжались за обедом. Тина на них вроде бы не реагировала, но вечером пришла в комнату Пита, когда он практически закончил уроки. В пижаме и с Миссис Бисли, последней и самой важной куклой-утешительницей, словно вновь стала пятилетней.

— Можно полежать у тебя в кровати, Пити? Мне при-
снился плохой сон.

Он собрался выставить Тину за дверь, потом решил (мысли о зарытом сундуке не давали ему покоя), что тем самым может отпугнуть удачу. Да и сестренка еще больше огорчится, а под ее красивыми глазками и так пролегли тени.

— Ладно, хорошо, но ненадолго. И чтобы это не вошло у тебя в привычку, — повторил он одну из любимых маминых фраз.

Тина устроилась на кровати, прижавшись к стене — она всегда так спала, — словно собираясь провести здесь ночь. Пит закрыл учебник «Наука о Земле», сел рядом с ней. Подмигнул.

— Слушай, Тинс, голова Миссис Бисли будет упираться мне в зад.

— Я ногами толкну ее дальше. Так лучше?

— А если она задохнется?

— Она не дышит, дурачок. Это всего лишь кукла, и Эллен говорит, что скоро она мне надоест.

— Эллен — тупица.

— Она моя подруга. — Пита позабавило, что Тина не стала спорить. — Но она скорее всего права. Люди вырастают.

— Только не ты. Ты всегда будешь моей маленькой сестричкой. И не вздумай заснуть. Через пять минут ты отправишься в свою комнату.

— Через десять.

— Шесть.

Она задумалась.

— Ладно.

Снизу донесся сдавленный стон, за которым последовал стук костылей. Пит проследил этот звук до кухни. Там отец сядет, закурит и будет выдыхать дым через открытую дверь. Открытая дверь приведет к автоматическому включению обогревателя, а в обогревателе сгорало, по словам матери, не жидкое топливо, а долларовые купюры.

— Они разведутся, как думаешь?

Пит испытал двойное потрясение: во-первых, от вопроса, во-вторых, от буднично-взрослого тона. С языка едва не сорвалось: «Нет, разумеется, нет», — но он подумал о том, что терпеть не мог фильмы, в которых взрослые лгали детям, а такое случалось чуть ли не в *каждом* фильме.

— Не знаю. Этим вечером — точно нет. Суды закрыты.

Тина засмеялась, и он счел это хорошим знаком. Подождет, а вдруг она скажет что-то еще. Но Тина молчала. Мысли Пита вернулись к сундуку, закопанному под деревом у реки. Ему удавалось отгонять эти мысли, пока он делал уроки, но теперь...

— Тинс? Ты лучше не засыпай.

— Я не... — Но, судя по голосу, она уже почти заснула.

— Что бы ты сделала, если бы нашла клад? Закопанный в землю сундук с драгоценностями и золотыми дублонами?

— Что такое дублоны?

— Старинные монеты.

— Отдала бы маме и папе. Тогда они больше не будут ссориться. А ты?

— И я тоже, — кивнул Пит. — А теперь марш в свою кровать, пока мне не пришлось тебя туда нести.

Согласно условиям страхового полиса, Тому Зауберсу физиотерапия полагалась только два раза в неделю. Специальный микроавтобус приезжал за ним по понедельникам и пятницам в девять утра и привозил обратно в четыре дня, после гидротерапии и собрания, на котором люди с давними травмами и хроническими болями собирались в кружок и говорили о своих проблемах. Соответственно, в эти дни дом пустовал семь часов кряду.

В четверг вечером Пит пожаловался на боль в горле. Наутро проснулся со словами, что горло болит по-прежнему, да еще, похоже, поднялась температура.

— Ты горячий, это точно, — подтвердила Линда после того, как приложила внутреннюю сторону запястья к его лбу. Пит очень на это надеялся, потому что перед тем как спуститься вниз, подержал лицо возле лампы на прикроватном столике. — Если завтра тебе не станет лучше, придется ехать к врачу.

— Отличная идея! — воскликнул Том со своей стороны стола, где он сидел, гоняя по тарелке яичницу. Он выглядел так, будто ночью совсем не спал. — Может, к специалисту? Я только позвоню в гараж. «Роллс» берет Тина, у нее теннисный урок в загородном клубе, но вот лимузин, думаю, свободен.

Тина рассмеялась. Линда сурово посмотрела на Тома, но прежде чем успела раскрыть рот, Пит ввернул, что *не так* плохо себя чувствует и день, проведенный дома, поправит его здоровье. А если не этот день, то выходные — точно.

— Надеюсь, — вздохнула Линда. — Хочешь чего-нибудь съесть?

Пит хотел, но решил, что при больном горле говорить такого не следует. Он прикрыл рот рукой и покашлял.

— Пожалуй, выпью сока. А потом пойду наверх и попытаюсь еще поспать.

Тина ушла первой, вприпрыжку помчалась на угол, где могла поболтать с Эллен на те странные темы, которые обсуждают девятилетние, дожидаясь школьного автобуса. Потом мама уехала в школу на «фокусе». Последним отбыл отец, на костылях добравшись до ожидавшего его микроавтобуса. Пит наблюдал за его отъездом из окна спальни, думая, что отец как-то сжался. Волосы, торчавшие из-под бейсболки с логотипом «Сурков», начали сесть.

После отъезда микроавтобуса Пит оделся, схватил одну из крепких полотняных сумок для продуктов, которые мать держала в кладовой, и отправился в гараж. Из отцовского ящика для инструментов достал молоток и зубило, положил в пакет. Прихватил лопату, пошел к воротам, но вернулся и захватил монтажный лом. Он никогда не был бойскаутом, однако верил в основательную подготовку к любому делу.

Утро выдалось довольно холодным, и дыхание вырывалось паром изо рта, но к тому времени, когда Пит достаточно поработал лопатой, чтобы предпринять попытку вытащить сундук, температура воздуха поднялась выше нуля, и в куртке он сильно вспотел. Пит повесил ее на низкую ветку, огляделся (не в первый раз), чтобы убедиться, что он по-прежнему один. Никого не увидел, натер ладони землей, словно бэттер, готовящийся к удару по мячу. Схватился за ручку, напоминая себе, что она может оторваться. Меньше всего ему хотелось кувыркком скатиться с насыпи. Если бы он упал в воду, проломив лед, то действительно мог бы заболеть.

Возможно, в сундуке лежала только старая, заплесневелая одежда... да только кто будет зарывать в землю сундук со старой одеждой? Почему не сжечь ее или не отнести в Армию спасения?

Впрочем, узнать, что внутри, он мог только одним способом.

Пит глубоко вдохнул, плотно сжал губы и потянул. Сундук не шевельнулся, только ручка предупреждающе заскрипела, но Пита это не остановило. Он обнаружил, что сундук качается, и тут же вспомнил отца, который завязывал нитку на молочном зубе Тины, раскачивал его, а потом выдерживал, если тот не вылезал сам.

Пит опустился на колени (напомнив себе, что должен или выстирать джинсы, или запрятать поглубже в стенной шкаф) и заглянул в раскоп. Увидел толстый корень, который, как щупальце, обвился вокруг дальней части сундука. Схватил лопату и принялся рубить корень. Сразу не получилось, ему пришлось несколько раз отдохнуть, но в итоге он справился. Отложил лопату и вновь взялся за ручку. Сундук уже не так прочно сидел в земле. Чувствовалось: еще чуть-чуть, и его удастся вытащить. Пит посмотрел на часы. Четверть одиннадцатого. Он подумал о маме, которая могла позвонить домой на перемене, чтобы узнать, как он себя чувствует. Это не проблема: не дождавшись ответа, она подумает, что он спит. Но Пит напомнил себе, что, вернувшись, надо проверить автоответчик. Он взял лопату и принялся подрывать землю вокруг сундука и обрубать мелкие корни. Потом вновь ухватился за ручку.

— На этот раз ты вылезешь, — сказал он. — На этот раз точно вылезешь.

Потянул. Сундук заскользил вперед так неожиданно и легко, что Пит наверняка свалился бы, если бы не широко расставленные ноги. Теперь сундук торчал из земли, чуть присыпанный сверху. Пит видел защелки на передней стороне, старинные, как на обеденных контейнерах, какие носили с собой рабочие. И большой замок. Пит вновь дернул за ручку, и на этот раз она оторвалась.

— Твою мать, — выдохнул Пит, глядя на руки, покрасневшие и зудящие.

Что ж, сказал «а» — говори «б» (еще одно из любимых выражений матери). Пит обхватил сундук неуклюжим медвежьим объятием и подался назад. На этот раз сундук полностью вылез из земли, и солнце впервые за много лет осветило этот влажный грязный реликт с ржавой фурнитурой. Длина сундука составляла два с половиной фута. Ширина — как минимум полтора. Пит приподнял край сундука и прикинул, что весит тот никак не меньше шестидесяти фунтов, половину его собственного веса. Однако он понятия не имел, сколько приходится на содержимое, а сколько — на сам сундук. В любом случае дублонов внутри не было. Если бы сундук набили золотом, он не смог бы вытащить его из земли. Не говоря о том, чтобы поднять.

Пит открыл защелки — полетели фонтанчики земли — и наклонился к замку, готовясь вскрыть его молотком и зубилом. А потом, если бы не удалось, пустить в ход монтажный лом. Но сначала... не попробуешь — не узнаешь...

Он взялся за крышку, и она поднялась, скрипнув засыпанными землей петлями. Позже он предположил, что кто-то купил этот дорожный сундук в комиссионном магазине задешево, потому что от него не было ключа, но в тот момент только таращился на содержимое. Не чувствовал вздувшегося на ладони волдыря, боли в спине и бедрах, пота, стекавшего по грязному лицу. Не думал о матери, отце или сестре. Не думал о гавках-тявках, во всяком случае, тогда.

Сундук был выстлан полиэтиленовой пленкой, чтобы предохранить содержимое от сырости. Под пленкой Пит видел вроде бы записные книжки. Он стер с пленки конденсат ребром ладони, словно дворником ветрового стекла. Действительно, записные книжки, красивые, с кожаными обложками. Не меньше сотни. Но не только они. Еще конверты, похожие на те, в каких его мать приносила деньги после того, как обналичивала чек. Пит сдернул

пленку. Прочитал напечатанные на конвертах надписи: «ГРЭНИТ СТЕЙТ БАНК» и *Ваш верный друг*. Потом он заметил определенные отличия этих конвертов от тех, что его мама приносила из «Корн банк энд траст» — отсутствие электронного адреса и предложения использовать банкомат для снятия наличных, — но в тот момент Пит только смотрел. Сердце колотилось так сильно, что перед глазами запрыгали черные точки, и у него даже мелькнула мысль, а не теряет ли он сознание.

Черта с два, в обморок падают только девчонки.

Может, и так, но он действительно ощущал слабость и дурноту и осознал, в чем проблема: открыв чемодан, он забыл, что надо дышать. Пит набрал полную грудь воздуха, выдохнул, набрал снова. Ему полегчало, голова прочистилась, однако теперь сердце колотилось еще сильнее, а руки тряслись.

Эти банковские конверты будут пустыми. Наверняка. Люди находят клады с деньгами в романах и фильмах, но не в реальной жизни.

Только конверты не *выглядели* пустыми. Они выглядели *набитыми*.

Пит потянулся к одному, потом ахнул, услышав шуршание на другой стороне речки. Развернулся и увидел двух белок, принявших недельную оттепель за приход весны и резвившихся в опавших листьях. Белки взбежали на дерево, подергивая хвостами.

Пит повернулся к чемодану и схватил один из банковских конвертов. Он не был заклеен. Пит приподнял клапан пальцем, который сразу онемел, как на морозе, хотя температура воздуха точно перевалила за сорок градусов*. Раскрыв конверт, Пит заглянул внутрь.

Деньги.

Двадцатки и полусотенные.

— Святой Иисус на небесах, — прошептал Пит Зауберс.

* По Фаренгейту. Примерно 4,4°C.

Он вытащил пачку купюр и попытался сосчитать, но руки так сильно тряслись, что он их выронил, а когда подбирал, перегревшийся мозг заверил его, что с одной ему подмигнул Улисс Грант.

Он сосчитал. Четыреста долларов. Четыреста долларов в одном конверте, и в сундуке их десятки.

Пит засунул купюры обратно в конверт — работа не из легких, учитывая, что руки тряслись сильнее, чем у дедушки Фреда в последние годы его жизни. Бросил конверт в сундук и огляделся широко раскрытыми, выпученными глазами. Шум транспортного потока, обычно слабый и далекий на этом заросшем кустами и деревьями участке, внезапно усилился, стал угрожающим. Клад Пит нашел не на Острове сокровищ, а в городе, где проживало более миллиона людей, многие из которых остались без работы и обрадовались бы содержимому этого сундука.

«Думай, — сказал себе Пит Зауберс. — Это самое важное событие в твоей жизни, может, важнее уже ничего *не случится*, так что *думай* и постарайся найти правильное решение».

Ему вдруг вспомнилась Тина, устроившаяся у стенки в его кровати. *Что бы ты сделала, если бы нашла клад?* — спросил он тогда.

Отдала бы маме и папе, ответила Тина.

Но, допустим, мама захотела бы все вернуть?

Да, это важный момент. Папа бы не вернул, Пит это знал, но мама была из другого теста. Она четко знала, что правильно, а что — нет. Покажи он им сундук, все могло закончиться самыми жуткими гавками-тявками по части денег.

— А кроме того, вернуть *кому?* — прошептал Пит. — Банку?

Нелепо.

Или нет? Может, деньги — действительно пиратский клад, только закопали его грабители банков, а не пираты. Тогда почему деньги в конвертах, словно из банка? И что это за черные записные книжки?

Обдумать все это он мог позже. Сейчас следовало действовать. Пит посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать. Время есть, но его надо использовать с умом.

— Использовать или потерять, — прошептал Пит и начал лихорадочно перекидывать конверты «Грэнит стейт банк» в полотняную сумку для продуктов, где лежали молоток и зубило. Он вытащил сумку с откоса на высокий берег, накрыл курткой. Бросил полиэтиленовую пленку в сундук, закрыл крышку, засунул сундук в дыру. Остановился, чтобы стереть со лба пот и грязь, схватил лопату и с маниакальной скоростью принялся забрасывать сундук землей. Более или менее прикрыв его, поднял куртку, сумку и побежал по тропе к дому. Решил, что первым делом спрячет сумку у дальней стены стенового шкафа в своей комнате, а потом посмотрит, нет ли сообщения от матери на автоответчике. Если на мамином фронте все спокойно (и если отец не вернулся раньше с физиотерапии, а это было бы ужасно), он сможет вернуться к речке и замаскировать сундук получше. Потом сможет заглянуть в записные книжки, но по пути к дому в то солнечное февральское утро они интересовали его только с одной стороны: под ними или среди них могли находиться другие конверты с деньгами.

Пит думал: «Я должен принять душ, а потом смыть с ванны всю грязь, чтобы мама не спросила, что я делал на улице, когда мне полагалось лежать в постели. Я должен соблюдать предельную осторожность и никому ничего не говорить. Ни единому человеку».

Когда он принимал душ, его осенило.

1978 ГОД

Дом — это место, где тебя примут, если ты надумаешь туда вернуться, но, когда Моррис прибыл к дому на Сикомор-стрит, ни единое освещенное окно не разгоняло вечерний сумрак и никто не встретил его у двери. Да и кто мог его встретить? Мать находилась в Нью-Джерси, читала лекции о бизнесменах девятнадцатого столетия, которые пытались украсть Америку. Делилась знаниями с аспирантами, которые и сами, вероятно, намеревались украсть все, до чего смогут дотянуться в погоне за Золотым баксом. Кто-то мог сказать, что и Моррис погнался за несколькими Золотыми баксами, отправившись в Нью-Хэмпшир, но они ошибались. Он ездил туда не за деньгами.

Он хотел поставить «бискейн» в гараж, чтобы автомобиль никому не мозолил глаза. Черт, он хотел спрятать «бискейн», но понимал, что с этим надо подождать. Первой в списке стояла другая задача: Полина Мюллер. Жители Сикомор-стрит в большинстве своем прилипали к телевизорам, как только начинался прайм-тайм, и не увидели бы летающую тарелку, приземлившуюся на лужайке перед домом, но только не миссис Мюллер. Соседка Беллами возвела подсматривание в ранг высокого искусства. Поэтому Моррис сразу пошел к ней.

— Посмотрите, кто пришел! — воскликнула она, открыв дверь... как будто и не выглядывала из окна кухни, когда Моррис свернул на подъездную дорожку. — Морри Беллами! Во всей своей красе!

Моррис ослепительно улыбнулся:

— Как поживаете, миссис Мюллер?

Она обняла Морриса, и ему пришлось ответить тем же, хотя он с радостью обошелся бы без этих объятий. Потом повернула голову, колыхнув вторым подбородком, и крикнула:

— Берт! *Берти!* Это Морри Беллами!

Из гостиной донеслось двойное бурчание, которое, вероятно, расшифровывалось как *добрый вечер*.

— Заходи, Морри! Заходи! Я поставлю кофе. И знаешь что? — Она игриво вскинула неестественно черные брови. — У меня есть торт «Сара Ли».

— У меня даже слюнки потекли, но я прямо из Бостона. Ехал без остановки. Вымотался донельзя. Просто не хотел, чтобы вы вызвали полицию, увидев свет в окнах нашего дома.

Она по-обезьяньи захихикала.

— Какой ты *предусмотрительный!* Но ты всегда таким был. Как твоя мамуля, Морри?

— Отлично.

Об этом он не имел ни малейшего понятия. После того как в семнадцать он отправился в исправительное заведение, а в двадцать один не смог поступить в городской колледж, отношения между Моррисом и Анитой Беллами свелись к редким телефонным звонкам. Они общались холодно, но в рамках приличий. После ссоры, приведшей к аресту за кражу со взломом и другие правонарушения, они практически перестали существовать друг для друга.

— Ты нарастил мышцы, — заметила миссис Мюллер. — Девушкам *это* наверняка нравится. Раньше был таким худеньким...

— Строил дома...

— Строил *дома!* Ты! Святый Боже! Берти! *Моррис строил дома!*

Из гостиной вновь донеслось неразборчивое бурчание.

— Но потом с работой стало туго, вот я и приехал сюда. Мама говорила, что я могу здесь пожить, если она не сдаст дом в аренду, но я, вероятно, надолго не задержусь.

И он оказался *совершенно* прав.

— Пройди в гостиную, Морри, и поздоровайся с Бертом.

— Я лучше зайду в другой раз, — ответил Морри и, чтобы избежать дальнейших уговоров, добавил: — *Привет, Берт!*

Опять неразборчивое бурчание, что-то вроде: *С возвращением.*

— Тогда завтра. — Брови миссис Мюллер вновь пришли в движение. Она словно имитировала Граучо Маркса. — Торт я приберегу. Могу даже *взбить сливки*.

— Отлично, — ответил Моррис. Не приходилось особо рассчитывать, что до завтра миссис Мюллер умрет от сердечного приступа, но вероятность оставалась. Как сказал другой великий поэт, родник надежды вечно бьет в человеческой груди*.

Ключи от дома и гаража нашлись на обычном месте: на гвоздике под свесом справа от крыльца. Моррис загнал «бискейн» в гараж и поставил сундук из комиссионного магазина на бетонный пол. Ему не терпелось сразу же приняться за четвертый роман о Джимми Голде, но записные книжки лежали вперемешку, а кроме того, его глаза закрылись бы прежде, чем он прочитал первую страницу, исписанную мелким почерком Ротстайна: он действительно вымотался.

«Завтра, — пообещал он себе. — После того как поговорю с Энди и пойму, что он хочет с этим сделать. Я рассортирую записные книжки по порядку и начну читать».

Морри засунул сундук под старый отцовский верстак и накрыл полиэтиленовой пленкой, которую нашел в углу.

* Отсылка к поэме «Опыт о человеке» Александра Поупа (1688–1744).

Потом прошел в дом и обследовал свое прежнее жилище. Выглядело оно как и раньше, то есть жалко. В холодильнике нашлись только банка маринованных огурцов да коробка с пищевой содой, зато в морозильной камере лежало несколько обедов «Голодный человек». Один он сунул в духовку, включил ее, установил температуру 350 градусов* и поднялся в свою спальню.

«Я это сделал, — думал он. — Сделал. У меня рукописи Джона Ротстейна, которые тот писал восемнадцать лет».

Моррис слишком устал, чтобы чувствовать восторг, даже удовлетворенность. Он чуть не заснул в душе, клевал носом над говняным мясным рулетом и мерзким картофельным пюре. Тем не менее съел все и вновь поднялся по лестнице. Отключился через сорок секунд после того, как голова коснулась подушки, и открыл глаза только следующим утром в двадцать минут десятого.

Хорошо отдохнув и купаясь в солнечном свете, который вливался в окно и падал на кровать его детства, Моррис *ощутил* восторг, и ему не терпелось поделиться им, а это означало поездку к Энди Холлидею.

Он нашел в шкафу брюки цвета хаки и рубашку в полоску, пригладил волосы, заглянул в гараж, чтобы убедиться, что там все в порядке. Направляясь к автобусной остановке, весело помахал рукой миссис Мюллер: она выглядывала в просвет между портьерами. Прибыл в центр почти ровно в десять, прошел квартал, посмотрел вдоль Эллис-авеню в направлении «Счастливой чашки», где столики стояли на тротуаре под розовыми зонтами. Конечно же, Энди сидел за одним из столиков и пил кофе, устроив себе маленький перерыв. Спинной к Моррису, так что тот мог подойти незамеченным.

— *Попался!* — воскликнул он, схватив за плечо Энди, одетого в старый вельветовый пиджак.

* По Фаренгейту. Примерно 176,7°C.

Его давний друг — его единственный друг в этом жалком городишке — подпрыгнул и развернулся. Чашка перевернулась, кофе разлился. Моррис отступил на шаг. Он хотел напугать Энди, но не до *такой* степени.

— Слушай, изви...

— Что ты *вытворяешь*? — спросил Энди тихим, хриплым шепотом. Его глаза сверкали за очками в роговой оправе, которые Моррис всегда считал показушными. — Что, твою мать, ты *вытворяешь*?

Такого приема Моррис никак не ожидал. Он сел за столик.

— То, о чем мы говорили. — Он всмотрелся в лицо Энди и не увидел привычного насмешливого интеллектуального превосходства. Энди боялся. Морриса? Возможно. За себя? Безусловно.

Моррис принес с собой пакет из плотной коричневой бумаги, который нашел на кухне. Сейчас он достал из него одну из записных книжек Ротстайна и положил на столик, подальше от лужицы разлитого кофе.

— Образец. Один из великого множества. Их не меньше ста пятидесяти. Еще не успел сосчитать, но это настоящий джекпот.

— Убери немедленно! — Энди продолжал шептать, как персонаж плохого шпионского фильма. Его глаза метались из стороны в сторону, постоянно возвращаясь к записной книжке. — Убийство Ротстайна на первой полосе «Нью-Йорк таймс» и на всех телевизионных каналах, идиот!

Эта новость неприятно удивила Морриса. Он рассчитывал, что пройдет как минимум три дня, прежде чем кто-то найдет тело, может, даже шесть. Но в реакции Энди угадывалось нечто большее, чем просто удивление. Он напоминал загнанную в угол крысу.

Моррис попытался симитировать улыбку Энди, казалось, говорившую: «я-так-умен-что-меня-от-этого-тошнит».

— Успокойся, в этой части города все таскают с собой записные книжки. — Он показал на улицу, идущую к Гаувермент-сквер. — Вон один с такой.

— Только не «Молескины»! Господи, проходящая домработница знала, в каких записных книжках писал Ротстайн, и в газете написано, что сейф в кабинете найден открытым и пустым! *Убери... ее!*

Моррис пододвинул записную книжку к Энди, следя за тем, чтобы не угодить ею в кофейную лужу. Энди все больше его раздражал — доставал, как сказал бы Джимми Голд, — но он также испытывал садистское наслаждение, наблюдая, как Энди вжимается в спинку своего стула, словно записная книжка могла заразить его чумой.

— Давай взгляни. В этой преимущественно поэзия. Я пролистал ее, пока ехал в автобусе.

— *В автобусе? Ты рехнулся?*

— Стихи так себе, — продолжил Моррис, словно не слыша Энди, — но они его, это точно. Написанные собственноручно. Невероятно ценные. Мы говорили об этом. Несколько раз. Говорили, как нам...

— *Убери ее!*

Моррису не хотелось признавать, что паранойя Энди заразительна, но, похоже, так оно и было. Он убрал записную книжку в пакет и мрачно посмотрел на своего друга (*единственного друга*).

— Я же не предлагаю устроить гаражную распродажу.

— А где остальные? — спросил Энди и продолжил до того, как Моррис успел ответить: — Не важно. Я не хочу знать. Ты понимаешь, как их сейчас ищут? И *тебя* тоже!

— Меня никто не ищет, — ответил он, но чувствовал, как горят щеки и даже загривок. Энди вел себя так, будто вот-вот наложит в штаны, а вовсе не как человек, принимавший участие в преступлении века. — Никто не свяжет меня с Ротстайном, и я понимаю, что должно пройти какое-то время, прежде чем мы сможем продать их какому-нибудь частному коллекционеру. Я не тупой.

— Продать их колле... Морри, ты *себя* слышишь?

Моррис сложил руки на груди, всмотрелся в своего друга. В человека, который был его другом.

— Ты ведешь себя так, будто мы никогда не говорили об этом. Будто ничего не планировали.

— Мы *ничего* не планировали! Это была история, которую мы придумывали. Мне казалось, ты это понимаешь!

Моррис понял другое: именно эту версию Энди Холлидей изложит полиции, если его, Морриса, поймают. И Энди *ожидал*, что его поймают. Впервые Моррис со всей очевидностью осознал, что Энди — не интеллектуальный гигант, стремившийся присоединиться к нему в совершении реального преступления, а еще один слабак. Заштатный продавец книжного магазина, всего на несколько лет старше Морриса.

И не нужна мне твоя дебильная литературная критика, сказал Ротстайн Моррису в последние минуты своей жизни. *Я ее наслушался задолго до твоего рождения.*

Его виски начали пульсировать болью.

— Мне следовало сообразить, что к чему. Вся эта твоя болтовня о частных коллекционерах, кинозвездах, саудовских принцах и уж не знаю о ком там еще — болтовня, и ничего больше. Ты просто трепло.

Удар достиг цели, прямо в яблочко. Моррис это видел и радовался. Точно так же он радовался, когда во время последнего спора с матерью ему удалось пару раз прижать ее к стенке.

Энди наклонился вперед, его щеки пылали, но не успел он заговорить, как появилась официантка со стопкой салфеток.

— Позвольте вытереть эту лужу, — сказала она. Молодая, натуральная пепельная блондинка, симпатичная, может, даже красивая. Она улыбнулась Энди, тот ответил вымученной гримасой и отпрянул от нее, точно так же, как чуть раньше — от записной книжки «Молескин».

«Он же гомик, — изумленно подумал Моррис. — Он чертов гомик. Как вышло, что я этого не знал? Как вышло, что не видел? Да у него это на лбу написано!»

Что ж, он многого не замечал в Энди. Моррис подумал о присказке одного парня, который работал с ним на стройке: *Снаружи шик, а внутри — пшик.*

Когда официантка ушла, унеся с собой терпкую ауру женственности, Энди наклонился вперед:

— Коллекционеры исключаются. Они собирают картины, скульптуру. Первые издания... Один нефтяник в Техасе собрал коллекцию восковых цилиндров с первыми записями стоимостью миллион долларов, другой — все тематические журналы в период с тысяча девятьсот десяти по пятьдесят пятый год, вестерны, научную фантастику и ужастики. Думаешь, все это покупалось и продавалось законно? Черта с два. Коллекционеры — безумцы, худшим из них плевать, есть в их коллекции краденое или нет, прежде всего потому, что свои сокровища они никому не собираются показывать.

Моррис все это уже слышал, и эта мысль, вероятно, отразилась на его лице, потому что Энди наклонился к нему еще ближе. Их носы чуть ли не соприкасались. Моррис уловил запах «Английской кожи» и задался вопросом, является ли этот лосьон после бритья фаворитом у гомиков? Тайным знаком или чем-то таким.

— Ты думаешь, кто-то из этих парней выслушает меня?

Моррис Беллами, перед которым Энди Холлидей предстал в новом свете, ответил, что, пожалуй, нет.

Энди выпятил нижнюю губу.

— Впрочем, когда-нибудь они послушают. Да. Как только у меня появится собственный магазин и клиентура. Но на это уйдут годы.

— Мы говорили, что придется подождать лет пять.

— *Пять?* — Энди нервно рассмеялся и вновь откинулся на спинку стула. — Через пять лет я, возможно, и от-

крою свой магазин. Приглядел одно местечко на Лэйс-мейкер-лейн. Там сейчас торгуют тканями, но, похоже, долго не протянут. Однако для того, чтобы найти клиентов с деньгами и установить с ними доверительные отношения, времени потребуется гораздо больше.

Сплошные «но», подумал Моррис. А ведь раньше их не было.

— Как долго? — спросил он.

— Почему бы тебе не предложить мне эти записные книжки на заре двадцать первого века, если они все еще будут у тебя? Даже если я *позволю* кому-нибудь из частных коллекционеров прямо сейчас, сегодня, самый безумный из них к этим записным книжкам не притронется. Они нынче в фокусе внимания.

Какое-то время Моррис смотрел на него, лишившись дара речи. Потом сказал:

— Ты ничего такого не говорил, когда мы планировали...

Энди зажал уши руками.

— Мы *ничего* не планировали! И не пытайся повесить это на меня! Никогда. Я тебя знаю, Морри. Ты украл их не для того, чтобы продать, во всяком случае, до тех пор, пока не прочитаешь. Потом ты, вероятно, захочешь вернуть часть этих записных книжек миру, при условии, что за них дадут достойную цену. А вообще, если на то пошло, ты совершенно свихнулся на Джоне Ротстайне.

— Не смей так про меня говорить. — Боль в висках все усиливалась.

— Буду, если это правда, и так оно и есть. Ты свихнулся и на Джимми Голде. Поэтому и попал в тюрьму.

— Я попал в тюрьму из-за моей матери. Она бы сама с радостью посадила меня под замок.

— Не важно. С тех пор много воды утекло. Сейчас значение имеет настоящее. Тебе очень повезет, если полиция в самое ближайшее время не нагрянет к тебе, причем наверняка с ордером на обыск. И если записные книж-

ки будут у тебя, когда они постучатся в дверь, твоя песенка спета.

— С чего они ко мне придут? Никто нас не видел, а мои напарники... — Он подмигнул. — Скажем так: мертвые умеют хранить секреты.

— Ты... что? Убил их? Их *тоже* убил? — Лицо Энди исказилось от ужаса.

Моррис знал, что не следовало этого говорить, но — забавно, это «но» постоянно вылезало — Энди оказался таким говнюком.

— Как назывался город, в котором жил Ротстайн? — Глаза Энди вновь бегали по сторонам, словно он ожидал, что копы уже приближаются с пистолетами наготове. — Толбот-Корнерс, так?

— Да, но там главным образом фермы. А сам Корнерс находится севернее. Это столовка, продовольственный магазин и автозаправочная станция на пересечении двух местных дорог.

— И сколько раз ты там побывал?

— Может, пять. — Точнее, не меньше десяти, между семьдесят шестым и семьдесят восьмым годами. Сначала в одиночку, потом с Фредди или Кертисом, а то и с обоими.

— Задавал вопросы о самом знаменитом жителе города?

— Конечно. Раз или два. И что? Вероятно, каждый, кто заходит в эту столовку, спрашивает о...

— Нет, тут ты ошибаешься. Большинство приезжих плевать хотели на Джона Ротстайна. Если они и задают вопросы, так насчет начала сезона охоты на оленей или какая рыба ловится в местном озере. Ты думаешь, местные не вспомнят тебя, когда полиция начнет спрашивать, не интересовался ли кто из чужаков стариком, который написал «Бегуна»? Любопытных чужаков, приезжавших не раз и не два? А ведь ты уже сидел, Морри!

— В колонии для несовершеннолетних. Это дело закрыто.

— Иногда, если преступление привлекает такое внимание, могут заглянуть и в старые дела. А твои напарники? Никто из них не сидел?

Моррис промолчал.

— Ты не знаешь, кто тебя видел, и ты не знаешь, кому твои напарники могли похвастаться о крупном деле, которое хотят провернуть. Полиция может прихватить тебя уже *сегодня*, идиот. Если они это сделают и ты упомянешь меня, я буду отрицать, что мы когда-либо говорили об этом. Но я дам тебе совет. Избавься от *этого*! — Он указал на бумажный пакет. — Этой и остальных записных книжек. Спрячь их где-нибудь. Закопай! Если ты это сделаешь, то, возможно, тебе удастся выкрутиться, если тебя прижмут. При условии, что вы нигде не оставили отпечатков пальцев или чего-то такого.

«Не оставили, — подумал Моррис. — Я не такой глупый. И я не трусливый гомик, который может только болтать языком».

— Может, нам удастся их использовать, но через много-много лет и при условии, что тебя не схватят. — Он поднялся. — А пока держись от меня подальше, не то я сам позвоню в полицию.

Энди ушел быстрым шагом, опустив голову, не оглядываясь.

Моррис еще какое-то время сидел за столиком. Вернулась красивая официантка, спросила, не принести ли ему чего. Он покачал головой. Когда она отошла, взял со столика пакет с записной книжкой и ушел из кафе. В противоположном направлении.

Моррис, естественно, знал, что такое антропоморфизм — отражение человеческих чувств в природе, — и думал, что это дешевый, создающий настроение прием второразрядных писателей, но в этот день именно так, похоже, и происходило. Утром яркий солнечный свет в полной мере отражал и даже усиливал чувство восторга Морриса,

однако к полудню солнце превратилось в блеклый диск за пологом облаков, а к трем часам, когда его тревоги заметно усилились, вокруг потемнело и заморосил дождь.

Сев за руль «бискейна», он поехал в торговый центр, расположенный рядом с аэропортом, постоянно высматривая патрульные автомобили. Когда на Эйрлайн-бульвар один возник позади, с включенной мигалкой, и начал нагонять Морриса, желудок у него заledenел, а сердце, казалось, запрыгнуло в горло. Копы промчались мимо, не сбавляя скорости, но облегчения это не принесло.

Моррис поймал информационный выпуск радиостанции БАМ-100. Первой шла новость о мирных переговорах между Садатом и Бегинем в Кемп-Дэвиде (Да, как будто *такое* когда-нибудь случится, рассеянно подумал Моррис), но вторая касалась убийства знаменитого американского писателя Джона Ротстайна. Представитель полиции сообщал, что это дело рук «вооруженной преступной группы» и ведется отработка нескольких версий. Скорее всего пускал пыль в глаза.

А может, и нет.

Моррис не думал, что его смогут выследить по показаниям глуховатых стариков, что околачивались в придорожном ресторане «Ням-ням» в Толбот-Корнерс, что бы там ни говорил Энди, но гораздо больше его тревожило другое. Он, Фредди и Кертис работали в «Донахью констракшн», компании, строившей дома в Денверсе и Норт-Бeverли. Работали в разных бригадах, и большую часть этих шестнадцати месяцев, когда они носили доски и забивали гвозди, он провел в Денверсе, тогда как Фредди и Кертис — на другой строительной площадке, в пяти милях. Но все-таки некоторое время они работали *вместе*, а потом частенько встречались в обеденный перерыв.

И об этом знали многие.

Моррис припарковал «бискейн» среди тысячи автомобилей рядом с той частью торгового центра, которую занимал универмаг «Джей-Си Пенни», протер все поверх-

ности, к которым прикасаясь, и оставил ключ в замке зажигания. Затем быстро ушел, подняв воротник куртки и надвинув на лоб бейсболку с логотипом «Кливленд индианс». У главного входа в торговый центр сел на скамью, дожидаясь автобуса до Нортфилда, поднялся в салон, бросил пятьдесят центов в кассовый ящик. Дождь усилился, автобус ехал медленно, но Моррис ничего не имел против. Он использовал это время, чтобы подумать.

Энди оказался трусом и эгоистом, но в одном его правоте следовало признать. Записные книжки надо спрятать, причем немедленно, как бы ему ни хотелось ознакомиться с их содержимым, начав с нового романа о Джимми Голде. Если копы заявятся и не найдут у него записных книжек, они ничего не смогут сделать, правда? Подозрения к делу не пришьешь.

Так?

За шторами соседнего дома никого не было, что спасло Морриса от еще одного разговора с миссис Мюллер, по ходу которого ему, возможно, пришлось бы объяснять, почему он продал автомобиль. Дождь превратился в ливень, но Морриса это устраивало: никто не будет слоняться по пустоши между Платановой и Березовой улицами. Особенно с наступлением темноты.

Он вытащил все из потрепанного дорожного сундука, из последних сил сопротивляясь неистовому желанию заглянуть в записные книжки. Он понимал, что если заглянет, не остановится, пока не просмотрит все. Позже, подумал он. Сейчас не до удовольствий, Морри. Совет был дельный, но озвучил его голос матери, и в висках вновь запульсировала боль. По крайней мере надолго откладывать удовольствие он не собирался. Если полиция не нагрянет к нему в ближайшие три недели (в крайнем случае месяц), он сможет расслабиться и взяться за записные книжки.

Моррис застелил сундук полиэтиленовой пленкой, чтобы содержимое не отсырело, и загрузил в него все записные книжки, включая ту, которую показывал Энди, а сверху уложил конверты с деньгами. Закрыв сундук, подумал, открыл вновь, сдвинул пленку и достал из одного конверта пару сотен долларов. Конечно, при обыске ни один коп не удивился бы наличию такой суммы. Моррис вполне мог сказать, что получил эти деньги при расчете или что-то такое.

Дождь, барабанивший по крыше гаража, его не успокаивал. Моррису казалось, что по железу стучат чьи-то костлявые пальцы, и от этого стука у него разболелась голова. Он замирал всякий раз, когда мимо проезжал автомобиль, ожидая, что фары и синие мигалки зальют светом подъездную дорожку. Черт бы побрал Энди Холлидея, вселившего в меня эту бессмысленную тревогу, подумал Моррис. Черт бы побрал этого наглого гомика!

Вот только тревога могла оказаться вовсе не бессмысленной. И по мере того как день полз к сумеркам, Моррис Беллами все больше склонялся к мысли, что копы смогут связать его с Кертисом и Фредди. Эта гребаная зона отдыха! Почему он не оттащил трупы в лес? Но едва ли это сильно замедлило бы расследование. Копов вызвали бы даже из-за пятен крови. А у копов были собаки...

— И кроме того, — сказал он сундуку, — я торопился. Так?

Ручная тележка отца по-прежнему стояла в углу, рядом с ржавой киркой и двумя ржавыми лопатами. Моррис положил сундук на тележку, закрепил и выглянул из гаражного окна. Слишком светло. Теперь, после завершения всех приготовлений к тому, чтобы избавиться от записных книжек и денег — временно, успокаивал он себя, это временная мера, — в нем крепла уверенность, что копы нагрянут с минуты на минуту. Допустим, миссис Мюллер сообщила им о его подозрительном поведении. Вероят-

ность, конечно, невелика, она тупа как дерево, но как знать?

Моррис заставил себя проглотить еще один замороженный обед в надежде, что калории помогут унять головную боль. Но голова разболелась еще сильнее. Он заглянул в материнскую аптечку в поисках адвила или аспирина, но не нашел ничего. Ну и пошла ты, мамаша, сама знаешь куда, подумал он. Да, в прямом смысле. *Пошла на...*

Он увидел ее улыбку. Сухую и холодную.

В семь вечера еще было светло, чертово солнце никак не хотело сдавать позиции, но окна соседнего дома по-прежнему оставались темными. Морриса это радовало, однако он понимал, что Мюллеры могут вернуться с минуты на минуту. А кроме того, он слишком разнервничался, чтобы ждать дольше. Он порывлся в стенном шкафу, нашел пончо.

Открыл заднюю дверь гаража и выкатил тележку на лужайку. Трава намокла, земля стала мягкой, каждый шаг давался с трудом. Тропу — подростком он был на ней частым гостем, обычно бегал в Центр досуга на Берч-стрит — укрывали от дождя кроны деревьев, и идти сразу стало легче. К тому времени, когда он добрался до речки, по диагонали пересекавшей пустошь, стемнело полностью.

Моррис взял с собой фонарь и периодически включал его, подбирая наиболее удачное место на откосе, спускавшемся к речке, на безопасном расстоянии от тропы. Мягкая земля поддавалась легко, пока он не добрался до корней росшего над откосом дерева. Подумал о том, чтобы перейти на другое место, но уже вырыл достаточно большую дыру, чтобы в нее вошел сундук, оставалось только ее углубить, и начинать все заново не хотелось. Ведь сундуку предстояло пролежать в земле от силы месяц. Так что он сунул фонарик в раскоп, подложил под него камень, чтобы луч освещал корни, и принялся их перерубать.

Наконец Моррис задвинул сундук в дыру, забросал землей, утрамбовал ее лопатой. Решил, что сойдет. Трава на откосе не росла, так что лысого пятна никто не заметит. Главная задача заключалась в том, чтобы не оставлять записные книжки в доме, верно?

Верно?

Моррис не чувствовал облегчения, когда катил тележку по тропе, возвращаясь к дому. Из задуманного ничего не выходило, ничего. Словно злобная судьба стремилась разлучить его и записные книжки, точно так же, как не позволяла быть вместе Ромео и Джульетте. Это сравнение показалось ему абсурдным и удивительно точным. Он *был* влюблен. Чертов Ротстайн надул его последним романом «Бегун сбрасывает темп», но это ничего не меняло.

Его любовь была истинной.

Дома он сразу принял душ, как много лет спустя сделает подросток по имени Питер Зауберс, — в той же самой ванной, после похода к тому же откосу и склоненному дереву. Моррис стоял под струями, пока кожа на пальцах не сморщилась и не закончилась горячая вода. Потом вытерся и надел чистую одежду, которую взял в стенном шкафу спальни. Мальчишечья, старомодная, она тем не менее ему подходила (почти). Вымазанные землей джинсы и рубашку он бросил в стиральную машину. Точно так же годами позже поступит Пит Зауберс.

Моррис включил телевизор, сел в старое отцовское кресло — мать говорила, что оставила его как напоминание, на случай если ее вновь потянет на подобную глупость — и получил обычную порцию белиберды, щедро одобренной рекламой. Подумал, что сценарий любого из этих роликов (прыгающие пузырьки со слабительным, прихорашивающиеся мамыши, поющие гамбургеры) мог написать Джимми Голд, и головная боль резко усилилась. Он решил сходить в «Зоуни» и купить упаковку анацина.

Может, вместе с банкой пива, а то и двумя. Пиво ему повредить не могло. Голову он терял от крепкого спиртного; этот урок Моррис запомнил навсегда.

Он купил анацин, однако ему стало совсем худо, едва он подумал о том, как будет пить пиво в доме, набитом книгами, которые он не хотел читать, сидя перед телевизором, который не хотел смотреть. В то время как то, что ему *не терпелось* прочесть, находилось совсем рядом. Моррис редко пил в барах, но вдруг понял, что сойдет с ума, если не выберется в какое-нибудь место, где найдет хорошую компанию и заводную музыку. Он не сомневался, что в этот дождливый вечер там найдется молодая женщина, которая захочет потанцевать.

Моррис заплатил за анацин и спросил молодого кассира, есть ли неподалеку бар с живой музыкой, до которого можно доехать на автобусе.

Молодой кассир ответил утвердительно.

2010 ГОД

В ту пятницу Линда Зауберс пришла домой в половине четвертого. Пит с мокрыми после душа волосами сидел за столом на кухне и пил какао. Линда повесила пальто на один из крючков у двери, опять приложила внутреннюю сторону запястья ко лбу Пита.

— Холоден, как огурец, — сообщила она. — Чувствуешь себя лучше?

— Да, — кивнул он. — Когда Тина вернулась, я дал ей крекеры с арахисовым маслом.

— Ты хороший брат. И где она сейчас?

— У Эллен, где же еще?

Линда закатила глаза, Пит рассмеялся.

— Матерь Божья, неужели я слышу сушилку?

— Да. В корзине лежала грязная одежда, и я ее постирал. Не волнуйся, я следовал инструкции, и проблем не возникло.

Линда наклонилась и поцеловала его в висок.

— Ты теперь моя маленькая прачка?

— Хотел тебе помочь, — ответил Пит. И сжал правую руку в кулак, чтобы скрыть волдырь.

Первый конверт пришел в снежный четверг на следующей неделе. С напечатанным адресом: мистеру Томасу Зауберсу, дом двадцать три по Сикомор-стрит. В верхнем правом углу была сорокачетырецентровая марка, выпущенная в честь Года тигра. Обратный адрес в верхнем левом углу отсутствовал. Том — единственный представи-

тель клана Зауберсов, находившийся дома в середине дня, — вскрыл конверт в прихожей, ожидая новый счет или напоминание об уплате уже полученного. Бог свидетель, в эти дни хватало и первых, и вторых. Но это был не счет и не напоминание.

Это были деньги.

Остальные конверты — каталоги дорогих товаров, которые они не могли себе позволить, и рекламные проспекты, адресованные ЖИЛЬЦУ, — выпали из руки Тома и рассыпались по полу. Том Зауберс этого даже не заметил.

— И что, *мать твою*, это значит? — спросил он низким, хриплым голосом.

Когда Линда пришла домой, деньги лежали на кухонном столе. Том сидел, глядя на маленькую стопку, положив подбородок на сложенные руки. Он напоминал генерала, обдумывающего стратегию битвы.

— Что это? — спросила Линда.

— Пятьсот долларов. — Том продолжал смотреть на купюры. — Восемь полсотенных и пять двадцаток. Пришли по почте.

— От кого?

— Не знаю.

Она поставила портфель на пол, подошла к столу, взяла деньги. Сосчитала, потом посмотрела на мужа широко раскрытыми глазами.

— Господи, Том. А что в письме?

— Никакого письма. Только деньги.

— Но кто...

— Не знаю, Лин. Но знаю одно.

— Что?

— Применение им мы найдем.

— Срань господня! — воскликнул Пит, когда ему сообщили. Он задержался на школьном турнире по волейболу и явился только к обеду.

— Давай без грубостей, — рассеянно ответила Линда. Деньги по-прежнему лежали на кухонном столе.

— Сколько? — спросил Пит, а после ответа отца добавил: — И кто их прислал?

— Хороший вопрос, — усмехнулся Том. — На миллион долларов. — Впервые за долгое время Пит услышал, как отец шутит.

На кухню зашла Тина.

— У папы появилась волшебница-крестная, вот что я думаю. Эй, папа, мама! Посмотрите на мои ногти! У Эллен лак с блестками, и она поделилась со мной.

— Тебе очень идет, моя тыковка, — ответил Том.

Сначала шутка, потом комплимент. Этого хватило, чтобы убедить Пита, что он поступил правильно. Абсолютно правильно. Они не могли вернуть эти деньги, правда? Без обратного адреса не могли. И кстати, когда папа в последний раз называл Тинс тыковкой?

Линда пристально посмотрела на него:

— Ты ведь не знаешь, откуда они взялись?

— Нет, но можно мне немного?

— Мечтать не вредно, — ответила она и повернулась к мужу, уперев руки в бедра. — Том, очевидно, кто-то ошибся.

Том обдумал ее слова, а когда заговорил, его голос был спокойным:

— Маловероятно. — Он подтолкнул к ней конверт, постучав пальцем по адресу.

— Да, но...

— Никаких «но», Лин. Мы задолжали за отопление, а до того, как заплатим им, должны внести деньги за твою «Мастеркард». Или мы ее лишимся.

— Да, но...

— Лишившись кредитной карты, мы потеряем кредитный рейтинг. — По-прежнему никаких гавок-тявок. Спокойно и здраво. Убеждая. Питу казалось, будто раньше отец метался в бреду от высокой температуры, а теперь

она спала. Том даже улыбнулся. Улыбнулся и взял Линду за руку. — Так вышло, что сейчас у нас остался только твой кредитный рейтинг, и мы должны его беречь. А кроме того, Тина, возможно, права, и у меня появилась волшебница-крестная.

Нет, подумал Пит, у тебя появился волшебник-сын.

— Подождите! — воскликнула Тина. — Я знаю, *откуда* они взялись!

Они повернулись к ней. Пита внезапно прошиб пот. Но она не могла узнать. *Как?* Правда, он по глупости ляпнул насчет зарытого сокровища...

— Откуда, милая? — спросила Линда.

— От этого Резервного фонда. Наверное, они получили деньги и теперь рассылают их.

Пит беззвучно выдохнул, только сейчас осознав, что какое-то время не дышал.

Том потрепал дочь по волосам.

— Они не рассылают наличные, тыковка. Они бы прислали чек. И кучу бланков для заполнения.

Пит направился к плите:

— Я хочу какао. Кто-нибудь еще хочет?

Как выяснилось, хотели все.

Конверты продолжали приходить.

Цена почтовой марки поднялась, но сумма не менялась. Примерно шесть дополнительных тысяч долларов в год. Деньги не слишком большие, но не облагаемые налогом, и их хватало для того, чтобы семья Зауберсов не утонула в долгах.

Детям строго-настрого запретили говорить кому-либо об этих конвертах.

— Тина не сможет держать язык за зубами, — как-то вечером сказала Линда Тому. — Ты это знаешь, да? Обязательно скажет своей идиотке подруге, а та растрезвонит всем вокруг.

Однако Тина хранила секрет, отчасти потому, что ее брат, которого она боготворила, пригрозил ей, что она больше не переступит порога его комнаты, если проболтается, но преимущественно потому, что помнила гавки-тявки.

Пит хранил конверты с деньгами в затянутой паутиной полости за расшатавшимся плинтусом в своем стенном шкафу. Раз в четыре недели или около того доставал пятьсот долларов и клал в рюкзак вместе с конвертом с напечатанным адресом. Он заготовил несколько десятков в школе, в классе обучения делопроизводству. Однажды заглянул туда после волейбольного матча, когда класс пустовал.

Он использовал различные почтовые ящики, отсылая письма мистеру Томасу Зауберсу, проживающему в доме двадцать три по Сикомор-стрит, осмотрительно и изощренно, будто матерый преступник, хотя и занимался благородным делом. Он постоянно боялся, что мать его разоблачит, начнет возражать (возможно, резко), и все вернется на круги своя. Даже сейчас ситуация была далека от идеала, изредка случались гавки-тявки, но Пит полагал, что идеально дела шли только у семей из сериалов, которые показывали по каналу «Ник эт найт».

Теперь они могли смотреть «Ник эт найт», и «Картун нетворк», и Эм-ти-ви, потому что, дамы и господа, в их дом *вернулось* кабельное телевидение.

В мае произошло еще одно радостное событие: отец нашел подработку в новой риелторской компании, стал «предпродажным инспектором». Пит не знал, что это такое, да и не хотел знать. Для работы Тому требовались телефон и домашний компьютер, он зарабатывал пусть маленькие, но деньги, а все остальное значения не имело.

И еще два изменения произошли после того, как начали приходить конверты с деньгами. Первое заключалось в том, что с ногами у отца стало лучше. В июне 2010 года (когда наконец поймали преступника, устроившего так

называемую Бойню у Городского центра) Том начал понемногу ходить без костылей, а также снижать суточную дозу розовых таблеток. Описать второе изменение было сложнее, но Пит знал, что оно произошло. Тина тоже знала. Папа и мама чувствовали себя... ну... *счастливыми*, и теперь, если начинали спорить, выглядели не только злыми, но и виноватыми, словно гадили на внезапно свалившуюся на них удачу. Теперь они часто замолкали и переводили разговор на другое, прежде чем успевали распасться. И они постоянно говорили о деньгах и о том, кто мог их присылать. Но обсуждения эти ни к чему не приводили, что Пита только радовало.

В тот год, где-то в августе, папа и мама повезли Тину и Эллен в зоопарк «Хэппидейл фарм», где посетители могли гладить и кормить животных. Именно этого шанса терпеливо дожидался Пит. Как только они уехали, он пошел на берег реки с двумя чемоданами.

Убедившись, что горизонт чист, он вновь вырыл сундук и переложил записные книжки в чемоданы. Похоронил сундук и понес добычу к дому. В коридоре второго этажа разложил лестницу на чердак и затащил туда чемоданы. В этом маленьком низком помещении зимой царил лютый холод, а летом — жуткая жара. Семья им практически не пользовалась: все лишнее по-прежнему хранилось в гараже. Зато здесь остались вещи от прежних жильцов дома двадцать три по Сикомор-стрит. Грязная детская коляска с одним перекошенным колесом, торшер с райскими птицами на абажуре, перетянутые шпагатом стопки журналов «Красная книга» и «Образцовое домашнее хозяйство», груда заплесневелых, зловонных одеял.

Пит сложил записные книжки в самом дальнем углу и прикрыл одеялами, но сначала наугад взял одну, сел под одной из двух лампочек, освещавших чердак, и раскрыл. Увидел рукописный текст, с четкими, очень маленькими, но легко читающимися буквами. И никаких зачерки-

ваний. Хотя он смотрел на первую страницу, наверху стояло число 482, обведенное кружком. Из этого Пит сделал вывод, что перед ним продолжение не одной записной книжки, а пяти или шести. Как минимум пяти или шести.

Глава 27

Подсобка «Погонщика» за пять лет совершенно не изменилась: к запаху старого пива подмешивались вонь скотных дворов и острый привкус дизельного топлива со стоянок дальнбойщиков, расположившихся на этой половине великой равнины Небраски. И Стю Логан выглядел как всегда: тот же белый фартук, те же подозрительно черные волосы, тот же галстук с попугаями и пальмами на толстой розовой шее.

— Да это же Джимми Голд, чтоб мне провалиться на этом самом месте! — воскликнул он и улыбнулся прежней неприятной улыбкой, которая говорила: мы друг друга терпеть не можем, но давай сделаем вид. — Так ты пришел, чтобы вернуть мне долг?

— Да, — ответил Джимми и коснулся заднего кармана, в котором лежал пистолет, маленький, но ставящий последнюю точку, способный — при правильном использовании и решимости — оплатить все долги.

— Тогда заходи, — предложил Логан. — Выпей. Тебя, похоже, мучает жажда.

— Мучает, — согласился Джимми, — и кроме выпивки я бы...

Сулицы донесся автомобильный гудок. Пит подпрыгнул и виновато огляделся, словно гонял шкурку, а не читал. Вдруг они вернулись рано, потому что эту тупицу Эллен укачало в автомобиле? Что, если его застукают с записными книжками? Все рухнет в один миг.

Он сунул записную книжку, которую читал, под старые одеяла (фу, как же они воняли) и, согнувшись, направился к люку, бросив короткий взгляд на чемоданы. Времени на них не оставалось. Спускаясь по лестнице, Пит вздрогнул: температура изменилась от нестерпимо высокой до обычной августовской. Пит сложил лестницу и поднял крышку люка, поморщившись от скрипа ржавой пружины и удара, с которым крышка встала на положенное место.

Прошел в спальню и выглянул на подъездную дорожку.

Пусто. Ложная тревога.

Слава Богу.

Он вновь поднялся на чердак, достал чемоданы. Положил в чулан под лестницей. Принял душ (вновь напоминая себе смыть всю грязь с ванны), переоделся в чистое и лег на кровать.

Это роман, подумал он. С таким количеством страниц иначе и быть не может. И не один, записных книжек слишком много для одного. Даже для Библии столько не нужно.

К тому же... он заинтересовался. Хотел просмотреть записные книжки и найти ту, с которой все началось. Увидеть, стоящий ли это роман. Потому что по одной странице ничего сказать нельзя, правда?

Пит закрыл глаза и поплыл к дреме. Обычно днем он не спал, но утро выдалось насыщенным, в пустом доме царил тишина, и он решил не сопротивляться. Почему нет? Все хорошо, по крайней мере сейчас, и это его рук дело. Он заслужил отдых.

Но эти имя и фамилия... Джимми Голд.

Пит мог поклясться, что где-то их уже слышал. Может, в классе? От миссис Свидровски? Обычно она рассказывала им об авторах, произведения которых они читали. Возможно. Ей это нравилось.

«Может, я погуглю его, — подумал Пит. — Это я могу. Я могу...»

1978 ГОД

Моррис сидел на железной койке, наклонив гудящую голову, свесив руки между ногами в оранжевых штанах, вдыхая ядовитую атмосферу мочи, блевоты и дезинфицирующего средства. Желудок превратился в свинцовый шар, который расширился до тех пор, пока не заполнил все нутро, от промежности до адамова яблока. Глаза пульсировали в глазницах. В рот словно плеснули помоев. Нос заложило. Болели живот и лицо. Где-то хриплый, отчаявшийся голос выводил на одной ноте: «Любимая нужна мне та, что не сведет меня с ума, любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума, любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума...»

— Заткнись! — крикнул кто-то. — Это ты сводишь меня с ума, говнюк!

Пауза. Потом:

— Любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума!

Свинец в желудке расплавился и забулькал. Моррис соскользнул с койки, рухнул на колени (что вызвало новый взрыв боли в голове) и раскрыл рот над стальным унитазом. Поначалу ничего не произошло. Потом желудок сжался, и изо рта выплеснулась пара галлонов желтой жижи, напоминавшей зубную пасту. Голова болела нестерпимо, и Моррис подумал, что она сейчас просто взорвется. Он даже надеялся, что так и будет. Соглашался на все, лишь бы избавиться от этой боли.

Он не умер — его снова вырвало. На этот раз слабее, но эта блевота *жгла*. Затем последовал лишь позыв. Нет, не совсем позыв — толстые нити густой слизи свисали с губ, как паутина. Пришлось их смахнуть.

— *Хвалимся харчишками!* — крикнул кто-то.

Крики и смешки приветствовали эту остроту. У Морриса создалось ощущение, будто он в зоопарке, и он решил, что так оно и есть, только это необычный зоопарк, в котором все клетки занимали люди. Доказательством тому служил надетый на него оранжевый комбинезон.

Но как он сюда попал?

Моррис не помнил, однако когда-то он не смог вспомнить, каким образом оказался в доме в Шугар-Хайтс, который разнес. Вспоминался только собственный дом на Сикомор-стрит. И сундук, разумеется. Похороны сундука. Помнил он и деньги в кармане, двести долларов Джона Ротстайна. С ними он пошел в «Зоуни», чтобы купить пару банок пива, потому что болела голова и он чувствовал себя одиноким. Он говорил с кассиром, в этом Моррис не сомневался, но не мог вспомнить, что именно они обсуждали. Бейсбол? Вероятно, нет. Он носил бейсболку с логотипом «Сурков», но на этом его интерес к бейсболу и заканчивался. Потом практически полный провал. Впрочем, он не сомневался, что случилось что-то ужасное. Раз он очнулся, одетый в оранжевый комбинезон, догадаться об этом не составляло труда.

Он дополз до койки, забрался на нее, сел, подтянув колени к груди, обхватив их руками. В камере царил холод. Морриса начало трясти.

«Наверное, я спросил кассира про его любимый бар. До которого можно добраться на автобусе. И поехал туда, верно? Поехал и напился. Хотя знал, что творит со мной алкоголь. И я не просто немного выпил — нажрался до усрачки».

Да, несомненно, хотя знал, что ему не следует пить. Это, конечно, плохо, но он не мог вспомнить, что натво-

рил потом, а это было намного хуже. После третьей порции (иногда после второй) он падал в черную дыру и мог выкарабкаться оттуда, лишь проснувшись с жутким похмельем, но трезвый. Алкогольная амнезия, так это называют. А будучи в черной дыре, он всегда... Что? Скажем так, устраивал дебоши. После одного попал в Ривервью, исправительную колонию для малолетних преступников. Благодаря другому оказался здесь. Где бы это *здесь* ни было.

Дебоши.

Гребаные дебоши.

Моррис надеялся, что все обошлось привычной, старомодной дракой в баре, без взлома замков и проникновения в чужой дом. Другими словами, без повторения случившегося в Шугар-Хайтс. Потому что он давно стал совершеннолетним, и исправительная колония ему никак не светила. Однако он не возражал против отсидки положенного срока, если действительно совершил преступление. При условии, Господи, пожалуйста, что преступление это не имело никакого отношения к убийству некоего гениального американского писателя. В противном случае ему еще долго не вдохнуть аромат свободы. Может, вообще никогда. Потому что речь шла не только о Ротстайне, верно? Память услужливо *подбросила* Кертиса Роджерса, интересующегося, есть ли в Нью-Хэмпшире смертная казнь.

Моррис вытянулся на койке, дрожа всем телом, думая: «Я здесь не поэтому. Не поэтому».

Или поэтому?

Ему пришлось признать, что такое возможно, и не потому, что полиция связала его с двумя трупами в зоне отдыха. Он видел себя в баре или стрип-клубе, Морриса Беллами, исключенного из колледжа, самозваного знатока американской литературы, пьющего бурбон и наслаждающегося жизнью. Кто-то начинает говорить об убийстве Джона Ротстайна, великого писателя, американского *гения*, жившего в полной изоляции, и Моррис Беллами — нализовавшийся в стельку и переполненный

яростью, которую он обычно держит в клетке, этой черной зверюгой с желтыми глазами — поворачивается к скорбящему и говорит: «Он вовсе не казался гениальным, когда я разнес ему башку».

— Я бы *никогда*, — прошептал он. Голова болела все сильнее, и он чувствовал, что с левой половиной лица что-то не так. Она *горела*. — Я бы *никогда*...

Только откуда ему знать? Когда он напивался, любой день мог стать «Днем каких угодно свершений». Черная зверюга вырывалась из клетки. Подростком он разнес дом в Шугар-Хайтс, разнес почти в клочки, а когда приехали копы, дрался с ними, пока один не вырубил его ударом дубинки. В его карманах нашли женские украшения, по большей части бижутерию, но также несколько очень дорогих вещичек, которые хозяйка по легкомыслию не убрала в сейф, и прости-прощай, мы едем в Ривервью, где у нашего юного зада появится много новых близких друзей.

Моррис подумал: «Человек, по пьяни попавший в такой переплет, вполне может похвалиться тем, что убил создателя Джимми Голда, и ты это знаешь».

Хотя это могли быть копы. Если они установили его личность, а потом объявили в розыск. Вполне возможно.

— Любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума!

— Заткнись! — на этот раз крикнул сам Моррис, то есть попытался крикнуть, но с залепленных блевой губ сорвался только хрип. Как же болела голова! И лицо тоже. Он провел рукой по левой щеке и тупо уставился на чешуйки запекшейся крови, оставшиеся на ладони. Вновь ошупал щеку и обнаружил царапины, как минимум три. Царапины от ногтей, глубокие. И о чем нам это говорит? Что ж, обычно — хотя исключения бывают из каждого правила — мужчины бьют, а женщины царапают. Дамы делают это ногтями, потому что они у них зачастую достаточно длинные.

«Я пытался заставить кого-то поплясать, а она отказала мне и впилась в меня ногтями?»

Моррис старался вспомнить — и не мог. Он помнил дождь, пончо, фонарь, освещающий корни. Помнил, как рубил их. Вроде бы помнил желание послушать громкую заводную музыку, разговор с кассиром в мини-маркете «Зоуни». А потом? Чернота.

Он подумал: «Может, все-таки автомобиль? Чертов «бискейн». Кто-то видел, как он выезжал из зоны отдыха на девяносто втором шоссе, забрызганный справа кровью, или я что-то оставил в бардачке. Что-то со своим именем».

Но это было маловероятно. Фредди купил «шеви» у полупьяной завсегдатайши одного из баров Линна, заплатил деньгами, которые они внесли в общий котел. Она продала автомобиль Гарольду Файнману — так, кстати, звали лучшего друга Джимми Голда в «Бегуне». Она никогда не видела Морриса Беллами, которому хватило ума держаться подальше от того места, где совершалась эта сделка. Кроме того, оставляя автомобиль на стоянке у торгового центра, Моррис разве что не написал на ветровом стекле: «ПОЖАЛУЙСТА, УКРАДИ МЕНЯ». Нет, сейчас «бискейн» стоял где-нибудь на пустыре, в Лоутауне или рядом с озером, полностью выпотрошенный.

«Тогда почему я здесь? Снова к исходной точке, как белка в колесе. Если какая-то женщина пометила мое лицо ногтями, может, я ей врезал? Может, сломал челюсть?»

Что-то шевельнулось за черным занавесом беспамятства. Если именно это и произошло, его обвинят в нападении, и он может отправиться в Уэйнесвилл, прокатиться в большом зеленом автобусе с решетками на окнах. Уэйнесвилл — это, конечно, плохо, но он отсидит несколько лет, если придется. Нападение — не убийство.

«Пожалуйста, пусть это будет не Ротстайн, — думал он. — Мне надо столько прочитать, все это чтиво лежит в безопасном месте и ждет. А самое главное, у меня есть деньги, чтобы прокормиться, пока я буду читать, больше двадцати тысяч в самых обычных купюрах по двадцать и пятьдесят долларов. Этого хватит надолго, если не шиковать. Пожалуйста, пусть это будет не убийство».

— Любимая нужна мне та, что *не сведет* меня с ума.

— Еще раз это скажешь, хрен моржовый, — крикнул кто-то, — и я вытащу твою прямую кишку через рот!

Моррис закрыл глаза.

Хотя к полудню самочувствие улучшилось, Моррис отказался от бурды, которую принесли на ленч, — лапши, плававшей в кроваво-красном соусе. Около двух часов дня в коридор вошла четверка охранников. Один, державший в руке планшет с зажимом для бумаг, начал выкрикивать фамилии:

— Беллами! Макгивер! Райли! Рузвельт! Сисьгарден! Холлоуэй! Шаг вперед!

— Сигарден, сэр! — поправил охранника здоровяк-негр из соседней камеры.

— Да мне плевать, будь ты Джон Ф. Говноед. Кто хочет говорить с назначенным судом адвокатом, шаг вперед. Кто не хочет, сидит дальше.

Шестеро названных арестованных выступили вперед. Кроме них, в камерах уже никого не осталось, во всяком случае, в этом коридоре. Остальных привезенных сюда прошлой ночью (к счастью, и большого поклонника творчества Джона Мелленкампа*) или освободили, или увезли на утреннее заседание суда. Как и положено мелкой рыбешке. После полудня, и Моррис это знал, в суде рассматривались серьезные дела. Именно после полудня разбиралось его маленькое приключение в Шугар-Хайтс. И командовала парадом судья Буковски, та еще сучка.

Когда дверь камеры распахнулась, Моррис молился Богу, в которого не верил. Нападение, Господи, хорошо? Просто нападение — не покушение на жизнь. И тем более не убийство. Господи, пусть они ничего не знают о том, что произошло в Нью-Хэмпшире или в некой зоне отдыха в штате Нью-Йорк, хорошо? Не возражаешь?

* «Мне нужна любимая...» — одна из песен известного американского рок-музыканта Джона Мелленкампа.

— Выходите, парни, — скомандовал охранник с планшетом. — Выходите и поворачивайтесь направо. Встаньте на расстоянии вытянутой руки от стоящего впереди американского гражданина. Никого ни за что не хватаем. Не доставляйте нам хлопот — и мы ответим тем же.

Они спустились на лифте, достаточно большом, чтобы в нем разместилось стадо овец, прошли другим коридором, потом — одному Богу известно зачем, ведь их одежду составляли сандалии и комбинезоны без карманов — через рамку металлоискателя. И попали в комнату свиданий с восемью отгороженными кабинками, напоминавшими библиотечные. Охранник направил Морриса в кабинку номер три. Моррис сел и оказался лицом к лицу с назначенным судом адвокатом. Их разделяло плексигласовое окно, которое редко мыли, но часто пачкали. На стороне свободы сидел парень с плохой стрижкой, припорошенной перхотью. Под одной его ноздрей пузырился герпес, на коленях стоял потертый портфель. Выглядел парень лет на девятнадцать.

«И это все, что я заслужил, — подумал Моррис. — Это все, что я заслужил».

Адвокат указал на телефон на стене кабинки, открыл портфель. Достал один лист бумаги и неременный блокнот с желтыми линованными страницами. Как только лист и блокнот легли на стол перед адвокатом, он поставил портфель на пол и сам взял телефонную трубку. Заговорил не сбивчивым юношеским тенором, но уверенным низким баритоном, никак не сочетавшимся с цыплячьей грудью под пурпурной тряпкой-галстуком.

— Вы по уши в дерьме, мистер... — он посмотрел на лист бумаги, — Беллами. И, думаю, должны готовиться к очень долгому пребыванию в тюрьме штата. Если только не сможете предложить что-то взамен.

«Он говорит о том, чтобы я отдал записные книжки», — подумал Моррис.

Мурашки побежали по его рукам, словно тупельки злых фей. Если его взяли за убийство Ротстайна, ему добавят убийства Кертиса и Фредди. Это означает пожизненное без права на досрочное освобождение. Он никогда не сможет вырыть сундук, не выяснит, какая судьба ждала Джимми Голда.

— Подайте голос. — Адвокат словно обращался к собаке.

— Сначала скажите мне, с кем я говорю.

— Элмер Кафферти, временно к вашим услугам. Вы предстанете перед судом... — он посмотрел на часы «Таймекс», еще более дешевые, чем его костюм, — через тридцать минут. Судья Буковски очень пунктуальна.

Стрела боли, не имевшая отношения к похмелью, пронзила голову Морриса.

— Нет! Только не она! Не может быть! Эта сука плавала в Ковчеге!

Кафферти улыбнулся:

— Как я понимаю, вы уже сталкивались с Великой Буковски.

— Проверьте мое дело, — мрачно ответил Моррис.

«Хотя там, возможно, ничего и нет, — подумал он. — Происшествие в Шугар-Хайтс могли сдать в архив, как я и говорил Энди. Гребаный Энди Холлидей! Он во всем виноват».

— Гомик.

Кафферти нахмурился:

— Что вы сказали?

— Ничего. Продолжайте.

— У меня есть только сведения о вашем аресте этой ночью. Хорошая новость: вашу судьбу будет решать другой судья, когда дело дойдет до процесса. Еще одна хорошая новость, во всяком случае, для меня: на процессе вас будет представлять кто-то еще. Мы с женой переезжаем в Денвер, и вы, мистер Беллами, станете моим воспоминанием.

В Денвер или в ад, для Морриса это значения не имело.

- Скажите, в чем меня обвиняют?
- Вы не помните?
- Спиртное вызывает у меня амнезию.
- Неужели?
- Да, — кивнул Моррис.

Может, стоило предложить записные книжки для обмена, хотя сама мысль об этом вызывала боль. Но даже если бы он сделал такое предложение... или если бы Кафферти сделал такое предложение... оценил бы прокурор значимость содержимого записных книжек? Законники — не филологи. Возможно, для прокурора самый великий писатель — Эрл Стэнли Гарднер. Даже если записные книжки — все эти прекрасные «Молескины» — производят впечатление на представителя юридической системы штата, что выгадает он, Моррис, отдав их? Получит одно пожизненное заключение вместо трех? Ха-ха!

«Я не могу, ни при каких обстоятельствах. И не пойду на это».

Энди Холлидей, возможно, был гомиком, благоухающим «Английской кожей», но мотивацию Морриса определил правильно. Кертиса и Фредди интересовали только деньги. Когда Моррис заверил их, что из старика можно будет вытрясти тысяч сто, они ему поверили. Рукописи Ротстайна? Для этих двух невежд написанное Ротстайном после 1960 года значило не больше, чем выработанная золотая жила. Сложись все по-другому, он бы предложил Кертису и Фредди свою долю денег за их долю записных книжек и не сомневался, что эта его идея прошла бы на ура. Если бы он отдал записные книжки сейчас — учитывая, что в них содержалось продолжение саги Джимми Голда, — то не получил бы за них ничего.

Кафферти постучал телефонной трубкой по плекси-гласу. Потом вновь поднес ее к уху.

— Кафферти вызывает Беллами. Кафферти вызывает Беллами. Выходите на связь, Беллами.

— Извините. Задумался.

— Немного поздноватo, вы не находите? Постарайтесь не отвлекаться, будьте так любезны. Обвинения вам будут предъявлены по трем пунктам. Мой совет, если вы соизволите его принять: не признавайте своей вины ни по одному. Потом, представ перед судом, вы можете признать свою вину, если сочтете, что вам это выгодно. О залоге даже не заикайтесь, потому что Буковски не смеется: она квохчет, как ведьма.

Худшие опасения подтвердились, подумал Моррис. Ротстайн, Доу и Роджерс. Тройное убийство.

— Мистер Беллами? Наше время летит, и я теряю терпение.

Телефонная трубка сползла с уха, и Моррис с трудом вернул ее на место. Теперь уже ничего не имело значения, однако этот адвокат с простодушным лицом Ричи Каннингэма* и необычным баритоном мужчины средних лет продолжал говорить, и слова, вливавшиеся в его ухо, в какой-то момент начали обретать смысл.

— Они двигаются снизу вверх, мистер Беллами, от легкого до самого тяжелого. Пункт первый: сопротивление аресту. На этапе предъявления обвинения вам целесообразно не признавать своей вины. Пункт два: нападение при отягчающих обстоятельствах, и не только на женщину. Вы также врезали первому подоспевшему копу, прежде чем он надел на вас наручники. Не признавайте вины и здесь. Пункт три: изнасилование при отягчающих обстоятельствах. Потом они могут добавить попытку убийства, но пока это только изнасилование... если про изнасилование можно сказать «только». И тут вы не...

— Минуточку, — прервал его Моррис. Коснулся свежих царапин на щеке и ощутил... надежду. — Я кого-то *изнасиловал*?

* Ричи Каннингэм — главный герой комедийного телесериала «Счастливые дни», выходившего на телеканале ABC (1974–1984).

— Совершенно верно. — Голос адвоката был довольным. Возможно, по той причине, что клиент наконец-то услышал его. — После того как мисс Кора Энн Хупер... — Он достал из портфеля еще один лист бумаги и сверился с ним. — Это произошло вскоре после того, как она покинула кафе, в котором работает официанткой. Она направлялась к автобусной остановке на Лоуэр-Мальборо. Говорит, что вы ее подкараулили и затащили в проулок рядом с таверной «Стрелок», где провели несколько часов, отдавая должное «Джеку Дэниелсу», прежде чем пнули музыкальный автомат, и вас попросили на выход. В сумочке у мисс Хупер была портативная «тревожная кнопка». Она сумела ее нажать. И расцарапала вам лицо. Вы сломали ей нос, повалили, придушили и вставили своего Джонса Хопкинса в ее Сару Лоренс. Когда патрульный Филип Эллен-тон сдернул вас с нее, вы все еще получали образование*.

— Изнасилование. Почему я?..

Глупый вопрос. Почему он провел три часа, разнося тот дом в Шугар-Хайтс, прервавшись лишь для того, чтобы пописать на обюссонский ковер?

— Понятия не имею, — ответил Кафферти. — Изнасилования мне чужды.

«И мне, — подумал Моррис. — Обычно. Но я пил «Джек Дэниелс», и меня понесло».

— Сколько мне дадут?

— Прокурор просит пожизненное. Если на процессе вы признаете вину и отдадите себя на милость правосудия, возможно, отделаетесь двадцатью пятью годами.

На процессе Моррис признал себя виновным. Сказал, что сожалеет о содеянном. Во всем винил спиртное. Отдался на милость правосудия.

И получил пожизненное.

* Именами Джонса Хопкинса и Сары Лоренс названы два известных частных колледжа США.

2013–2014 ГОДЫ

К тому времени, когда Пит Зауберс перешел в десятый класс, он уже знал, каким будет его следующий шаг: хороший колледж в Новой Англии, где литература, а не чистота, ценилась наравне с благочестием. Он уже начал поиск в Интернете и собирал буклеты. Эмерсоновский и Бостонский колледжи представлялись наиболее вероятными кандидатами, но и Брауновский не казался недостижимым. Мать и отец советовали ему не питать напрасных надежд, но Пит с ними не соглашался. Он чувствовал, что если не питать надежд и не лелеять честолюбивых замыслов подростком, во взрослой жизни скорее всего останешься никем.

И диплом он, конечно, хотел писать по английскому языку и литературе. К этому его подталкивали Джон Ротстайн и романы о Джимми Голде. Насколько знал Пит, во всем мире только он прочитал два последних, и они изменили его жизнь.

Говард Рикер, преподававший у него в десятом классе английский язык и литературу, также приложил руку к выбору жизненного пути Пита, пусть многие дети смеялись над ним, прозвав Рикки-Хиппи из-за цветастых рубашек и расклешенных брюк, которым он отдавал предпочтение. (Девушка Пита, Глория Мур, называла его Пастор Рикки, потому что, придя в возбуждение, он размахивал руками над головой.) Впрочем, редко кто пропускал уроки мистера Рикера. Вел он их интересно, вкладывал в них всю душу

и в отличие от многих учителей искренне любил детей, которых называл «юные дамы и господа». Они закатывали глаза от его ретронарядов и скрипучего смеха... но в одежде мистера Рикера чувствовалась стильность, а скрипучий смех был невероятно заразительным.

На первый урок английского он влетел, как порыв ветра, поприветствовал всех, а потом написал на доске фразу, которую Пит запомнил на всю жизнь:

Это глупо!

— И что вы об этом думаете, юные дамы и господа? — спросил он. — Что, скажите на милость, это означает?

Класс молчал.

— Тогда я вам скажу. Так уж вышло, что это самое пространное мнение, высказываемое юными дамами и господами вроде вас, обреченными посещать учебный курс, начинающийся отрывками из «Беовульфа» и заканчивающийся Раймондом Карвером. Среди учителей такие обзорные курсы иногда называют ГПГ, то есть «Галопом по гениям».

Класс заполнил его радостный скрипучий смех, руки взлетели вверх, как бы предлагая составить компанию. Большинство учеников рассмеялось, в том числе и Пит.

— Общий вердикт класса по «Скромному предложению» Джонатана Свифта? Это глупо. «Молодой Браун» Натаниэля Готорна? Это глупо. «Починка стены» Роберта Фроста? Относительно глупо. Требуемый отрывок из «Моби Дика»? *Ужасающе* глупо.

Опять смех. Никто из них не читал «Моби Дика», но все знали, что это трудная, скучная книга. Другими словами, глупая.

— Иногда! — воскликнул мистер Рикер, поднял руку и театрально нацелил палец в надпись на доске. — Иногда, мои дорогие дамы и господа, *критика эта правильная*. Я стою здесь, понутив голову, и признаю это. От меня

требуют знакомить вас с такими древностями, которые я бы не трогал. Я вижу, как уходит увлеченность из ваших глаз, и моя душа стонет. Да! *Стонет!* Но я не опускаю рук, потому что знаю: большая часть того, чему я вас учу, — *не глупа*. Даже те древности, которые, как вам кажется, никак не связаны с настоящим и никогда не будут связаны, важны — и со временем вы это почувствуете. Следует ли мне сказать вам, как определить, что *глупо*, а что — *нет*? Следует ли поделиться с вами этим великим секретом? Поскольку у нас еще сорок минут этого урока, и мы пока не начали вместе грызть гранит науки, думаю, я скажу.

Он наклонился вперед, уперев руки в стол, его галстук болтался, как маятник. Пит чувствовал, что мистер Рикер смотрит прямо на него, словно зная — или интуитивно догадываясь — о невероятном секрете, который Пит хранил под грудой одеял на чердаке своего дома. Чем-то более важным, чем деньги.

— В какой-то момент по ходу этого учебного курса, может, даже сегодня, вы прочитаете что-то трудное, поймете прочитанное только отчасти и вынесете вердикт: «Это глупо!» Буду ли я спорить с вами, когда вы выскажете свое суждение на следующем уроке? Зачем мне заниматься столь бесполезным делом? Мы проведем вместе не так много времени, наш курс занимает только тридцать четыре недели, и я не собираюсь тратить их на споры о достоинствах какого-либо рассказа или стихотворения. Зачем мне это, если все мнения субъективны, и к однозначному ответу прийти невозможно?

Некоторые из учеников — и Глория в том числе — недоумевали, но Пит прекрасно понимал, о чем говорит мистер Рикер, он же Рикки-Хиппи, потому что, взявшись за записные книжки, прочитал и десятки критических эссе по творчеству Джона Ротстейна. Многие авторы считали Ротстейна одним из величайших писателей Америки, ставили его в один ряд с Фицджеральдом, Хемингуэем, Фолкнером и Ротом. Другие — меньшинство, но

крикливое — заявляли, что произведения его второсортны и пусты. Пит прочитал рецензию в «Салоне», в которой автор назвал Ротстайна «королем остроумия и святым покровителем дураков».

— Ответ — это время, — поведал им мистер Рикер в первый день учебы Пита в десятом классе. Он расхаживал туда и обратно, шурша древними клешнями, иногда размахивал руками. — Да! Время безжалостно отделяет *глупое* от *неглупого*. Это естественный, дарвиновский процесс. Именно поэтому романы Грэма Грина продаются в любом хорошем книжном магазине, а романы Сомерсета Моэма — нет. Разумеется, эти романы до сих пор существуют, но их надо заказывать, а для этого о них нужно знать. Большинство современных читателей его не знают. Кто когда-нибудь слышал о Сомерсете Моэме, поднимите руку.

Ни одна рука не поднялась.

Мистер Рикер кивнул, как показалось Питу, весьма мрачно.

— Время определило, что мистер Грин — это *не глупо*, тогда как мистер Моэм... нет, не то чтобы глупо, но достойно забвения. Он написал несколько очень хороших романов, на мой взгляд... «Луна и грош» — роман замечательный, мои юные дамы и господа, *замечательный*, и еще он написал множество великолепных рассказов, но ничего из этого не включено в ваш учебник. Плакать ли мне из-за этого? Негодовать? Потрясать кулаками и кричать о допущенной несправедливости? Нет. Этого я делать не буду. Такое разделение — процесс естественный. Вы это поймете, юные дамы и господа, хотя к тому времени, когда это случится, я превращусь в точку в вашем зеркале заднего вида. Надо ли мне говорить вам, как это случится? Вы что-то прочтете... скажем, «*Dulce et decorum est*»* Уилфреда Оуэна. Можем ли мы использовать это стихотворение как пример? Почему нет?

* «Отрадно и почетно» (лат.).

Потом, более сильным голосом, от которого по спине Пита побежали мурашки, а горло сжалось, мистер Рикер прокричал:

— «Мы, словно под поклажей бедняки, / Согнувшись, с перебитыми ногами, / Захлебываясь кашлем...»* И так далее, и так далее. В том же духе. Кто-то из вас скажет: «Это глупо». Нарушить ли мне обещание не спорить, даже если я считаю стихотворение мистера Оуэна величайшим из тех, что посвящены Первой мировой войне? Нет! Это всего лишь мое мнение, видите ли, а мнение, как и очко, есть у каждого.

Юные дамы и господа загоготали.

Мистер Рикер выпрямился в полный рост.

— Я, возможно, накажу тех, кто будет мешать занятиям в моем классе, я умею поддерживать дисциплину, но я никогда не отнесусь к вашему мнению без должного уважения. И однако! И однако!

Палец поднялся.

— Пройдет время! *Tempus* действительно *fugit*! Стихотворение Оуэна вывалится из вашей памяти, и в этом случае ваш вердикт «это глупо» окажется верным. Во всяком случае, для вас. Но некоторым оно вновь придет на ум. И вновь. Причем, возвращаясь, оно будет приобретать все новую глубину, обусловленную вашим взрослением. Возвращаясь, оно будет казаться менее глупым и более жизненным. Более важным. Пока не *засияет*, юные дамы и господа. Пока не *засияет*. На этом позвольте закончить разглагольствования моего первого дня, и я попрошу вас открыть шестнадцатую страницу этой замечательной книги под названием «Язык и литература».

Одним из рассказов, которые мистер Рикер предложил им для прочтения в тот год, стал «Победитель на деревянной лошадке» Дэвида Герберта Лоуренса, и, конечно же,

* Пер. Н. Никитенко.

многие юные дамы и господа мистера Рикера (включая Глорию Мур, которая все больше надоедала Питу, несмотря на ее действительно великолепную грудь) сочли этот рассказ глупым. Но не Пит, прежде всего потому, что жизнь заставила его повзрослеть раньше других. И когда 2013 год уступил место четырнадцатому — году знаменитого Полярного вихря, когда все обогреватели Среднего Запада работали с максимальной нагрузкой, сжигая деньги мешками, — история эта часто приходила ему на ум, приобретая все большую глубину. Снова и снова.

Семья, описываемая в этом рассказе, вроде бы имела все, но нет, им казалось, что этого недостаточно, и главный герой, мальчик по имени Пол, постоянно слышал, как дом шепчет: «Денег должно быть больше! Денег должно быть больше!» Пит Зауберс полагал, что некоторым ученикам это казалось глупым. Этим счастливцам не приходилось слышать вечерних гавок-тявок из-за счетов, которые следовало оплатить. Или из-за цены пачки сигарет.

Юный герой рассказа Лоуренса открыл сверхъестественный способ добывания денег. Игрушечная лошадка-качалка галопом доставляла его в воображаемую страну везения, где Пол узнавал победителей на скачках, которые проводились в реальном мире. Он заработал тысячи долларов, но дом продолжал шептать: «Денег должно быть больше!»

Наконец последняя поездка на игрушечной лошадке, крупный выигрыш — и Пол умирает от кровоизлияния в мозг или чего-то еще. У Пита не болела голова после того, как он нашел закопанный сундук, но у него тоже была лошадка-качалка, верно? Да. Его собственная лошадка-качалка. К 2013 году, когда он познакомился с мистером Рикером, лошадка-качалка начала сбавлять темп: сундучные деньги практически иссякли.

Они помогли родителям пройти через тяжелый и страшный период, без них семейный корабль не выдер-

жал бы ударов стихии и пошел ко дну. Пит это знал и ни разу не пожалел о том, что сыграл роль ангела-хранителя. Говоря словами старой песни, сундучные деньги построили мост над бурной водой, и на другой стороне ситуация изменилась к лучшему — причем значительно. Худший этап рецессии остался позади. Мама снова работала полный день и за год получала на три тысячи долларов больше. Отец создал собственную фирму, не совсем риелторскую, но занимавшуюся подбором недвижимости, и у него появились клиенты. Пит не очень понимал, что все это значило, но знал, что отец зарабатывает какие-то деньги. А со временем их могло стать больше, потому что рынок недвижимости продолжал расти. Некоторые объекты отец уже продавал сам. Но главное, он больше не принимал болеутоляющие и ходил гораздо лучше. Костыли уже год стояли в чулане, и тростью отец пользовался только в дождливые и снежные дни, когда болели кости и суставы. Все было хорошо. Просто отлично.

И однако, как мистер Рикер говорил на каждом занятии. И однако!

Теперь «однако», очень даже большое, касалось Тины. Многие ее подруги из прежнего района в Уэст-Сайде, включая Барбару Робинсон, которую Тина обожала, собирались продолжать обучение в Чэпл-Ридже, частной школе с прекрасной репутацией: многие и многие ее выпускники поступали в хорошие колледжи. Мама сказала Тине, что они с папой не представляют себе, как им удастся перевести ее в Чэпл-Ридж сразу из средней школы. Рассматривался только второй год обучения, и то при условии, что финансовое положение семьи улучшится.

— Но я там *никого* не буду знать, — ответила Тина и заплакала.

— Ты будешь знать Барбару Робинсон, — возразила мама, и Пит (он подслушивал в соседней комнате) мог сказать по ее голосу, что она тоже на грани слез. — А также Хильду и Бетси.

Но Тинс была младше тех девочек, и Пит знал, что только Барбс могла считаться настоящей подружкой его сестры, когда они жили в Уэст-Сайде. Хильда Карвер и Бетси Девитт скорее всего Тинс и не помнили. Как через год-другой забудет ее и Барбара. Их мама, похоже, мало что помнила о старших классах и о том, как быстро забываются в них друзья детства.

Ответ Тины на удивление кратко и точно облек эти мысли в слова:

— Да, но они не будут знать *меня*.

— Тина...

— У вас есть *деньги*! — воскликнула Тина. — Эти загадочные деньги, которые приходят каждый месяц. Почему я не могу получить часть на Чэпл-Ридж?

— Потому что мы до сих пор не оправились от трудных времен, милая.

На это Тина возразить ничего не могла, потому что мама сказала правду.

Его планы на обучение в колледже представляли собой еще одно «однако». Пит знал, что для некоторых его друзей, может, для большинства, колледж находился на орбите одной из дальних планет Солнечной системы. Но если он хотел поступить в хороший колледж (*Брауновский, шептал его разум, диплом по английскому языку и литературе Брауновского колледжа*), заявление следовало подавать рано, еще в первом семестре выпускного класса. Заявления сами по себе стоили денег, как и летние занятия, без которых он никак не мог обойтись, если хотел набрать как минимум 670 баллов в математической части Школьного оценочного теста. Он работал в библиотеке на Гарнер-стрит, но тридцать пять долларов в неделю погоды не делали.

Бизнес отца потихоньку разрастался и теперь требовал офиса в деловой части города, вот вам и «однако» номер три. Помещение с низкой арендной платой на верхнем этаже, зато в деловом центре, могло принести дивиденды,

но означало предварительные затраты, а Пит знал — пусть даже никто не говорил об этом вслух, — что отец рассчитывал на загадочные деньги, чтобы удержаться на плаву в начальный, критический период. Они все делали ставку на эти загадочные деньги, и только Пит знал, что они иссякнут до конца четырнадцатого года.

И да, конечно, что-то он тратил на себя. Не огромные суммы — это вызвало бы вопросы, — но сотню там, сотню здесь. Блейзер и туфли для поездки с классом в Вашингтон. Несколько дисков. И книги. Он стал фанатом книг, прочитав записные книжки и влюбившись в творчество Джона Ротстайна. Начал с его современников-евреев, Филипа Рота, Сола Беллоу, Ирвина Шоу (роман «Молодые львы» казался Питу невероятно завораживающим, и он не понимал, почему это не классика), а потом увеличил охват. Всегда покупал книги в бумажной обложке, но и они стоили от двенадцати до пятнадцати долларов, если не удавалось найти подержанные.

«Победитель на деревянной лошадке» произвел на Пита столь сильное впечатление, потому что он буквально слышал шепот собственного дома: *Денег должно быть больше!* Однако в скором времени их станет меньше. Но ведь в сундуке лежали не только деньги, верно?

Это было еще одним «однако». И об этом Пит Зауберс с течением времени задумывался все чаще и чаще.

Итоговой работой по учебному курсу «Галопом по гениям» мистера Рикера для Пита стал шестнадцатистраничный анализ трилогии о Джимми Голде, с цитатами из различных рецензий и нескольких интервью самого Ротстайна, которые тот дал, прежде чем уехать на ферму в Нью-Хэмпшире и полностью отгородиться от окружающего мира. Закончил его Пит упоминанием о поездке Ротстайна по немецким лагерям смерти в качестве репортера «Нью-Йорк геральд», за четыре года до публикации первого романа о Джимми Голде.

«Я уверен, что эта поездка стала самым важным событием в жизни мистера Ротстайна, — написал Пит. — И точно самым важным в его писательской жизни. В поиске смысла существования Джимми постоянно возвращается к тому, что мистер Ротстайн увидел в этих лагерях, и по этой причине Джимми постоянно ощущает внутреннюю пустоту, когда пытается жить как обыкновенный американский гражданин. Для меня наиболее четко это выражено броском пепельницы в телевизор в романе «Бегун сбрасывает темп». И бросает ее Джимми в тот самый момент, когда по Си-би-эс показывают специальный репортаж о холокосте».

Когда мистер Рикер раздал работы, Пит обнаружил на обложке (распечатанной на принтере фотографии, на которой Ротстайн, тогда еще молодой человек, сидел за столиком в «Сардисе» с Эрнестом Хемингуэем) большую пятерку с плюсом. Под отметкой мистер Рикер написал: «Останься после урока».

Когда остальные ученики ушли, мистер Рикер посмотрел на Пита так пристально, что тот испугался, а не собирается ли любимый учитель обвинить его в плагиате. Потом мистер Рикер улыбнулся:

— Это лучшее ученическое эссе, что я читал за двадцать восемь лет работы в школе. Самое уверенное и прочувствованное.

Пит покраснел от удовольствия.

— Спасибо. Правда. Огромное спасибо.

— Хотя я бы поспорил с твоим выводом. — Мистер Рикер откинулся на спинку стула и переплел пальцы на затылке. — Характеристика Джимми как благородного американского героя вроде Гека Финна не подкреплена заключительной книгой трилогии. Да, он бросает пепельницу в экран телевизора, но это не героическое деяние. Знаешь, логотип Си-би-эс — это глаз, и деяние Джимми — ритуал, ослепляющий его внутренний глаз, тот, что видит правду. Это не мое открытие, а цитата из рецензии Джона

Кроу Рэнсома на роман «Бегун сбрасывает темп». Лесли Фидлер говорит примерно то же самое в своей книге «Любовь и смерть в американском романе».

— Но...

— Я не собираюсь развенчивать твои умозаключения, Пит. Я лишь говорю, что ты должен следовать фактам, которые содержатся в книге, и не опускать то, что противоречит твоему выводу. Что делает Джимми после того, как бросает пепельницу в телевизор, и после того, как его жена произносит знаменитую фразу: «Ублюдок, как теперь дети будут смотреть Микки-Мауса?»

— Он едет в магазин и покупает новый телевизор, но...

— Не просто телевизор, а *первый в квартале цветной телевизор*. А потом?

— Разрабатывает блестящую стратегию рекламной кампании домашнего чистящего средства «Даззи-Ду». Но...

Мистер Рикер вскинул брови, ожидая продолжения. Но как Пит мог сказать ему, что годом позже Джимми глубокой ночью тайком прокрадется в агентство со спичками и банкой керосина? Что Ротстайн предвосхитит движение против войны во Вьетнаме и борьбу за гражданские права, руками Джимми устроив пожар, практически уничтоживший здание, известное в городе как Храм рекламы? Что потом Джимми на попутках уедет из Нью-Йорка, ни разу не оглянувшись, оставив семью, и отправится осваивать новые земли, совсем как Гек и Джим? Пит не мог ничего сказать, потому что эта история излагалась в романе «Бегун уходит на Запад», существовавшем в семнадцати плотно исписанных записных книжках, которые более тридцати лет пролежали в зарытом сундуке.

— Давай выкладывай свои «но», — ровным голосом предложил мистер Рикер. — Больше всего люблю дискуссию о книге с человеком, который умеет отстаивать свою точку зрения. Как я понимаю, ты уже опоздал на свой автобус, но я с радостью подвезу тебя домой. — Он постучал пальцем по обложке эссе Пита, на которой

Джонни Р. и Эрни Х., эти титаны американской литературы, чокались большими стаканами с мартини. — Если отставить в сторону неподкрепленный вывод, который я отношу к трогательному желанию увидеть свет в конце крайне мрачного последнего романа, это удивительная работа. Просто удивительная. Но продолжим. Какие у тебя «но»?

— Наверное, никаких, — ответил Пит. — Вы, пожалуй, правы.

Но на самом деле мистер Рикер ошибался. Если в конце романа «Бегун уходит на Запад» еще оставалось ощущение, что Джимми Голд может продаться, оно развеивалось как дым в последнем и самом длинном романе цикла, «Бегун поднимает флаг». Лучшей книги Пит за свою жизнь не читал. Более грустной — тоже.

— В своей работе ты не упоминаешь смерть Ротстайна.

— Да.

— Позволь спросить почему?

— Потому что, на мой взгляд, его смерть никак не связана с темой. Да и получилось бы слишком длинно. Опять же... ну... глупо с его стороны — стать жертвой обычных грабителей.

— Ему не следовало держать наличные в доме, — заметил мистер Рикер, — но он держал, и множество людей знало об этом. Но не суди его за это слишком строго. Многие писатели по части денег ведут себя глупо и не знают им цену. Чарлз Диккенс содержал целое семейство лодырей, включая своего отца. Сэмюэль Клеменс едва не обанкротился из-за неудачных сделок с недвижимостью. Артур Конан Дойл отдал тысячи долларов лжемедиумам и потратил еще многие тысячи на фальшивые фотографии фей. По крайней мере Ротстайн завершил свой главный труд. Если только ты не веришь, как некоторые другие...

Пит посмотрел на часы:

— Э... мистер Рикер? Я еще успею на автобус, если потороплюсь.

Мистер Рикер вскинул руки над головой в знакомом жесте.

— Конечно, конечно, иди. Я просто хотел поблагодарить тебя за удивительное эссе и дать дружеский совет: когда будешь писать аналогичную работу в следующем году... и в колледже... не позволяй своей доброй натуре туманить критический взгляд. Критический взгляд должен оставаться холодным и ясным.

— Хорошо, — пообещал Пит и поспешил за дверь.

Меньше всего он хотел обсуждать с мистером Рикером вероятность того, что грабители, убившие Джона Ротстайна, украли не только деньги, но и неопубликованные рукописи, которые, возможно, уничтожили, решив, что никакой ценности они не представляют. Он пару раз обдумывал эту идею: передать записные книжки полиции, пусть это и означало, что родители узнают, кто присылал загадочные деньги. В конце концов, эти записные книжки не только представляли собой литературное сокровище, но и являлись вещественным доказательством в деле об убийстве. Вот только преступление это совершили очень *давно*, можно сказать, в незапамятные времена. И не стоило ворошить прошлое.

Верно?

Автобус, естественно, уже уехал, а значит, Пита ждала двухмильная прогулка. Он не возражал. Он все еще светился от похвалы мистера Рикера, и ему было о чем подумать. Главным образом — о неопубликованных произведениях Ротстайна. Его рассказы, по мнению Пита, были неровными, но среди них встречались жемчужины. А вот стихотворения, опять же по скромному мнению Пита, Ротстайну не удавались. Но два последних романа о Джимми Голде были... золотыми. По реальным фактам, впечатленным в повествование, Пит догадался, что последний роман, в котором Джимми поднимает горящий флаг на антивоенном митинге в Вашингтоне, Ротстайн закончил

в 1973 году, потому что Никсон еще был президентом. И Пит даже представить не мог, почему Ротстайн не опубликовал ни последние романы о Джимми Голде, ни еще один, о Гражданской войне. Они были очень хороши!

Пит доставал «Молескины» с чердака по одному, читал у себя в комнате при плотно закрытой двери, всегда был настороже, если члены семьи находились дома. Держал наготове еще одну книгу и, заслышав приближающиеся шаги, тут же хватался за нее, а записную книжку прятал под матрас. Лишь однажды его поймала Тина с ее отвратительной привычкой ходить в носках.

— Что это? — спросила она с порога.

— Не твоего ума дело, — ответил он, пряча записную книжку под подушку. — А если что-нибудь скажешь маме или папе, я тебе этого не прошу.

— Это порно?

— Нет! — Хотя мистер Ротстайн, несмотря на возраст, мог написать весьма непристойную сцену. К примеру, когда Джимми и две девицы-хиппи...

— Тогда почему ты не хочешь, чтобы я это увидела?

— Потому что это личное.

Глаза Тины вспыхнули.

— Твое? Ты пишешь книгу?

— Возможно. Допустим, пишу, и что?

— Я думаю, это круто! О чем?

— О том, как Багз Банни занимался сексом на Луне.

Она засмеялась:

— Вроде бы ты сказал, что это не порно. Дашь почитать, когда закончишь?

— Посмотрим. Если будешь держать рот на замке.

Она согласилась, а Тинс свое слово нарушала редко. С тех пор прошло два года, и Пит не сомневался, что сестра уже все забыла.

К нему подкатил Билли Уэббер на сверкающем десятискоростном велосипеде.

— Привет, Зауберс! — Как и все (за исключением мистера Рикера), Билли произносил его фамилию как «Зобберс» вместо «ЗАУберс», но какое это имело значение? Паршивая фамилия, как ни крути. — Что делаешь летом?

— Работаю в библиотеке на Гарнер-стрит.

— По-прежнему?

— Уговорил их на двадцать часов в неделю.

— Черт, ты слишком молод, чтобы так вкалывать!

— Я не возражаю. — И Пит говорил чистую правду. Работа в библиотеке обеспечивала бесплатный доступ к компьютеру и другие льготы, когда никто не приглядывал. — А ты чем займешься?

— Поеду в наш летний коттедж в Мэне. На озере Чайна. Там полно аппетитных девиц в бикини, и те, что из Массачусетса, знают, как это делается.

Тогда, может, они и тебя научат, ехидно подумал Пит, но когда Билли поднял ладонь, хлопнул по ней и с легкой завистью наблюдал, как Билли катит прочь. Десятискоростной велосипед под жопой, дорогие кроссовки «Найк» на ногах, летний коттедж в Мэне. Похоже, некоторые уже оправились после тяжелых времен. А может, тяжелые времена обошли их стороной. В отличие от семейства Зауберсов. Сейчас все вроде бы устаканилось, но...

Денег должно быть больше, шептал дом в рассказе Лоуренса. *Денег должно быть больше*. Да, детка, эта фраза звучала все громче.

Мог ли он обратить записные книжки в деньги? Существовал ли способ сделать это? Питу не хотелось даже думать о том, что придется расстаться с записными книжками, но в то же время он понимал, что прятать их на чердаке — неправильно. Наследие Ротстайна, особенно два последних романа о Джимми Голде, заслуживало того, чтобы стать достоянием общественности. Эти романы изменили бы репутацию Ротстайна, Пит в этом не сомневался, но с другой стороны, Ротстайн не слишком в этом

нуждался, а кроме того, это было не самое важное. Важное заключалось в другом: людям понравились бы эти романы. Они бы их полюбили, как сам Пит.

Только записные книжки, заполненные плотным почерком Ротстайна, — это вам не безликие двадцатки и полсотенные. Пита могли поймать, посадить в тюрьму. Он не знал, в чем его обвинят — точно не в приобретении краденого, потому что он не приобретал сундук, а просто нашел его, — но не сомневался: попытка продать чужое наверняка карается. Логичным представлялся другой вариант: подарить записные книжки университету, который окончил Ротстайн; только дарить пришлось бы анонимно, иначе родители выяснили бы, что сын поддерживал семью деньгами, украденными у убитого человека. А кроме того, анонимный подарок никак не вознаграждается.

Хотя в своей выпускной работе Пит ни слова не написал об убийстве Ротстайна, он прочитал об этом все, преимущественно в компьютерном зале библиотеки. Он знал, что Ротстайна убили выстрелом в голову с близкого расстояния. Знал, что рядом с домом копы нашли разные следы и не сомневались, что грабителей было двое, трое, а то и четверо, причем скорее всего это были мужчины, если судить по размерам следов. Полиция также думала, что двоих налетчиков вскоре после ограбления убили в придорожной зоне отдыха в штате Нью-Йорк.

Маргарет Бреннан, первая жена Ротстайна, проживавшая в Париже, дала интервью вскоре после убийства. «В этом маленьком провинциальном городишке, где он жил, все говорили только о нем, — заявила она. — А о чем еще они могли говорить? О коровах? Новом разбрасывателе навоза? Для провинциалов Джон был большой шишкой. Они заблуждались, думая, что писатели зарабатывают не меньше корпоративных банкиров, и верили, что на своей Богом забытой ферме он хранит сотни тысяч долларов. Кто-то из приезжих слышал эту болтовню. Не-

многословные янки, прости Господи! Местные виноваты в его смерти ничуть не меньше бандитов!»

На вопрос, не мог ли Ротстайн держать в сейфе не только деньги, но и рукописи, Пегги, по словам интервьюера, разразилась «прокуренным смехом».

«Это всего лишь слухи, дорогуша. Джонни отгородился от мира по одной-единственной причине. Выгорел дотла, но из гордости не желал этого признавать».

Много ты знаешь, подумал Пит. Он, наверное, и развелся с тобой потому, что ему надоел этот «прокуренный смех».

В газетных и журнальных статьях, которые прочитал Пит, хватало домыслов и гипотез, но ему самому нравилась одна, названная мистером Рикером «принципом бритвы Оккама». Согласно этому принципу, правильным обычно оказывался самый простой и очевидный ответ. Трое мужчин ворвались в дом Ротстайна, один убил своих поделщиков, чтобы заполучить всю добычу. Пит понятия не имел, по какой причине этот парень потом приехал сюда и почему зарыл сундук, но не сомневался: выживший налетчик уже никогда не вернется за добычей.

В математике Пит был не силен — потому ему и требовались дополнительные летние занятия, — но не требовалось быть Эйнштейном, чтобы сложить два и два и прийти к определенным выводам. Если выжившему налетчику в 1978-м было лет тридцать пять, а именно этот возраст представлялся Питу наиболее логичным, то ему исполнилось шестьдесят семь в 2010-м, когда Пит нашел дорожный сундук, а теперь уже перевалило за семьдесят. Семьдесят лет представлялись Питу глубокой древностью. Если бы налетчик и явился за добычей, то, вероятно, на ходунках.

Пит улыбался, сворачивая на Сикомор-стрит.

Он думал, что выживший налетчик так и не пришел за сундуком по одной из трех равновероятных причин. Он мог сидеть в тюрьме за другое преступление. Мог умереть. Или, если сложить первую и вторую причины, мог умереть

в тюрьме. В любом случае Пит знал, что из-за налетчика можно не тревожиться. В отличие от записных книжек. Из-за них он очень даже тревожился. Словно сидел на украденной коллекции прекрасных картин, которые не мог продать.

Или на ящике динамита.

В сентябре 2013 года — почти через тридцать пять лет после убийства Ротстайна — Пит положил в адресованный отцу конверт последние сундучные деньги. Триста сорок долларов. И поскольку понимал, какую боль приносит крушение надежд, добавил записку с одной строкой:

Это последние. Сожалею, но больше нет.

На городском автобусе он поехал в торговый центр «Берч-хилл», где между магазином «Дисконт электроникс» и йогуртовым кафе висел почтовый ящик. Пит огляделся, убедился, что никто на него не смотрит, и поцеловал конверт. Потом сунул его в щель и ушел. Подобно Джимми Голду, не оглядываясь.

Через неделю или две после Нового года Пит на кухне делал себе сандвич с арахисовым маслом и желе и услышал, как родители говорили с Тиной в столовой. Речь шла о Чэпл-Ридж.

— Я думал, мы сможем себе это позволить, — объяснял отец. — Мне очень жаль, если я зря тебя обнадежил, Тинс.

— Все потому, что загадочные деньги перестали приходить? — спросила Тина.

— Отчасти, но не совсем, — ответила мама. — Папа пытался взять ссуду в банке, но ему отказали. Просмотрели отчеты о работе его компании и сделали что-то такое...

— Прогноз прибыли на два года, — уточнил папа. В его голос прокралась застарелая горечь. — Множество комплиментов, ведь они ничего не стоят. Сказали, что смогут

выдать мне ссуду в две тысячи шестнадцатом году, если бизнес вырастет на пять процентов. А пока этот чертов Полярный вихрь... мы потратили слишком много на обогрев. Все потратили, от Мэна до Миннесоты. Я знаю, это плохое утешение, но ничего не поделаешь.

— Милая, нам очень, очень жаль.

Пит ожидал, что Тина закатит жуткий скандал — ей скоро должно было исполниться тринадцать, и теперь она закатывала их частенько, — но этого не случилось. Сестра сказала, что все понимает, да и вообще, Чэпл-Ридж — выпендрожная школа. Потом пришла на кухню и спросила, не сделает ли Пит и ей такой же аппетитный сандвич. Он сделал, они вернулись в гостиную, вчетвером смотрели телевизор и вместе смеялись над очередной серией «Теории большого взрыва».

Но поздним вечером Пит услышал, как Тина плачет за закрытой дверью своей спальни. На душе у него сразу стало тошно. Он пошел к себе, достал из-под матраса записную книжку и принялся перечитывать «Бегун уходит на Запад».

В тот семестр он записался на учебный курс миссис Дэвис «Литературное творчество», и хотя за свои рассказы получал исключительно пятерки, к февралю понял, что беллетристом ему не стать никогда. Пусть со словами у него проблем не было (миссис Дэвис могла об этом не говорить, хотя говорила, и часто), ему просто не хватало творческой искры. Куда больше его интересовало чтение беллетристики, с последующим анализом прочитанного и определением его места в некой общей системе. Он почувствовал вкус к этому чуть ли не детективному занятию, когда писал эссе по творчеству Ротстейна. В библиотеке на Гарнер-стрит Пит отыскал одну из книг, упомянутых мистером Рикером, фидлеровскую «Любовь и смерть в американском романе», и она так ему понравилась, что он купил себе экземпляр, чтобы подчеркивать некоторые

абзацы и писать на полях. Теперь Пит еще больше хотел защитить диплом по английскому языку и литературе, чтобы преподавать, как мистер Рикер (только, может, в университете, а не в школе), и на каком-то этапе своей жизни написать книгу, как мистер Фидлер, схлестнуться с критиками, придерживающимися более традиционных взглядов, и поставить под вопрос их правильность и соответствие новым реалиям.

И однако!

Денег должно быть больше. Мистер Фельдман, консультант по профориентации, сообщил ему, что получение полной стипендии в одном из колледжей Лиги плюща «довольно маловероятно», и Пит знал, что это еще мягко сказано. Он был одним из многих выпускников обычной школы Среднего Запада, подрабатывал в библиотеке и не мог похвастаться выдающейся внешкольной активностью, за исключением школьной газеты и ежегодника. Но даже если бы ему и удалось запрыгнуть на борт, открытым оставался вопрос о Тине. Училась она без блеска, получала в основном четверки и тройки, а косметика, обувь и поп-музыка интересовали ее больше, чем школа. Ей требовалась резкая перемена, жизнь с чистого листа. Даже в семнадцать Питу хватало ума, чтобы понять: Чэпл-Ридж, возможно, не сумеет направить его сестренку на путь истинный... но такой вариант не исключался. У нее еще был шанс. Пока был.

«Мне нужен план», — думал он, только на самом деле ему требовалось другое. Что ему требовалось, так это *история*, и хотя он никогда бы не стал великим беллетристом, таким как мистер Ротстайн или мистер Лоуренс, построить сюжет он мог. Вот это сейчас и следовало сделать. Однако любой сюжет строился на идее, а с этим у него было никак.

Пит теперь проводил много времени в магазине «Книги на Уотер-стрит», где кофе стоил дешево и даже новые

книги в мягкой обложке продавали с тридцатипроцентной скидкой. Зашел он туда и как-то в марте, после школы, по пути в библиотеку, собираясь прикупить какую-нибудь книгу Джозефа Конрада. В одном из своих редких интервью Ротстайн назвал Конрада «первым великим писателем двадцатого столетия, пусть его лучшие романы и увидели свет еще в девятнадцатом веке».

Около магазина под навесом стоял длинный стол. Над столом висел транспарант. «ВЕСЕННЯЯ ЧИСТКА. НА ВСЕ КНИГИ НА ЭТОМ СТОЛЕ — СКИДКА 70%». И ниже: «КТО ЗНАЕТ, КАКОЙ КЛАД ВЫ ЗДЕСЬ НАЙДЕТЕ!» Нижнюю строку обрамляли желтые смайлики, показывая, что это шутка, но Питу было не до смеха.

Наконец-то у него появилась идея.

Неделей позже он остался в школе после занятий, чтобы поговорить с мистером Рикером.

— Рад тебя видеть, Пит. — В этот день мистер Рикер надел рубашку с рисунком пейсли и широкими рукавами, а также психоделический галстук. Пит подумал, что такое сочетание хорошо объясняло, почему поколение любви и мира потерпело неудачу. — Миссис Дэвис не может на тебя нарадоваться.

— Она клевая, — ответил Пит. — Я многому научился. — На самом деле он не научился ничему и сомневался, что хоть кому-то это удалось. Нет, ему нравилась миссис Дэвис, и она часто рассказывала что-то интересное, но Пит пришел к выводу, что писательству научить нельзя, ему можно только научиться.

— Чем я могу тебе помочь?

— Помните, вы рассказывали нам, как дорого стоила бы рукопись Шекспира?

Мистер Рикер улыбнулся:

— Я всегда рассказываю эту байку посреди недели, когда народ начинает тянуть в сон. Маленькая доза жад-

ности — отличное тонизирующее. А что? Ты нашел древний манускрипт?

Пит тоже вежливо улыбнулся:

— Нет, но на февральских каникулах я ездил к моему дяде Филу в Кливленд, заглянул в его гараж и нашел целую гору старых книг. В основном про Тома Свифта. Мальчика-изобретателя.

— Я помню Тома и его друга Неда Ньютона, — кивнул мистер Рикер. — «Том Свифт и его мотоцикл», «Том Свифт и его волшебная камера»... в моей юности мы любили шутить насчет Тома Свифта и его электрической бабушки.

Пит снова вежливо улыбнулся:

— Еще там были книги, штук десять, о девочке-детективе Трикси Белден и о еще одной, Нэнси Дрю.

— Думаю, я знаю, к чему ты клонишь, и мне не хочется тебя разочаровывать, но выбора нет. Том Свифт, братья Харди, Трикси Белден... все это замечательные реликвии давно ушедших дней и прекрасные ориентиры, позволяющие судить, насколько за последние восемьдесят лет изменилось то, что называют «подростковой прозой», но эти книги обладают минимальной ценностью, а то и вовсе ничего не стоят, даже если находятся в прекрасном состоянии.

— Знаю, — ответил Пит. — Я проверил в «Файн букс». Это блог. Но пока я разглядывал эти книги, дядя Фил зашел в гараж и сказал, что у него есть для меня кое-что более интересное. Дело в том, что я рассказывал ему о моем интересе к Ротстайну. Оказалось, это экземпляр «Бегуна» в переплете с автографом писателя. Не посвящением, а простой подписью. Дядя Фил сказал, что книгу дал ему какой-то парень по имени Эл. Задолжал десять долларов за покер. Дядя говорит, она пролежала у него лет пятьдесят. Я посмотрел на выходные данные, и это первое издание.

Мистер Рикер, прежде покачивавшийся на стуле, резко подался вперед.

— Ого! Ты, вероятно, знаешь, что Ротстайн не любил подписывать книги.

— Да. Он называл это «порчей отличной книги».

— Точно. Как и Рэймонд Чандлер. И ты знаешь, что книга с автографом ценится больше, если на ней только подпись?

— Да. Так говорит «Файн букс».

— Подписанный экземпляр самой знаменитой книги Ротстайна, вероятно, *можно* продать. — Мистер Рикер задумался. — Пожалуй, «вероятно» вычеркиваем. В каком состоянии книга?

— В хорошем, — без запинки ответил Пит. — Пара пятен на обложке под супером и на титульной странице, вот и все.

— Я вижу, ты *действительно* заинтересовался этим вопросом.

— Особенно после того, как дядя показал мне книгу Ротстайна.

— Как я понимаю, этой волшебной книги у тебя нет?

«У меня есть кое-что получше, — подумал Пит. — Если бы вы только знали».

Иногда он чувствовал, как давило на него это знание, и особенно сегодня, произнося эту ложь.

Необходимую ложь, напомнил он себе.

— Нет, но дядя сказал, что даст ее мне, если я захочу. Я ответил, что мне нужно подумать, потому что он не... вы понимаете...

— Понятия не имеет, сколько она может стоить.

— Да, но потом у меня возник вопрос...

— Какой?

Пит сунул руку в задний карман, достал сложенный листок бумаги и вручил мистеру Рикеру.

— Я поискал в Интернете, кто в нашем городе продает и покупает первые издания, и нашел троих. Я знаю, что вы тоже собираете книги...

— Я бы так не выразился, на мое жалование не позволишь себе всерьез коллекционировать книги, но у меня есть книга с автографом Теодора Рётке, которую я собираюсь оставить своим детям. «Пробуждение». Прекрасные стихотворения. Также есть Воннегут, но эта книга стоит недорого. В отличие от Ротстейна Папа Курт подписывал все.

— В общем, я подумал, а может, вы кого-то знаете и подскажете, к кому лучше всего обратиться. Если я решу позволить дяде отдать мне книгу... а потом, ну, продать ее.

Мистер Рикер развернул листок, посмотрел на него, потом на Пита. От этого взгляда, пристального и сочувствующего, ему стало не по себе. Возможно, идея оказалась не из лучших, он действительно *не умел* сочинять, но раз встал на этот путь, придется идти до конца.

— Так уж вышло, что я знаю их всех. Но я также знаю, как много Ротстейн значит для тебя, и не только по твоей прошлогодней работе. Энни Дэвис говорит, что ты часто упоминаешь его на уроках «Литературного творчества». Она считает, что трилогия о Голде — твоя Библия.

Пит полагал, что это правда, но не осознавал, что другие люди тоже знали об этом. И решил в будущем придерживаться язык по части Ротстейна. Чтобы не навлечь на себя беду. Люди вспомнят, если...

Если.

— Иметь литературных героев — это хорошо, Пит, особенно если в колледже ты собираешься защищать диплом по английскому языку и литературе. Ротстейн — твой герой, по крайней мере сейчас, и эта книга может стать началом твоей коллекции. Ты уверен, что хочешь ее продать?

На этот вопрос Пит мог ответить достаточно честно, пусть даже книги с автографом, о которой он говорил, не существовало.

— В общем, да. Дома у нас с деньгами не очень...

— Я знаю, что случилось с твоим отцом у Городского центра, и чертовски об этом сожалею. К счастью, они поймали этого психа до того, как он причинил еще больше вреда.

— Папе сейчас лучше, и они с мамой оба работают, только мне потребуются деньги на колледж, вы понимаете...

— Понимаю.

— Но это не самое важное, по крайней мере на текущий момент. Моя сестра хочет перейти в Чэпл-Ридж, а родители говорят, что не получится. Во всяком случае, в этом году. Они не потянут такие расходы. Почти, но не совсем. А я думаю, ей нужна именно такая школа. Она, ну, не знаю, не проявляет достаточного *усердия* в учебе.

Мистер Рикер — у которого хватало учеников, не проявлявших усердия — серьезно кивнул.

— А если Тина окажется среди успешных ребят... особенно если рядом будет Барбара Робинсон, с которой она дружила, когда мы жили в Уэст-Сайде, может, ее отношение изменится.

— Это хорошо, что ты думаешь о ее будущем, Пит. Даже благородно.

Пит никогда не думал о себе как о благородном. Эта мысль заставила его моргнуть.

Возможно, чтобы не смущать Пита еще больше, мистер Рикер вновь уставился на листок.

— Ладно. Я бы посоветовал тебе «Книги Гриссома», будь старина Тедди Гриссом жив, но теперь магазином управляет его сын, а он прижимист. Честен, но лишнего бакса из него не выжмешь. Он скажет, что такие нынче времена, но такова и его натура.

— Ясно...

— Как я понимаю, ты заглядывал в Сеть, чтобы выяснить, сколько может стоить первое издание «Бегуна» с автографом?

— Да. Две или три тысячи. Этого не хватит на год обучения в Чэпл-Ридж, но уже кое-что. Как говорит мой отец, первый взнос.

Мистер Рикер кивнул:

— Наверное, столько эта книга и стоит. Тедди-младший предложит тебе восемьсот. Возможно, ты сможешь убедить его поднять цену до тысячи, но если будешь и дальше упрямиться, он укажет тебе на дверь. Далее, «Купи книгу», магазин Бадди Франклина. Он тоже нормальный, в смысле, честный, но Бадди беллетристика двадцатого века не интересуется. Он делает деньги на продаже старинных карт и атласов семнадцатого века богачам из Брэнсон-Парк и Шугар-Хайтс. Но если сможешь уговорить Бадди оценить книгу, тогда иди к Тедди-младшему и ты, возможно, получишь двенадцать сотен. Я не говорю, что получишь. Однако это не исключено.

— А как насчет «Редких изданий» Эндрю Холлидея?

Мистер Рикер нахмурился:

— Я бы держался подальше от Холлидея. У него маленький магазин на Лэйсмейкер-лейн, в пешеходном торговом квартале рядом с Лоуэр-Мейн-стрит. Чуть шире железнодорожного вагона, но длиной почти в квартал. Вроде бы дела у него идут неплохо, да только репутация хромает. Я слышал, что его не слишком волнует источник происхождения некоторых товаров. Ты понимаешь, о чем я?

— Право собственности.

— Точно. И среди прочего, бумажка, в которой четко написано, что ты — законный хозяин вещи, которую хочешь продать. Я точно знаю, что пятнадцать лет назад Холлидей продал сигнальный экземпляр книги Джеймса Эйджи «Давайте же восславим знаменитых людей», а потом выяснилось, что книгу украли из фонда Брук Астор. У этой богатой дамочки из Нью-Йорка оказался вороватый управляющий. Холлидей показал расписку, и его

история приобретения книги выглядела убедительной, так что расследование закрыли. Но расписки можно и подделать, ты понимаешь. Я бы держался от него подальше.

— Спасибо, мистер Рикер, — поблагодарил учителя Пит, подумав, что первой его остановкой, если он решится на реализацию своего плана, станет книжный магазин «Редкие издания» Эндрю Холлидея. Но он намеревался соблюдать предельную осторожность, и если мистер Холлидей не заплатит наличными, *никакой* сделки не будет. И ни при каких обстоятельствах мистер Холлидей не должен узнать настоящего имени Пита. Он даже подумал о маскировке, хотя в этом деле требовалась умеренность.

— Всегда рад тебя видеть, Пит, но не буду лгать, говоря, что мне приятно помогать тебе в этом деле.

Пит его понимал. В этом деле он и сам не находил ничего приятного.

Месяцем позже он все еще обдумывал свои дальнейшие действия и пришел к выводу, что выгода от продажи одной записной книжки слишком мала при огромном риске. Если записная книжка попадет к частному коллекционеру — вроде тех, о которых он иногда читал: они покупали дорогие краденые картины и вешали в тайных комнатах, чтобы в одиночку любоваться шедеврами, — его бы это вполне устроило. Но он не мог знать наверняка, как все обернется. И все больше склонялся к анонимному пожертвованию: отправить записные книжки почтой в библиотеку университета Нью-Йорка. Куратор такого заведения сразу поймет их ценность. Однако даже так Пит выставит себя напоказ. Это тебе не бросать конверты с деньгами в почтовые ящики на уличных углах. А вдруг кто-нибудь на почте запомнит его?

А потом, в дождливый вечер в конце апреля 2014 года, Тина вновь пришла в его комнату. Миссис Бисли осталась

в далеком прошлом, пижаму сменила широкая футболка «Кливленд браунс», но Пит по-прежнему видел в сестре маленькую, встревоженную девочку, которая в Эру дурных эмоций спрашивала, разведутся ли их мама и папа. С заплетенными в косички волосами, с лицом, очищенным от того минимума косметики, который ей позволяла использовать мама (Пит подозревал, что в школе добавлялись новые слои), она выглядела скорее на десять, а не на тринадцать лет. Тинс — уже почти тинейджер, подумал Пит. Хотя верилось в это с трудом.

— Можно зайти на минутку?

— Конечно.

Он лежал на кровати, читал роман Филипа Рота «Она была такая хорошая». Тина села на стул у письменного стола, натянула футболку на голени, сдула несколько волосков со лба, на котором появилась россыпь угрей.

— Тебя что-то тревожит? — спросил Пит.

— Э... да. — И замолчала.

Он скорчил гримасу.

— Давай колись. Какой-то парень, в которого ты втюрилась, предложил тебе отвалить?

— Ты посылал эти деньги, — сказала она. — Верно?

Пит в изумлении вытаращился на нее. Попытался что-то сказать — и не смог. Попытался убедить себя, что ему послышалось, но тут тоже ничего не вышло.

Тина кивнула, словно он во всем признался.

— Да, ты. Это написано на твоем лице.

— Да перестань. Тинс, ты просто застала меня врасплох. Откуда я мог взять такие деньги?

— Не знаю, но помню вечер, когда ты спросил, что бы я сделала, если бы нашла клад.

— Я такое спросил? — А сам подумал: Ты почти спала. Ты не можешь этого помнить.

— Дублионы, ты сказал. Старинные монеты. Я сказала, что отдала бы их папе и маме, чтобы они больше не ссо-

рились, и именно так ты и поступил. Только это был не пиратский клад, а обычные деньги.

Пит отложил книгу в сторону.

— Не говори им этого. Вдруг они тебе поверят.

Она очень серьезно смотрела на него:

— Я и не собиралась. Но я должна спросить тебя... они действительно закончились?

— Так говорилось в записке, которая лежала в последнем конверте, — осторожно ответил Пит, — и потом конвертов больше не было. Думаю, да.

Тина вздохнула:

— Да. Я так и думала. Но должна была спросить. — Она встала, собираясь уходить.

— Тина!

— Что?

— Я сожалею, что так вышло с Чэпл-Ридж. Мне бы хотелось, чтобы деньги *не* закончились.

Она вновь села.

— Я никому не скажу про твой секрет, если ты никому не скажешь о нашем с мамой секрете. Хорошо?

— Хорошо.

— В прошлом ноябре мама возила меня в Чэп — так называют эту школу девочки — в один из Дней открытых дверей. Она не хотела, чтобы папа знал, думала, он рассердится, но она считала, что они *смогут* себе это позволить, при условии, что я получу частичную оплату. Ты знаешь, что это такое?

Пит кивнул.

— Только деньги тогда еще приходили, и это было до снега и необычно холодных декабря и января. Мы зашли в некоторые классы и лаборатории. Там миллион компьютеров. Видели огромный спортивный зал и душевые. У каждого своя кабинка для переодевания, не то что общие комнаты в Нортфилде. Догадайся, кто был гидом в моей группе?

— Барбара Робинсон?

Тина улыбнулась.

— Я так обрадовалась, вновь увидев ее. — Тут улыбка поблекла. — Она поздоровалась, и обняла меня, и спросила, как все поживают, но я видела, что она едва меня помнит. Да и с чего? Ты знал, что она, и Хильда, и Бетси, и еще пара девочек были на концерте группы «Здесь и сейчас»? Том самом, который хотел взорвать парень, покалечивший папу?

— Да. — Пит также знал, что старший брат Барбары Робинсон сыграл роль в спасении ее самой и подружек, а может, и тысяч других людей. Он получил то ли медаль, то ли ключ от города. Вот настоящий героизм, а не отправка родителям конвертов с крадеными деньгами.

— Ты знал, что меня приглашали поехать с ними в тот вечер?

— Что? Нет.

— Я ответила, что не могу, болею, но я не болела. Просто мама сказала, что они не могут купить мне билет. А через пару месяцев мы переехали.

— Вот это да!

— Точно, я пропустила все самое интересное.

— И как прошла экскурсия по школе?

— Хорошо, но без особых восторгов. Я справлюсь и в Нортфилде. Может, когда они выяснят, что я твоя сестра, примут меня бесплатно, в твою честь.

Питу внезапно стало совсем грустно, чуть ли не до слез. Тина была такой милой, а тут еще эта отвратительная россыпь угрей на лбу. Он задался вопросом, не дразнят ли ее из-за этого в школе. Если нет, то будут.

Он протянул к ней руки.

— Иди сюда. — Она подошла, и Пит обнял ее. Потом отстранился, взял сестру за плечи и пристально посмотрел ей в глаза. — Но те деньги... это не я.

— Да-да, конечно. А разве записная книжка, которую ты читал, не была набита деньгами? Готова спорить, что

была. — Она засмеялась. — Ты выглядел таким виноватым, когда я тебя застукала.

Пит закатил глаза.

— Пошла спать, малявка.

— Ладно. — У двери она обернулась. — Но мне понравились эти кабинки для переодевания. И кое-что еще. Хочешь знать? Тебе это покажется странным.

— Выкладывай, посмотрим.

— Там все носят форму. Для девочек это серая юбка, белая блузка и белые гольфы. Еще свитера, если кто хочет. Серые, как юбка, и красивые темно-красные. По словам Барбары, этот цвет у них называется охотничий красный.

— Форма, — ошеломленно повторил Пит. — Тебе нравится *форма*?

— Я знала, что тебе это покажется странным. Потому что мальчишки ничего не знают про девчонок. Девчонки могут быть очень злыми, если ты носишь не ту одежду или даже если носишь ту слишком часто. Ты можешь надевать разные блузки или кроссовки по вторникам и четвергам, можешь по-разному причесываться, но очень скоро они — злые девчонки — обнаруживают, что у тебя только три свитера и шесть хороших юбок. Тогда они много чего о тебе наговорят. А когда все ходят в одном и том же каждый день... разве что в свитерах разного цвета... — Она вновь сдула со лба несколько волосков. — У мальчишек таких проблем нет.

— Вообще-то я тебя понимаю.

— Но мама собирается научить меня шить одежду. По выкройкам. И у меня есть подруги. Много.

— Эллен, к примеру.

— Эллен хорошая.

А после школы ее ждет блестящая работа официанткой или раздатчицей в автокафе, подумал Пит, но промолчал. Если не забеременеет в шестнадцать.

— Я просто хотела сказать тебе, чтобы ты не волновался. Если ты волнуешься.

— Нет, — ответил Пит. — Я знаю, у тебя все получится. И деньги посылал не я. Честно.

Она одарила его улыбкой, грустной и заговорщической, от которой сразу повзрослела.

— Хорошо. Поняла.

И ушла, мягко закрыв за собой дверь.

В ту ночь Пит долго лежал без сна. А вскоре совершил самую большую ошибку в своей жизни.

1979–2014 ГОДЫ

Морриса Рэндолфа Беллами приговорили к пожизненному тюремному заключению 11 января 1979 года, и короткое время события вертелись как белка в колесе, но потом замедлились. И снова замедлились. И еще раз замедлились. К шести вечера в день вынесения приговора он уже сидел в камере тюрьмы Уэйнсвилл. Его сокамерник, Рой Оллгуд, получивший пожизненное за убийство, первый раз изнасиловал Морриса через сорок пять минут после отбоя.

— Не дергайся и не напри на мой член, молодой человек, — прошептал он в ухо Моррису. — Если ты это сделаешь, я отрежу тебе нос. Будешь выглядеть, как свинья, укушенная аллигатором.

Моррис, которого насиловали и раньше, замер, кусая руку, чтобы не кричать. Он думал о Джимми Голде тех времен, когда тот еще не гнался за Золотым баксом. Когда еще был истинным героем. Моррис думал о Гарольде Файнмане, друге Джимми в старших классах (сам Моррис в старших классах ни с кем не дружил), говорившем, что все хорошее должно когда-нибудь заканчиваться. А следовательно, обратное тоже верно: должно заканчиваться и все плохое.

Это конкретное плохое длилось долго, и пока оно длилось, Моррис мысленно снова и снова повторял мантру Джимми Голда из «Бегуна»: *Дерьмо ни хрена не значит,*

дерьмо ни хрена не значит, дерьмо ни хрена не значит. Это помогало.

Немного.

В последующие недели Оллгуд иногда насиловал его в зад, иногда — в рот. Моррис предпочитал зад из-за отсутствия там вкусовых рецепторов. В обоих случаях он думал, что Кора Энн Хупер, женщина, на которую он набросился в невменяемом состоянии, наверняка считает, что ему воздается по справедливости. С другой стороны, ей пришлось вытерпеть неуютное вторжение только единожды.

В тюрьме Уэйнсвилл имелась швейная фабрика. Там шили джинсы и рабочие рубашки. На пятый день пребывания Морриса в красильном цеху один из друзей Оллгуда взял Морриса за запястье, отвел за чан номер три и велел спустить штаны. «Не шевелись и дай мне самому сделать все остальное», — сказал он. А закончив, добавил:

— Я не пидор, но у меня есть потребности, как и у всех прочих. Скажешь кому-нибудь, что я пидор, и я тебя убью на хрен.

— Не скажу, — заверил его Моррис, говоря себе: *Дерьмо ни хрена не значит. Дерьмо ни хрена не значит.*

В середине марта 1979 года на прогулочном плацу к Моррису неспешно подошел покрытый татуировками здоровяк, настоящий Ангел ада, только без мотоцикла.

— Ты умеешь писать? — спросил он с легко узнаваемым выговором южной глубинки: *Ты-ы умеешь писа-ать?* — Мне сказали, умеешь.

— Да, писать я умею, — ответил Моррис. Заметил приближающегося Оллгуда, но тот, едва увидев, кто стоит рядом с его сокамерником, развернулся и направился к баскетбольной площадке в дальнем конце плаца.

— Я Уоррен Дакуорт. Большинство зовет меня Дак.

— Я — Моррис Бел...

— Я знаю, кто ты. Так ты хорошо пишешь?

— Да, — ответил Моррис без колебаний и ложной скромности. От него не укрылся тот факт, что Рой Оллгуд внезапно нашел для прогулки другое место.

— Можешь написать письмо моей жене, если я скажу, что надо писать? Только найди слова получше. Понимаешь?

— Могу и напишу, но у меня есть маленькая проблема.

— Твою проблему я знаю, — ответил его новый знакомый. — Напишешь моей жене письмо, которое порадует ее и отвлечет от болтовни о разводе, и у тебя больше не будет проблем с костлявым сукиным сыном в твоем жилище.

«Это я костлявый сукин сын в своем жилище», — подумал Моррис, но у него затеплилась надежда.

— Сэр, я напишу вашей жене очень красивое письмо. Она никогда такого не получала.

Глядя на огромные руки Дакуорта, Моррис подумал о сюжете в какой-то телепередаче о природе. Существовала птичка, живущая в пасти крокодилов, которая изо дня в день выклевывала остатки еды, застрявшие между зубами рептилий. Моррис полагал, что птичка эта неплохо устроилась.

— Мне нужна бумага. — Он вспомнил об исправительной колонии, где получал в неделю пять листов «Блю хорз»: толстой, рыхлой, с пятнами пульпы, напоминавшими предраковые бородавки.

— Будет тебе бумага. Сколько захочешь. Ты просто пишешь письмо и в конце добавляешь, что каждое слово соскользнуло с моих губ, а ты всего лишь записал.

— Хорошо, а теперь скажите мне, что она больше всего хотела бы услышать.

Дак задумался, потом просиял:

— Что она отлично трахается?

— Она наверняка это и так знает. — Теперь пришла пора задуматься Моррису. — Какую часть тела, по ее словам, она хотела бы изменить, если бы смогла?

Дак нахмурился:

— Точно не знаю, но она всегда говорила, что у нее слишком большая жопа. Но такого писать нельзя, ты только сделаешь хуже, а не лучше.

— Нет, я напишу, как вам нравится класть руки на ее задницу и сжимать ее.

Дак заулыбался:

— Следи за базаром, а не то я сам тебя трахну.

— Какое у нее любимое платье? Оно у нее есть?

— Да, зеленое. Шелковое. Мать подарила в прошлом году, перед тем как меня посадили. Она надевает его, когда мы идем на танцы. — Он уставился в землю. — Ей бы лучше сейчас не танцевать, но она может. Я это знаю. Да, я могу написать только свою гребаную фамилию, но я не дурак.

— Я напишу, как вам нравится обжимать ее зад, когда он обтянут этим зеленым платьем. Как вам это? Я вижу, что такие мысли вас возбуждают.

Выражение, появившееся на лице Дака, Моррис за время пребывания в Уэйнесвилле видел впервые. Уважение.

— Слушай, это неплохо.

Но Моррис на этом не остановился. Когда женщины думали о своих мужчинах, их мысли не ограничивались сексом. С ним соседствовала романтика.

— Какого цвета у нее волосы?

— Сейчас — не знаю. Она брунетка, когда не красится.

Брунетки Морриса не привлекали, но существовали способы обойти цвет волос. У него вдруг мелькнула мысль, что он словно продает некий продукт на манер рекламного агентства, и он отогнал ее прочь. Выживание есть выживание.

— Я напишу, как вам нравится смотреть на сияние солнца в ее волосах, особенно по утрам.

Дак не ответил. Он смотрел на Морриса из-под сдвинутых косматых бровей.

— Что? Не нравится?

Гигант схватил Морриса за руку, и тот уже подумал, что он переломит ее, как сухую ветку. На больших костяшках синели буквы, складывавшиеся в слово «ГНЕВ».

— Это поэтика, — выдохнул Дак. — Завтра принесу тебе бумагу. Ее много в библиотеке.

В тот вечер, вернувшись в камеру после смены — с трех до девяти он красил джинсы, — Моррис обнаружил, что она пуста. Ролф Вензано из соседней камеры сказал, что Роя Оллгуда отправили в лазарет. На следующий день Оллгуд вернулся с подбитыми глазами и сломанным носом. Посмотрел на Морриса со своей койки, повернулся на другой бок и уткнулся в стену.

Уоррен Дакуорт стал первым клиентом Морриса. За тридцать шесть лет их набралось много.

Иногда, если заснуть не получалось, Моррис, лежа на спине (к началу девяностых он жил в одиночной камере, в которой висела полка с зачитанными книгами), расслаблялся, вспоминая, как открыл для себя Джимми Голда. Событие это стало лучом яркого солнечного света в мутной и злобной тьме его юности.

К тому времени его родители ссорились постоянно, и хотя он в равной степени не мог терпеть их обоих, мать лучше умела противостоять миру, поэтому он взял на вооружение ее саркастическую улыбку и сопутствующее высокомерное, пренебрежительное отношение к другим. За исключением английского языка и литературы, где он получал только пятерки (когда хотел), учился он исключительно на тройки, приводя Аниту Беллами в бешенство. Друзьями не обзавелся, зато врагов хватало. Трижды его избивали. Двоим парням не понравилось его поведение вообще, но третий высказал более конкретные претензии. Здоровяк-футболист по имени Пит Уомэк. Однажды в обещанный перерыв ему не понравилось, как Моррис смотрит на его девушку.

— Куда это ты смотришь, крысеныш? — полюбопытствовал Уомэк, и за столами вокруг сидевшего в одиночестве Морриса стало тихо.

— На нее, — ответил Моррис. Он испугался, и, если мыслил ясно, страх обычно накладывал хоть какие-то рамки на его поведение. Однако Моррис никогда не мог противостоять соблазну покрасоваться перед публикой.

— Ты это прекрати, — сказал Уомэк весьма миролюбиво. Давая Моррису шанс. Возможно, Пит Уомэк отдавал себе отчет, что рост у него шесть футов два дюйма, а вес — двести двадцать фунтов, тогда как этот худой красногубый новичок возвышался над землей на какие-то пять футов семь дюймов, а весил не больше ста сорока фунтов в мокрой одежде. Он также понимал, что присутствующие, включая его явно смущенную девушку, тоже заметили это различие.

— Если она не хочет, чтобы на нее смотрели, зачем она так одевается? — поинтересовался Моррис.

Он считал этот вопрос комплиментом (сомнительным, конечно), однако Уомэк думал иначе. Он обежал стол, подняв кулаки. Моррис сумел нанести только один удар, но очень точный, поставив Уомэку фингал под глаз. Разумеется, Моррису крепко досталось, но тот удар стал кровоением. Он *мог* драться. Это радовало.

Обоих парней временно отстранили от занятий, и в тот вечер Моррис выслушал двадцатиминутную лекцию матери о пассивном сопротивлении. Она не упустила возможности едко заявить, что *драки в кафетерии* — не та форма внеклассной деятельности, которую хорошие колледжи записывают в актив своим потенциальным студентам, когда рассматривают их заявления.

За ее спиной отец Морриса поднял стакан мартини и подмигнул сыну, показывая, что он, Джордж Беллами, пусть и жил под каблуком у жены, при определенных обстоятельствах тоже мог принять бой. Но дорогой папу-

для все-таки предпочитал отступление, и во втором семестре первого года обучения Морриса в Нортфилде старина Джорджи дал деру от семейной жизни, притормозив лишь для того, чтобы снять все деньги с банковского счета Беллами. Инвестиции, которыми он постоянно похвалялся, либо были фантазией, либо обернулись пшиком. И Анита Беллами осталась со стопкой неоплаченных счетов и бунтующим четырнадцатилетним сыном.

После отбытия мужа в неизвестном направлении у нее остались только два актива. Один — взятое в рамочку свидетельство о выдвижении ее книги в номинанты Пулитцеровской премии. Второй — дом, в котором вырос Моррис, расположенный в лучшей части Норт-Сайда. Не обремененный никакими залоговыми обязательствами, потому что она упрямо отказывалась подписывать банковские бумаги, которые ее муж приносил домой. Ее не трогали его уговоры использовать потрясающие инвестиционные возможности. Тот дом после бегства благоверного супруга Анита продала, и они переехали на Сикомор-стрит.

— Шаг вниз, — призналась она Моррису в летние каникулы между девятым и десятым классом, — но финансовый резервуар будет наполнен. И по крайней мере это район для белых. — Она помолчала, обдумала последнюю фразу и добавила: — Разумеется, я не страдаю предрасудками.

— Конечно, ма, — ответил Моррис. — Кто бы сомневался?

Обычно она терпеть не могла, когда он называл ее ма, но в тот день промолчала, то есть день прошел хорошо. Каждый день, когда ему удавалось уколоть ее, считался хорошим. Такая возможность выпадала редко.

В начале семидесятых от десятиклассников Нортфилда еще требовали отзывы о прочитанных книгах. Ученикам выдали размноженные на копировальной машине списки

одобренных книг, из которых и следовало выбирать. Большинство выглядело для Морриса полным отстоем, и, как обычно, он не постеснялся сказать об этом.

— Посмотрите! — крикнул он со своего места в последнем ряду. — Сорок вкусов американской овсянки.

Некоторые ученики рассмеялись. Он никому не нравился, но умел их рассмешить, и его это полностью устраивало. Одноклассников он считал никчемностями, которых ждали никчемное супружество и никчемная работа. Им предстояло рожать никчемных детей и нянчить никчемных внуков, прежде чем они закончат свою никчемную жизнь в никчемных больницах или домах для престарелых, шагнут в темноту в полной уверенности, что реализовали Американскую мечту и Иисус будет поджидать их у ворот рая за рулем автофургона с рекламной продукцией и подарками для новых поселенцев. Морриса ждало нечто гораздо лучшее. Пусть он еще и не знал, что именно.

Мисс Тодд — практически ровесница Морриса того дня, когда он с подельниками ворвался в дом Джона Ротстайна, — попросила его остаться после урока. Пока другие ученики выходили из класса, Моррис развалился на стуле за своим столом, ожидая, что Тодд отстранит его от занятий. С ним такое случалось не раз за пререкания с учителями, но на английском — никогда. Непривычная мысль мелькнула в голове, озвученная голосом отца: *Ты сжигаешь слишком много мостов, Морри*, — и рассеялась, как дымок.

Однако вместо того чтобы выгнать его из школы, мисс Тодд — лицом не красавица, но с обалденной фигурой — сунула руку в свою большую сумку и достала книжку в красной обложке. На ней нарисованный желтым парень привалился к стене и курил сигарету. «БЕГУН» — гласило название над картинкой.

— Никогда не упускаешь шанс поострить, верно? — спросила мисс Тодд. Села за стол рядом с ним. Короткая юбка, длинные бедра, блестящие чулки.

Моррис промолчал.

— Сегодня я этого ждала. Поэтому и прихватила с собой эту книгу. Для тебя это и хорошая, и плохая новость, мой всезнающий друг. От занятий я тебя не отстраняю, но и выбора у тебя нет. Ты должен прочитать это, и только это. Книги нет в списке, одобренном школьным советом, и, полагаю, у меня могут быть неприятности за то, что я тебе ее дала, но я рассчитываю на светлую сторону твоей натуры, которая, как мне хочется верить, где-то все-таки есть, пусть и совсем маленькая.

Моррис посмотрел на книгу и перевел взгляд на ноги мисс Тодд, не пытаясь скрыть своей интерес.

Она заметила это и улыбнулась. На мгновение Моррис представил их общее будущее, по большей части в постели. Он слышал, что такое случалось на самом деле. *Annettitная училка ищет ученика-подростка для внеклассных занятий по практическому сексу.*

Этот воображаемый шарик провисел пару секунд. И лопнул от ее улыбки.

— Вы с Джимми Голдом найдете общий язык. Он — саркастичный, ненавидящий себя маленький говнюк. Очень похож на тебя. — Она встала. Подол юбки опустился на положенное место, на два дюйма выше колена. — Удачи с отзывом о книге. И в следующий раз, заглядывая женщине под юбку, вспоминай слова Марка Твена: «*Смотреть* может любой нестриженный охламон».

Моррис вылетел из класса с пылающим лицом: впервые его не просто поставили на место, а швырнули и расплющили. Его распирало желание бросить книгу в канаву, едва выйдя из автобуса на углу Сикомор- и Элм-стрит, но он сдержался. И не потому, что боялся наказания. Что она могла сделать, если книга не входила в одобренный список? Нет, книгу он оставил из-за парня на обложке. Парня, который с усталым пренебрежением смотрел на мир сквозь легкую пелену сигаретного дыма.

Он — саркастичный, ненавидящий себя маленький говнюк. Очень похож на тебя.

Матери дома не было, и вернуться она могла только в одиннадцатом часу. Она преподавала на образовательных курсах для взрослых в Городском колледже, чтобы зарабатывать дополнительные деньги. Моррис знал, что мать терпеть не может эти занятия и считает, что слишком хороша для них. Его это вполне устраивало. Продолжай в том же духе, мамуля, думал он. Продолжай в том же духе, и удачи тебе.

В морозильнике лежали «телеужины». Моррис взял первый попавшийся, сунул в духовку, решив почитать, пока готовится еда. А после ужина собирался пойти наверх, достать из-под кровати один из отцовских «Плейбоев» (*мое наследство от папаши*, иногда думал он) и погонять шкурку.

Включить таймер он забыл, и только запах горелого мяса оторвал его от книги полтора часа спустя. Он прочитал первые сто страниц, перенесся из говняного маленького типового дома послевоенной застройки в районе, где всем улицам присваивали названия деревьев, в Нью-Йорк, по которому бродил с Джимми Голдом. Как лунатик, Моррис прошел на кухню, надел толстые рукавицы, достал контейнер со сгоревшей едой, бросил в мусорный бак и вернулся к «Бегуну».

Придется прочитать еще раз, подумал он. Его словно лихорадило. И с маркером. Так много надо подчеркнуть и запомнить. Так много.

Для читателей одно из самых впечатляющих открытий в жизни — сам факт, что они читатели. Что не просто могут читать (Моррис это уже знал), но влюблены в чтение. Безнадёжно. По уши. И первая книга, на которой это происходит, не забывается никогда, каждая страница приносит новое откровение, что ярко горит и восклицает: *Да! Именно так! Да! Я тоже это видел!* И разумеется: *Так я и думаю! Я ЧУВСТВУЮ то же самое!*

Моррис написал десятистраничный отзыв по «Бегуну». Мисс Тодд вернула его с пятеркой с плюсом и коротким комментарием: *Я знала, что тебе понравится.*

Моррис хотел сказать ей, что книга ему не просто понравилась: он влюбился. *По-настоящему.* А настоящая любовь живет вечно.

Вторая книга, «Бегун берет разгон», ни в чем не уступала «Бегуну», только Джимми теперь был чужаком не в Нью-Йорке, а в Европе, с боями продвигался по Германии, видел, как гибнут друзья, и в конце концов сталкивался лицом к лицу с невероятным ужасом за колючей проволокой одного из концентрационных лагерей. *Едва передвигавшие ноги, неотличимые от скелетов выжившие подтвердили то, о чем Джимми подозревал многие годы,* писал Ротстайн. *Все это было ошибкой.*

При помощи трафаретов Моррис скопировал на бумагу эти фразы римским готическим шрифтом и повесил над дверью своей комнаты, в которой со временем поселится другой школьник, по имени Питер Зауберс.

Его мать увидела эту надпись, скривила губы в саркастической улыбке и ничего не сказала. Во всяком случае, тогда. Спор по поводу трилогии Голда произошел два года спустя, после того как она прочитала книги сама. Этот спор привел к тому, что Моррис напился, а напившись, вломился в чужой дом, устроил погром, подрался и в результате провел девять месяцев в Ривервью, исправительной колонии для малолетних преступников.

Но прежде был роман «Бегун сбрасывает темп», который Моррис читал с нарастающим ужасом. Джимми женился на милой девушке. Джимми получил работу в рекламном агентстве. Джимми начал толстеть. Жена Джимми забеременела первым из маленьких Голдов, и они переехали в респектабельный пригород. У Джимми появились друзья. Джимми и его жена устраивали вечеринки с барбекю на заднем дворе. Джимми верховодил у гриля, надев фартук с надписью «ШЕФ ВСЕГДА ПРАВ». Джим-

ми изменял жене, а жена, в свою очередь, изменяла ему. Джимми пил алка-зельтцер от изжоги и что-то называемое милтаун, от похмелья. Но прежде всего Джимми гнался за Золотым баксом.

Моррис читал об этих переменах с нарастающими отчаянием и яростью. Наверное, то же самое ощущала его мать, узнав, что муж, которого она, по своему твердому убеждению, держала под каблуком, снимал деньги с их общего счета, хотя стоял на задних лапках, выполнял любую ее прихоть и никогда не поднимал руку, чтобы стереть саркастическую усмешку с ее высокоинтеллектуального лица.

Моррис надеялся, что Джимми очнется. Вспомнит, кем он был, и пошлет к черту глупое и пустое существование, свою нынешнюю жизнь. Вместо этого роман «Бегун сбрасывает темп» закончился празднеством по случаю самой успешной рекламной кампании, проведенной Джимми, — чистящего средства «Даззи-Ду», прости Господи, — и фразой: *Просто подождите до следующего года!*

В исправительной колонии Моррис раз в неделю посещал психотерапевта по имени Кертис Ларсен. Мальчишки дали ему прозвище Говнишка. Каждую сессию Говнишка заканчивал вопросом: «По чьей вине ты здесь оказался, Моррис?»

Большинство мальчишек, даже самые тупые, знали правильный ответ на этот вопрос. Моррис тоже знал, но отказывался его озвучить. «По вине моей матери», — всякий раз отвечал он.

На самой последней сессии, перед освобождением, Говнишка положил руки на стол и долго смотрел на Морриса. Моррис знал, что Говнишка ждет, когда он ответит взгляд. И не желал этого делать.

— В моей области знания, — наконец сказал Говнишка, — для твоей реакции есть специальный термин. Уход от вины. Вернешься ли ты сюда, если по-прежнему будешь упорствовать и перекладывать вину на другого? Малове-

роятно. Через несколько месяцев тебе исполнится восемнадцать, так что в следующий раз, когда ты сорвешь банк — а следующего раза *не избежать*, — судить тебя будут как взрослого. Если только ты не исправишься. Итак, последний раз спрашиваю тебя: по чьей вине ты сюда попал?

— По вине моей матери, — без запинки ответил Моррис. Потому что он не уходил от ответственности, а говорил чистую правду. И спорить тут было не о чем.

В промежутке между пятнадцатью и семнадцатью годами Моррис раз за разом перечитывал первые две книги трилогии, подчеркивая и снабжая текст комментариями. А вот роман «Бегун сбрасывает темп» перечитал лишь однажды, и ему пришлось заставить себя дойти до конца. Стоило ему взять в руки книгу, как в животе наливался тяжестью свинцовый шар, поскольку Моррис знал, что произойдет. Его ненависть к создателю Джимми Голда нарастала. Как Ротстайн мог до такой степени унижить Джимми! Не позволил ему уйти в зените славы, оставил жить! Соглашаться на компромиссы, скруглять углы, верить, будто для того, чтобы считаться бунтарем, достаточно спать с живущей по соседству шлюхой!

Моррис подумывал над тем, чтобы написать Ротстайну письмо и попросить — нет, *потребовать* — объяснить, но узнал из статьи в журнале «Тайм», что этот сукин сын даже не читает письма поклонников, не говоря уже о том, чтобы отвечать на них.

Как Рикки-Хиппи скажет Питу Зауберсу много лет спустя, большинство молодых мужчин и женщин, которые влюблялись в произведения какого-то автора — Воннегута, Гессе, Бротигана или Толкиена, — со временем находили новых идолов. Обескураженный последней частью трилогии, Моррис мог бы пойти тем же путем. Но прежде чем это произошло, случился спор с сукой, которая делала все, чтобы испортить ему жизнь, поскольку не могла вцепиться в того, кто испортил жизнь ей. Анитой Белла-

ми с ее забранным в рамку свидетельством близости к Пулитцеровской премии, короной крашенных светлых волос и саркастической улыбочкой.

В феврале 1973 года, находясь в отпуске, она за один день прочитала все три романа о Джимми Голде. И взяла экземпляры *Морриса*, его *личные* экземпляры, с полки в спальне. Когда он пришел, они лежали на кофейном столике в гостиной. И на обложке «Бегун берет разгон» темнел влажный круг от ее бокала с вином. Моррис потерял дар речи, что в его подростковой жизни случалось крайне редко.

Анита — нет.

— Ты так много говорил об этих книгах последний год, что я наконец-то решила посмотреть, чем они тебя зацепили. — Она сделала глоток вина. — А поскольку у меня неделя отпуска, я их прочитала. Думала, уйдет больше одного дня, но это *незамысловатое* чтиво.

— Ты... — У него перехватило дыхание. — Ты заходила в мою комнату!

— Ты не возражал, когда я заходила, чтобы поменять постель или вернуть твою одежду, выстиранную и выглаженную. Может, ты думал, что все это проделывала Стиральная фея?

— Эти книги мои! Они стояли на моей особой полке! Ты не имела права их брать!

— Я с радостью поставлю их на место. И не волнуйся, я не трогала журналы, которые лежат под твоей кроватью. Я знаю, что мальчикам надо... забавляться.

Он двинулся к кофейному столику на негнущихся, словно ходули, ногах, собрал книги руками, которые превратились в крюки. Задняя сторона обложки романа «Бегун берет разгон» намокла от ее чертова бокала, и он подумал: если уж она решила поставить бокал на книгу, почему не выбрала «Бегун сбрасывает темп»?

— Я признаю, это интересные артефакты, — начала она размеренным лекторским тоном. — Если отстра-

ниться от всего остального, они показывают рост мастерства талантливого писателя. Разумеется, первые два романа крайне наивны, точно так же, как «Том Сойер» наивен в сравнении с «Гекльберри Финном», но последний — пусть это и не «Гек Финн» — показывает зрелость автора.

— Последний роман — дерьмо! — крикнул Моррис.

— Тебе незачем повышать голос, Моррис. Незачем *орать*. Ты можешь защищать свою точку зрения иными способами. — И она подкрепила слова улыбкой, которую он так ненавидел, сухой и острой. — У нас же дискуссия.

— Мне *не нужна* гребаная дискуссия!

— Но без нее *не обойтись*! — воскликнула Анита, улыбаясь. — Раз я провела целый день — я не говорю, *потеряла* целый день, — пытаюсь понять моего эгоистичного неглупого сына с завышенным самомнением, который в настоящее время учится исключительно на тройки.

Она ждала ответной реакции. Он молчал. Везде его поджидали ловушки. Она умела загнать Морриса в угол, если хотела, и сейчас происходило именно это.

— Я заметила, что первые два тома потрепаны, разползаются по листкам, зачитаны, можно сказать, до дыр. На каждой странице — подчеркивания и комментарии, многие из которых демонстрируют зачатки — я не скажу *расцвет*, так говорить нельзя, во всяком случае, пока — проницательного критического подхода. Но третий том — практически новый, и никаких подчеркиваний. Тебе не нравится, что с ним произошло, верно? Джимми разонравился тебе, как только он — а следовательно, и автор — повзрослел.

— Он продался! — Моррис сжал кулаки. Лицо горело и пульсировало, как в тот день в столовой, когда он в полной мере познакомился с кулаками Уомэка. Но тогда Моррису удался один удар, и ему хотелось нанести его и теперь. — Ротстайн *позволил* ему продаться! Если ты этого не видишь, то ты *глупа*!

— Нет, — ответила она. Улыбка погасла. Анита наклонилась вперед, поставила бокал на кофейный столик, какое-то время пристально смотрела на сына. — Это суть твоей ошибки. Хороший романист не ведет своих персонажей, он следует за ними. Хороший романист не создает события, он наблюдает за тем, как они происходят, а потом записывает то, что видит. Хороший романист осознает, что он — секретарь, а не Господь.

— Джимми был другим! Гребаный Ротстайн изменил его! Превратил в шута! Превратил в... в такого, как все!

Моррис ненавидел слабость своих аргументов, ненавидел ловкость, с которой мать заманила его в ловушку, заставила защищать позицию, не требовавшую защиты, очевидную для всех, у кого есть хоть толика ума и какие-то чувства.

— Моррис, — мягко заговорила она, — когда-то я хотела стать женской версией Джимми, точно так же, как сейчас тебе хочется быть Джимми. Джимми Голд или кто-то вроде него — остров изгнания, куда отправляется большинство подростков, чтобы переждать, пока детство не перейдет во взрослую жизнь. Тебе лишь надо понять — как это в конце концов понял Ротстайн, хотя ему потребовались три книги, — что большинство из нас становятся такими, как все. Я точно стала. — Она огляделась. — Потому-то мы и живем на Сикомор-стрит.

— Потому что ты по глупости позволила моему отцу ободрать нас как липку!

Она скривилась от этих слов (*попал, точно попал!* — радостно подумал Моррис), но саркастический изгиб губ тут же вернулся. Так сворачивается в пепельнице горящий листок бумаги.

— Признаю, доля правды в твоих словах есть, хотя ты поступаешь нехорошо, попрекая меня этим. Но ты задавался вопросом, *почему* он ободрал нас как липку?

Моррис молчал.

— Потому что он отказывался стать взрослым. Твой отец — толстобрюхий Питер Пэн, который нашел какую-то девицу, прожившую на этом свете в два раза меньше его, чтобы она изображала в постели Динь-Динь.

— Поставь мои книги на полку или выброси в мусорный бак. — Моррис не узнавал своего голоса. Ужаснувшись, он понял, что говорит точь-в-точь, как отец. — Мне все равно. Я уйду отсюда и больше не вернусь.

— Я думаю, вернешься, — возразила мать — и не ошиблась, хотя вернулся он почти через год, и к тому времени она уже не понимала его. Если когда-нибудь понимала. — И, думаю, тебе нужно прочитать третью книгу еще несколько раз.

Ей пришлось повысить голос, потому что он уже бежал по коридору, едва не ослепнув от бушующих эмоций.

— Найди в себе сострадание! Мистер Ротстайн нашел его, и оно спасло последнюю книгу!

Хлопок двери заглушил ее голос.

Опустив голову, Моррис зашагал к тротуару, а когда добрался до него, пустился бежать. В трех кварталах находился небольшой торговый центр с винным магазином. Там Моррис уселся на велосипедную стойку перед «Чумовым хобби» и начал ждать. Два первых парня, к которым он обратился, отказались помочь Моррису (второй — с улыбкой, вызвавшей у Морриса желание врезать ему), но третий, в поношенной одежде, сильно прихрамывавший на левую ногу, согласился купить Моррису пинту за два доллара или кварту за пять. Моррис выбрал кварту и начал пить, расположившись у речки, которая протекала по пустоши между Сикомор- и Берч-стрит. К тому времени солнце село. Он не помнил, как добрался до Шугар-Хайтс на угнанном автомобиле, но не вызывало сомнений, что, попав туда, он сорвал, как любил говорить Говнишка, мегабанк.

По чьей вине ты здесь оказался?

Он полагал, что часть вины лежала на алкаше, который купил несовершеннолетнему кварту виски, но в основном виновата была его мать. Однако и здесь нашлось что-то хорошее: когда зачитали приговор, на ее лице не осталось и следа от саркастической улыбки. Ему наконец-то удалось стереть ее с лица Аниты Беллами.

В те дни, когда заключенным запрещался выход из камеры (а такое случалось минимум раз в месяц), Моррис лежал на койке, заложив руки за голову, и думал о четвертом романе про Джимми Голда, гадая, станет ли его идол прежним Джимми. Моррис мечтал об этом с того самого момента, как закрыл третий роман, «Бегун сбрасывает темп». Вернутся ли к Джимми прежние надежды и грезы? Вспыхнет ли, казалось бы, угасший огонь? Если бы он провел с записными книжками еще два дня! Хотя бы один!

Однако он сомневался, что даже Джон Ротстайн мог сотворить такое, предложить правдоподобный вариант. Личные наблюдения Морриса (преимущественно на родителях) однозначно свидетельствовали: если огонь потух, то навсегда. Но некоторые люди *менялись*. Он помнил, как однажды затронул эту тему в разговоре с Энди Холлидеем, когда они болтали во время перерыва на ленч. Сидели в «Счастливой чашке», неподалеку от магазина «Книги Гриссома», где работал Энди, вскоре после того, как Моррис ушел из Городского колледжа, решив, что фикция, которая выдавалась за высшее образование, ему на хрен не нужна.

— Никсон изменился, — сказал Моррис. — Давний ненавистник коммунизма наладил торговые отношения с Китаем. И Линдон Джонсон провел через конгресс Билль о гражданских правах. Если эта старая расистская гиена смогла так перемениться, думаю, все возможно.

— Политики. — Энди — художавый, с короткой стрижкой, лишь на несколько лет старше Морриса — поморщился, словно унюхал что-то мерзкое. — Они меняются

в силу обстоятельств — не идеализма. Обычные люди такого не делают. Не могут. Если они отказываются вести себя должным образом, их наказывают. А после наказания они говорят: конечно, да, сэр, — и живут по заданной программе, как хорошие, добрые роботы. Посмотри, что случилось с теми, кто протестовал против войны во Вьетнаме. Большинство теперь принадлежит к среднему классу. Толстые, счастливые и голосуют за республиканцев. А те, кто отказался подчиниться, сейчас в тюрьме. Или в бегах, как Кэтрин Энн Пауэр*.

— Как ты можешь называть Джимми Голда *обычным*? — возмутился Моррис.

Энди одарил его снисходительным взглядом.

— Да перестань. Вся эта история — эпический исход из исключительности. Цель американской культуры, Моррис, — создание *нормы*. Это означает, что людей исключительных необходимо загнать в определенные рамки, и именно это происходит с Джимми. В итоге он работает в рекламном агентстве, а кто, скажи на милость, является самым большим пропагандистом нормы в этой гребаной стране, как не реклама? Это главный тезис Ротстайна. — Энди покачал головой. — Если ищешь оптимизм, читай серию «Любовный роман» издательства «Арлекин».

Моррис думал, что Энди обычно спорил ради спора. За очками в роговой оправе горели глаза фанатика, но даже тогда Моррис понимал, в чем дело. Фанатизм Энди касался исключительно самих книг, а не историй или идей, которые в них излагались.

Они встречались за ленчем два или три раза в неделю, обычно в «Чашке», иногда — на скамейке на Гавенмент-сквер, рядом с магазином «Книги Гриссома». По ходу одного из таких ленчей Энди Холлидей и упомянул о на-

* Пауэр, Кэтрин Энн (р. 1949) — активистка студенческого движения. В 1970 г. внесена в список самых разыскиваемых преступников ФБР за участие в двух вооруженных ограблениях и убийство, сдалась полиции в 1993 г.

стойчивых слухах, будто Джон Ротстайн продолжает писать, а в завещании указал, что все написанное нужно сжечь после его смерти.

— Нет! — воскликнул Моррис, пораженный в самое сердце. — Этого никогда не произойдет! Правда?

Энди пожал плечами:

— Если так написано в завещании, считай, все, что он написал после того, как отгородился от мира, уже пепел.

— Ты выдумываешь!

— Возможно, содержание завещания — неподтвержденный слух, тут спорить не буду, но в книготорговых кругах твердо убеждены, что Ротстайн по-прежнему пишет.

— В книготорговых кругах. — В голосе Морриса звучало сомнение.

— У нас свои источники информации, Моррис. Домоправительница Ротстайна ездит для него за покупками, понимаешь? Не только за продуктами. Раз в месяц — полтора она заходит в книжный магазин «Белая река» в Берлине, это самый близкий к его ферме город, чтобы забрать заказанные по телефону книги. Она говорила людям, которые там работают, что он каждый день пишет с шести утра до двух часов пополудни. Хозяин магазина рассказал это кое-кому из коллег на Бостонской книжной ярмарке, так что теперь об этом знают все.

— Срань господня, — выдохнул Моррис. Этот разговор происходил в июне 1976 года. Последний опубликованный рассказ Ротстайна, «Идеальный банановый пирог», увидел свет в шестидесятом году. Если слова Энди соответствовали действительности, получалось, что Джон Ротстайн писал в стол шестнадцать лет. И если он выдавал хотя бы по восемьсот слов в день, тогда в сумме... В уме Моррис посчитать не мог, но выходило много.

— Срань господня, это точно, — согласился Энди.

— Если он действительно хочет, чтобы после его смерти все написанное сожгли, он безумен!

— Для писателей это обычное дело. — Энди наклонился вперед, улыбаясь, словно давая понять, что его слова надо воспринимать как шутку. Может, так оно и было. Во всяком случае, для него. — Вот что я думаю. Кто-то должен организовать спасательную экспедицию. Может, ты, Моррис? В конце концов, ты — его поклонник номер один.

— Только не я, — возразил Моррис. — После того, что он сделал с Джимми Голдом.

— Остынь, парень. Нельзя винить человека за то, что он следует за своей музой.

— Еще как можно.

— Тогда укради их. — Энди продолжал улыбаться. — Это будет кража во благо американской литературы. Привези их мне. Они полежат у меня какое-то время, а потом я их продам. Если это не старческая галиматья, они могут принести миллион долларов. Я разделю его с тобой, пятьдесят на пятьдесят. Поровну.

— Нас поймают.

— Я так не думаю, — ответил Энди Холлидей. — Есть способы этого избежать.

— И сколько ты собираешься ждать, прежде чем сможешь их продать?

— Несколько лет. — Энди небрежно махнул рукой, словно речь шла о паре часов. — Возможно, пять.

Месяцем позже, до тошноты устав от жизни на Сикомор-стрит и преследуемый идеей о краже рукописей, Моррис загрузил свои нехитрые пожитки в дышащий на ладан «вольво» и поехал в Бостон. Нашел работу в компании, которая застраивала два микрорайона в пригородах. Поначалу он едва не умирал от усталости, но потом нарастил мышцы (хотя, разумеется, не стал таким, как Дак Дакуорт) и втянулся. Даже подружился с двумя парнями, Фредди Доу и Кертисом Роджерсом.

Однажды он позвонил Энди:

— Ты действительно сможешь продать неопубликованные рукописи Ротстайна?

— Безусловно, — ответил Энди. — Не сразу, как я и говорил, но что с того? Мы молоды. Он — нет. Время поработает на нас.

Да, а главное, за это время он, Моррис, смог бы прочитать все написанное Ротстайном после «Идеального бананового пирога». Прибыль — даже полмиллиона, которые посулил ему Энди, — значения не имела. «Я не наемник, — говорил себе Моррис. — Не гонюсь за Золотым баксом. Это дерьмо ни хрена не значит. Дайте мне денег на жизнь — что-то вроде пособия, — и я буду счастлив. Я — исследователь».

По выходным он начал ездить в Толбот-Корнерс, штат Нью-Хэмпшир. В 1977 году уже брал с собой Кертиса и Фредди. Постепенно нарисовался план. Простой, а значит, наилучший. Разбойное нападение.

Философы многие столетия обсуждали, что есть жизнь, но редко приходили к одинаковым выводам. Попав за решетку, Моррис тоже занялся изучением этого вопроса. Только его исследования носили сугубо прикладной характер и не претендовали на вселенский масштаб. Он хотел знать, что подразумевается под жизнью в юридическом аспекте. Картина получилась пестрой. В некоторых штатах жизнь означала именно жизнь. Ты оставался в тюрьме до самой смерти без надежды на досрочное освобождение. В некоторых первое заявление об условно-досрочном освобождении принимали через два года. В других — через пять, семь, десять или даже пятнадцать лет. В Неваде положительное (или отрицательное) решение о досрочном освобождении принималось на основе сложной системы баллов.

К 2001 году человек, осужденный на пожизненное заключение на территории Соединенных Штатов Америки, в среднем проводил в тюрьме тридцать лет и четыре месяца.

В штате, где отбывал срок Моррис, законодатели создали свое оригинальное определение жизни, основанное на демографии. В 1979-м, когда Моррису вынесли приговор, среднестатистический американский мужчина жил семьдесят лет. Моррису в тот год исполнилось двадцать пять, то есть свой долг перед обществом ему предстояло выплачивать сорок пять лет.

Если, конечно, его не освободят досрочно.

Первый раз такая возможность представилась в девяностом году. Кора Энн Хупер пришла на слушания. В аккуратном синем брючном костюме, с собранными в пучок седеющими волосами, стянутыми так сильно, что они буквально звенели. На коленях у нее лежала большая черная сумка. Она в подробностях описала, как Моррис Беллами схватил ее и утащил в проулок рядом с таверной «Стрелок» с явным намерением «снасильничать». Она поведала пяти членам комиссии по условно-досрочному освобождению, как он ударил ее и сломал нос, как ей удалось активировать «тревожную кнопку», которую она носила в сумке. Она помнила, что от него пахло спиртным, что он ногтями поцарапал ей живот, срывая белье. Она отметила, что «Моррис душил меня и причинял мне боль своим органом», когда прибыл патрульный Эллентон и сдернул с нее Морриса. Она рассказала комиссии, что в 1980-м пыталась покончить с собой и до сих пор состоит на учете у психиатра. Что ей стало лучше после того, как она обратилась к церкви и приняла Иисуса Христа как своего личного Спасителя, но ей по-прежнему снятся кошмары. На вопрос комиссии она ответила, что так и не вышла замуж, поскольку даже мысль о сексе вызывала у нее паническую атаку.

В условно-досрочном освобождении Моррису отказали. На зеленом листе, который ему передали вечером через прутья решетки, указывалось несколько причин отказа, но первая в списке явно сыграла для комиссии

решающую роль: *Жертва заявляет, что продолжает страдать.*

Сука.

Хупер появилась и в девяносто пятом году, и в двухтысячном. В девяносто пятом пришла в том же синем брючном костюме. В двухтысячном — она набрала добрых сорок фунтов — в коричневом. В две тысячи пятом — в сером, и большой белый крест покоился на ее полной груди. Всякий раз у нее на коленях лежала черная сумка, возможно, одна и та же. Вероятно, с «тревожной кнопкой» внутри. Заодно с баллончиком «Мейса». Ее на эти слушания не вызывали: она приходила добровольно.

И рассказывала свою историю.

В условно-досрочном освобождении Моррису отказывали. Главная причина на зеленом бланке оставалась прежней: *Жертва заявляет, что продолжает страдать.*

Дерьмо ни хрена не значит, говорил себе Моррис. Дерьмо ни хрена не значит.

Может, и так, но, *Бог* свидетель, он жалел, что не убил ее.

Ко времени третьего отказа писательские способности Морриса пользовались спросом: в маленьком мире Уэйнесвилла все знали, что из-под его пера выходят только бестселлеры. Он писал любовные письма женам и подругам. Он писал письма детям заключенных и в некоторых трогательными фразами подтверждал существование Санта-Клауса. Он писал заявления на работу для тех, у кого срок подходил к концу. Он писал сочинения заключенным, которые пользовались онлайн-курсами для получения свидетельства об общем образовании. Он не был тюремным адвокатом, но время от времени по просьбе заключенных писал письма настоящим адвокатам, убедительно объясняя каждый конкретный случай и излагая основания для апелляции. Иногда эти письма производили на адвокатов впечатление — учитывая, что иски, по которым

назначенный тюремный срок признавался неправомерным, приносили хорошие деньги, — и они брались за дело. Поскольку ДНК все чаще становилась решающим фактором для исхода апелляционного судебного процесса, многие письма он направлял Барри Шеку и Питеру Нойфелду, основателям проекта «Невиновность». Одно из таких писем привело к освобождению Чарльза Роберсона, автомеханика и по совместительству вора, отсидевшего в Уэйнесвилле двадцать семь лет. Моррис получил вечную благодарность Роберсона и ничего больше... если не считать растущую репутацию, а репутация значила *куда* больше, чем ничего. Он уже и не помнил, когда его в последний раз насиловали.

В 2004 году Моррис написал свое лучшее письмо. Он переписывал его четыре раза и удовлетворился только пятым вариантом. Адресовалось письмо Коре Энн Хупер. В нем говорилось, что угрызения совести мучают его постоянно, и он обещает в случае условно-досрочного освобождения провести остаток дней, купая единственное свое насильственное деяние, которое совершил в период полного отключения сознания, вызванного алкоголем.

«Четыре раза в неделю я хожу на собрания Анонимных алкоголиков, — писал Моррис, — и теперь являюсь наставником пятерых отказавшихся от вредной привычки алкоголиков и наркоманов. Я продолжу эту деятельность и вне тюрьмы, в реабилитационном центре Святого Патрика. Моя душа проснулась, мисс Хупер, и я принял Иисуса в свою жизнь. Вы поймете, как это важно, потому что — и я это знаю — считаете Иисуса своим личным Спасителем. «Прости нам грехи наши, — говорил Он, — ибо и мы прощаем всякому должнику нашему». Не соблаговолите ли Вы простить мне мои грехи? Я уже не тот человек, который причинил Вам столько боли при нашей первой встрече. Моя душа переродилась. Я молюсь, чтобы мое письмо не оставило Вас равнодушной».

Десять дней спустя он получил отклик на свою молитву. Обратный адрес отсутствовал, но на клапане конверта были аккуратные инициалы и фамилия: «К.Э. Хупер». Ему даже не пришлось вскрывать конверт: об этом позаботился какой-то вертухай в канцелярии, которому велели проверять почту заключенных. В конверте лежал листок почтовой бумаги. В правом верхнем углу и левом нижнем пушистые котята играли с серыми мотками ниток. Ответ состоял из одной фразы по центру листка: «Надеюсь, ты там и сдохнешь».

Сука появилась на заседании комиссии на следующий год, теперь уже в компрессионных колготках, с лодыжками, нависающими над туфлями на низком каблуке. Она напоминала ожиревшую мстительную ласточку, вернувшуюся в тюремный аналог Капистрано*. Вновь рассказала свою историю, и Моррису в очередной раз отказали в условно-досрочном освобождении. Теперь он являл собой идеального заключенного, поэтому на зеленом листе осталась только одна причина: *Жертва заявляет, что продолжает страдать.*

Моррис заверил себя, что дерьмо ни хрена не значит, и вернулся в камеру. Не совсем апартаменты пентхауса, всего лишь клетушка шесть на восемь футов, но с книгами. Книги позволяли сбежать из тюрьмы. Книги означали свободу. Он лежал на койке, представляя себе, какими приятными будут пятнадцать минут наедине с Корой Энн Хупер и электромолотком.

Моррис теперь работал в библиотеке, и жизнь его радительно изменилась к лучшему. Администрацию не слишком волновало, как он тратит свой жалкий бюджет, и Моррис без проблем подписался на информационный бюллетень «Американский библиограф». Он также получал каталоги магазинов редких изданий, которые рассылались бесплатно. Книги Джона Ротстейна часто выставлялись

* Речь о калифорнийском городе Сан-Хуан-Капистрано, куда каждый год прилетают американские скалистые ласточки.

на продажу, причем цены постоянно росли. Моррис обнаружил, что следит за ценами с таким же интересом, с каким другие заключенные следили за успехами любимых спортивных команд. Стоимость книг большинства писателей падала после их смерти, но у некоторых счастливиц шла вверх. Ротстайн входил в их число. Время от времени книги с его автографом мелькали в каталогах. В «Рождественском каталоге Баумана» экземпляр «Бегуна» с дарственной надписью Харпер Ли предлагался за семнадцать тысяч долларов.

Сидя в тюрьме, Моррис регулярно просматривал городские газеты, а позже, следуя достижениям технического прогресса, привнесенным двадцать первым столетием, — различные городские сайты. Участок земли между Сикомор- и Берч-стрит так и остался неосвоенным, спасибо бесконечной судебной тяжбе, и Моррису это очень нравилось. Рано или поздно он выйдет из тюрьмы, и сундук будет ждать его на прежнем месте, плотно оплетенный корнями растущего над откосом дерева. Астрономическая цена записных книжек значила для него все меньше и меньше.

Когда-то он был юным и, наверное, наслаждался бы теми радостями, за которыми гонялись молодые люди с сильными ногами и звенящими яйцами: путешествиями и женщинами, автомобилями и женщинами, большими домами, как в Шугар-Хайтс, и женщинами. Теперь он редко мечтал о подобном, а последняя женщина, с которой он занимался сексом, превратилась в главное препятствие на пути к свободе. Ирония сложившейся ситуации не укрылась от него, но он не возмущался. Жизнь шла мимо, терялись стремительность, и зоркость, и запал, но литература была вечной, и она ждала его: рукописи, которые видели только глаза их создателя. И если он сможет взглянуть на эти рукописи лишь тогда, когда ему исполнится семьдесят, так тому и быть. В сундуке лежали и деньги, эти конверты с купюрами. Не слишком внушительное

состояние, даже по прежним меркам, но все-таки неплохая заначка.

«Мне есть ради чего жить, — говорил он себе. — А сколько здешних обитателей могли сказать такое, особенно после того, как их зад обвисал, а член вставал лишь тогда, когда хотелось отлить?»

Моррис несколько раз писал Энди Холлидею, у которого уже появился книжный магазин: Моррис узнал об этом из информационного бюллетеня «Американский библиограф». Он также знал, что его давний друг однажды попал в передрагу, попытавшись продать украденный сигнальный экземпляр самой известной книги Джеймса Эйджи, но сумел выкрутиться. О чем Моррис сожалел. Ему хотелось бы увидеть этого благоухающего одеколоном гомика в Уэйнсвилле. Здесь хватало скверных парней, которые с удовольствием воздали бы Энди по заслугам за Морриса Беллами. Однако мечтать не вредно. При самом худшем раскладе Энди отправили бы в загородный клуб у западной границы штата, где отбывали срок проворовавшиеся «белые воротнички».

Ни на одно из писем Морриса Энди не ответил.

В 2010 году его персональная ласточка снова вернулась в Капистрано, вновь в черном костюме, словно на собственные похороны. *Ждать которых осталось недолго, если она в самом скором времени не похудеет*, желчно подумал Моррис. Жирные щеки Кору Энн Хупер свисали до шеи, глаза прятались в складках жира, кожа приобрела землистый оттенок. Черная сумка уступила место синей, но в остальном ничего не изменилось. Кошмары! Психотерапия! Жизнь, порушенная ужасным монстром, который набросился на нее тем вечером! И так далее, и так далее, бла-бла-бла.

Неужели ты так и не можешь переступить через это чертово изнасилование? — думал Моррис. — Неужели не можешь двинуться дальше?

Моррис вернулся в камеру, твердя себе: Дерьмо ни хрена не значит. Это гребаное *дерьмо* ни хрена не значит. В тот год ему исполнилось пятьдесят пять.

Одним мартовским днем 2014 года тюремный надзиратель пришел в библиотеку за Моррисом, который сидел за столом, в третий раз перечитывая «Американскую пастораль» (по мнению Морриса, лучший роман Филипа Рота). Надзиратель сказал, что его ждут в административном крыле.

— Зачем? — спросил Моррис, поднимаясь из-за стола. Приглашение в административное крыло не сулило ничего хорошего. Обычно там ждали копы, требовавшие, чтобы ты кого-то сдал, и обещавшие самые страшные кары за отказ сотрудничать.

— Комиссия по условно-досрочному.

— Нет, — возразил Моррис. — Это ошибка. Никто не будет рассматривать мое дело до следующего года.

— Я делаю только то, что мне говорят, — пожал плечами надзиратель. — Если не хочешь получить от меня взыскание, найди кого-нибудь, кто тебя подменит, а сам выметайся отсюда.

Комиссия — на этот раз трое мужчин и три женщины — заседала в конференц-зале. Филип Даунс, юрист комиссии, был седьмым. Он зачитал письмо Кору Энн Хупер. Удивительное письмо. У суки обнаружили рак. Эта новость была приятной, но за ней последовала вторая, даже лучше. Кора Энн Хупер уже не возражала против условно-досрочного освобождения Морриса Беллами. И сожалела, что так долго настаивала на своем. Даунс зачитал еще одно письмо, из Центра культуры и искусств Среднего Запада, более известного в городе как ЦКИ. Там брали на работу многих досрочно освобожденных заключенных Уэйнесвилла. ЦКИ предлагал Моррису Беллами неполный рабочий день в должности канцелярского слу-

жащего и оператора ПК начиная с мая. Если к тому времени он выйдет на свободу.

— Учитывая ваше примерное поведение в течение последних тридцати пяти лет и письмо мисс Хупер, — сказал Даунс, — я счел возможным поднять вопрос о вашем досрочном освобождении на год раньше положенного срока. Мисс Хупер сообщает нам, что жить ей осталось недолго, и я уверен, что она хочет закрыть эту тему. — Он повернулся к членам комиссии: — Что скажете, дамы и господа?

Моррис уже знал, что скажут дамы и господа. Иначе его сюда бы не привели. Все шесть членов комиссии проголосовали за условно-досрочное освобождение.

— А вы что скажете, Моррис? — спросил Даунс.

Обычно Моррис находился с ответом, но случившееся поразило его до такой степени, что он не мог вымолвить ни слова. Однако в этом не было нужды, потому что он разрыдался.

Два месяца спустя, после обязательных консультаций с психологом, незадолго до того дня, когда ему предстояло начать работу в ЦКИ, Моррис вышел через ворота А в свободный мир. В его кармане лежали деньги, которые причитались ему за тридцать пять лет работы в красильном цехе, на мебельной фабрике и в библиотеке. Две тысячи семьсот долларов с мелочью.

Записные книжки Ротстайна наконец-то находились в пределах досягаемости.

Часть II

ДАВНИЕ ДРУЗЬЯ

Кермит Уильям Ходжес — просто старина Билл для друзей — едет по Эйрпорт-роуд. Стекла опущены, радиоприемник включен, он поет вместе с Диланом «It Takes a Lot to Laugh, It Takes a Train to Cry». Ему шестьдесят шесть, уже не мальчик, но выглядит на удивление хорошо для перенесшего инфаркт. С тех пор он похудел на сорок фунтов и отказался от фастфуда и сладкого, которые постепенно убивали его.

«Вы хотите дожить до семидесяти пяти? — спросил Ходжеса кардиолог на первом всестороннем обследовании, через пару недель после установки кардиостимулятора. — Если да, откажитесь от шкварок и пончиков. Подружитесь с салатами».

Этот совет недотягивал до «возлюби ближнего твоего, как самого себя», но Ходжес ему последовал. На пассажирском сиденье — белый бумажный пакет с салатом. Времени достаточно, чтобы съесть его и запить «Дасани», если самолет Оливера Мэддена прибудет вовремя. Холли Гибни заверила Ходжеса, что Мэдден уже в пути — она заполучила его полетный лист на сайте «Воздушный следопыт», — но существует вероятность того, что Мэдден заподозрил неладное и двинулся в другом направлении. Он достаточно давно творил разные пакости, а такие типы обычно крайне подозрительны.

Ходжес проезжает мимо служебной дороги к главным терминалам и кратковременной стоянке, движется дальше,

следуя указателям «ЭЙР ФРЕЙТ», «СИГНЭЧЕ ЭЙР», «ТОМАС ЗЕЙН АВИЭЙШН». Под этим указателем сворачивает. «Томас Зейн» — независимый базовый оператор авиационной техники, притулившись — почти в прямом смысле этого слова — в тени куда более мощного БОАТа, «Сигнэче эйр». Трава пробивается сквозь асфальт небольшой автомобильной стоянки, которая пуста за исключением первого ряда. Там стоит десяток прокатных автомобилей. Среди машин эконом- и среднего класса выделяется «линкольн-навигатор» с тонированными стеклами. Ходжес полагает, что это хороший знак. Нужный ему человек любит путешествовать с комфортом, это общая черта всех пакостников. Пусть этот господин носит костюмы стоимостью в тысячу долларов, он по-прежнему остается пакостником.

Ходжес проезжает автостоянку, сворачивает на круг перед зданием и останавливается под щитом «ТОЛЬКО ДЛЯ ПОГРУЗКИ И РАЗГРУЗКИ».

Ходжес рассчитывает на погрузку.

Смотрит на часы. Без четверти одиннадцать. Вспоминает слова матери: «На важные встречи всегда надо приезжать раньше, Билли», — и улыбается. Достает из чехла на ремне айфон и звонит в офис. Ему отвечают после первого гудка.

— «Найдем и сохраним», — говорит Холли. Она всегда произносит название компании, кто бы ни звонил. Это одна из ее маленьких причуд. Их у нее много. — Ты уже на месте, Билл? Ты в аэропорту? Да?

Если не брать в расчет маленькие причуды, Холли Гибни сильно изменилась с их первой встречи четырьмя годами раньше, когда она приехала в город на похороны тетушки, и все эти изменения к лучшему. Хотя иногда она позволяет себе выкурить сигарету: он улавливал запах табака в ее дыхании.

— Я в аэропорту, — отвечает он. — Скажи, что мне повезет.

— Везение совершенно ни при чем, — говорит Холли. — «Воздушный следопыт» — очень хороший сайт. Если хочешь знать, сейчас в воздушном пространстве Соединенных Штатов выполняют рейсы шесть тысяч четыреста двенадцать самолетов. Разве это не интересно?

— Более чем. Расчетное время прибытия самолета Мэддена по-прежнему половина двенадцатого?

— Если точно, одиннадцать тридцать семь. Ты оставил на столе обезжиренное молоко. Я убрала его в холодильник. В жаркие дни обезжиренное молоко очень быстро скисает, даже в кондиционированном помещении, как у нас. Теперь. — Она уговорила Ходжеса поставить кондиционер. Холли умеет уговаривать, если хочет добиться своего.

— Выпей его, Холли. У меня есть «Дасани».

— Нет, благодарю. Я пью диетическую колу. Звонила Барбара Робинсон. Хотела поговорить с тобой. Очень серьезная. Я сказала, она может позвонить во второй половине дня. Или ты ей перезвонишь? — Неуверенность прокрадывается в голос Холли. — Это правильно? Я подумала, что твой номер какое-то время должен быть свободен.

— Правильно, Холли. Она не сказала, что у нее стряслось?

— Нет.

— Позвони ей и скажи, что я свяжусь с ней, как только закончу это дело.

— Ты будешь осторожен, да?

— Я всегда осторожен. — Хотя Холли знает, что тут он кривит душой. Четыре года назад он едва не погиб от чудовищного взрыва вместе с Джеромом, братом Барбары, и самой Холли... а кузина Холли *погибла*, хотя и чуть раньше. Ходжес, влюбившийся в Джейни Паттерсон, до сих пор скорбит об утрате. И винит себя. Сейчас он заботится о себе не только по собственной инициативе: он верит, что этого хотела Джейни.

Он оставляет Холли на хозяйстве, возвращает айфон в чехол на ремне. Раньше, до того как Ходжес стал детпеном, тут висела кобура с «глоком». Выйдя на пенсию, Ходжес постоянно забывал, где его мобильник, но те дни остались в прошлом. Его нынешнее занятие отличается от полицейской работы, однако тоже ничего. Если на то пошло, ему нравится. В сети агентства «Найдем и сохраним» попадает главным образом мелкая рыбешка, но сегодня, похоже, заплыл голубой тунец, и Ходжес в восторге. Ему обещано неплохое вознаграждение, но это не главное. Он *работает*, и это решающий фактор. Он создан для того, чтобы прищучивать плохих парней вроде Оливера Мэддена, и собирается заниматься этим, пока сможет. При удаче — еще восемь или девять лет, и он намерен наслаждаться каждым днем. Он верит, что Джейни хотела бы этого.

Ага, услышал он ее голос, буквально увидел, как она сморщила нос.

Барбара Робинсон тоже чуть не погибла четыре года назад, потому что пошла на тот роковой концерт с матерью и подружками. Барбс была тогда веселой, счастливой девчонкой, а теперь стала веселой, счастливой девушкой-подростком. Он видится с ней, когда приезжает на обед к Робинсонам, но теперь гораздо реже, потому что Джером уехал в университет. Однако, возможно, Джером вернется на лето. Ходжес собирается спросить об этом Барбару, когда будет с ней говорить. Он надеется, что Барбара не попала в какую-нибудь передрагу. Такое ему представляется маловероятным. Она хороший ребенок, из тех, кто помогает старушкам перейти улицу.

Ходжес открывает салат, поливает его низкокалорийным французским соусом и начинает есть. Он голоден. Ощущать голод — это нормально. Голод — признак здоровья.

2

Моррис Беллами совсем не голоден. Бублик, намазанный сливочным сыром, — это все, что он может съесть на ланч, да и то не полностью. Сначала он сметал все подряд: бигмаки, «муравейники», пиццы — все, о чем мечтал в тюрьме, но закончилось обжорство блевотной ночью после посещения «Сеньора Тако» в Лоутауне. В молодости у него не возникало проблем с мексиканской кухней — а молодость, казалось, была совсем недавно, — однако ночь, проведенная на коленях перед фаянсовым алтарем, донесла до него правду: ему, Моррису Беллами, пятьдесят девять, и он на пороге старости. Лучшие годы жизни он красил джинсы, лакировал столы и стулья, которые продавались в магазине при тюрьме, и писал письма для бесконечного потока тупиц в тюремной одежде.

И теперь он в мире, который едва узнает, где фильмы показывают на гигантских экранах, называемых «АЙМАКС», а по улицам все ходят с наушниками или всматриваясь в маленькие экраны. В каждом магазине — камеры наблюдения, а цены на самые обычные продукты питания — когда его посадили, батон хлеба, к примеру, стоил пятьдесят центов — столь высоки, что кажутся нереальными. Изменилось все, он чувствует, что слепнет от всей этой новизны. Отстал от жизни и знает, что его разуму, зашоренному тюрьмой, ее уже не догнать. Как и телу. Суставы не желают гнуться, когда он встает по утрам; вечером, когда он ложится, все болит. Моррис думает, что это признаки артрита. После блевотной ночи (когда он не блевал, его несло коричневой жижей) аппетит бесследно исчез.

К еде по крайней мере. Он думал о женщинах — как не думать, если они окружали его со всех сторон, а молодые ходили полуголыми, поскольку было начало лета, — но в его возрасте любовь тех, кто моложе тридцати, он мог только купить, а если бы пошел в одно из мест, где совер-

шались подобные сделки, то нарушил бы условия своего досрочного освобождения. И его вернули бы в Уэйнесвилл, а записные книжки Ротстайна остались бы закопанными в пустоши, не читанные никем, кроме автора.

Моррис знает, что они по-прежнему там, и от этого нервничает еще сильнее. Желание вырыть их и начать читать сводит с ума, совсем как строка из песни (*Любимая нужна мне та, что не сведет меня с ума!*), что проникает в голову и просто не желает убраться оттуда, но пока он должен четко следовать инструкции в ожидании, что районный инспектор немного расслабится и перестанет держать его на коротком поводке. Этот наказ он получил от Уоррена Дакуорта по прозвищу Дак. Случилось это накануне заседания комиссии по условно-досрочному освобождению, на котором впервые появилась мстительная Кора Энн Хупер.

«Ты должен вести себя так, будто идешь по яйцам. Потому что, видишь ли, этот ублюдок появится неожиданно, когда ты меньше всего будешь его ждать. Если ты собираешься сделать что-то, подпадающее под «сомнительное поведение», есть у них такая категория, подожди, пока твой РИ не нанесет визит-сюрприз. А уж *потом* можешь действовать. Усек?»

Моррис усек.

И Дак оказался прав.

3

Прожив менее ста часов свободным человеком (ну, относительно свободным), Моррис вернулся в старый многоквартирный дом, где поселился, и увидел своего РИ, который курил, сидя на крыльце. Этот многоэтажный барак с расписанными граффити стенами из шлакоблоков — жильцы называли его Клоповник — принадлежал государству, и жили в нем пролечившиеся алкоголики,

наркоманы и условно-досрочно освобожденные вроде Морриса. Он встречался со своим РИ этим самым днем и расстался после нескольких рутинных вопросов и стандартной фразы: «Увидимся на следующей неделе». Следующая неделя еще не наступила, не наступил даже следующий день, а РИ — Эллис Макфарленд, внушительных габаритов чернокожий господин с толстым животом и сверкающим лысым черепом, одетый в необъятные синие джинсы и огромную футболку с надписью «Харлей-Дэвидсон», — уже пришел, чтобы повидаться со своим подопечным. Рядом с Макфарлендом лежал потрепанный старый рюкзак.

— Привет, Морри, — поздоровался Макфарленд и похлопал рукой по бетону рядом с огромным бедром. — Присядь.

— Привет, мистер Макфарленд.

Моррис сел, его сердце колотилось так сильно, что болела грудь. Пожалуйста, только не «сомнительное поведение», думал он, хотя и представить себе не мог, что сделал сомнительного. «Пожалуйста, не надо отправлять меня обратно в тюрьму, когда я так близок к цели».

— Где ты был, дорогуша? Работу ты закончил в четыре. Сейчас уже начало седьмого.

— Я... я задержался, чтобы съесть сандвич. Купил его в «Счастливой чашке». Даже не поверил, что кафе на прежнем месте, но оно никуда не делось, — затараторил Моррис. Он не мог остановиться, даже зная, что так тараторят в состоянии наркотического опьянения.

— Два часа, чтобы съесть сандвич? Он что, был три фута длиной?

— Нет, обычный. С ветчиной и сыром. Я съел его на одной из скамеек на Гавенмент-сквер. Крошки скормил голубям. Раньше мы сидели на той скамейке с другом, тоже кормили голубей. Я просто... понимаете, потерял счет времени.

Он говорил чистую правду, но как лживо она звучала!

— Наслаждался воздухом, — кивнул Макфарленд. — Радовался свободе. Как насчет этого?

— Да.

— Знаешь что? Думаю, нам надо подняться наверх. А потом, пожалуй, возьмем твою мочу на анализ, чтобы убедиться, что ты ничего не нарушал, наслаждаясь воздухом и радуясь свободе. — Он похлопал по рюкзаку. — У меня здесь все необходимое. Если твоя моча не поси-неет, я от тебя отстану, и ты проведешь вечер в свое удовольствие. Возражений нет?

— Нет. — От чувства облегчения у Морриса закружилась голова.

— И я буду смотреть, как ты писаешь в маленький пластмассовый стаканчик. Ты не против?

— Нет. — Моррис тридцать пять лет писал на глазах у других. Он к этому привык. — Как скажете, мистер Макфарленд.

Макфарленд бросил окуроч в ливневую канаву, подхватил рюкзак, встал.

— В таком случае, думаю, мы обойдемся без анализа. Моррис вытаращился на него.

Макфарленд улыбнулся:

— У меня к тебе нет претензий, Моррис. Во всяком случае, пока. Так что ты должен сказать?

Сначала Моррис не понимал, чего от него хотят. Потом до него дошло:

— Спасибо, мистер Макфарленд.

Макфарленд потрепал Морриса по волосам, хотя тот был на двадцать лет старше его.

— Хороший мальчик. Увидимся на следующей неделе.

Позже, в своей комнате, Моррис снова и снова вспоминал этого снисходительного, покровительственного «хорошего мальчика», глядя на дешевую мебель и несколько книг, которые ему разрешили вынести из чистилища, слушая звериные крики, гогот и глухие удары, доносившиеся из комнат соседей. Он задавался вопросом, знает

ли Макфарленд, как сильно ненавидел его Моррис, и решил, что знает.

«Хороший мальчик. Мне скоро шестьдесят, а я — хороший мальчик Эллиса Макфарленда».

Он немного полежал на кровати, потом поднялся и принялся кружить по комнате, думая о совете, полученном от Дака: *Если ты собираешься сделать что-то, подпадающее под «сомнительное поведение», есть у них такая категория, подожди, пока твой РИ не нанесет неожиданный визит. А уж потом можешь действовать.*

Моррис принял решение и схватил джинсовую куртку. Спустился в вестибюль в воняющей мочой кабине лифта, прошел два квартала до остановки, дождался автобуса с надписью «НОРТФИЛД». Сердце колотилось в два раза быстрее обычного, и он без труда представлял себе, что мистер Макфарленд где-то близко. И мистер Макфарленд думает: *Ага, я усыпил его бдительность, тут-то и нагряну к нему. И узнаю, что задумал этот скверный мальчишка.* Но если честно, Моррис в это не верил. Макфарленд скорее всего уже вернулся домой и обедал с женой и тремя детьми, такими же толстыми, как он сам. Однако страх не отпускал Морриса.

«А если он все-таки *вернется* и спросит, где я был? Скажу, что хотел посмотреть на мой старый дом, вот и все». В том районе нет ни таверн, ни стрип-баров, только пара продовольственных магазинов, несколько сотен домов, построенных после войны в Корее, и улицы, названные в честь деревьев. Обычный пригород для этой части Норт-филда. Плюс один квартал пустоши, оказавшийся в центре бесконечного судебного разбирательства, достойного пера Диккенса.

Из автобуса Моррис вышел на Гарнер-стрит, неподалеку от библиотеки, в которой подростком проводил много времени. Библиотека служила ему островком безопасности, потому что большие парни, у которых могло возникнуть желание тебя поколотить, избегали ее, как

Супермен — криптонита. Моррис отшагал девять кварталов до Сикомор-стрит, потом не спеша прошел мимо своего старого дома. Тот выглядел обшарпанным, как и все здешние дома, но лужайка была выкошена, а краска на стенах выглядела достаточно свежей. Моррис посмотрел на гараж, в который тридцать шесть лет назад загнал «бискейн», подальше от острых глаз миссис Мюллер. Он помнил, как застелил сундук полиэтиленовой пленкой, чтобы записные книжки не отсырели. И правильно сделал, учитывая, сколько времени им пришлось пролежать в земле.

В доме номер двадцать три горел свет, жившие там люди — Зауберсы, как показало небольшое расследование, которое Моррис провел с помощью компьютера в тюремной библиотеке, — вернулись домой после трудового и учебного дня. Моррис посмотрел на правое окно второго этажа, выходявшее на подъездную дорожку, и задался вопросом, кто занимает его прежнюю комнату. Скорее всего какой-нибудь мальчишка, у которого в нынешнюю эру всеобщего вырождения на уме скорее игры на телефоне, чем чтение.

Моррис двинулся дальше, повернул на Элм-стрит, направился к Берч. По Берч дошел до Центра досуга (закрытого двумя годами раньше из-за бюджетных сокращений, о чем он тоже знал благодаря поиску в Интернете). Моррис огляделся, убедился, что оба тротуара пусты, и поспешил к кирпичной боковой стене центра. Под ее прикрытием побежал, пересек баскетбольную площадку (краска на щитах облупилась, но, похоже, площадкой активно пользовались) и заросшее сорняками бейсбольное поле.

Взошла луна, почти полная и достаточно яркая, чтобы отбрасывать тень. Моррис приближался к кустам и низкорослым деревьям, ветви которых переплелись в борьбе за место под солнцем. Но где тропа? Он думал, что направляется прямо к ней, но ошибся. Начал кружить по

заросшему бейсбольному полю, словно собака в поисках ускользнувшего запаха. Вновь сильно заколотилось сердце, во рту пересохло и появился медный привкус. Вспоминать родные места — это одно, находиться здесь, позади заброшенного Центра досуга, — совсем другое. Точно «сомнительное поведение».

Моррис уже собрался сдаться, когда увидел пакет от картофельных чипсов, свисавший с куста. Отодвинул ветки — и да, за кустом начиналась тропа, точнее, тропка, жалкое подобие прежней. Моррис решил, что это логично. Какие-то подростки еще пользовались ею, но их число значительно сократилось после закрытия Центра досуга. Хотя, напомнил он себе, большую часть тех долгих лет, которые он провел в Уэйнесвилле, Центр досуга работал. Так что многие и многие проходили неподалеку от зарытого им сундука.

Он двинулся по тропе, медленно, останавливаясь всякий раз, когда луна скрывалась за облаком, и продолжая путь, стоило ей появиться вновь. Через пять минут услышал журчание речки. Она тоже никуда не делась.

Моррис спустился к берегу. Речку не затеняли кроны деревьев, луна теперь стояла над головой, вода блестела черным шелком. Он без труда нашел нужное дерево на другом берегу, то самое, под которым зарыл сундук. Оно выросло и еще сильнее наклонилось над откосом. Моррис видел пару узловатых, искривленных корней, которые вылезали из земли, а потом вновь ныряли в нее, но в остальном откос выглядел прежним.

Моррис пересек речку, как и всегда, прыгая с камня на камень, практически не замочив туфли. Вновь огляделся — он знал, что один, если бы здесь находился кто-то еще, он бы услышал, но тюремная осторожность стала второй натурой, — а потом опустился на колени перед деревом. Он слышал, как вырывается из горла хриплое дыхание, когда одной рукой выдергивал сорняки, а второй

держался за узловатый корень, чтобы не потерять равновесие.

Очистив круглый пяточок от травы, Моррис принялся рыть землю, отбрасывая маленькие камушки. Углубился дюймов на десять, когда кончики пальцев коснулись чего-то твердого и гладкого. Горячим лбом он прижался к торчавшему из земли корню и закрыл глаза.

Все еще здесь.

Его сундук все еще здесь.

Слава Богу.

Что ж, этого достаточно, по крайней мере на текущий момент. И, Господи, какое же он испытал облегчение. Моррис забросал дыру землей, замаскировал раскоп прошлогодними листьями, которые принес с берега. Он знал, что скоро сорняки вырастут вновь — в теплую погоду они росли быстро — и полностью скроют его следы.

Когда-то он пошел бы по тропе дальше, к Сикомор-стрит, потому что так было ближе до автобусной остановки, но не теперь. Тропа выводила во двор дома, в котором сейчас проживала семья Зауберсов. Если бы кто-то увидел его и позвонил в службу «911», завтра он скорее всего оказался бы в Уэйнесвилле, возможно, получив пятилетний довесок к прежнему сроку, чтоб неповадно было.

Поэтому Моррис вернулся к Берч-стрит, убедился, что тротуары пусты, и зашагал к автобусной остановке на Гарнет-стрит. Ноги устали, поцарапанная рука, которой он копал, болела, но он словно летел, став легче на добрых сто фунтов. Он не сомневался, что его клад будет на месте, однако как приятно получить тому подтверждение.

В Клоповнике Моррис смыл грязь с рук, разделся и лег. Соседи шумели даже больше, чем обычно, но не так сильно, как в блоке Д Уэйнесвилла, особенно в ночь полнолуния. Моррис заснул мгновенно.

Теперь, зная, что сундук на месте, он должен проявлять осторожность: такой была его последняя мысль.

Большую осторожность, чем когда-либо.

4

Почти месяц Моррис *соблюдает* осторожность: каждое утро приходит на работу в положенное время, а ранним вечером возвращается в Клоповник. За это время он увидел только с одним знакомцем по Уэйнесвиллу — Чаком Роберсоном, которого с помощью Морриса освободили из тюрьмы после проведения анализа ДНК. Чак не может считаться судимым, потому что признан невиновным. Во всяком случае, в преступлении, за которое его отправили в тюрьму.

Босс Морриса в ЦКИ — жирный, заносчивый говнюк, ничего не понимающий в компьютерах, но, вероятно, получающий шестьдесят штук в год. Шестьдесят как минимум. А Моррис? Одиннадцать баксов в час. Плюс продуктовые талоны и комнатуха на девятом этаже, ненамного больше камеры, где он провел так называемые лучшие годы своей жизни. Моррис не знает наверняка, прослушивается ли клетушка, в которой он работает, но его бы это не удивило. По его мнению, нынче в Америке прослушивается все.

Жизнь у него дерьмовая, и кто в этом виноват? Моррис раз за разом, без запинки твердил комиссии по условно-досрочному освобождению, что виноват он сам: игре в виновность он научился у Говнишки. По-другому и быть не могло. Если бы они не слышали от него *mea culpa**, ему бы никогда не выйти на свободу, как бы ни старалась эта раковая сука завоевать расположение Иисуса своим последним письмом. В этом вопросе Моррис вполне мог обойтись без наставлений Дака. Как говорится, не вчера родился.

Но действительно ли это была его вина?

Или все-таки вон того подонка?

На другой стороне улицы, в четырех домах от скамьи, на которой сидит Моррис с недоеденным бубликом, туч-

* Моя вина (лат.).

ный лысый мужчина выплывает из магазина «Редкие издания Эндрю Холлидея», предварительно перевернув дверную табличку с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО». Ритуал ухода Энди на ленч Моррис наблюдает третий раз, потому что по четвергам работает в ЦКИ во вторую смену. Ему надо прийти на работу в час и трудиться до четырех, подтягивая древнюю регистрационную систему к современным нормам. (Моррис уверен, что люди, которые управляют ЦКИ, многое знают об искусстве, драматургии и музыке, но ни хрена — о «Мак офис менеджер».) В четыре он уедет на автобусе в свою дерьмовую комнатку на девятом этаже.

А пока он здесь.

Наблюдает за давним другом.

При условии, что этот четверг ничем не будет отличаться от двух других — а у Морриса нет оснований в этом сомневаться, он знает, что его давний друг привычек не меняет, — Энди Холлидей пойдет (*вперевалку*) по Лэйсмейкер-лейн к французскому кафе под названием «Jamaïs Toujours»*. Чертовски глупое название, абсолютно ничего не значащее, но звучит пафосно. Совсем под стать Энди, правда?

Давний друг Морриса, тот самый, с кем он так часто обсуждал Камю, и Гинсберга, и Джона Ротстейна за чашкой кофе или за ленчем, набрал как минимум сотню фунтов, сменил очки в роговой оправе на дорогие дизайнерские, его туфли, похоже, стоили больше, чем все заработанное Моррисом за тридцать пять лет в тюрьме, но Моррис несколько не сомневался, что внутри его давний друг не изменился. Какова ветка — таков и сучок, гласила еще одна старая поговорка, вот и пафосный говнюк всегда будет пафосным говнюком.

Владелец «Редких изданий Эндрю Холлидея» уходил от Морриса, а не приближался к нему, но Моррис и ухом бы не повел, если бы Энди пересек улицу и направился

* Искаж. *Toujours et à jamais* — на веки вечные (*фр.*).

к нему. В конце концов, кого бы он увидел? Пожилого джентльмена, узкоплечего, с мешками под глазами, поредевшими седыми волосами, в дешевом пиджаке и еще более дешевых серых брюках, купленных в «Чептер элвен». Давний друг пронес бы мимо внушительный живот, даже не взглянув на Морриса, и тем более не стал бы к нему присматриваться.

«Я сказал членам комиссии то, что они хотели услышать, — думает Моррис. — Мне пришлось это сказать, но на самом деле я потерял все эти годы по твоей вине, ты, самодовольный гомик-членосос. Если бы меня арестовали за Ротстайна и моих подельников, все было бы по-другому. Но ведь нет. Мне не задали ни одного вопроса о господах Ротстайне, Доу и Роджерсе. Я потерял эти годы из-за совершенного мною акта сексуального насилия, которого даже не мог вспомнить. И почему? Отчасти это похоже на дом, который построил Джек. Я находился в переулке, а не в таверне, когда мимо проходила эта сука Хупер. Меня вышвырнули из таверны, потому что я пнул музыкальный автомат. Я пнул музыкальный автомат по той же причине, по какой оказался в таверне: потому что разозлился *на тебя*».

Почему бы тебе не предложить мне эти записные книжки на заре двадцать первого века, если они все еще будут у тебя?

Моррис наблюдает, как Энди уходит от него, сжимает кулаки и думает: В тот день ты вел себя как девчонка. Горячая маленькая целка, которая сидит с тобой на заднем сиденье автомобиля, и ты слышишь от нее: *Да, милый, да, да, конечно, я так тебя люблю*. До тех пор, пока ты не задерешь ей юбку выше талии. Тут она сжимает колени так крепко, что едва не ломает тебе запястье, и заводит другую песню: *Нет, нет, нет, руки прочь, за кого ты меня принимаешь?*

«Ты мог бы быть более дипломатичным, — думает Моррис. — Как минимум. Капелька дипломатичности

спасла бы мне все эти потерянные годы. Но ты не пожелал хоть как-то успокоить меня. Это потребовало бы мужества, а ты у нас не из храбрецов. Я услышал от тебя лишь *если ты упомянешь меня, я буду отрицать, что мы когда-либо говорили об этом*».

Его давний друг заходит в своих дорогих туфлях в кафе «Jamaïs Toujours», где метрдотель сочтет за честь поцеловать его необъятный зад. Моррис смотрит на бублик и думает, что надо бы его съесть, хотя бы соскрести зубами сливочный сыр, но желудок завязался узлом и слышать об этом не желает. Поэтому ничего не остается, как идти в ЦКИ, чтобы потратить день, пытаясь навести хоть какой-то порядок в отставшей на века цифровой регистрационной системе. Моррис знает, что ему не следовало возвращаться на Лэйсмейкер-лейн — теперь это не улица, а пешеходный торговый центр под открытым небом, — и знает, что скорее всего будет на этой скамье и в следующий четверг. И через один. Если ему не удастся заполучить записные книжки. Они разрушат чары. Тогда у него пропадет желание иметь что-то общее с давним другом.

Он встает и бросает недоеденный бублик в урну. Смотрит в сторону «Jamaïs Toujours» и шепчет:

— Ты — дерьмо, давний друг. Действительно дерьмо. И за два цента...

Но нет.

Нет.

Только записные книжки имеют значение, и если Чак Робертсон ему поможет, завтра ночью он отправится за ними. А Чак не откажет. Моррис оказал ему серьезную услугу и намерен попросить об ответной. Он знает, что должен подождать дольше, пока Эллис Макфарленд окончательно не убедится, что Моррис хороший, и не обратит свое внимание на кого-то еще, но притяжение сундука и его содержимого слишком велико. Он хотел бы расплатиться с этим жирным сукиным сыном, который сейчас набивает рот дорогой едой, но месть не так важна, как

четвертый роман о Джимми Голде. Там может быть и пятый! Моррис понимает, это маловероятно, но как знать? В этих записных книжках много чего написано, очень много. Он идет к автобусной остановке, бросает еще один злобный взгляд на «Jamais Toujours» и думает: Ты так и не узнаешь, какой ты счастливчик.

Давний друг.

5

Примерно в то время, когда Моррис Беллами бросает бублик в урну и направляется к автобусной остановке, Ходжес приканчивает салат и думает, что съел бы еще две порции. Сует пенопластовый контейнер и пластмассовую ложку-вилку в бумажный пакет, который отправляет на коврик перед пассажирским сиденьем, напоминая себе, что позже нужно его выкинуть. Ему нравится новый автомобиль, «приус», он холит и лелеет его и не наездил на нем и десяти тысяч миль. Модель выбирала Холли. «Он будет сжигать меньше бензина и бережнее относиться к окружающей среде», — объяснила она Ходжесу. Женщина, которая раньше с трудом решалась выйти за порог своего дома, теперь контролирует многие аспекты жизни Ходжеса. Она могла бы чуть ослабить хватку, будь у нее бойфренд, но Ходжес знает, что вероятность этого невелика. Лучшего кандидата в бойфренды, чем он сам, у нее скорее всего не будет.

«Хорошо, что я люблю тебя, Холли, — думает Ходжес. — А не то мне пришлось бы тебя убить».

Он слышит гудение приближающегося самолета, смотрит на часы: одиннадцать тридцать четыре. Получается, что Оливер Мэдден прибудет точно по расписанию, и это радует. Ходжес и сам человек пунктуальный. Он берет пиджак с заднего сиденья, надевает. Сидит пиджак не очень: наружные карманы оттягивают тяжелые предметы.

Над входной дверью навес, и в тени как минимум на десять градусов прохладнее. Ходжес достает новые очки из внутреннего кармана пиджака и оглядывает небо на западе. Самолет стремительно приближается к посадочной полосе, превращаясь из точки в пятно неопределенной формы, а потом в силуэт, соответствующий распечаткам, сделанным Холли: «Бичкрафт-Кингэйр-350», 2008 года выпуска, красный с черными полосами. Налет — 1200 часов, 805 посадок. У того, что сейчас приземлится, будет номер восемь-ноль-шесть. Рыночная стоимость — четыре миллиона с мелочью.

Мужчина в комбинезоне выходит из парадной двери. Смотрит на автомобиль Ходжеса, потом на Ходжеса.

— Здесь нельзя парковаться, — говорит он.

— Не похоже, что у вас сегодня аншлаг, — вежливо отвечает Ходжес.

— Правила есть правила, мистер.

— Я скоро уеду.

— Скоро — не сейчас. Эта зона только для разгрузки и погрузки. Воспользуйтесь автостоянкой.

«Кингэйр» уже над краем полосы. В нескольких футах над матерью-землей. Ходжес указывает на него:

— Видите этот самолет, сэр? Человек за штурвалом — на редкость грязный пес. Многие люди разыскивают его не один год, и теперь он здесь.

Мужчина в комбинезоне обдумывает слова Ходжеса, пока на редкость грязный пес виртуозно сажает самолет. Из-под колес вырывается лишь маленький клуб сизого дыма. Ходжес с мужчиной наблюдают, как самолет скрывается за зданием «Зейн авиэйшн». Потом мужчина — вероятно, механик — поворачивается к Ходжесу:

— Вы коп?

— Нет, — отвечает Ходжес, — но близко к тому. Кроме того, я знаком с президентами. — Он протягивает руку, ладонью вниз, между пальцами торчит пятидесятидолларовая купюра.

Механик тянется к ней, но замирает.

— Будут проблемы?

— Нет, — отвечает Ходжес.

Мужчина в комбинезоне берет купюру.

— Я должен подогнать ему «навигатор». Аккурат туда, где вы припарковались. Это единственная причина, по которой я попросил вас убрать автомобиль.

Ходжес на мгновение задумывается и приходит к выводу, что это отличная идея.

— А почему бы вам так и не сделать? Поставьте его «навигатор» в затылок моему автомобилю, как можно ближе. А потом минут на пятнадцать займитесь каким-нибудь делом.

— В ангаре А всегда найдется работа, — соглашается мужчина в комбинезоне. — Эй, у вас ведь нет оружия?

— Нет.

— А у парня с «кингэйра»?

— И у него тоже. — Ходжес в этом практически уверен. А если у Мэддена все-таки *будет* оружие, то наверняка в дорожной сумке. Но даже если пистолет при нем, Мэдден не успеет его вытащить, не то что пустить в ход. Ходжес не сомневается, что активные действия ему вполне под силу, однако твердо намерен обойтись без стрельбы.

Он слышит мерное гудение винтов «кингэйра»: самолет уже подруливает к терминалу.

— Вам лучше подогнать «навигатор». А потом...

— Ангар А, помню. Удачи.

Ходжес благодарно кивает:

— Хорошего вам дня, сэр.

6

Ходжес стоит слева от двери, сунув правую руку в карман пиджака, наслаждаясь тенью и душистым летним воздухом. Сердце бьется быстрее обычного, но это нор-

мально. Так и должно быть. Оливер Мэдден — вор, который грабит с помощью компьютера, а не пистолета (Холли обнаружила у этого социально активного сукина сына восемь различных страниц в «Фейсбуке», каждая под другим именем), однако нельзя все принимать на веру. Можно сильно обжечься. Ходжес слушает, как Мэдден заглушает двигатели «кингэйра», представляет себе, как тот заходит в терминал маленького, неприметного БОАТа. Походка уверенная, пружинистая. Он подходит к столу, договаривается о том, чтобы дорогой турбовинтовой самолет закатали в ангар. Заправили? Вероятно, не сегодня. У него есть дела в городе. На этой неделе он покупает акции казино. Или думает, что покупает.

«Навигатор» заезжает на разворотный круг, хром сверкает на солнце, в тонированных стеклах отражаются здание и Ходжес. Черт! Он отходит левее. Мужчина в комбинезоне вылезает из машины и направляется к ангару А.

Ходжес ждет, гадая, что нужно Барбаре, что красивая девочка с множеством друзей могла посчитать достаточно важным, чтобы позвонить человеку, который по возрасту годится ей в дедушки. Но о чем бы она его ни попросила, он постарается выполнить ее просьбу в лучшем виде. Почему нет? Он любит ее почти так же, как Джерома и Холли. Все четверо воевали в одних окопах.

Но это позже, говорит он себе. Сейчас главное — Мэдден. И отвлекаться нельзя!

Парадная дверь открывается, выходит Оливер Мэдден. Посвистывает, и да, Ходжес догадался правильно: у мистера Успеха пружинистая походка. И он дюйма на четыре выше немаленьких шести футов и двух дюймов Ходжеса. Под пиджаком летнего костюма — широкие плечи, верхняя пуговица рубашки расстегнута, узел галстука ослаблен. Лицо красивое, точеное, нечто среднее между Джорджем Клуни и Майклом Дугласом. В правой руке — портфель, на левом плече — дорожная сумка. Стрижка из тех мест, куда надо записываться за неделю.

Ходжес подходит к нему. Уже вроде бы и не утро, поэтому он говорит:

— Добрый день.

Мэдден с улыбкой поворачивается:

— И вам того же, сэр. Мы знакомы?

— Нет, мистер Мэдден. — Ходжес улыбается в ответ. — Я здесь по поводу самолета.

Улыбка Мэддена чуть вянет. Между ухоженными бровями появляется морщинка озабоченности.

— Простите?

— Самолета, — повторяет Ходжес. — «Триста пятьдесят Бич-Кингэйр». На десять человек? Бортовой номер «ноябрь-один-один-четыре-дельта-кило»? Принадлежит Дуайту Крэмму из Эль-Пасо, штат Техас?

Улыбка все еще при нем, но ценой каких усилий!

— Вы ошиблись, мой друг. Моя фамилия Моллон — не Мэдден. Джеймс Моллон. Что касается самолета, то у меня «кинг», это правильно, но его бортовой номер — «эн-четыре-два-шесть-эл-эл», и он принадлежит мне. Вам, наверное, надо в «Сигнэче эйр» по соседству.

Ходжес кивает, словно Мэдден прав. Потом достает из чехла мобильник, левой рукой, чтобы правая осталась в кармане.

— Может, я соединю вас с мистером Крэммом? Чтобы прояснить ситуацию. Как я понимаю, вы гостили на его ранчо на прошлой неделе. Дали ему банковский чек на двести тысяч долларов. Выписанный на «Первый банк Рино».

— Я не знаю, о чем вы говорите. — Улыбка наконец исчезла.

— Не знаете? А он вас знает. Правда, как Джеймса Моллона, а не Оливера Мэддена, но когда я показал ему несколько фотографий, он без колебаний указал на вашу.

Лицо Мэддена теперь начисто лишено эмоций, и Ходжес видит, что тот вовсе не красавчик. Но и не урод, если на то пошло. Он — никто, несмотря на рост, вот почему

ему так долго удавалось оставаться на свободе, проворачивая одну аферу за другой. Он даже сумел провести такого хитрого старого койота, как Дуайт Крэм. Он — *никто*, и мысль эта заставляет Ходжеса вспомнить Брейди Хартсфилда, который недавно едва не взорвал огромный зал, битком набитый детьми. По спине Ходжеса бежит холодок.

— Вы из полиции? — спрашивает Мэдден. Меряет Ходжеса взглядом. — Нет, не думаю, вы слишком старый. Но если из полиции, позвольте взглянуть на ваше удостоверение.

Ходжес повторяет свой ответ мужчине в комбинезоне:

— Нет, но близко к тому.

— Тогда удачи вам в ваших начинаниях, мистер Близко-к-тому. У меня деловая встреча, и я уже опаздываю.

Он направляется к «навигатору»: не бегом, но быстро.

— На самом деле вы прибыли вовремя, — радостно замечает Ходжес, не отставая ни на шаг. Сразу после ухода из полиции такое далось бы ему с трудом. Тогда он питался колбасками «Слим джим» и тако — и после нескольких быстрых шагов начинал жадно хватать ртом воздух. Теперь он проходит три мили в день, по улице или на тренажере.

— Оставьте меня в покое, — говорит Мэдден, — а не то я позвоню в настоящую полицию.

— Еще пара слов, — отвечает Ходжес, думая, что сам похож на свидетеля Иеговы. Мэдден обходит «навигатор» сзади. Дорожная сумка на его плече болтается как маятник.

— Никаких слов. Вы — псих.

— Вы же помните эту рекламу, — отвечает ему Ходжес, когда Мэдден подходит к водительской дверце. — Иногда ты чувствуешь себя психом, иногда — нет*.

* Ходжес цитирует знаменитый рекламный слоган компании «Хершис»: Sometimes you feel like a nut, sometimes you don't, — обыгрывая два значения слова nut — орех и псих.

Мэдден открывает дверцу. Все действительно складывается как нельзя лучше, думает Ходжес, доставая из кармана пиджака Веселый ударник. Это носок, завязанный узлом. В носке лежат металлические шарики. Ходжес наносит удар в левый висок Мэддена. Удар Златовласки — не слишком сильный, не слишком слабый, такой, как надо.

Мэдден спотыкается. Роняет портфель. Колени Мэддена подгибаются, но он не падает. Ходжес отработанным движением хватает его повыше локтя — научился этому на службе в полиции — и помогает опуститься на водительское сиденье «навигатора». Глаза у Мэддена блуждают, как у боксера, который пропустил сильный удар и может надеяться только на одно: что раунд закончится прежде, чем противник его добьет.

— Оп-ля! — говорит Ходжес, когда зад Мэддена касается кожаной обивки ковшеобразного сиденья. Наклоняется и переносит через порог левую ногу Мэддена. Из левого кармана своего пиджака достает наручники и в мгновение ока пристегивает Мэддена к рулю. Ключи «навигатора» с большим желтым брелоком «Херца» лежат в одной из подставок для стаканов. Ходжес берет их, захлопывает водительскую дверцу, поднимает портфель, обходит «навигатор». На пути к передней пассажирской дверце бросает ключи в траву рядом со щитом «ТОЛЬКО ДЛЯ ПОГРУЗКИ И РАЗГРУЗКИ». Отличная мысль, потому что Мэдден прочухался и снова и снова жмет на кнопку запуска внедорожника. После каждого нажатия на приборной панели вспыхивает надпись: «КЛЮЧ НЕ ОБНАРУЖЕН».

Ходжес захлопывает за собой дверцу и радостно взирает на Мэддена с пассажирского сиденья.

— Вот и я, Оливер. Хорошо сидим.

— Вы не имеете права, — говорит Мэдден. Голос звучит неплохо для человека, у которого вокруг головы наверняка летают птички. — Вы на меня напали. Я выдвину обвинения. Где мой портфель?

Ходжес демонстрирует портфель:

— В целости и сохранности. Я подобрал его для вас.

Чтобы не потерялся.

Мэдден протягивает свободную руку:

— Дайте его мне.

Ходжес опускает портфель в углубление для ног, при-
давливая его ногой.

— В свое время. Пока он под обеспечивающим арестом.

— Чего ты хочешь, говнюк? — Рычание совершенно
не соответствует дороговому костюму и стрижке.

— Да перестаньте, Оливер. Я не настолько сильно вас
ударил. Самолет. Самолет Крэмма.

— Он мне его продал. У меня есть купчая.

— На имя Джеймса Моллона.

— Это мое имя. Я законным образом сменил его четы-
ре года назад.

— Оливер, вы с законом и близко не знакомы. Но дело
не в этом. За ваш чек никто не даст и цента.

— Чушь. — Он дергает прикованной рукой. — Отце-
пите меня.

— Мы обсудим наручники после того, как закончим
разговор о чеке. «Первый банк Рино» — настоящий банк,
и когда Крэмм позвонил, чтобы проверить ваш чек, опре-
делитель номера подтвердил, что это «Первый банк Рино». Крэмм получил стандартный автоматический ответ, доб-
ро пожаловать в «Первый банк Рино», где клиент — ко-
роль, и так далее, и тому подобное. Наконец, нажав все
нужные кнопки, Крэмм добрался до человека, который
представился менеджером по работе с клиентами. Я ду-
маю, это был брат вашей жены, Питер Джеймисон, кото-
рого этим утром арестовали в Филдсе, штат Виргиния.

Мэдден моргает и отшатывается, словно Ходжес вне-
запно врезал ему. Джеймисон действительно шурин Мэд-
дена, но его не арестовывали. Во всяком случае, Ходжес
об этом ничего не знает.

— Представившись Фредом Даулингом, Джеймисон заверил мистера Крэмма, что «Первый банк Рино» обслуживает несколько ваших счетов, на которых лежит более двенадцати миллионов долларов. Разумеется, он говорил убедительно, но решающую роль сыграл определитель. Это мошенничество, отягченное использованием запрещенной законом компьютерной программы. Моя помощница отлично разбирается в компьютерах, так что именно она разгадала эту часть вашего плана. Только за использование этой программы вы можете получить от шестнадцати до двадцати месяцев в одном из федеральных заведений. Но это далеко не все. Пять лет назад вам и Джеймисону удалось взломать систему Главного бюджетно-контрольного управления и похитить почти четыре миллиона долларов.

— Вы спятили.

— Для большинства людей половины от четырех миллионов будет более чем достаточно. Но вы не из тех, кто поживает на лаврах. Вы большой любитель острых ощущений, так, Оливер?

— Я не собираюсь с тобой разговаривать. Ты на меня напал, и за это сядешь в тюрьму.

— Дайте мне ваш бумажник.

Мэдден таращится на него, широко раскрыв глаза, потрясенный. Будто сам не крал бумажники и банковские счета у бог знает скольких людей. Что, не нравится быть потерпевшей стороной? — думает Ходжес. — Не повезло тебе.

Он протягивает руку:

— Давайте.

— Да пошел ты.

Ходжес показывает ему Веселый ударник. Мысок носка с шариками свисает зловещей слезой.

— Давай его сюда, говнюк, а не то мир почернеет, и я возьму его сам. Выбор за тобой.

Мэдден смотрит в глаза Ходжеса и понимает, что тот не шутит. С неохотой сует руку во внутренний карман пиджака и вытаскивает туго набитый бумажник.

— Ух ты! — восклицает Ходжес. — Страусиная кожа?

— Если на то пошло, да.

Ходжес понимает замысел Мэддена: тот ждет, что он потянется за бумажником, чтобы изменить ситуацию. Ходжес готов приказать Мэддену положить бумажник на консоль между ними, но принимает иное решение. Мэдден, похоже, никак не поймет, кто в доме хозяин. Поэтому Ходжес тянется за бумажником, а когда Мэдден крепко хватает его за руку, сильно бьет Веселым ударником по тыльной стороне ладони Мэддена. Хватки как не бывало.

— О! О! *Вот дерьмо!*

Мэдден подносит руку ко рту. Его изумленные глаза наполняются слезами боли.

— Не хватай то, что не сможешь удержать, — назидательно говорит Ходжес. Берет бумажник, пытается вспомнить, находятся ли страусы под угрозой исчезновения. Впрочем, этому козлу такие нюансы до лампочки.

Ходжес поворачивается к Мэддену:

— Это твое второе предупреждение, а больше двух я никому не даю. Мы с тобой — не коп и задержанный. Попытаешься еще раз достать меня, и я избью тебя до полусмерти, прикованного к рулю или нет. Это понятно?

— Да. — Слово соскальзывает со сжатых от боли губ.

— Тебя разыскивает ФБР за эту историю с ГБКУ. Ты в курсе?

Долгая пауза: Мэдден не отрывает глаз от Ударника. Потом вновь отвечает утвердительно.

— Тебя разыскивают в Калифорнии за кражу «роллс-ройса» «Серебряный призрак» и в Аризоне за аферу со строительным оборудованием на полмиллиона долларов, которое ты перепродал в Мексике. Ты в курсе?

— У тебя есть диктофон?

— Нет.

Мэдден решает поверить Ходжесу на слово.

— Да, в курсе. Хотя за эти бульдозеры и погрузчики я получил сушие гроши. Меня надули.

— Если кто у нас умеет надувать, так это ты.

Ходжес раскрывает бумажник. Наличных совсем мало, баксов восемьдесят, но наличные Мэддену и не нужны. У него как минимум два десятка кредитных карточек на как минимум шесть имен. Ходжес с искренним интересом смотрит на Мэддена.

— Как тебе удастся их сохранить?

Мэдден молчит.

— Тебе никогда не бывает стыдно? — с тем же неподдельным любопытством спрашивает Ходжес.

Теперь Мэдден отвечает, глядя прямо перед собой:

— Этот старый ублюдок из Эль-Пасо стоит сто пятьдесят миллионов долларов, большую часть которых заработал, продавая якобы нефтеносные участки, где нефти отродясь не было. Ладно, я улетел на его самолете. Остался ему только «Сессну-172» и «Лир-35». Бедняжка.

Ходжес думает: Будь у этого парня моральный компас, стрелка всегда указывала бы на юг. От разговоров толку не предвидится... но когда он был?

Ходжес роется в бумажнике и находит листок с подробностями сделки по «кингэйру»: двести тысяч — аванс, остальное депонировано в «Первом банке Рино» и выплачивается после успешного испытательного полета. Практической пользы от бумажки никакой — самолет куплен под вымышленной фамилией на несуществующие деньги, — но Ходжес не всегда ставит во главу угла практическую пользу. Он не настолько стар, ему еще по силам совершить подвиг и снять скальп.

— Ты запер самолет или оставил ключи у дежурного, чтобы они могли подготовить его к полету после того, как отбуксируют в ангар?

— Оставил у дежурного.

— Ладно, с этим все ясно. — Ходжес пристально смотрит на Мэддена. — Теперь самая важная часть нашего задушевного разговора, Оливер, так что слушай внимательно. Меня наняли, чтобы найти самолет и забрать его. Это все, точка. Я — не ФБР, не полиция, даже не частный детектив. Но у меня хорошие источники информации, и я знаю, что ты на завершающем этапе сделки по приобретению контрольного пакета акций пары казино на озере, одного на Гранд-Белль-Кёр-Айленде, второго — на Петит-Гранд-Кёр. — Он постукивает ногой по портфелю. — Как я понимаю, документы здесь, и я уверен, что если ты хочешь остаться на свободе, подписаны они не будут.

— Нет, подожди минутку!

— Заткнись. Вот билет на имя Джеймса Моллона на рейс «Дельты». В одну сторону до Лос-Анджелеса. Вылет... — Ходжес смотрит на часы, — через полтора часа. Тебе как раз хватит времени пройти все контроли. Или ты улетаешь этим рейсом, или сегодня вечером тебя арестуют. Ты меня понимаешь?

— Я не могу...

— *Ты меня понимаешь?*

Мэдден — он же Моллон, Моррон, Мейсон, Диллон, Коллен и бог знает кто еще — оценивает возможные варианты, понимает, что нет ни одного, кроме озвученного Ходжесом, и мрачно кивает.

— Отлично! Сейчас я сниму наручники, заберу их и покину твой автомобиль. Если попытаешься дернуться, пока я буду все это проделывать, я выведу тебя из строя на неделю. Тебе это ясно?

— Да.

— Ключи в траве. С большим желтым брелоком «Херца», так что ты найдешь их без труда. Теперь руки на руль. На десять и на два часа, как учил папуля.

Мэдден кладет обе руки на руль. Ходжес отпирает наручники, убирает в карман, выезжает из «навигатора». Мэдден сидит как истукан.

— Хорошего тебе дня. — И Ходжес захлопывает дверцу.

7

Он садится в «приус» и отъезжает к самому краю разворотного круга «Зейн авиэйшн», останавливается, наблюдает, как Мэдден поднимает лежащие в траве ключи. Машет рукой, когда Мэдден проезжает мимо. Ответного взмаха нет, но Ходжеса это не огорчает. Он едет следом за «навигатором» по служебной дороге, не впритык, но достаточно близко. Когда Мэдден сворачивает к главным терминалам, Ходжес моргает ему на прощание фарами.

Проехав еще полмили, он сворачивает на стоянку компании «Мидвест эйрмотив» и звонит Питеру Хантли, своему давнему напарнику. Слышит в ответ вполне вежливое: «Привет, Билли, как поживаешь?» — но никакого восторга. После того как Ходжес пошел своим путем в деле так называемого Мерседеса-убийцы (и в результате едва не получил реальный срок), его отношения с Питом охладели. Но возможно, теперь они снова наладятся. Ходжеса не мучают угрызения совести из-за того, что он солгал этому козлу, который сейчас входит в терминал «Дельты». Оливер Мэдден в полной мере заслуживает того, чтобы отведавать лекарства, которым сам щедро потчевал других.

— Как ты относишься к тому, чтобы отстрелить особо жирного индюка?

— Насколько жирного? — По-прежнему холодно, но с ноткой интереса.

— Входит в десятку самых разыскиваемых ФБР преступников. Достаточно жирный? Он сейчас регистрируется в терминале «Дельты» на рейс сто девятнадцать до Лос-Анджелеса, вылет в час сорок пять пополудни. Под именем

Джеймса Моллона, но зовут его Оливер Мэдден. Пять лет назад, будучи Оливером Мейсоном, он украл у федералов крупную сумму, а ты знаешь, как Дядя Сэм относится к тем, кто залезает к нему в карман. — И Ходжес добавляет еще несколько ярких штрихов из резюме Мэддена.

— Откуда ты знаешь, что он сейчас в «Дельте»?

— Билет покупал я. Сейчас я уезжаю из аэропорта. Я просто встречал его самолет. Который совсем не его, потому что он заплатил аванс фиктивным чеком. Холли позвонит в «Зейн авиэйшн» и проинструктирует их. Она обожает эту часть операции.

Долгая пауза. Затем:

— Никак не уговонишься, Билл?

Это задевает за живое.

— Мог бы и поблагодарить. С тебя не убудет.

Пит вздыхает.

— Я позвоню в службу безопасности аэропорта, потом подъеду сам. — Пауза. — Спасибо, *Кермит*.

Ходжес улыбается. Пустяк — но, возможно, первый шаг к восстановлению прежних отношений, если не рухнувших, то заметно сдавших.

— Благодарю Холли. Она выследила его. Незнакомцев она по-прежнему сторонится, но в компьютерах ей равных нет. Стреляет в яблочко.

— Обязательно поблагодарю.

— И передай привет Иззи. — Изабель Джейнс стала напарницей Пита после того, как Ходжес вышел на пенсию. Рыжеволосая красотка, и очень умная. Тут до Ходжеса доходит — и он потрясен, — что весьма скоро она будет работать с новым напарником, потому что Питу до пенсии осталось не так уж много.

— Обязательно. Дашь приметы этого парня, чтобы служба безопасности знала, кто им нужен?

— Его трудно не заметить. Рост шесть с половиной футов, легкий коричневый костюм, возможно, пошатывается.

— Ты ему врезал?

— Я его *успокоил*.

Пит смеется. Ходжесу это приятно. Он прерывает связь и едет в город, зная, что скоро станет на двадцать тысяч долларов богаче, спасибо Дуайту Крэмму, суровому старому техасцу. Он позвонит Крэмму и сообщит хорошие новости после того, как выяснит, что понадобилось Барбстер.

8

Дрю Холлидей (теперь он предпочитает, чтобы в узком кругу друзей его звали именно так) ест яйца бенедиктин за привычным угловым столиком в кафе «Jamaïs Toujourn». Тщательно пережевывает, сдерживает себя, хотя мог бы все проглотить в четыре приема, а потом поднять тарелку и слизать вкусный желтый соус, совсем как собака вылизывает миску. Близких родственников у него нет, любовная жизнь уже лет пятнадцать как осталась позади, и — надо это признать — в его узкий круг друзей теперь входят исключительно знакомые. Так что небезразличны ему только книги и еда.

Нет, не только они.

Есть кое-что еще.

Записные книжки Джона Ротстайна вновь заглянули в его жизнь.

Подходит официант, в белоснежной рубашке и обтягивающих черных брюках. Длинные русые волосы завязаны на затылке в хвостик, чтобы не скрывать элегантных скул. Дрю уже тридцать лет входит в небольшую театральную группу (удивительно, как быстро ускользает время... а может, и нет) и думает, что из Уильяма получился бы отличный Ромео, при условии, что он умеет играть. Но хорошие официанты всегда умеют, хотя бы немного.

— Желаете что-нибудь еще, мистер Холлидей?

Да, думает он. Две порции яиц, потом два крем-брюле и клубничный слоеный торт.

— Думаю, еще чашку кофе.

Уильям улыбается, демонстрируя прекрасную работу дантиста:

— Уже несу.

Дрю с сожалением отодвигает тарелку, оставляя на ней следы желтка и голландского соуса. Достает ежедневник. Разумеется, «Молескин», карманного формата. Пролистывает записи последних четырех месяцев: адреса, напоминания о делах, цены книг, которые он заказал или собирается заказать для различных клиентов. Ближе к концу, на пустой странице, — два имени. Первое — Джеймс Хокинс. Дрю задается вопросом, совпадение ли это, или парнишка выбрал имя сознательно. Неужели мальчишки до сих пор читают Роберта Льюиса Стивенсона? Дрю склонен думать, что этот читал. Он заявляет, что собирается получить диплом по английскому языку и литературе, а Джим Хокинс — главный герой «Острова сокровищ».

Под Джеймсом Хокинсом написано другое имя: Питер Зауберс.

9

Зауберс — он же Хокинс — впервые пришел в магазин двумя неделями раньше, маскируясь нелепыми подростковыми усами, у которых не было шанса отрасти. Он нацепил очки в черной роговой оправе, похожие на те, которым отдавал предпочтение сам Дрю (в те далекие времена — Энди), когда президентом был Джимми Картер. Подростки редко приходили в магазин, и Дрю это полностью устраивало. Да, иногда его по-прежнему тянуло к молодым мужчинам — скажем, официанту Уильяму, — но подростки слишком небрежно обращались с дорогими книгами. Могли помять страницу, неправильно поставить

том не на ту полку, а то и уронить. Опять же, их отличала прискорбная тяга к воровству.

Этот подросток выглядел так, будто мог повернуться и помчаться к двери при первом слове Дрю. Он пришел в куртке Городского колледжа, хотя день выдался слишком теплым для такой одежды. Дрю, который в свое время отдал должное Шерлоку Холмсу, сложил куртку, усы и очки, придя к логичному выводу, что подросток желает казаться старше, словно пытается попасть в один из танцевальных клубов в центре города, а не в книжный магазин, специализирующийся на редких изданиях.

«Ты хочешь, чтобы я решил, будто тебе есть двадцать один, — подумал Дрю, — но я готов съесть свою шляпу, если тебе больше семнадцати. Ты пришел не просто поглазеть, верно? У тебя миссия».

Под мышкой паренек держал большую книгу и конверт из плотной бумаги. Дрю поначалу решил, что молодой человек хочет оценить заплесневелую старинную книгу, найденную на чердаке, но когда мистер Усы подошел ближе, разглядел на корешке пурпурную наклейку, которую сразу узнал.

Дрю так и подмывало сказать: «Привет, сынок», — но он подавил это желание. «Пусть паренек думает, что я принимаю его за студента колледжа. Кому это повредит?»

— Добрый день. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Секунду мистер Усы молчал. Темная каштановая растительность на его лице разительно контрастировала с бледностью щек. Дрю понял, что подросток решает дилемму: остаться ему или, пробормотав «пожалуй, что нет», развернуться и уйти. Одно слово могло заставить его сбежать, а Дрю страдал свойственным многим антикварам болезненным любопытством. Поэтому он одарил подростка своей наиприятнейшей радушной улыбкой и стал ждать, сложив руки на груди.

— Что ж... — наконец выдал подросток. — Возможно. Дрю вопросительно вскинул брови.

— Вы и покупаете раритеты, и продаете их, правильно? Так указано на вашем сайте.

— Да. Покупаю, если чувствую, что смогу продать с прибылью. Так устроен этот бизнес.

Подросток набрался храбрости — Дрю буквально видел, как он по крупичкам собирает ее — и подошел к столу, на котором старомодная лампа «Энглпойз» освещала разложенные бумаги. Дрю протянул руку:

— Эндрю Холлидей.

Подросток быстро пожал ее и отдернул свою, словно боялся, что его схватят и не отпустят.

— Джеймс Хокинс.

— Приятно познакомиться.

— Э... я подумал... у меня есть кое-что такое, что может вас заинтересовать. Вещь, за которую может заплатить коллекционер. Надо только правильно выбрать коллекционера.

— Надеюсь, вы говорите не про книгу, которую принесли? — Теперь Дрю видел название: «Послания с Олимпа». Подзаголовок на корешке отсутствовал, но Дрю много лет владел экземпляром этой книги и помнил его: «Письма 20 великих американских писателей, написанные собственноручно».

— Господи, нет. — Отрывистый, нервный смешок сорвался с губ Джеймса Хокинса. — Это просто для сравнения.

— Хорошо, продолжайте.

Поначалу «Джеймс Хокинс» вроде бы и не знал, как же ему продолжить, но потом плотнее зажал под мышкой конверт из плотной бумаги и принялся торопливо пролистывать глянцевые страницы. Миновал сердитое письмо Фолкнера в торговую компанию из Оксфорда, штат Миссисипи, которая привезла ему чужой заказ; плаксивое — Юдоры Уэлти Эрнесту Хемингуэю; неразборчивые каракули Шервуда Андерсона; список продуктов Роберта Пенна Уоррена, украшенный двумя танцующими пингвинами, один из которых курил сигарету. Наконец нашел нужное место, положил книгу на стол и поднял взгляд на Дрю.

— Вот. Посмотрите.

Сердце Дрю запрыгало, едва он прочитал заголовок: «Джон Ротстайн — Фланнери О'Коннор». На фотоснимке был линованный листок с неровной левой стороной, определенно вырванный из дешевой тетрадки. Маленькие аккуратные букочки, столь не похожие на каракули многих писателей: почерк Ротстайна узнавался безошибочно.

19 февраля 1953 г.

Моя дорогая Фланнери О'Коннор!

Я получил Ваш удивительный роман «Мудрая кровь» с Вашей же дарственной надписью. Я могу сказать удивительный, потому что купил его, как только он появился на прилавках, и прочел незамедлительно. Я рад, что у меня теперь есть экземпляр с Вашим автографом, как и Вы, я уверен, рады получить доход с еще одного проданного тома! Мне понравились все персонажи, но больше других — Хейзел Моутс и Енох Эмери, служащий зоопарка. Я уверен, что моему Джимми Голду Эмери пришелся бы по душе и они бы подружились. Вас называли «знатоком гротескности», мисс О'Коннор, но что упускают критики — возможно, потому, что у них этого нет, — так это Ваше безумное чувство юмора, которое не берет пленных. Я знаю, Вам нездоровится, но надеюсь, что Вы будете продолжать работать, несмотря на это. Ваша работа очень важна! Еще раз благодарю Вас.

Джон Ротстайн

*P.S. Я все еще смеюсь над знаменитым цыпленком!!!!**

Дрю читал письмо дольше, чем требовалось, чтобы успокоиться, потом посмотрел на подростка, назвавшегося Джеймсом Хокинсом.

* Видимо, имеется в виду известная фраза Ф. О'Коннор о цыпленке, которого она научила пятиться.

— Вы понимаете отсылку к Знаменитой курице? Я объясню, если хотите. Это хороший пример того, что Ротстайн назвал безумным чувством юмора.

— Я знаю, о чем речь. Нашел в Интернете. В шесть или семь лет у мисс О'Коннор была курица — по крайней мере так она утверждала, — которая ходила задом наперед. Какие-то документалисты приехали и засняли эту курицу, и она попала на экраны. Мисс О'Коннор называла приезд киношников вершиной своей карьеры, а все остальное — спадом.

— Совершенно верно. А теперь, когда мы разобрались со Знаменитой курицей, что я могу для вас сделать?

Подросток глубоко вдохнул и открыл клапан плотного конверта. Достал из него фотокопию и положил на стол рядом с письмом Ротстайна в «Посланиях с Олимпа». На лице Дрю Холлидея читался легкий интерес, когда он переводил взгляд со страницы книги на фотокопию и обратно, но под столом его руки переплелись так крепко, что коротко остриженные ногти впились в тыльные стороны ладоней. Он сразу понял, что перед ним. Какую букву ни возьми, все линии, прямые или изогнутые, совпадали полностью. Теперь предстояло выяснить, что именно знал «Джеймс Хокинс». Вероятно, не слишком много, но определенно больше, чем ничего. Иначе не прятался бы за усами и очками с подозрительно чистыми стеклами, купленными то ли в аптеке, то ли в магазине карнавальных костюмов.

В самом верху страницы стояло обведенное кружком число 44. Ниже был фрагмент стихотворения:

*«Самоубийство» — роковая мысль;
ты, может быть, со мной не согласишься.
Поразмыслий об этом на досуге.*

*Белеет площадь. Рассвело.
Допустим, это в Мексике,*

*Пусть в Гватемале — где угодно,
в любой стране, где до сих пор под потолком
вихрится деревянный вентилятор.*

*Куда ни глянь, бело под синим небом,
на камне площади местами только пальмы
и роза — там, неподалеку от кафе,
где бродит сонный мойщик.
А на углу ждет первого*.*

На этом страница обрывалась. Дрю посмотрел на подростка.

— Дальше речь идет о первом автобусе, — пояснил Джеймс Хокинс. — Который получает энергию по проводам. Он его называет *trolebus*. Это троллейбус по-испански. Жена мужчины, от лица которого написано стихотворение, а может, его подруга, сидит мертвая в углу комнаты. Она застрелилась. Он только что обнаружил ее.

— На бессмертную поэзию не похоже, — ответил Дрю. Фотокопия настолько выбила его из колеи, что ничего другого *на ум* не пришло. Но независимо от качества написанного стихотворение являлось единственным новым произведением Джона Ротстайна, увидевшим свет за последние полвека. Да и прочли его — не считая автора — только этот подросток и он, Дрю Холлидей. Конечно, стихотворение могло попасться на глаза и Моррису Беллами, но Дрю в этом сомневался, учитывая огромное, по утверждению Морриса, число украденных записных книжек.

Огромное число.

Господи, огромное число записных книжек.

— Да, не Уилфред Оуэн и не Элиот, но я думаю, речь не об этом. А вы?

Дрю внезапно осознал, что «Джеймс Хокинс» пристально всматривается в него. И видит что? Возможно,

* Пер. Н. Никитенко.

слишком многое. Дрю обычно ничем не выдавал своих чувств: это необходимое условие в бизнесе, где купить товар подешевле не менее важно, чем продать его дороже. Но он попал в очень нестандартную ситуацию: словно перед ним из глубин Атлантического океана всплыл «Титаник»: ржавый, в водорослях, но *настоящий!*

Ладно, придется это признать.

— Да, наверное, не об этом. — Фотокопия и страница с письмом к О'Коннор лежали бок о бок, и Дрю не мог удержаться, чтобы не перемещать пухлый палец с одной на другую. — Если это подделка, то чертовски качественная.

— Это не подделка. — В голосе мальчика слышалась абсолютная уверенность.

— И где вы это взяли?

Подросток пустился в пространную вымышленную историю, которую Дрю слушал вполуха. Что-то о дядюшке Филе из Кливленда, который умер и оставил свою библиотеку юному Джеймсу, и там нашлись шесть записных книжек «Молескин», упакованных в коробку с книгами в мягкой обложке и томами «Книги месяца», и надо же, эти записные книжки, в которых обнаружилось много интересного — по большей части стихи, но также эссе и несколько рассказов, — принадлежали Джону Ротстайну.

— Как вы поняли, что это Ротстайн?

— Я узнал его стиль даже в стихотворениях, — ответил «Хокинс». Несомненно, он подготовился к такому вопросу. — В Городском колледже я специализируюсь на американской литературе, поэтому прочитал большую часть его произведений. Да и о нем самом много прочел. К примеру, это стихотворение о Мексике, где Ротстайн путешествовал шесть месяцев после демобилизации.

— Как и десяток других американских писателей, включая Эрнеста Хемингуэя и таинственного Б. Травена.

— Да, но посмотрите на это. — Парнишка достал из конверта вторую фотокопию. Дрю велел себе сдержаться...

и жадно потянулся к ней. Повел себя так, словно работал в этом бизнесе три года, а не тридцать, но кто мог его за это винить? Это было событие. Событие *огромного* значения. Проблема состояла в одном: «Джеймс Хокинс», похоже, это знал.

«Да, но он не знает того, что известно *мне*: источника этих записных книжек. Если только Моррис не пытается использовать мальчишку в своих целях. А такое маловероятно, поскольку Моррис гниет в Уэйнесвилле».

Текст на второй фотокопии писала та же рука, но не столь аккуратно. Если на страничке со стихотворением вычеркивания и заметки на полях отсутствовали, то здесь их хватало.

— Я думаю, он мог написать это нетрезвым, — сообщил подросток. — Знаете, он много пил, а потом завязал. Раз и навсегда. Прочитайте. Увидите, о чем речь.

Вверху страницы стояло обведенное кружком число 77. Ниже начиналось с середины предложение.

...никогда не предполагалось. Если хорошие рецензии — сладкий десерт на короткое время, потом выясняется, что в долгосрочной перспективе они ведут к несварению желудка: бессоннице, ночным кошмарам, даже к проблемам со столь важной послеобеденной срачкой. И глупость значительно более заметна в хороших рецензиях, чем в плохих. Воспринимать Джимми Голда как какой-то критерий, как ГЕРОЯ — все равно что называть кого-то вроде Билли Кида (или Чарльза Старквезера, наиболее близкого его воплощения двадцатого века) американской иконой. Джимми — он и есть Джимми, такой же, как я или вы. Он срисован не с Гека Финна, а с Этьена Лантье, величайшего персонажа литературы девятнадцатого столетия! Если я покинул поле зрения общественности, то лишь потому, что она слепа и нет причины показывать ей новые матерьялы. Как сказал бы сам Джимми: дерьмо ни хрена...

Текст обрывался, но Дрю знал, что идет следом, и не сомневался, что Хокинс тоже в курсе. Этот знаменитый девиз Джимми и теперь встречался на футболках.

— Он ошибся в «перспективе», — только и смог выдавить Дрю.

— Да, и слово «материалы» написал неправильно. Обычные ошибки, не вычищенные корректором. — Глаза подростка блестели. Дрю видел подобный блеск, но никогда — в столь юном возрасте. — Это *живой* текст, вот что я думаю. Живой и дышащий. Видите, что он говорит об Этьене Лантье? Это главный герой романа «Жерминаль» Эмиля Золя. И это новинка! Понимаете? Новый взгляд на персонажа, которого все знают, от самого автора! Готов спорить, некоторые коллекционеры заплатят большие деньги за оригинал этого эссе и за все остальное, что у меня есть.

— Вы сказали, у вас шесть записных книжек.

— Ну да.

Шесть. Не сто с лишним. Если у парнишки всего шесть записных книжек, тогда он точно действует не от лица Беллами, если только Моррис не решил разделить свой товар и продавать частями. Но Дрю не видел причины, по которой его давний друг мог бы так поступить.

— Записные книжки среднего размера. По восемьдесят страниц в каждой. Всего четыреста восемьдесят страниц. Много пустого места на страницах со стихотворениями, но там не только поэзия. Есть и рассказы. Один — про детство Джимми Голда.

И опять вопрос: должен ли он, Дрю, *верить*, что записных книжек действительно только шесть? Может, парнишка придерживает самое лучшее? А если придерживает, то почему? Потому что хочет продать остальное позже — или не хочет продавать вообще? Для Дрю блеск в глазах «Хокинса» говорил о втором, хотя, возможно, сам мальчик еще этого не осознал.

— Сэр? Мистер Холлидей?

— Извините. Просто свыкаюсь с мыслью, что это и в самом деле новые тексты Ротстайна.

— Новые, — подтвердил парнишка без тени сомнения. — Так сколько?

— Сколько я готов заплатить? — Дрю подумал, что теперь можно использовать «сынка», потому что началась торговля. — Сын, я не набит деньгами. И пока не полностью убежден, что это не подделка. Не надувательство. Я должен увидеть сами записные книжки.

Дрю заметил, как «Хокинс» прикусил губу под прикрытием новорожденных усов.

— Я говорю не о том, сколько *вы заплатите*, я говорю о частных коллекционерах. *Вы* должны знать тех, кто готов выложить немалые суммы за подлинники.

— Парочку я знаю, это верно. — Он знал с десяток. — Но не буду беспокоить их на основании фотокопий двух страниц. Что касается подтверждения эксперта-почерковеда... это рискованно. Как вы знаете, Ротстайна убили, и эти записные книжки, возможно, краденые.

— Нет, если он подарил их кому-то до убийства, — без запинки возразил паренек, и Дрю пришлось напомнить себе, что на эту встречу «Джеймс Хокинс» пришел подготовленным. *Но на моей стороне опыт*, подумал он. *Опыт и хитрость*.

— Сын, нет никакой возможности доказать, что все произошло именно так.

— Нет никакой возможности доказать обратное.

Что ж, ситуация патовая.

Внезапно паренек схватил обе фотокопии и сунул в конверт.

— Минуточку, — попытался остановить его Дрю. — Что такое? Пойдите.

— Нет, я думаю, что допустил ошибку, придя к вам. В Канзас-Сити есть компания «Первые и редкие издания Джарретта». Одна из крупнейших. Я обращусь туда.

— Если вы сможете подождать неделю, я кое-кому позвоню, — предложил Дрю. — Но вам придется оставить фотокопии.

Подросток колебался, но потом спросил:

— Сколько вы сможете выручить, как думаете?

— За почти пятьсот страниц неопубликованного... черт, *неизвестного* текста Ротстайна? Покупатель, вероятно, захочет провести компьютерный анализ почерка, для этого существует пара хороших программ, и если будет доказано, что текст подлинный... — Он прикинул минимальную возможную сумму, которую мог назвать, не противореча здравому смыслу. — Пожалуй, пятьдесят тысяч долларов.

«Джеймса Хокинса» то ли устроила эта цена, то ли он сделал вид, что устроила.

— И какова будет ваша комиссия?

Дрю добродушно рассмеялся:

— Сынок... Джеймс... в такой сделке речи о комиссионных быть не может. Потому что создателя — то есть, выражаясь юридическим языком, владельца — убили, а записные книжки могли украсть. Мы разделим выручку пополам.

— Нет, — мгновенно ответил подросток. Может, он еще не отрастил байкерских усов, о которых мечтал, но характера ему было не занимать, как и ума. — Семьдесят к тридцати. В мою пользу.

Дрю мог бы согласиться — ожидая выручить за шесть записных книжек четверть миллиона, можно отдать подростку семьдесят процентов от пятидесяти штук, — но разве «Джеймс Хокинс» не ожидал, что он немного поторгнется? Не возникнет ли у мальчишки подозрений в противном случае?

— Шестьдесят на сорок. Мое последнее предложение, при условии, что удастся найти покупателя. Вы получите тридцать тысяч за то, что нашли в картонной коробке вместе с потрепанными экземплярами «Челюстей» и «Мостов округа Мэдисон». Неплохая прибыль.

Подросток переминался с ноги на ногу, молчал, но явно колебался.

Дрю одарил его обворожительной, безобидной улыбкой:

— Оставьте фотокопии мне. Приходите через неделю, и я скажу вам, сколько мы сможем выручить за эти записные книжки. И мой вам совет: держитесь подальше от этого Джарретта. Он обдерет вас как липку.

— Мне нужны наличные.

А кому нет? — подумал Дрю.

— Вы сильно забегаете вперед.

Подросток принял решение и положил конверт на заваленный бумагами стол.

— Хорошо. Я вернусь.

«Уверен, что вернешься, — подумал Дрю. — И уверен, что к твоему возвращению мои позиции значительно укрепятся».

Он протянул руку. Подросток вновь пожал ее, насколько мог коротко, чтобы держаться в рамках приличий. Словно боялся оставить отпечатки пальцев. Но на самом деле он их уже оставил.

Дрю сидел неподвижно, пока «Хокинс» не вышел из магазина, потом вывел из спящего режима «Макинтош». Над входной дверью крепились две видеокамеры, одна смотрела вдоль Лэйсмейкер-лейн. Дрю наблюдал, как подросток дошел до угла и свернул на Кроссуэй-авеню.

Пурпурная наклейка на корешке «Посланий с Олимпа» служила ключом к разгадке. Она указывала, что книга библиотечная, а Дрю знал, наклейками какого цвета маркирует свои книги та или иная библиотека. Пурпур — библиотека на Гарнер-стрит. Если бы подросток попытался вынести книгу под курткой, сработала бы сигнализация на выходе, потому что наклейка также служила для защиты от краж. Эта информация привела еще к одному гениальному выводу, который согласовывался с начитанностью паренька.

Дрю зашел на сайт библиотеки на Гарнер-стрит, где ему предложили на выбор различные разделы: «ЛЕТНИЕ ЧАСЫ», «ДЕТИ И ПОДРОСТКИ», «ГРЯДУЩИЕ СОБЫТИЯ», «КЛАССИЧЕСКИЕ СЕРИИ ФИЛЬМОВ» — и последний, но не по значимости: «ПОЗНАКОЬТЕСЬ С НАШИМИ СОТРУДНИКАМИ».

Дрю Холлидей кликнул на него, и больше кликать ему не пришлось, во всяком случае, сразу. Над краткими биографиями красовалось общее фото сотрудников — порядка двух десятков, — собравшихся на лужайке. За ними возвышалась статуя Гораса Гарнера с раскрытой книгой в руке. Все улыбались, включая и знакомого Дрю подростка, только без усов и очков. Второй ряд, третий слева. Из материалов раздела следовало, что в его магазине побывал мистер Питер Зауберс, учащийся старших классов школы Нортфилд, в настоящее время занятый в библиотеке неполный рабочий день. Он собирался продолжить обучение, специализируясь по английскому языку и литературе, а также библиотечному делу.

Дрю принялся рыть глубже. Он слегка вспотел, и почему нет? Шесть записных книжек уже казались сущей ерундой, затравкой. *Все* они (и некоторые — с четвертым романом о Джимми Голде, если верить тому, что много лет назад утверждал его безумный друг) могли стоить миллионов пятьдесят, если продавать по частям разным коллекционерам. Один только четвертый роман о Джимми Голде потянул бы на двадцать. А учитывая, что Моррис Беллами по-прежнему сидел в тюрьме, между Дрю и этими миллионами стоял только мальчишка, который не смог даже отрастить приличные усы.

10

Официант Уильям подходит со счетом, и Дрю кладет в кожаную папку кредитную карточку «Американ экспресс». По ней отказа быть не может, в этом он совершенно уверен. Насчет двух других карточек определенные

сомнения имеются, но на «Амэксе» задолженности у него нет, потому что он использует карточку для всех деловых транзакций.

Дела в последние несколько лет шли не очень, хотя, Бог свидетель, должны были пойти в гору. Должны были идти блестяще, особенно в период между 2008-м и 2012 годами, когда американская экономика провалилась в трясину и никак не могла выбраться оттуда. В такое время стоимость редких товаров — реальных вещей, не виртуальщины на Нью-Йоркской фондовой бирже — всегда поднимается. Золото и бриллианты — само собой, но также произведения искусства, антиквариат и редкие книги. Гребаный Майкл Джарретт из Канзас-Сити теперь ездит на «порше». Дрю видел фотографию на его странице в «Фейсбуке».

Финансовые неприятности Дрю вызвала эта чертова книга Джеймса Эйджи «Давайте же восславим знаменитых людей». Великолепный экземпляр, отличное состояние, автографы Эйджи и Уокера Эванса, фотографии которого иллюстрировали книгу. Откуда Дрю мог знать, что книга украдена?

Ладно, он, вероятно, *подозревал*, во всяком случае, тревожные признаки были налицо, и ему следовало держаться от книги подальше, но продавец понятия не имел об истинной ее стоимости, и Дрю позволил себе чуть притупить бдительность. В итоге его не оштрафовали и не посадили в тюрьму, слава Богу, но история не осталась без последствий. С того самого девяносто девятого года к нему относились настороженно на каждом конгрессе, симпозиуме и книжном аукционе. Добропорядочные продавцы и покупатели сторонились его, если только — ирония судьбы — речь не шла о чем-то на грани фола, сделке, которую они хотели провернуть ради быстрой прибыли. Иногда, мучаясь бессонницей, Дрю думает: «Они толкают меня за эту грань. Это не моя вина. Действительно, на самом деле я — жертва».

И в сложившейся ситуации важность Питера Зауберса для будущего благополучия Дрю только возрастает.

Уильям возвращается с кожаной папкой, его лицо серьезно. Дрю это не нравится. Может, карточку все-таки не приняли к оплате? Потом его любимый официант улыбается, и Дрю с облегчением выдыхает.

— Спасибо, мистер Холлидей. Всегда приятно вас видеть.

— Взаимно, Уильям, совершенно взаимно. — Он втиевато расписывается и убирает кредитку «Амэкс» — чуть погнутую, но не сломанную — в бумажник.

На улице, направляясь к своему магазину (мысль, что он шагает вперевалочку, никогда не приходила ему в голову), Дрю думает о втором визите мальчишки, который прошел *неплохо*, но далеко не так хорошо, как он рассчитывал. При их первой встрече мальчишка очень нервничал, и Дрю встревожился, а вдруг тот уничтожит рукописи, бесценное сокровище, которое попало ему в руки. Но блеск в глазах говорил об обратном, особенно когда речь зашла о второй фотокопии, с пьяными рассуждениями Ротстайна о критиках.

Это живой текст, сказал Зауберс. *Вот что я думаю.*

Сможет ли мальчишка уничтожить сокровище? — спрашивает себя Дрю, входя в магазин и поворачивая дверную табличку с «ЗАКРЫТО» на «ОТКРЫТО». *Я так не думаю.* Как и он сам не позволил бы властям заграбастать это сокровище, что бы там ни говорил.

Завтра пятница. Мальчишка обещал прийти сразу после школы, чтобы они могли довести дело до конца. Мальчишка думает, что переговоры продолжатся. Он думает, что у него еще есть козыри. Может, и есть... но у Дрю они серьезнее.

На автоответчике мигает лампочка. Наверное, кто-то звонил, чтобы предложить купить страховку или расширенную гарантию на его маленький автомобиль (воспоминание о том, что Джарретт ездит по Канзас-Сити на

«порше», больно колет эго), но ведь не узнаешь, пока не проверишь. Миллионы совсем рядом, однако пока они не у тебя в руках, жизнь течет своим чередом.

Дрю идет к автоответчику, чтобы узнать, кто звонил, пока он обедал. Голос Зауберса он узнает с первого слова.

Дрю слушает, а его кулаки сжимаются все сильнее.

11

Когда обманщик, известный как Хокинс, пришел к нему в пятницу, через неделю после первого визита, усы у него стали гуще, но походка осталась такой же нерешительной: он напоминал пугливого зверька, приближающегося к аппетитной приманке. К этому времени Дрю уже многое выяснил и о нем, и о его семье. А также о фотокопиях. Три различные компьютерные программы подтвердили, что письмо Фланнери О'Коннор и тексты на обеих фотокопиях написаны одной рукой. Третья — недостаточно надежная, учитывая небольшой размер заданных образцов — отметила определенные стилистические закономерности, на большую часть которых уже обратил внимание мальчишка. Эти результаты могли пригодиться при обращении к потенциальным покупателям. Сам Дрю в подлинности текстов не сомневался, потому что видел одну записную книжку тридцать шесть лет назад, на столике у кафе «Счастливая чашка».

— Привет, — поздоровался Дрю. На этот раз он не стал протягивать руку.

— Привет.

— Ты не принес записные книжки.

— Сначала я хочу узнать сумму. Вы сказали, что позвоните в несколько мест.

Дрю никуда не звонил. Слишком рано.

— Я назвал тебе сумму. И сказал, что твоя доля составит тридцать тысяч.

Мальчишка покачал головой:

— Этого недостаточно. И шестьдесят на сорок тоже недостаточно. Должно быть семьдесят на тридцать. Я не дурак. И знаю, что продаю.

— Я тоже кое-что знаю. Тебя зовут Питер Зауберс. Ты учишься не в Городском колледже, а в школе Нортфилд, и в свободное время подрабатываешь в библиотеке.

Глаза мальчишки широко распахнулись. Рот приоткрылся. Он покачнулся, и на мгновение Дрю подумал, что его гость сейчас лишится чувств.

— Как?..

— Книга, которую ты принес. «Послания с Олимпа». Я узнал защитную наклейку справочного зала. После этого никаких проблем не возникло. Я даже знаю, где ты живешь: на Сикомор-стрит. — Все сходилась идеально, даже напоминало Божий промысел. Моррис Беллами жил на Сикомор-стрит. В том самом доме. Дрю никогда там не бывал — подозревал, что Моррис не хотел знакомить его со своей вампиршей-матерью, — но все необходимое узнал из архивных материалов. Хранились ли записные книжки за стеной в подвале или под полом в гараже? Дрю ставил на любой из этих вариантов.

Он наклонился вперед, насколько позволял толстый живот, и всмотрелся в наполненные ужасом глаза мальчишки.

— Это еще не все. Твой отец получил серьезные увечья в бойне у Городского центра в две тысячи девятом году. Он оказался там, потому что в восьмом его уволили с работы. Пару лет назад в одном из воскресных номеров местной газеты была статья о некоторых выживших. Я нашел ее и с интересом прочитал. Твоя семья переехала в Норт-Сайд после случившегося у Городского центра, ваши условия жизни существенно ухудшились, но вы, Зауберсы, устояли на ногах. Твоя мать по-прежнему работала, а у многих все обстояло гораздо хуже. Американская история успеха. Упал? Поднимайся, отряхнись и вновь

включайся в гонку. Вот только в статье не объяснялось, как вам это удалось. Правда?

Мальчишка облизнул губы, попытался что-то сказать, не смог, откашлялся, предпринял вторую попытку.

— Я ухожу. Зря я сюда пришел.

И он отвернулся от стола.

— Питер, если ты выйдешь через эту дверь, я практически гарантирую, что к вечеру ты будешь в тюрьме. Такой позор, а ведь впереди целая жизнь.

Зауберс повернулся к нему, его рот приоткрылся, губы дрожали.

— Я ознакомился и с расследованием убийства Рот-стайна. Полиция уверена, воры взяли записные книжки только потому, что они хранились в сейфе вместе с деньгами. Согласно основной версии, они ворвались в дом ради того, ради чего обычно это делают. Ради наличных. Многие люди в городе, где он жил, знали, что старик держит наличные в доме, возможно, много наличных. Эти истории долгие годы циркулировали по Толбот-Корнерс. Наконец какой-то негодяй решил выяснить, есть ли в них правда. И убедился, что есть, верно?

Зауберс вернулся к столу. Медленно. Шаг за шагом.

— Ты нашел украденные записные книжки, но ты также нашел и украденные деньги, вот что я думаю. Именно эти деньги помогли вашей семье удержаться на плаву, пока твой отец снова не встал на ноги. В прямом смысле этого слова, потому что, согласно статье, ему досталось по полной программе. Твои родители это знают, Питер? Они в курсе? Это мама и папа прислали тебя сюда, чтобы продать записные книжки?

По большей части он высказывал догадки — если Моррис что-то и говорил об украденных деньгах в тот день у «Счастливой чашки», Дрю этого не помнил, — но видел, что каждая попадает в цель, как сильные удары по лицу и в корпус. Дрю ощущал радость детектива, взявшего правильный след.

— Я не знаю, о чем вы говорите. — Голос мальчишки больше напоминал запись на автоответчике, а не живого человека.

— И утверждение, что записных книжек только шесть, не выдерживает критики. Ротстайн отгородился от мира в тысяча девятьсот шестидесятом году, после публикации рассказа в «Нью-Йоркере». Убили его в семьдесят восьмом. Трудно поверить, что за восемнадцать лет он исписал только четыреста восемьдесят страниц. Готов спорить, что больше. *Гораздо* больше.

— Вы ничего не докажете. — Все тот же монотонный, механический голос. Зауберс пошатывало. Еще два или три удара — и он рухнет. Восхитительное зрелище.

— И что обнаружит полиция, когда придет в ваш дом с обыском, мой юный друг?

Вместо того чтобы упасть, Зауберс собрался с силами. Если бы это не раздражало, то было бы достойно восхищения.

— А как насчет вас, мистер Холлидей? Вы уже попадали в неприятную ситуацию, попытавшись продать чужое.

Да, это был удар... но скользящий. Дрю добродушно кивнул:

— Поэтому ты и пришел ко мне, верно? Узнал про книгу Эйджи и подумал, что я помогу тебе повернуть что-то незаконное. Только мои руки были чисты тогда, и они чисты теперь. — Дрю демонстративно вскинул руки. — Я скажу, что сначала выяснял, что именно ты собираешься мне продать, а как только понял, что дело нечисто, выполнил свой гражданский долг и позвонил в полицию.

— Но ведь это неправда! И вы это знаете!

Добро пожаловать в реальный мир, Питер, подумал Дрю. И промолчал, позволяя мальчишке самому оценить положение.

— Я мог бы сжечь их, — произнес Зауберс, словно обращаясь к самому себе, обдумывая этот вариант. — Мог бы пойти д... туда, где они лежат, и просто их сжечь.

— Сколько их? Восемьдесят? Сто двадцать? Сто *сорок*? Останется зола. Пепел. А если и не останется, у меня есть фотокопии двух страниц. Копы начнут задавать вопросы, как твоей семье удалось достаточно безболезненно пережить рецессию, учитывая увечья твоего отца и все эти медицинские счета. Я думаю, компетентный бухгалтер сможет выяснить, что расходы твоей семьи превосходили доходы на приличную сумму.

Дрю понятия не имел, есть ли в его словах хоть толика правды, но мальчишка тоже этого не знал. Чувствовалось, что он в панике, и Дрю полагал, что это хорошо. Паника лишала рассудка.

— Доказательств нет. — Зауберс мог только шептать. — Деньги потрачены.

— Я уверен, что потрачены, иначе ты бы сюда не пришел. Но деньги всегда оставляют след. И кто может пойти по нему, кроме полиции? Правильно, налоговое управление! Как знать, Питер, может, твой отец и мать тоже сядут в тюрьму за уклонение от налогов. Так что твоя сестра... Тина, если не ошибаюсь... останется одна, хотя, возможно, найдется добрая тетушка, у которой она сможет пожить до освобождения ваших родителей.

— Чего вы хотите?

— Не тупи. Мне нужны записные книжки. *Все*.

— Если я их вам отдам, что получу взамен?

— Уверенность, что ты свободен и никто ни в чем тебя не обвинит. А это, учитывая ситуацию, в которой ты оказался, бесценно.

— Вы *серьезно*?

— Сынок...

— Не смейте меня так называть! — Мальчишка сжал кулаки.

— Питер, хорошенько подумай. Если откажешься отдать записные книжки, я сдам тебя полиции. Но как только ты мне их передашь, я уже ни в чем не смогу тебя об-

винить, потому что взял краденое. Ты будешь в полной безопасности.

Говоря, Дрю держал указательный палец правой руки на тревожной кнопке под столом. Ему совершенно не хотелось ее нажимать, но очень не нравились сжатые кулаки. В панике Зауберс мог решить, что есть еще один способ заткнуть рот Дрю Холлидею. Конечно, все происходящее фиксировалось камерой видеонаблюдения, но мальчишка мог этого не осознавать.

— А вы останетесь с сотнями тысяч долларов. — В голосе Зауберса звучала горечь. — Может, с миллионами.

— Ты помог семье пережить трудные времена, — ответил Дрю. Хотел добавить: *Так чего жадничать?* — но понял, что эти слова, учитывая обстоятельства, определенно неуместны. — Я думаю, ты можешь быть доволен.

На лице мальчишки читался безмолвный ответ: *Тебе легко говорить.*

— Мне нужно время подумать.

Дрю кивнул, но не соглашаясь:

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но — нет. Если ты сейчас выйдешь отсюда, обещаю, что у твоего дома тебя будет поджидать патрульный автомобиль.

— И вы потеряете кучу денег.

Дрю пожал плечами:

— Не в первый раз. — Хотя таких денег он не терял никогда, что верно, то верно.

— Вы знаете, что мой отец занимается недвижимостью? Неожиданная смена темы озадачила Дрю.

— Да, я это отметил, когда проводил свое маленькое расследование. Теперь у него своя компания, дела которой идут неплохо. Хотя есть у меня подозрения, что деньги Джона Ротстайна могли пойти на ее основание.

— Я попросил его провести анализ ситуации во всех книжных магазинах города, — произнес Зауберс. — Сказал, что данные нужны мне для реферата о влиянии электронных книг на традиционную книготорговлю. Это про-

изошло до того, как я к вам пришел в первый раз, когда еще размышлял о том, стоит ли рискнуть. Он выяснил, что в прошлом году вы взяли третью ссуду под залог своего магазина, и сказал, что ее дали вам только благодаря местоположению. Лэйсмейкер-лейн сейчас котируется высоко.

— Не думаю, что это имеет хоть какое-то отношение к предмету нашего раз...

— Вы правы, мы пережили действительно тяжелые времена, и знаете что? Подобные испытания прививают нух на людей, у которых серьезные проблемы. Даже детям. Может, детям особенно. Я думаю, что вы сейчас в крайне стесненном положении.

Дрю убрал палец с тревожной кнопки, поднял руку, нацелил палец за Зауберса:

— Не зли меня, малыш.

На щеках Зауберса зарделись лихорадочные пятна румянца, и это явно не понравилось Дрю (поскольку не входило в его планы): он разозлил мальчишку.

— Я знаю, вы пытаетесь заставить меня принять поспешное решение, но ничего не выйдет. Да, записные книжки у меня. Их сто шестьдесят пять. Полностью исписаны не все, но большинство. И знаете что? Это была не трилогия про Голда — это был *цикл*. В записных книжках — еще два романа. Черновые варианты, но достаточно чистые.

Мальчишка говорил все быстрее и быстрее, явный испуг не помешал ему — хотя именно на это рассчитывал Дрю — разобраться в ситуации.

— Записные книжки спрятаны, но, полагаю, вы правы: если вы позвоните в полицию, их найдут. Только мои родители ничего не знали, и, думаю, полиция им поверит. Что касается меня... я еще несовершеннолетний. — Он даже улыбнулся, словно только что это осознал. — Со мной ничего не сделают, потому что я не крал ни записные книжки, ни деньги. Когда это произошло, я еще не ро-

дился. Вы выйдете чистым, но никаких дивидендов вам это не принесет. Когда банк заберет ваш магазин за долги — мой отец говорит, что заберет, рано или поздно, — а здесь, надеюсь, откроют французскую булочную-кондитерскую, я приду и съем круассан за ваше здоровье.

— Какая речь, — заметил Дрю.

— Это все. И я ухожу.

— Предупреждаю тебя, ты поступаешь глупо.

— Я же сказал, мне нужно время, чтобы подумать.

— Сколько?

— Неделя. Вам тоже надо подумать, мистер Холлидей. Может, мы найдем взаимовыгодное решение.

— Надеюсь на это, сынок. — Дрю сознательно употребил это слово. — Потому что в противном случае я позволю в полицию. Можешь мне поверить.

Браваду мальчишки как ветром сдуло. Его глаза наполнились слезами. Но прежде чем они потекли по щекам, он развернулся и вышел за дверь.

12

И теперь автоответчик воспроизводит голосовое сообщение, которое Дрю слушает в ярости, но и со страхом, потому что в голосе мальчишки, вроде бы хладнокровном и собранном, сквозит отчаяние.

«Я не смогу прийти завтра, хотя и говорил, что приду. Я совершенно забыл про выездной семинар для членов ученической администрации младших и старших классов, а на следующий год меня выбрали вице-президентом выпускного класса. Я знаю, это звучит как отговорка, но на самом деле это не так. Наверное, этот семинар вылетел у меня из головы со всеми вашими угрозами отправить меня в тюрьму и тому подобным».

Сотри это немедленно, думает Дрю, его ногти впижутся в ладони.

«Это пансионат “Ривер бенд” в округе Виктор. Завтра в восемь утра мы уезжаем на автобусе — это день повышения квалификации для учителей, так что занятий все равно не будет — и возвращаемся в воскресенье вечером. Нас будет двадцать человек. Я думал о том, чтобы отпроситься, но родители уже тревожатся из-за меня. Моя сестра тоже. Если я пропущу выездной семинар, они будут знать наверняка: что-то не так. Похоже, моя мама думает, что какая-то девушка забеременела от меня».

Мальчишка издает пронзительный, почти истерический смешок. Дрю думает, что нет ничего более жуткого, чем семнадцатилетние мальчишки: даже представить себе невозможно, что они способны отмочить.

«Я приду во второй половине дня в понедельник, — продолжает Зауберс. — Если вы подождете до понедельника, может, мы что-нибудь придумаем. Найдем компромисс. У меня есть идея. Если вы думаете, что я вожу вас за нос насчет семинара, позвоните в пансионат и проверьте, кто зарезервировал номера. Ученическая администрация школы Нортфилд. Может, я увижу вас в понедельник. Нет — значит, нет. До свиданья...»

Время, отведенное на сообщение — максимальное, для клиентов, которые звонят в нерабочие часы с западного побережья, — наконец-то истекло. *Бип.*

Дрю садится на стул (не обращая внимания на его обычный протестующий скрип) и долгую минуту смотрит на автоответчик. Он не собирается звонить в пансионат «Ривер бенд»... который — смех да и только — находится в шести или семи милях вверх по течению от тюрьмы, где отбывает пожизненное заключение вор, укравший записные книжки. Дрю уверен, что насчет семинара Зауберс сказал правду, потому что проверить это очень легко. Насчет причины, побудившей его не отказываться от поездки, сомнений гораздо больше. Может, Зауберс решил все-таки проверить, не блефует ли Дрю насчет полиции. Но он не блефовал. Он не собирался оставлять Зауберсу

то, что ему самому не получить. Так или иначе, маленькому ублюдку придется отдать эти записные книжки.

«Подожду до вечера понедельника, — думает Дрю. — Это я могу себе позволить, но ситуацию необходимо разрешить, так или иначе. Я уже слишком отпустил поводок».

Он отмечает, что мальчишка Зауберс и его давний друг Моррис Беллами, несмотря на разницу в возрасте, ведут себя одинаково, когда дело касается записных книжек Ротстайна. Жажнут приберечь их содержимое для себя. Поэтому мальчишка предложил ему только шесть записных книжек, вероятно, те самые шесть, которые счел наименее интересными. Дрю, с другой стороны, не слишком любил Ротстайна. Он прочитал «Бегуна», но только потому, что Морри свихнулся на этом романе. Остальные два романа даже не открывал, не говоря уже о сборнике рассказов.

Это твоя ахиллесова пята, сынок, думает Дрю. Жажда коллекционера. Тогда как меня заботят только деньги, а деньги упрощают все. Так что валяй, наслаждайся уик-эндом детских игр в политику. Когда вернешься, начнется игра покруче.

Дрю с трудом наклоняется и стирает сообщение.

13

Возвращаясь в город, Ходжес вдруг осознает, что от него разит потом, и решает завернуть домой, съесть вегетарианский бургер и принять душ. Еще и переодеться. Харпер-роуд практически по пути, а в джинсах он будет чувствовать себя более комфортно. Для него джинсы — одно из главных преимуществ работы на себя.

Когда Ходжес выходит из дома, Пит Хантли звонит, чтобы сообщить прежнему напарнику, что Оливер Мэдден арестован. Ходжес поздравляет Пита с задержанием опасного преступника, садится за руль, и тут раздается новый звонок. На этот раз от Холли.

— *Где ты, Билл?*

Ходжес смотрит на часы и видит, что уже четверть четвертого. Как быстро летит время, когда наслаждаешься каждой минутой, думает он.

— Дома. Как раз выезжаю на работу.

— А что ты *там* делаешь?

— Заглянул, чтобы принять душ. Хотел побереечь твои нежные органы обоняния. И я не забыл про Барбару. Я позвоню, как только...

— Можешь не звонить. Она здесь. С маленькой подружкой, которую зовут Тина. Они приехали на такси.

— На такси? — Обычно у детей *и мысли* не возникает о такси. Вероятно, Барбара хочет обсудить с ним нечто более серьезное, чем он предполагал.

— Да. Я отвела их в твой кабинет. — Холли понижает голос: — Барбара просто волнуется, а вторая испугана до смерти. Я думаю, она попала в какую-то передрагу. Ты должен приехать как можно быстрее, Билл.

— Понял тебя.

— Пожалуйста, поторопись. Ты знаешь, с сильными чувствами — не ко мне. Я работаю над этим с моим психотерапевтом, но сейчас еще *не готова*.

— Уже еду. Буду через двадцать минут.

— Мне купить им колу?

— Не знаю. — Светофор у подножия холма переключается на желтый. Ходжес нажимает газ и проскакивает перекресток. — На твое усмотрение.

— Но у меня его так мало, — сокрушается Холли и, прежде чем он успевает ответить, снова велит ему поторопиться и отключается.

14

Пока Билл Ходжес объяснял ошарашенному Оливеру Мэддену суровые жизненные реалии, а Дрю Холлидей ел яйца бенедиктин, Пит Зауберс зашел в кабинет медицин-

ской сестры в школе Нортфилд, пожаловался на сильную мигрень и попросил отпустить его домой с послеобеденных занятий. Медсестра написала записку без колебаний, потому что Пит числился среди хороших учеников: отличная успеваемость, активное участие в школьной жизни (хотя не по линии спорта), никаких прогулов. Кроме того, он *выглядел* как человек, страдающий от головной боли: очень бледное лицо, темные мешки под глазами. Медсестра спросила, не отвезти ли его домой.

— Нет, — ответил Пит. — Я доеду на автобусе.

Она предложила ему адвил — единственный препарат от головной боли, который ей позволяли использовать, — но он отказался, сказав, что у него есть специальные таблетки от мигрени. Он забыл захватить их в школу, но примет, как только приедет домой. Пит не кривил душой, потому что голова у него действительно болела. Правда, речь шла не об обычной головной боли. Его головной болью стал Эндрю Холлидей, и таблетка зомига, взятая у матери (в семье от мигреней страдала Линда), его бы не вылечила.

Пит знал, что придется обходиться своими силами.

15

Ехать на автобусе Пит не собирается. Следующий только через полчаса, а до Сикомор-стрит он может пробежать за пятнадцать минут — и пробежит, потому что вторая половина этого четверга полностью принадлежит ему. Мать и отец на работе и не приедут раньше четырех. Тина не появится вовсе. Она *говорит*, что ее пригласили провести пару ночей у давней подруги Барбары Робинсон на Тиберри-лейн, но Пит думает, что сестренка напросилась в гости. Если так, значит, она все-таки не теряет надежды перевестись в Чэпл-Ридж. Пит думает, что еще сможет ей в этом помочь, но при одном условии: если день пройдет

так, как он и задумал. А это большой вопрос. Однако он должен *что-то* сделать. Если не сделает, сойдет с ума.

Он похудел с того дня, как по глупости свел знакомство с Эндрю Холлидеем, угри, которые одолевали его в более раннем возрасте, расцвели вновь, и, разумеется, под глазами появились темные мешки. Спал он плохо, а когда все-таки засыпал, его мучили кошмары. Просыпаясь — часто свернувшись калачиком, в мокрой от пота пижаме, — Пит лежал без сна, пытаясь найти выход из ловушки, в которую сам себя загнал.

Он действительно забыл про выездной семинар, и когда миссис Гибсон, наставница, напомнила ему об этом вчера, от встряски его разум заработал на предельных оборотах. Разговор с миссис Гибсон состоялся после французского, который шел пятым уроком, и еще прежде, чем Пит вошел в класс математики, расположенный через две двери от кабинета французского, в голове уже созрел план, пусть и в общих чертах. Его реализация зависела от старой красной тележки и — в еще большей степени — от определенного набора ключей.

Как только школа скрывается из виду, Пит звонит в магазин «Редкие издания Эндрю Холлидея» по номеру, который он с превеликой радостью стер бы из списка быстрого набора. Попадает на автоответчик, что спасает его от очередного раунда гавок-тявок. Оставляет длинное сообщение, и машина обрывает его в самом конце, но это нормально.

Если он сумеет вывезти эти записные книжки из дома, полиция ничего не найдет, с ордером на обыск или без ордера. И он уверен, что родители будут молчать насчет денег, которые приходили неизвестно от кого, понимая, что это в их интересах. Когда Пит сует мобильник в карман брюк, из памяти выскакивает латинская фраза, заученная еще в девятом классе. Она пугает на любом языке, но идеально подходит к его нынешнему положению.

Alea iacta est.

Жребий брошен.

16

Прежде чем войти в дом, Пит заглядывает в гараж, чтобы убедиться, что старая тележка «Кеттлер» Тины все еще там. Многие вещи ушли на дворовой распродаже, когда они уезжали из прежнего дома, но Тинс закатила такой скандал из-за «кеттлера» со старомодными деревянными бортами, что мать сдалась. Поначалу Пит не видит тележки, и в его сердце закрадывается тревога. Потом замечает в углу, облегченно выдыхает. Он помнит, как Тина возила тележку взад-вперед по лужайке, усадив в нее все мягкие игрушки (самое почетное место занимала, естественно, Миссис Бисли), говоря им, что они собираются на ник-ник в лесу, и там будут сэндвичи с печеной ветчиной и имбилное печенье для детей, которые хорошо себя ведут. Но это было в лучшие дни, до того, как псих на украденном «мерседесе» изменил все.

Время ник-ников закончилось.

Пит входит в дом и сразу направляется к крохотному отцовскому кабинету. Сердце яростно колотится, потому что момент критический. Сложностей хватит, даже если он найдет нужные ему ключи, но если не найдет, все закончится, даже не начавшись. Плана Б у него нет.

Хотя бизнес Тома Зауберса по большей части заключается в поиске коммерческой недвижимости — выявлении объектов, которые уже продаются или будут выставлены на продажу в ближайшее время, и передаче этой информации маленьким компаниям и независимым риелторам, — он потихонечку начал возвращаться непосредственно к продажам, в небольшом количестве и только в Норд-Сайде. В 2012-м это не приносило особой прибыли, однако за последние два года он осуществил несколько приличных сделок и теперь являлся единственным риелтором десятка объектов в их районе. В число этих объектов — ирония ситуации не ускользнула ни от кого из Зауберсов — входил дом номер 49 по Элм-стрит, при-

надлежавший Деборе Хартсфилд и ее сыну Брейди, известному как Мерседес-убийца.

— Пройдет немало времени, прежде чем я его продам, — как-то за обедом сказал папа, а потом рассмеялся.

Слева от стола на стене висит пробковая доска с гвоздиками. На них — ключи от всех объектов недвижимости, которые на текущий момент продает агентство отца, каждый на своем колечке. Пит озабоченно оглядывает доску, видит то, что нужно — просто *необходимо*, — и вскидывает в воздух кулак. На прикрепленной к кольцу бирке надпись: «БЕРЧ-СТРИТ, ЦЕНТР ДОСУГА».

«Едва ли мне удастся продать этого кирпичного мастодонта, — признал Том Зауберс во время другого семейного обеда, — но если удастся, мы сможем попрощаться с этим местом и вернуться в край гидромассажных ванн и “БМВ”». Так он называет Уэст-Сайд.

Пит засовывает ключи от Центра досуга в карман, к своему мобильнику, взбегает наверх, берет чемоданы, которыми воспользовался, когда перетаскивал записные книжки домой. На этот раз они нужны ему на очень короткое время. По раздвижной лестнице Пит поднимается на чердак и укладывает записные книжки в чемоданы, бережно и осторожно, несмотря на спешку. По одному переносит чемоданы на второй этаж, выкладывает записные книжки на свою кровать, возвращает чемоданы в стенной шкаф родительской спальни, бежит *вниз*, в подвал. От всех этих физических упражнений он обильно потеет, запах от него, вероятно, как от обезьяны в зоопарке, но принимать душ сейчас некогда. Однако переодеть рубашку надо. У него есть тенниска «Ки-клуб», идеально подходящая для следующего этапа намеченного плана. Члены «Ки-клуб» вечно заняты самой разнообразной фигурной на благо местных жителей.

В подвале его мать держит многочисленные пустые картонные коробки. Пит хватается две из тех, что побольше,

и спешит наверх, но сначала забегает в кабинет отца, чтобы взять маркер.

«Не забудь вернуть его на место, когда будешь вешать ключи, — напоминает он себе. — Не забудь *все* вернуть на место».

Он укладывает записные книжки в картонные коробки — кроме тех шести, что по-прежнему надеется продать Энди Холлидею, — и закрывает клапаны. Маркером большими буквами пишет на каждой коробке: «КУХОННАЯ УТВАРЬ». Смотрит на часы. Времени вроде бы достаточно... если только Холлидей, прослушав его послание, сразу не позвонит в полицию. На самом деле Пит в это не верит, но, с другой стороны, совсем вычеркивать этот вариант нельзя. Слишком много неизвестных факторов. Прежде чем уйти из своей комнаты, он прячет шесть записных книжек в нишу за плинтусом в своем стенном шкафу. Места едва хватает, но если все пройдет хорошо, долго лежать там записным книжкам не придется.

Коробки Пит относит в гараж и ставит в старую тележку Тины. Выкатывает тележку на подъездную дорожку, но вспоминает, что не надел тенниску «Ки-клуб», и вновь спешит наверх. Надевая тенниску, вдруг осознает, что оставил записные книжки на подъездной дорожке. Они стоят огромных денег и лежат у всех на виду, там, где любой может их забрать.

Идиот! — клянет он себя. Идиот, идиот, гребанный идиот!

Пит бежит вниз, на спине тенниска уже намокла от пота. Тележка на месте, ну конечно, кто мог польститься на коробки с кухонной утварью? На этот раз никто. Но он поступил глупо, есть люди, которые крадут все, что плохо лежит, и у него тут же возникает важный вопрос: не много ли он творит глупостей?

Не следовало в это влезать, думает Пит. Лучше было сразу позвонить в полицию и сдать деньги и записные книжки, как только они были найдены.

Но у него есть неприятная привычка быть честным с самим собой (во всяком случае, по большей части), поэтому он знает: если бы ситуация повторилась, он бы пошел по тому же пути, потому что родители были на грани развода, а он слишком их любил, чтобы не попытаться этому помешать.

«И ведь сработало, — думает он. — Сдурил я в другом: не остановился вовремя».

Но.

Теперь уже поздно.

17

Сначала ему в голову пришла мысль спрятать записные книжки в зарытом сундуке, но Пит отмел ее практически сразу. Если полиция придет с ордером на обыск, как угрожал Холлидей, куда они отправятся, не обнаружив записных книжек в доме? Из окон кухни копы увидят пустошь, которая начинается за двором, и сразу смекнут, что это идеальное место. А спустившись по тропе, сразу заметят пятно вскопанной земли, и на том игра закончится. Нет, его вариант лучше.

Пусть и опаснее.

Он тянет старую тележку Тины по подъездной дорожке, потом сворачивает налево, к Элм-стрит. Джон Тай, который живет на углу Сикомор и Элм, косит лужайку. Его сын Билл бросает фрисби домашнему псу. Она пролетает над головой собаки и приземляется на тележку, аккуратно между коробками.

— Бросай сюда! — кричит Билли Тай и бежит по лужайке. Его каштановые волосы развеваются. — Бросай *как следует!*

Пит бросает, но машет рукой, когда Билли пытается кинуть фрисби обратно. Кто-то сигналил ему, когда он поворачивает на Берч-стрит, и Пит едва не выпрыгивает

из штанов, но это Андреа Келлогг, которая раз в месяц стрижет и укладывает волосы Линде Зауберс. Пит вскидывает кулаки с оттопыренными большими пальцами и пытается широко улыбнуться. Она хотя бы не захочет побросать фрисби, думает он.

А вот и Центр досуга, трехэтажное кирпичное здание, на котором висит щит с надписями: «ПРОДАЕТСЯ» и «ЗВОНИТЕ В РИЕЛТОРСКОЕ АГЕНТСТВО ТОМАСА ЗАУБЕРСА». Под второй указан номер отцовского мобильного. Окна первого этажа забиты фанерой, чтобы мальчишки не выбили камнями стекла, но в остальном здание выглядит вполне пристойно. Пара надписей на кирпичной стене, однако Центр досуга с удовольствием разрисовывали и когда он работал. Лужайка перед зданием выкошена. «Папа постарался, — с гордостью думает Пит. — Наверное, нанял какого-то мальчишку. Попросил бы меня, я бы все сделал бесплатно».

Он ставит тележку у ступеней, по одной переносит коробки к двери и достает из кармана ключи, когда к Центру досуга подкатывает потрепанный жизнью «датсун». За рулем — мистер Эванс, который тренировал команду Малой лиги, когда таковая существовала в этой части города. Называлась она «Зебры “Зоуни”». Пит тоже играл у него.

— Привет, центровой! — кричит мистер Эванс и наклоняется, чтобы опустить пассажирское стекло.

Дерьмо, думает Пит. Дерьмо-дерьмо-дерьмо.

— Привет, тренер Эванс.

— Что делаешь? Центр досуга открывают вновь?

— Это вряд ли. — Пит приготовил объяснение на этот случай, но надеялся, что воспользоваться им не придется. — Какое-то политическое мероприятие на следующей неделе. Лига женщин-избирателей? Может, дебаты? Точно сказать не могу.

Его слова звучат достаточно убедительно: в этом году выборы, до праймериз — пара недель, и на повестке дня прежде всего муниципальные проблемы.

— Есть о чем поспорить, это точно, — кивает мистер Эванс, толстый, дружелюбный, не стратег, но вдохновитель командного духа, который после игр и тренировок с радостью угощал всех газировкой. На голове у него бейсболка «Зебр», вылинявшая и пропотевшая. — Помочь?

Господи, нет, *пожалуйста*, нет.

— Не, сам справлюсь.

— Слушай, я с удовольствием. — Прежний тренер Пита выключает двигатель «датсуна» и начинает двигаться, готовясь вылезти из автомобиля.

— Правда, тренер, я справлюсь. Если вы мне поможете, я закончу все очень быстро, и мне придется возвращаться в школу.

Мистер Эванс смеется и усаживается за руль.

— Понял тебя. — Он включает двигатель, и «датсун» выплевывает облако сизого дыма. — Только не забудь запереть двери, когда закончишь.

— Само собой, — отвечает Пит. Ключи от Центра досуга выскальзывают из потной руки, и он нагибается, чтобы их поднять. Когда выпрямляется, мистер Эванс уже отъезжает.

«Спасибо Тебе, Господи. И пожалуйста, не допусти его звонка моему отцу, чтобы поздравить с сыном, активно участвующим в политической жизни».

Первый ключ, которым Пит пытается открыть дверь, не входит в замочную скважину. Второй входит, но не поворачивается. Пит прикладывает силу, пот течет по лицу, попадает в левый глаз, который начинает щипать, но ничего не получается. Он уже думает, что придется все-таки откопать сундук, когда старый замок наконец сдастся. Пит открывает дверь, заносит коробки, возвращается за тележкой. Не хочет, чтобы у кого-то возник вопрос: а чего это она стоит у ступеней?

Большие комнаты Центра досуга пусты, а потому кажутся еще больше. Внутри жарко, кондиционер не рабо-

тает, воздух спертый, пахнет пылью. Царит сумрак, потому что окна забиты фанерой. Шаги Пита гулко разносятся по залу, где дети играли в настольные игры и смотрели телевизор, потом по кухне. Дверь в подвал тоже заперта, но ее открывает ключ, который Пит пустил в ход первым, пытаясь попасть в Центр досуга, и электричество, слава Богу, не отключено. Это хорошо, потому что мысли прихватить с собой фонарь у него не возникло.

Пит спускается по лестнице с первой коробкой и — о радость — видит, что подвал завален хламом. Десятки складных столов у одной стены, сотни складных стульев — у другой, старые игровые видеоприставки, динамики и, что ему особенно нравится, десятки картонных коробок, очень похожих на те, что он привез. Пит заглядывает в некоторые: спортивные кубки, рамки с фотографиями команд-победительниц восьмидесятых и девяностых годов, потрепанная амуниция кетчера, россыпь «Лего». Великий Боже, на нескольких коробках даже написано: «КУХНЯ»! Свои коробки Пит ставит рядом с этими. Здесь им самое место.

«Лучше быть не может, — думает он. — И если мне удастся выйти отсюда, ни на кого не наткнувшись, и обойтись без вопросов, что я тут делал, думаю, с задачей я справился».

Поднявшись на первый этаж, он запирает подвал, идет к парадной двери, прислушиваясь к эху шагов и вспоминая, как приводил сюда Тину, чтобы она не слушала родительские гавки-тявки. Чтобы они оба не слушали.

Приоткрыв дверь, смотрит на Берч-стрит, никого не видит и сталкивает тележку Тины вниз по ступеням. Поднимается по ним, запирает парадную дверь и шагает домой, не забыв снова помахать рукой мистеру Таю. На душе у него полегче, он даже пару раз перебрасывается фрисби с Билли Таем. Собака перехватывает один из бросков, и мальчишки смеются. Теперь, когда записные книжки спрятаны в подвале Центра досуга, среди местных коро-

бок, Пит может смеяться. Ему кажется, будто с его плеч свалилось фунтов пятьдесят.

Может, и все сто.

18

Когда Ходжес входит в приемную маленького офиса на седьмом этаже Тернер-билдинг в нижней части Мальборо-стрит, Холли, с торчащей изо рта ручкой «Бик», кружит по комнате. Увидев его, останавливается.

— Наконец-то!

— Холли! Мы разговаривали пятнадцать минут назад. — Он мягко вынимает ручку из ее рта, видит следы зубов на колпачке.

— Я думала, прошло больше времени. Они здесь. Я уверена, подруга Барбары плакала. Сидела с красными глазами, когда я принесла им колу. Иди, Билл. Иди, иди, иди.

Он старается не прикасаться к Холли, когда она в таком состоянии. Иначе она может буквально выпрыгнуть из кожи. Однако ей теперь намного лучше, чем при их первой встрече. И терпеливая опека Тани Робинсон, матери Джерома и Барбары, приносит плоды: Холли даже стала одеваться более или менее со вкусом.

— Пойду, — кивает он, — но не буду возражать, если ты введешь меня в курс дела. Представляешь себе, о чем речь? — Вариантов много, потому что хорошие дети — не *всегда* хорошие дети. Это может быть мелкая кража. Или драка в школе, или дядя с похотливыми ручонками. По крайней мере Ходжес не сомневается (практически не сомневается, зная, что возможно все), что подруга Барбары никого не убила.

— О брате Тины, так зовут подругу Барбары, я тебе говорила? — Холли пропускает его кивок: она с вождением смотрит на ручку. Начинает покусывать нижнюю губу. — Тина думает, что ее брат украл деньги.

- Сколько лет брату?
- Старшеклассник. Это все, что я знаю. Могу я получить свою ручку назад?
- Нет. Выйди на улицу и выкури сигарету.
- Я больше этим не занимаюсь. — Ее взгляд смещается вверх и влево: в свою бытность копом Ходжес часто такое видел. Если подумать, даже Оливер Мэдден проделал это пару раз, когда врал, а Мэдден — профи. — Я завя...
- Только одну. Это тебя успокоит. Ты дала им что-нибудь поесть?
- Я не подумала об этом. Сожа...
- Ничего, все нормально. Перейди улицу и купи какую-нибудь еду. «Нутрабары» или что-то такое.
- «Нутрабары» — это *собачье лакомство*, Билл.
- Тогда энергетические батончики, — терпеливо отвечает он. — Здоровую пищу. Без шоколада.
- Хорошо.

Она разворачивается на низких каблуках, взметнув юбкой. Глубоко вдохнув, Ходжес входит в кабинет.

19

Девочки сидят на диване. Барбара — черная, Тина — белая. Его первая мысль — соль и перец. Только в солонке и перечнице из разных наборов. Да, прически у них одинаковые: конский хвост. Да, кроссовки одинаковые, какие сейчас в моде у девочек-подростков. И да, каждая держит в руках журнал с кофейного столика. Правда, «Поиски», журнал профессиональных детективов, — едва ли обычное чтение для юных девушек, но ничего страшного в этом нет, потому что совершенно очевидно: ни одна из них журнал не читает.

Барбара — в школьной форме и выглядит собранной. Вторая девочка — в черных брюках и синей футболке с бабочкой на груди. Лицо у девочки бледное, а покрасневшие

глаза смотрят на Ходжеса с надеждой и ужасом, от которых щемит сердце.

Барбара вскакивает и обнимает Ходжеса; раньше это-му помешал бы его живот.

— Привет, Билл, как я рада вас видеть! — Ее голос звучит по-взрослому, и какая она высокая! Неужели ей уже четырнадцать? Как такое возможно?

— И я рад видеть тебя, Барбс. Как Джером? Летом приедет домой? — Джером сейчас в Гарварде, а его альтер эго — малограмотный Тайрон*, похоже, отбыл в неизвестном направлении. Когда Джером учился в старших классах и помогал Ходжесу по хозяйству, последний частенько навещался в гости. Ходжес из-за этого не грустит — Тайрон так и остался подростком, — но без Джерома точно скучает.

Барбара морщит нос.

— Приезжал на неделю, теперь снова уехал. Везет свою подругу, она откуда-то из Пенсильвании, на *первый бал*. Вам не кажется, что это расизм? Мне — да.

Ходжес не собирается развивать эту тему.

— Пожалуйста, представь меня своей подруге.

— Это Тина. Она раньше жила на Гановер-стрит, в квартале от нас. В следующем году хочет учиться в Чэпл-Ридж вместе со мной. Тина, это Билл Ходжес, он тебе поможет.

Ходжес немного наклоняется и протягивает руку белой девочке, которая сидит на диване. Тина поначалу сжимается в комок, но потом застенчиво пожимает его ладонь. А отпустив, начинает плакать.

— Не следовало мне приходиться. Пит *разозлится* на меня.

Ох, черт, думает Ходжес. Берет из коробки на столе несколько бумажных салфеток, но Тине отдать не успевает: Барбара перехватывает их и вытирает подруге глаза. Потом садится рядом с ней на диван и обнимает ее.

* Тайрон — собирательное имя для чернокожих мужчин.

— Тина, — строго говорит Барбара, — ты пришла ко мне и попросила о помощи. Это и есть помощь. — Ходжес изумлен тем, как она сейчас похожа на мать. — Ты просто должна повторить ему все, что рассказала мне.

Барбара поворачивается к Ходжесу:

— И пожалуйста, Билл, ничего не говорите моим родителям. И Холли пусть не говорит. Если вы расскажете моему отцу, он все передаст отцу Тины. Тогда ее брата действительно ждут неприятности.

— Пока не будем об этом. — Ходжес не без труда выдвигает из-за стола вращающееся кресло: просвет между стеной и столом небольшой, но он справляется. Не хочет, чтобы стол разделял его и испуганную подругу Барбары. Не хочет выглядеть директором школы. Садится, сжимает руки коленями, улыбается Тине.

— Давай начнем с твоего полного имени.

— Тина Аннетта Зауберс.

Зауберс. В голове звякает колокольчик. Эта фамилия ему знакома. Какое-нибудь давнее дело? Возможно.

— Что тебя тревожит, Тина?

— Мой брат украл деньги, — шепотом отвечает она. Ее глаза вновь наполняются слезами. — Думаю, много денег. И он не может вернуть их, поскольку они потрачены. Я рассказала Барбаре, потому что ее брат помог остановить того безумца, который изувечил моего папу и пытался взорвать ЦКИ во время концерта. Я подумала, вдруг Джером поможет мне, ведь он получил медаль за храбрость и все такое. Его показывали по телевизору.

— Да. — Ходжес кивает. Холли тоже могли показать по телевизору — она действовала не менее храбро, и ее хотели видеть, — но на том этапе жизненного пути Холли Гибни скорее хлебнула бы жидкости для очистки сточных труб, чем появилась бы перед камерами и отвечала на вопросы.

— Только Барбара сказала, что Джером в Пенсильвании и мне надо поговорить с вами, потому что вы раньше ра-

ботали в полиции. — Тина смотрит на него огромными влажными глазами.

Зауберс, размышляет Ходжес. Да, конечно. Имени он не помнит, но фамилию забыть сложно, и он знает, почему звякнул колокольчик. Зауберс серьезно пострадал, когда Хартсфилд направил «мерседес» в толпу безработных, пришедших на ярмарку вакансий.

— Поначалу я собиралась поговорить с вами сама, — добавляет Барбара. — Так мы с Тиной решили. Чтобы, ну, прощупать почву и понять, готовы ли вы помочь. Но сегодня Тинс приехала ко мне в школу такая расстроенная...

— Потому что у него все стало хуже! — восклицает Тина. — Я не знаю, что происходит, но с тех пор как он отрастил эти глупые усы, ему хуже! Он говорит во сне — я слышу, — и он худеет, и у него вновь появились угри, и наша учительница по охране здоровья говорит, что причина этого — стресс, и... и... я думаю, иногда он плачет. — На ее лице изумление, словно она и представить себе не может плачущего старшего брата. — А вдруг он покончит с собой? Вот чего я действительно боюсь, потому что подростковые самоубийства — *большая проблема!*

Это тоже с охраны здоровья, размышляет Ходжес. И чистая правда.

— Она ничего не выдумывает, — вставляет Барбара. — Это удивительная история.

— Тогда давайте ее выслушаем, — предлагает Ходжес. — С самого начала.

Тина набирает полную грудь воздуха и начинает.

20

Ходжес сомневался — если бы его спросили, он бы так и ответил, — что печальный рассказ тринадцатилетней девочки может удивить его, не говоря уже о том, чтобы поразить, но он поражен, это точно. И он верит каждому слову: это слишком безумная история, чтобы ее выдумать.

К концу своего рассказа Тина заметно успокоилась. Ходжес с подобным уже сталкивался. Хороша исповедь для души или нет, но нервы она точно успокаивает.

Он открывает дверь в приемную и видит, что Холли сидит за столом, раскладывает на компьютере пасьянс. Рядом с ней пакет, в котором достаточно энергетических батончиков, чтобы прокормить всех четверых во время осады зомби.

— Заходи, Холс, — говорит он. — Ты мне нужна. И это прихвати.

Холли нерешительно входит, смотрит на Тину Зауберс и определенно успокаивается. Девочки берут по энергетическому батончику, и это еще больше успокаивает Холли. Берет батончик и Ходжес. Салат, который он съел на ленч, давно переварен, да и вегетарианский бургер был не слишком сытным. Иногда он грезит, как идет в «Мак» и заказывает все меню.

— Вкусно, — говорит с полным ртом Барбара. — У меня малиновый. А у тебя, Тинс?

— Лимонный, — отвечает та. — Тоже *вкусный*. Спасибо, мистер Ходжес. Спасибо, мисс Холли.

— Барб, — спрашивает Холли, — а где ты сейчас, по мнению твоей мамы?

— В кино, — отвечает Барбара. — Снова смотрим «Холодное сердце», караоке-версию. Ее показывают каждый день в «Синема-сеवन». Давным-давно. — Повернувшись к Тине, она закатывает глаза, та отвечает тем же. — Мама сказала, что домой мы можем приехать на автобусе, но не позже шести вечера. Тина ночует у нас.

Времени не много, думает Ходжес.

— Тина, я хочу, чтобы ты рассказала все снова, чтобы Холли могла послушать. Она — моя помощница, очень умная. И умеет хранить секреты.

Тина рассказывает, более подробно, потому что заметно успокоилась. Холли внимательно слушает, ее нервные

тики практически исчезают, как бывает всегда, если она чем-то полностью поглощена. Остаются только непрерывные движения пальцев. Она барабанит ими по бедрам, словно по невидимой клавиатуре.

— Деньги начали приходить в феврале две тысячи десятого? — спрашивает Холли, когда Тина замолкает.

— В феврале или в марте, — отвечает та. — Я помню, потому что родители тогда постоянно ссорились. Понимаете, отец потерял работу... и у него болели ноги... и мама кричала на него из-за курения, потому что сигареты стоили дорого...

— Ненавижу крики, — буднично заявляет Холли. — От них у меня скручивает желудок.

Тина бросает на нее благодарный взгляд.

— Разговор о дублонах, — вмешивается Ходжес. — Он состоялся до или после того, как начали приходить деньги?

— До. Но *незадолго*, — без запинки отвечает Тина.

— И пятьсот долларов приходили каждый месяц, — уточняет Холли.

— Иногда чуть чаще, скажем, раз в три недели, иногда реже. Когда проходило больше месяца, родители думали, что это конец. Однажды денег не было шесть недель, и я помню, как папа говорил маме: «Что ж, хорошо, что они вообще были».

— Когда это произошло? — Холли наклоняется вперед, ее глаза сверкают, пальцы больше не барабанят. Ходжесу она такой нравится.

— Ммм... — Тина хмурится. — Примерно в мой день рождения. Когда мне исполнилось двенадцать. Мы его праздновали без Пита. Как раз начались весенние каникулы, и друг Пита Рори пригласил его поехать на неделю в парк развлечений Диснейуорлд. Это был плохой день рождения. Я так завидовала, что он поехал, а я... — Она замолкает, смотрит на Барбару, на Ходжеса, наконец на Холли, в которой, похоже, видит маму-утку. — Вот поче-

му деньги в тот раз пришли поздно! Да? *Потому что он был во Флориде!*

Холли бросает взгляд на Ходжеса — в уголках губ теплится подобие улыбки, — потом снова поворачивается к Тине.

— Вероятно. Всегда двадцатки и полусотенные?

— Да. Я часто видела эти деньги.

— И когда все прекратилось?

— В прошлом сентябре. Когда начались занятия в школе. В последнем конверте лежала записка. Что-то вроде: «Это последние. Сожалею, больше нет».

— И сколько прошло времени, прежде чем ты сказала брату, что, по твоему мнению, деньги посылал он?

— Не очень много. Он так и не признался, но я знаю, что это он. Может, это я во всем виновата, потому что продолжала твердить о Чэпл-Ридж... и он сказал, что хотел бы, чтобы деньги не закончились и я могла перейти... может, он сделал что-то глупое и теперь сожалеет, но уже п-п-поздно!

Тина снова плачет, Барбара обнимает ее и пытается успокоить, Холли принимается барабанить пальцами по бедрам, но других признаков нервозности не выказывает: она ушла в свои мысли. Ходжес буквально видит, как вращаются шестеренки у нее в голове. У него тоже есть вопросы, но пока он с готовностью уступает инициативу Холли.

Когда всхлипывания Тины затихают, Холли продолжает:

— По твоим словам, ты как-то вечером зашла в его комнату, а он держал в руках записную книжку. Которую с виноватым видом убрал под подушку.

— Да.

— А деньги вскоре закончились?

— Думаю, да.

— Это была одна из его школьных тетрадей?

— Нет. В черном переплете, по виду дорогая. И с эластичной лентой снаружи.

— У Джерома такие записные книжки, — вставляет Барбара. — «Молескины». Можно мне еще один энергетический батончик?

— Конечно, — отвечает Ходжес. Берет со стола блокнот и пишет: «Молескин». Поворачивается к Тине: — Могла это быть бухгалтерская книга?

Тина хмурится, снимая обертку со своего энергетического батончика.

— Не понимаю.

— Мог ли он вести учет, сколько заплатил и сколько осталось?

— Возможно, но записная книжка больше походила на дневник.

Холли смотрит на Ходжеса, тот едва заметно кивает: *Продолжай.*

— Очень хорошо, Тина. Ты потрясающий свидетель. Ты согласен, Билл?

Ходжес вновь кивает.

— Ладно. Так когда он начал отращивать усы?

— В прошлом месяце. А может, в конце апреля. Мама и папа говорили, что это глупо. Папа сказал, что он выглядит как аптечный ковбой*, что бы это ни значило, но он их так и не сбрил. Я думала, это просто пунктик. — Она поворачивается к Барбаре: — Знаешь, как в детстве, когда мы были маленькими, и ты пыталась подрезать волосы, чтобы выглядеть как Ханна Монтана.

Барбара морщится.

— Давай не будем вспоминать. — Она смотрит на Ходжеса. — Мама чуть *с ума не сошла*.

— И с тех пор он ходит расстроенный, — говорит Холли. — С тех пор как отрастил усы.

— Сначала было получше, хотя я видела, что он нервничает. Таким испуганным он стал в последние две не-

* Так называли актеров, обычно одетых как ковбои, которые коротали время в аптечных кафе в Голливуде после неудачных попыток получить роль.

дели. И тогда я тоже испугалась. *Действительно испугалась!*

Ходжес взглядом спрашивает у Холли, есть ли еще вопросы. Та смотрит на него: *Твоя очередь.*

— Тина, я готов этим заняться, но первым делом нужно поговорить с твоим братом. Ты это понимаешь?

— Да, — шепчет она. Аккуратно кладет второй батончик, от которого откусила только раз, на подлокотник дивана. — Господи, как же он на меня разозлится.

— Возможно, тебя ждет сюрприз, — замечает Холли. — Возможно, у него гора упадет с плеч, потому что кто-то наконец вмешался.

И Холли знает, о чем говорит, думает Ходжес.

— Вы в этом уверены? — тихо спрашивает Тина.

— Да. — Холли быстро кивает.

— Хорошо, но в эти выходные ничего не получится. Он едет в пансионат «Ривер бенд». Вместе с другими членами ученической администрации. На следующий год его выбрали вице-президентом. Если в следующем году он еще будет учиться. — Тина расстроено подносит руку ко лбу, так по-взрослому, что Ходжеса переполняет жалость. — Если в следующем году он не попадет в *тюрьму*.
За ограбление.

На лице Холли — та же жалость, которую ощущает Ходжес, но она не из тех, кто может прижать к себе и утешить, а Барбара слишком напугана словами Тины, чтобы проявлять заботу. Ходжес наклоняется и берет маленькие руки Тины в свои.

— Не думаю, что до этого дойдет. Но ему, похоже, требуется помощь. Когда он возвращается в город?

— В во-воскресенье вечером.

— Допустим, я встречу с ним в понедельник после школы. Получится?

— Наверное. — Вид у Тины совершенно измученный. — Обычно он едет домой на автобусе, но вы сможете перехватить его у школы.

— *С тобой* все будет в порядке в эти выходные, Тина?

— Я об этом позабочусь, — отвечает Барбара и целует подругу в щеку. Тина устало улыбается.

— Что сейчас будете делать? — спрашивает Ходжес. — В кино вы опоздали.

— Поедем ко мне домой, — отвечает Барбара. — Скажем моей маме, что решили не ходить. Это ведь не совсем ложь, да?

— Да, — соглашается Ходжес. — Денег на такси хватит?

— Если нет, я вас отвезу, — предлагает Холли.

— Мы поедем на автобусе, — отвечает Барбара. — У нас проездные. На такси мы приехали только потому, что торопились. Правда, Тина?

— Да. — Она смотрит на Ходжеса, потом на Холли. — Я так волнуюсь из-за него, но вы ничего не должны говорить нашим родителям, во всяком случае, пока. Обещаете?

Ходжес обещает за них обоих. Не видит в этом вреда, ведь паренек уедет из города с другими школьниками. Он спрашивает Холли, не сможет ли она проводить девочек и убедиться, что они сели на автобус до Уэст-Сайда.

Холли соглашается. И заставляет их взять с собой оставшиеся энергетические батончики. Не меньше дюжины.

21

Вернувшись, Холли сразу берет в руки айпад.

— Миссия выполнена. Они отправились на Тиберри-лейн на автобусе номер четыре.

— И как там Зауберс?

— Гораздо лучше. Пока мы ждали, они с Барбарой репетировали какой-то танцевальный шаг, который увидели по телевизору. Хотели, чтобы я к ним присоединилась.

— А ты?

— Нет. Домашние девочки не танцуют.

Она говорит это без улыбки, но, возможно, это шутка. Ходжес знает, что иногда она шутит, однако трудно определить, когда именно. Холли Гибни — по-прежнему большая загадка для Ходжеса, но он думает, что последняя фраза вполне может быть шуткой.

— Как думаешь, мать Барбары вытянет из них всю историю? Она весьма наблюдательна, а выходные — долгий срок для большого секрета.

— Возможно, но я так не думаю, — отвечает Холли. — Тина заметно расслабилась после того, как выговорилась. Ходжес улыбается.

— Раз танцевала на автобусной остановке, то да. Так что скажешь, Холли?

— Насчет чего?

— Давай начнем с денег.

Она что-то набирает на айпаде, рассеянно отбрасывая волосы с глаз.

— Они начали приходить в феврале две тысячи десятого года и закончились в сентябре прошлого. Сорок четыре месяца. Если брат...

— Пит.

— Если Пит посылал родителям по пятьсот долларов в месяц, всего получается двадцать две тысячи. Плюс-минус. Не состояние, но...

— Огромная сумма для подростка, — заканчивает за нее Ходжес. — Если учесть, что деньги он начал посылать в нынешнем возрасте Тины.

Они смотрят друг на друга. Иногда она встречается с ним взглядом, как сейчас, и это в некотором смысле самая разительная перемена, произошедшая со смертельно напуганной женщиной, какой она была при первой их встрече. После короткой паузы оба начинают говорить одновременно:

— Так...

— Как...

— Ты первая, — смеется Ходжес.

Не глядя на него (смотреть в глаза она может очень недолго, даже если поглощена какой-то проблемой), Холли начинает:

— Этот разговор с Тиной насчет клада — золото, и драгоценные камни, и дублоны. Я не думаю, что он украл деньги. Я думаю, он их *нашел*.

— Очень может быть. Тринадцатилетние дети крайне редко грабят банки, какой бы отчаянной ни была ситуация. Но где мальчишка может найти такие деньги?

— Не знаю. Могу провести поиск по кражам наличных. Это точно случилось до две тысячи десятого года, раз он нашел деньги в феврале. Двадцать две тысячи долларов — достаточно большая сумма, чтобы о ней написали в газетах, но что искать? Какие задать параметры? Насколько углубиться в прошлое? Пять лет? Десять? Думаю, даже за пять лет информации будет очень много, потому что придется охватить территорию трех штатов. Ты согласен?

— Ты получишь лишь часть улова, даже если прошерстишь весь Средний Запад, — отвечает Ходжес, думая об Оливере Мэддене, который, вероятно, обвел вокруг пальца сотни людей и десятки организаций. Он показал себя экспертом в создании фальшивых банковских счетов, но Ходжес готов спорить, что старина Олли не доверял банкам собственные деньги. Нет, он наверняка хранил их в кубышке.

— Почему только часть?

— У тебя на уме банки, пункты обналичивания чеков, компании, предоставляющие быстрый кредит. Может, собачьи бега и тотализаторы. Но это могут быть другие деньги. Грабитель или грабители накрыли подпольный покерный клуб или тряхнули торговца амфетамином на Эджмонт-авеню. Ограбили дом в Атланте, или Сан-Диего, или где-то посередине. Об этой краже могли даже не сообщить в полицию.

— Особенно если налоговая не имеет о них ни малейшего понятия, — кивает Холли. — Точно-точно-точно. Тогда с чем мы остаемся?

— Необходимо поговорить с Питером Зауберсом, и, честно говоря, мне просто не терпится. Я думал, что видел и знаю все, но с таким сталкиваюсь впервые.

— Ты можешь поговорить с ним сегодня. Он уезжает в пансионат только завтра утром. Я взяла у Тины номер телефона. Могу позвонить ей и узнать номер ее брата.

— Нет, пусть уедет на выходные. Успокоится, подумает. И Тина тоже. До второй половины понедельника не так уж далеко.

— А как насчет черной записной книжки, которую она видела? «Молескина»?

— Вероятно, она не имеет никакого отношения к деньгам. Может, его личный дневник «Пятьдесят оттенков развлечений», фантазии о девушке, которая сидит позади него в классе, где выполняют домашние задания.

Холли *фыркает*, показывая, что она об этом думает, и начинает кружить по кабинету.

— Знаешь, что не дает мне покоя? Лаг.

— Лаг?

— Деньги перестали приходить в прошлом сентябре, последние сопровождала записка с извинениями: больше не будет. Но как мы знаем, Питер начал вести себя странно только в апреле или мае этого года. Семь месяцев все идет нормально, а потом он вдруг отращивает усы и начинает проявлять беспокойство. Что случилось? Есть идеи?

Одна у Ходжеса возникает.

— Он решил, что ему опять нужны деньги, может, на обучение сестры в школе Барбары. Думал, что знает способ их добыть, но что-то пошло не так.

— Да! Я тоже об этом подумала! — Она скрещивает руки на груди, обхватив пальцами локти; этот жест само-

успокоения Ходжесу знаком. — Жаль, что Тина не видела, что в той записной книжке.

— Это интуитивная догадка, или ты следуешь какой-то логической цепочке, которую я не вижу?

— Мне бы хотелось знать, почему он стремился спрятать от нее записную книжку. — Удачно избежав ответа на вопрос Ходжеса, она направляется к двери. — Я собираюсь провести поиск по ограблениям, с две тысячи первого по две тысячи девятый. Знаю, шансы невелики, но с чего-то надо начать. А что будешь делать ты?

— Поеду домой. Подумаю. Завтра займусь автомобилями, которые забирали у должников по кредитам, и поищу этого беглеца, выпущенного под залог, Диджона Фрейзера. Наверняка он у приемной матери или у бывшей жены. Посмотрю игру «Индейцев», может, схожу в кино.

Холли широко улыбается:

— Можно мне с тобой?

— Если хочешь.

— Фильм выбираю я?

— Если только пообещаешь не затащить меня на какую-нибудь идиотскую романтическую комедию с Дженнифер Энистон.

— Дженнифер Энистон — прекрасная актриса, а ее комедийный талант сильно недооценен. Ты знаешь, что в тысяча девятьсот девяносто третьем она сыграла в самом первом «Лепреконе»?

— Холли, ты — кладезь информации, но уходишь от ответа. Пообещай, что никаких романтических комедий, а не то я пойду в кино один.

— Я уверена, мы найдем фильм, который устроит нас обоих, — говорит Холли, не встречаясь с ним взглядом. — С братом Тины все будет в порядке? Ты не думаешь, что он действительно хочет покончить с собой?

— Если судить по его действиям — нет. Он изо всех сил пытался помочь семье. Люди, которым не чуждо сочув-

ствие, обычно не склонны к самоубийствам. Холли, тебе не кажется странным, что маленькая девочка догадалась, кто стоит за деньгами, в то время как родители вроде бы не имеют об этом ни малейшего понятия?

Свет в глазах Холли меркнет, и на мгновение она становится прежней Холли, которая проводила большую часть времени в своей комнате, невротической одиночкой, каких японцы называют *хикикомори*.

— Родители могут быть очень глупыми, — отвечает она и уходит.

Что ж, думает Ходжес, твои точно были глупы, так что в этом можно с тобой согласиться.

Он подходит к окну, заложив руки за спину, смотрит на нижнюю Мальборо-стрит, где набирает силу послеобеденный трафик. Задаётся вопросом, а пришла ли Холли в голову вторая убедительная причина тревоги парня: грабители, спрятавшие деньги, вернулись и обнаружили, что их нет.

А потом каким-то образом выяснили, кто их взял.

22

Мастерская «Ремонт мотоциклов и двигателей по всему штату» на самом деле не может похвастаться таким охватом. Масштаб штата для нее недостижим, как и масштаб города. Она занимает сарай из ржавых металлических листов неподалеку от стадиона Малой бейсбольной лиги, на котором проводят матчи «Сурки». Перед мастерской рядом стоят мотоциклы на продажу. Над ними на провисшем проводе лениво колышутся пластиковые вымпелы. Большинство мотоциклов, по мнению Морриса, доверия не заслуживают. Толстяк в кожаной жилетке сидит у стены сарая, промокает бумажными салфетками царапины на коже. Смотрит на Морриса и ничего не говорит. Моррис тоже молчит. Ему пришлось добираться сюда

пешком от Эджмонт-авеню, больше мили под жарким утренним солнцем, потому что автобусы ходят к стадиону, только когда играют «Сурки».

Он заходит в мастерскую и видит Чарли Роберсона, который сидит на запачканном машинным маслом автомобильном сиденье перед наполовину разобранным «харлеем». Поначалу Чарли не замечает Морриса. Держит в руках аккумулятор «харлея» и внимательно его изучает. Моррис тем временем изучает Чарли. Роберсон по-прежнему крепок и мускулист, хотя ему за семьдесят. На нем футболка с отрезанными рукавами, и Моррис видит на бицепсе поблекшую тюремную татуировку: «БЕЛАЯ СИЛА НАВСЕГДА».

Роберсон отбывал в Уэйнсвилле пожизненное за то, что забил до смерти богатую пожилую даму, которая жила на Уиленд-авеню рядом с парком Брэнсона. Вроде бы она проснулась и поймала его, когда он бродил по ее дому в поисках добычи. Он также изнасиловал даму, то ли до того, как забил до смерти, то ли после, когда она умирала на полу в коридоре второго этажа. Прокурор легко доказал вину Роберсона. До ограбления его несколько раз видели в районе, его засекла камера наблюдения над воротами дома богатой пожилой дамы за день до убийства. Кроме того, он обсуждал перспективы забраться в этот конкретный дом и ограбить эту конкретную даму с несколькими своими друзьями из мира отморозков, и всех прокуратура вызвала как свидетелей (грехов за ними водилось немало, и они были рады помочь). Да и за Роберсоном тянулся длинный шлейф ограблений и нападений. Присяжные вынесли вердикт: виновен; судья дал ему пожизненное без права на условно-досрочное освобождение. И Роберсон сменил ремонт мотоциклов на шитье джинсов и полировку мебели.

«Я много чего натворил, но этого не делал, — вновь и вновь говорил он Моррису. — Я собирался, я заполучил гребаный код от сигнализации, но меня опередили. Я даже

знаю, кто именно, потому что эти цифры я называл только одному человеку. Кстати, из тех, кто, твою мать, свидетельствовал против меня, и если я когда-нибудь выйду отсюда, этот человек умрет. Можешь мне поверить».

Моррис не собирался верить или не верить ему — первые два года пребывания в Уэйнесвилле показали, что в тюрьме полным-полно людей, утверждающих, что они чисты, как утренняя роса, — но потом Чарли попросил его написать Барри Шеку, и Моррис согласился. Письма были его настоящей работой.

Как выяснилось, грабитель-убийца-насильник оставил сперму на трусиках пожилой дамы, и эти трусики по-прежнему лежали в хранилище полицейского управления среди многих и многих улик самых различных преступлений. Проект «Невиновность» прислал адвоката, чтобы поднять дело Чарли Роберсона. И анализ ДНК, который не проводили в те годы, когда состоялся суд над Чарли, показал, что сперма не его. Адвокат нанял частного детектива, чтобы найти свидетелей обвинения. Один, умиравший от рака печени, не только отказался от прежних показаний, но и взял на себя вину за совершение преступления, возможно, в надежде, что это деяние станет пропуском, который откроет ему жемчужные врата.

— Эй, Чарли, — зовет Моррис. — Посмотри, кто пришел.

Роберсон поворачивается, шурится, поднимается.

— Моррис? Неужели Моррис Беллами?

— Он самый.

— Чтоб мне провалиться сквозь землю!

Это вряд ли, думает Моррис, но когда Роберсон ставит аккумулятор на сиденье «харлея» и идет к нему, протянув руки, отвечает на братское объятие. Мышцы под грязной футболкой Роберсона впечатляют.

Роберсон отступает назад, демонстрирует в улыбке несколько оставшихся зубов.

— Господи Иисусе! Условно-досрочное?

— Условно-досрочное.

— Старуха убрала ногу с твоего горла.

— Да.

— *Черт поberi*, это прекрасно! Пошли в офис и дернем по стаканчику! У меня есть бурбон.

Моррис качает головой:

— Спасибо, но крепкое мой организм не принимает. Опять же, этот тип может прийти в любое время и попросить помочиться. Этим утром я сказался больным и не пошел на работу. Так что рискованно.

— И кто твой районный инспектор?

— Макфарленд.

— Большой толстый ниггер, так?

— Он черный, да.

— Что ж, есть и похуже, но поначалу они будут пристально следить за тобой, это точно. Все равно пошли в офис. Я выпью за двоих. Ты слышал, что Дак умер?

Моррис слышал, новость пришла незадолго до заседания комиссии по условно-досрочному освобождению. Дак Дакуорт, его первый защитник, который остановил насилие однокамерника Морриса и его дружков. Моррис не особо опечалился. Люди приходили — люди уходили. Дерьмо ни хрена не значило.

Роберсон качает головой, доставая бутылку с верхней полки металлического шкафа, заполненного инструментами и запчастями.

— Какая-то опухоль в мозгу. Знаешь, как говорят: в расцвете гребаной жизни нас хватает гребаная смерть. — Он наливает бурбон в чашку с надписью «ЛУЧШИЙ В МИРЕ ОБНИМАЛЬЩИК» и поднимает ее. — За старину Дакки. — Выпивает, чмокает, вновь поднимает чашку. — И за тебя. Морри Беллами вновь на свободе, смеется и поет. Что они тебе подобрали? Возню с бумажками?

Моррис рассказывает ему о работе в ЦКИ, болтает, пока Роберсон вновь наливает себе бурбон. Моррис не завидует, что Чарли может пить в свое удовольствие — сам

он слишком много лет потерял из-за спиртного, — но чувствует, что выпившего Роберсона убедить будет проще.

И решив, что время пришло, говорит:

— Ты сказал, что я могу обратиться к тебе, если мне понадобится помощь.

— Правда, правда... но я никогда не думал, что ты выйдешь. С этой фанатичкой Иисуса, которая пригвоздила тебя к стене. — Роберсон смеется, наливает себе еще.

— Мне нужен автомобиль, Чарли. На короткое время. Меньше чем на двенадцать часов.

— Когда?

— Этой ночью. Ну... вечером. Я им воспользуюсь и тут же верну.

Роберсон перестает смеяться.

— Это больший риск, чем выпивка, Моррис.

— Не для тебя. Ты на свободе со снятыми обвинениями.

— Нет, не для меня. Меня в худшем случае хлопнут по руке. Но ездить на автомобиле без прав — серьезное нарушение при условно-досрочном освобождении. Ты можешь вернуться обратно в тюрьму. Пойми меня правильно, я готов помочь, просто хочу, чтобы ты понимал, каковы ставки.

— Я понимаю.

Роберсон поднимает чашку. Пьет, обдумывая ситуацию. Моррис не хотел бы быть владельцем мотоцикла, который будет собирать Чарли после завершения их разговора.

— Тебя устроит грузовик вместо легковушки? Маленький фургон. С автоматической коробкой. На борту надпись «Цветы Джонса», но ее уже и не прочтешь. Он стоит за мастерской. Я тебе покажу, если хочешь.

Моррис хочет, и одного взгляда на черный автофургон достаточно, чтобы счесть его даром небес... при условии, что он на ходу. Роберсон заверяет Морри, что так оно и есть, пусть возраст у него почтенный.

— По пятницам я закрываю мастерскую рано, около трех. Могу залить бензин и оставить ключи под правым передним колесом.

— Идеально, — отвечает Моррис. Он может пойти в ЦКИ, сказать жирному говнюку-боссу, что у негохватило живот, но теперь все прошло, поработать до четырех, как и полагается офисному планктону, потом вернуться сюда. — Слушай, «Сурки» сегодня играют?

— Да, принимают «Дейтонских драконов». Хочешь пойти на игру? Я могу составить тебе компанию.

— Может, в другой раз. Я думаю о том, что смогу вернуть фургон около десяти, поставить на прежнее место, а потом на автобусе вернуться в город.

— Все тот же Морри. — Роберсон крутит пальцем у виска. Его глаза уже заметно покраснели. — Всегда все продумывает заранее.

— Только не забудь положить ключи под колесо. — Меньше всего Моррису нужно, чтобы Роберсон нализался паршивого бурбона и забыл обо всем.

— Не волнуйся. Я у тебя в большом долгу, дружище. Должен тебе весь этот гребаный *мир*.

Сентиментальный настрой требует еще одного братского объятия, благоухающего потом, бурбоном и дешевым лосьоном после бритья. Роберсон прижимает Морриса к себе так крепко, что у того перехватывает дыхание, но в конце концов ослабляет хватку. Моррис сопровождает Чарли к мастерской, уверенный, что этим вечером — через двенадцать часов, а может, и раньше — записные книжки Ротстайна вновь вернутся к нему. При такой пьянящей перспективе кому нужен бурбон?

— Извини, что спрашиваю, но почему ты работаешь здесь, Чарли? Я думал, ты получил крупную сумму от шта-та за то, что отсидел столько лет по ложному обвинению.

— Эх, друг, они угрожали поднять старые дела. — Роберсон опускается на автомобильное сиденье перед «хар-

леем». Берет гаечный ключ и постукивает по запачканной машинным маслом штанине. — Включая то дело в Миссури, за которое меня могли упечь до конца жизни. Или я иду на компромисс, или опять в полном дерьме. Так что пришлось договариваться.

Он смотрит на Морриса налитыми кровью глазами, и тот видит, что Роберсон, несмотря на могучие бицепсы (он явно продолжает качаться, как и в тюрьме), — глубокий старик, а скоро окончательно потеряет здоровье. Если уже не потерял.

— В итоге они все равно возьмут тебя за жопу, дружище. И вставят по самое не могу. Качни лодку, и достанется еще сильнее. Поэтому приходится довольствоваться тем, чем можешь. Я так и поступил, и мне этого достаточно.

— Дерьмо ни хрена не значит, — говорит Моррис.

Роберсон гогочет.

— Ты вечно это твердил. И это гребаная правда!

— Только не забудь про ключи.

— Не забуду. — Роберсон нацеливает на Морриса почерневший от въевшейся грязи палец. — А ты не попадись. Послушай папочку.

«Я не попадусь, — думает Моррис. — Я слишком долго ждал».

— Кое-что еще.

Роберсон ждет продолжения.

— Как я понимаю, ствола у тебя нет? — Моррис видит выражение лица Роберсона и торопливо добавляет: — Не для использования, для страховки.

Роберсон качает головой:

— Никаких стволов. За это можно загреметь.

— Я никогда не скажу, что ствол твой.

Налитые кровью глаза пристально смотрят на Морриса.

— Хочешь честно? Староват ты для оружия. Еще отстрелишь себе мошонку. Фургон — пожалуйста. Я у тебя в долгу. А если тебе нужен ствол, найди где-нибудь в другом месте.

23

В пятницу, в три часа дня, Моррис едва не стер произведения современного искусства стоимостью двенадцать миллионов долларов.

Нет, конечно, не сами произведения, но он *вплотную* подошел к тому, чтобы стереть все сведения о них, включая информацию о взносах двенадцати богатых доноров ЦКИ. Он провел недели, создавая новый поисковый протокол, который охватывал все приобретения Центра искусств с начала XXI века. Протокол этот сам по себе был произведением искусства, но сегодня днем, вместо того чтобы отправить самый большой из дополнительных архивов в основной, Моррис мышкой сбросил его в корзину, вместе с прочим мусором, от которого следовало избавиться. Древняя, не отвечающая современным реалиям компьютерная система ЦКИ забита бесполезным дерьмом, включая информацию о том, чего даже нет в этом здании. Эти предметы еще в 2005 году отправили в нью-йоркский музей «Метрополитен». Моррис собирается очистить корзину, чтобы освободить место для нового мусора, уже подводит курсор к соответствующей надписи — и тут осознает, что вот-вот отправит жизненно важный архив на небеса, куда возносятся все стертые данные.

На мгновение он вновь оказывается в Уэйнесвилле, пытается спрятать запрещенные вещи накануне шмона. Может, в камере и нет ничего опаснее упаковки печенья «Киблер», но этого достаточно, чтобы получить взыскание, если охранник в дурном настроении. Моррис смотрит на свой палец, зависший в осьмушке дюйма над мышкой с курсором на команде «Очистить корзину», и поднимает руку к груди, в которой быстро и гулко бьется сердце. О чем, во имя Господа, он думал?!

Жирный говнюк-босс выбирает именно этот момент, чтобы заглянуть в закуток, где работает Моррис. В таких же закутках парятся и остальные сотрудники в окружении

фотографий подруг, парней, членов семьи, даже гребаного домашнего пса. У Морриса — только почтовая открытка с видом Парижа, где он всегда хотел побывать. Как будто *такое* возможно.

— Все хорошо, Моррис? — спрашивает жирный говнюк.

— Отлично, — отвечает Моррис, молясь, чтобы босс не вошел и не посмотрел на экран. Хотя, вероятно, он даже не поймет, на что смотрит. Ожиревший ублюдок умеет отправлять электронные письма, вроде бы смутно представляет себе, для чего нужен «Гугл», но на этом его познания обрываются. При этом он живет в богатом пригороде с женой и детьми, а не в Клоповнике, где безумцы в разгар ночи орут на невидимых врагов.

— Приятно слышать. Продолжай в том же духе.

А ты уноси отсюда свой зад, думает Моррис.

Именно так жирный говнюк и поступает, возможно, направляясь в столовую, чтобы набить жратвой свое жирное брюхо. Моррис восстанавливает нужный ему архив, отправляет в основной. Ничего сложного, но, закончив, он шумно выдыхает, словно обезвредил бомбу.

Что у тебя с головой? — ругает он себя. — О чем ты думал?

Риторические вопросы. Думал он о записных книжках Ротстайна, теперь уже таких близких. И о маленьком фургоне, и о том, как будет бояться, сев за руль после стольких лет в тюрьме. Чтобы вернуться туда, достаточно поцарапать чей-то бампер... наткнуться на копа, который решит, что Моррис выглядит подозрительно...

«Я должен еще немного поработать, — думает Моррис, — должен».

Но разум его перегрет, стрелка температуры дрожит в красной зоне. Моррис думает, что успокоится, едва записные книжки окажутся у него в руках (и деньги тоже, хотя это совсем не так важно). Как только содержимое сундука переместится в глубины стенного шкафа его ком-

наты на девятом этаже Клоповника, напряжение разом спадет. Но сейчас оно просто убивает. Как и жизнь в изменившемся мире, и работа, и наличие босса, который не носит серой формы, но перед которым все равно надо пресмыкаться. Давит на него и необходимость сесть за руль незарегистрированного автомобиля, не имея водительского удостоверения.

К десяти вечера все изменится к лучшему, думает он. А пока надо держаться. Дерьмо ни хрена не значит.

— Точно, — шепчет Моррис и вытирает капельку пота из-под носа.

24

В четыре часа он сохраняет все, что наработал за день, закрывает программы, которыми пользовался, выключает компьютер. Идет в роскошный вестибюль ЦКИ, а там, словно оживший кошмарный сон, — Эллис Макфарленд, стоит, расставив ноги и заложив руки за спину. Его РИ разглядывает картину Эдварда Хоппера, будто ценитель живописи, каковым, конечно же, не является.

Не поворачиваясь (Моррис осознает, что РИ видит его отражение в стекле, закрывающем картину, но это все равно жутковато), Макфарленд говорит:

— Привет, Морри, как дела, земляк?

Он знает, думает Моррис. И не только про фургон. Про все.

Это ложь, Моррис понимает, что Макфарленд не может этого знать, но та часть Морриса, которая по-прежнему в тюрьме и навсегда там останется, заверяет его, что Макфарленду все известно. Для Макфарленда лоб Морриса Беллами — из прозрачного стекла. И он видит все, что внутри: каждое вращающееся колесико и каждую раскаленную шестеренку.

— У меня все в порядке, мистер Макфарленд.

Сегодня на РИ клетчатый пиджак размером приблизительно с ковер для гостиной. Макфарленд оглядывает Морриса с головы до ног, и когда его взгляд возвращается к лицу Морриса, тому с трудом удается не отвести глаз.

— А *выглядишь* ты не особо. Бледный, под глазами мешки. Употреблял что-то, чего тебе употреблять нельзя, Морри?

— Нет, сэр.

— Делал что-то такое, чего нельзя делать?

— Нет. — Он думает о фургоне с надписью «Цветы Джонса», практически стершейся, ждущем в Саут-Сайде. С ключами под колесом.

— Нет что?

— Нет, сэр.

— Так-так. Может, это грипп. Потому что, если честно, выглядишь ты как десять фунтов дерьма, засунутые в пятифунтовый пакет.

— Я чуть не допустил ошибку, — признается Моррис. — Наверное, ее удалось бы исправить, но для этого пришлось бы вызывать стороннего специалиста, может, даже отключить главный сервер. У меня могли быть неприятности.

— Добро пожаловать в мир работающих людей, — отвечает Макфарленд без намека на сочувствие.

— Для меня все по-другому! — взрывается Моррис, и Господи, какое это *облегчение* — сравить пар, причем безопасным способом. — Если кто и понимает, так это вы! Любого другого просто пожарили бы, но не меня. А если бы меня уволили — за невнимательность, а не за то, что я сделал это сознательно, — я бы вновь загребел в тюрьму.

— Возможно, — отвечает Макфарленд, вновь поворачиваясь к картине. На ней изображены мужчина и женщина, которые сидят в одной комнате и изо всех сил стараются не смотреть друг на друга. — Может, и нет.

— Мой босс меня не любит, — продолжает Моррис. Знает, что это звучит плаксиво, но, может, он *действительно* плачется. — О том, как работает здешняя компью-

терная система, я знаю в четыре раза больше, чем он, и его это злит. Он будет счастлив, если меня уволят.

— Попахивает паранойей, — заявляет Макфарленд. Его руки снова сцеплены над необъятными ягодицами, и внешне Моррис догадывается, почему он здесь. Макфарленд проследил его до мотоциклетной мастерской, где работает Чарли Роберсон, и решил, что подопечный что-то замышляет. Разумом Моррис понимает, что это невозможно. Но он в этом не сомневается.

— О чем они вообще думают, разрешая такому, как я, копать в их файлах? Условно-досрочно освобожденному! Если я сделаю что-то не так, а я почти сделал, им это обойдется в кучу денег.

— А чем ты собирался заниматься на свободе? — спрашивает Макфарленд, по-прежнему глядя на картину Хоппера, которая называется «Квартира 16-А». Кажется, она зачаровала его, но Морриса не проведешь. Макфарленд наблюдает за его отражением. Оценивает своего подопечного. — Ты слишком слабый и дряблый, чтобы таскать коробки на складе или работать садовником. — Он поворачивается. — Это называется внедрение, Морри, и политику определяю не я. Хочешь понять — найди того, кому до этого есть дело.

— Извините, — говорит Моррис.

— Извините *кто*?

— Извините, мистер Макфарленд.

— Спасибо, Моррис. Так-то лучше. А теперь пойдем в мужской туалет, где ты попишаешь в маленькую баночку и докажешь мне, что твоя паранойя вызвана не спиртным и не наркотиками.

Уходят последние представители офисного планктона. Некоторые смотрят на Морриса и здорового чернокожего в ярком клетчатом пиджаке, потом быстро отводят взгляды. Морриса так и распирает от желания крикнуть: *Все правильно, он — мой районный инспектор, так что присмотритесь повнимательнее!*

Следом за Макфарлендом он идет в мужской туалет, который, слава Богу, пуст. Макфарленд приваливается плечом к стене, складывает руки на груди, наблюдает, как Моррис достает из штанов свой старый крантик и наполняет стаканчик. Когда тридцать секунд спустя моча не синееет, Макфарленд возвращает пластиковый стаканчик Моррису.

— Поздравляю. А теперь выливай, земляк.

Моррис выливает. Макфарленд уже тщательно моет руки, намыливая их чуть ли не до локтей.

— Знаете, у меня нет СПИДа. Если вас это тревожит. Я сдал все анализы, прежде чем меня выпустили.

Макфарленд высушивает большущие ручки. Несколько секунд разглядывает себя в зеркале (может, сожалеет о том, что нечего причесать), потом поворачивается к Моррису:

— Возможно, ты не принимал ничего запрещенного, Морри, но мне не нравится, как ты выглядишь.

Моррис молчит.

— Позволь сказать кое-что, чему меня научили восемнадцать лет на этой работе. Есть две категории условно-досрочно освобожденных, и только две: волки и овцы. Ты слишком стар, чтобы быть волком, но не уверен, что ты сам это понимаешь. Возможно, ты еще это *не осознал*, как говорят мозгоправы. Я не знаю, что волчьего у тебя в голове, может, тебе просто хочется украсть канцелярские скрепки из кладовой, но что бы это ни было, ты должен об этом забыть. Ты стар, чтобы выть, и *слишком* стар, чтобы убегать.

Поделившись этим образчиком мудрости, Макфарленд удаляется. Моррис тоже идет к двери, но ноги становятся ватными прежде, чем он успевает до нее добраться. Он разворачивается, хватается за раковину, чтобы не упасть, потом ковыляет в одну из кабинок. Садится, низко опускает голову. Закрывает глаза и глубоко дышит. Когда буря в голове утихает, поднимается и выходит из туалета.

Он все еще здесь, думает Моррис. Смотрит на эту чертову картину, заложив руки за спину.

Но на этот раз вестибюль пуст, если не считать охранника, который бросает на Морриса подозрительный взгляд, когда тот проходит мимо.

25

Игра «Сурков» с «Драконами» начинается только в семь, но автобусы с табличками «БЕЙСБОЛЬНЫЙ МАТЧ» курсируют с пяти. Моррис доезжает до стадиона, потом идет пешком к мастерской, сжимаясь в комок при виде каждого приближающегося автомобиля и кляня себя за то, что потерял самообладание после ухода Макфарленда. Может, если бы он вышел из туалета раньше, увидел бы, на какой тачке разъезжает этот сукин сын. Однако он этого не сделал, и теперь Макфарленд может оказаться в любом из этих автомобилей. РИ отличить нетрудно, учитывая его габариты, но Моррис не решается слишком пристально разглядывать машины. Причин на то две. Во-первых, он будет выглядеть виноватым, правда? Да, конечно, как человек, лелеющий волчьи замыслы, а потому вынужденный оглядываться, чтобы вовремя заметить опасность. Во-вторых, он может увидеть Макфарленда, даже если того здесь не будет, потому что близок к нервному срыву. И это неудивительно. У всех есть свои пределы.

Сколько тебе, двадцать два? — спросил его Ротстайн. Двадцать три?

Точная догадка наблюдательного старика. Моррису тогда было двадцать три. А теперь почти шестьдесят, и годы между этими датами развеялись, как дым на ветру. Он слышал, что люди говорят, будто шестьдесят — все равно что сорок, но ведь это чушь. Когда ты большую часть жизни провел в тюрьме, шестьдесят — все равно что

семьдесят пять. Или восемьдесят. Многовато для волка, по мнению Макфарленда.

Что ж, это мы еще увидим, верно?

Он сворачивает во двор мотоциклетной мастерской — все закрыто, мотоциклы исчезли — и ожидает, что в тот самый момент, когда он ступит на чужую частную собственность, за спиной хлопнет дверца автомобиля. Ожидает услышать голос Макфарленда: *Эй, земляк, а что ты тут делаешь?*

Но слышит только шум машин, едущих к стадиону, а когда выходит на стоянку за мастерской, невидимая рука, сжимавшая сердце, чуть ослабляет хватку. Высокий забор из ржавых металлических листов отгораживает стоянку от остального мира, а стены успокаивают Морриса. Ему это не нравится, он понимает, это ненормально, но деваться некуда. Сознание человека формируется его жизненным опытом.

Он идет к фургону — маленькому, запыленному, благословенно неприметному, сует руку под правое переднее колесо. Ключи на оговоренном месте. Садится за руль, радуется, когда двигатель заводится с полоборота. Радиоприемник изрыгает рок. Моррис тут же выключает его.

— Я смогу это сделать, — говорит он, подгоняет сиденье под себя, затем берется за руль. — Я смогу.

И, как выясняется, он может. Та же история, что с ездой на велосипеде. Самое сложное — вырулить на противоположную сторону дороги, дожидаться разрыва в непрерывном транспортном потоке к стадиону. Но и тут все не так плохо: после минуты ожидания один из автобусов с табличкой «БЕЙСБОЛЬНЫЙ МАТЧ» останавливается, и водитель машет Моррису рукой. На север практически никто не едет, и у него есть возможность миновать центральную часть города по новой окружной дороге. Ему почти нравится снова сидеть за рулем. *Правилось бы точно*, если бы не дающее покоя подозрение: Макфарленд отслеживает его. Но не останавливает... сейчас. И не собирается

останавливать, пока не поймет, что задумал его давний друг... его *земляк*.

Моррис заезжает в торговый центр на Беллоус-авеню. Ходит под сверкающими флуоресцентными лампами, не торопится. Своим делом он не может заняться до темноты, а в июне светло до половины девятого, если не до девяти. В отделе садового инвентаря Моррис покупает лопату и топор, на случай если придется перерубать корни. Нависающее над откосом дерево скорее всего крепко оплело сундук. В проходе с табличкой «ЛИКВИДАЦИЯ» берет две сумки «Тафф-тоут» по двадцать баксов. Загружает покупки в кузов и идет к кабине.

— Эй! — раздается сзади голос.

Моррис замирает, ожидая услышать приближающиеся шаги, ожидая почувствовать руку Макфарленда на своем плече.

— Вы не знаете, есть ли в этом торговом центре супермаркет?

Голос молодой. Принадлежит белому. Моррис обнаруживает, что снова может дышать.

— «Сейфуэй», — отвечает он не оборачиваясь. Он понятия не имеет, есть в торговом центре супермаркет или нет.

— Хорошо. Спасибо.

Моррис садится за руль, заводит двигатель.

«Я смогу это сделать, — думает он. — Смогу и сделаю!»

26

Моррис медленно кружит по Норт-Сайту, той его части, где улицы названы в честь деревьев. Здесь он бродил в далекой юности, точнее, в основном не бродил, а сидел дома, уткнувшись носом в книгу. Еще слишком рано, и он останавливается на Элм-стрит. В бардачке находит старую пыльную карту и делает вид, что изучает ее. Через двадцать

минут переезжает на Мейпл-стрит и снова сидит над картой. Потом едет к местному мини-маркету «Зоуни», где мальчишкой покупал чипсы себе и сигареты отцу. В те дни пачка стоила сорок центов, и дети, покупающие сигареты родителям, не вызывали подозрительных взглядов. Моррис покупает слаш и неторопливо выпивает. Потом едет на Палм-стрит и опять изучает карту. Тени удлиняются, но так медленно!

Зря не захватил книгу, думает он, но тут же понимает: не зря. Человек за рулем, разглядывающий карту, выглядит естественно, а читающий книгу в кабине старого фургона похож на потенциального педофила.

Это паранойя или здравомыслие? Он не знает, знает только одно: записные книжки близко, совсем рядом. Они плачут, как сонар.

Мало-помалу свет июньского вечера сменяется сумерками. Дети, которые играли на тротуарах и лужайках, расходятся по домам смотреть телевизор, или играть в видеоигры, или проводить познавательный вечер, обмениваясь с друзьями и подругами сообщениями со множеством ошибок и тупым содержанием.

Уверенный, что мистера Макфарленда поблизости нет (пусть и не *полностью* уверенный), Моррис заводит двигатель фургона и медленно едет к конечной точке маршрута: к Центру досуга на Берч-стрит, куда он ходил, если библиотека на Гарнер-стрит не работала. Худого, начитанного, слишком острого на язык Морриса редко принимали в какие-то игры под открытым небом, а в тех случаях, когда принимали, всегда кричали: эй, криворукий, эй, придурок, эй, неумеха. Из-за красных губ он получил прозвище Ревлон. Приходя в Центр досуга, он обычно оставался в здании, читал или собирал пазл. Но теперь город закрыл старое кирпичное строение на замок и выставил на продажу на волне сокращений муниципального бюджета.

Несколько мальчишек еще играют в баскетбол на заросшей травой площадке за центром, но фонарей снаружи больше нет, и когда становится совсем темно, они шумно уходят, стуча и перекидываясь мячом. После их ухода Моррис заводит двигатель и сворачивает на подъездную дорожку вдоль здания. Фар он не зажигает, а маленький фургон выкрашен в идеальный для такой работы цвет — черный. Моррис огибает здание и останавливается сзади, где по-прежнему стоит щит с выцветшей надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ АВТОМОБИЛЕЙ ЦЕНТРА ДОСУГА». Глушит двигатель, вылезает из кабины, вдыхает июньский воздух, пахнувший травой и клевером. Слышит стрекот цикад и шум автомобилей на окружной дороге, но в остальном наступившая ночь принадлежит ему.

Да пошел ты, мистер Макфарленд, думает Моррис. Пошел куда подальше.

Он достает из кузова инструменты и сумки и направляется к зарослям на краю пустоши, за бейсбольной площадкой, где ему не удалось поймать столько легких мячей. Но тут его осеняет, и он возвращается к зданию. Опирается ладонью на старый кирпич, еще теплый от солнца. Приседает, выдергивает несколько сорняков, чтобы заглянуть в одно из подвальных окон. Они не забиты фанерой. Луна только поднялась, оранжевая и круглая. В ее свете он видит складные столы и стулья, горы коробок.

Моррис намеревался отвезти записные книжки в Клоповник, но это рискованно. Мистер Макфарленд имеет право обыскивать его комнату в любое удобное ему время. Центр досуга гораздо ближе к тому месту, где зарыты записные книжки, и подвал, уже заваленный никому не нужными вещами, — идеальный тайник. Так не лучше ли оставить большую часть здесь, а с собой брать по несколько штук и спокойно читать? Моррис достаточно худой, чтобы пролезть в это окно, разве что придется немного поерзать, и насколько сложно будет открыть шпингалет,

который он видит за стеклом? Отвертка легко справится с этим делом. У него ее нет, но их полно в любом «Хоум дипо». Он видел их даже в «Зоуни».

Моррис наклоняется ближе к пыльному окну, всматриваясь в него. Он знает, где искать охранные наклейки (тюрьма штата — высшее учебное заведение для взломщиков), но не видит ни одной. Может, в охранной сигнализации используются контактные датчики? Их он тоже не видит — и, возможно, не услышит тревоги. Некоторые системы обходятся без звука.

Моррис еще какое-то время смотрит на окно, потом с неохотой поднимается. Он не верит, что в этом старом здании установлена охранный сигнализация — все ценное наверняка давно вывезли, — но на такой риск пойти не может.

Лучше придерживаться первоначального плана.

Моррис хватает инструменты и сумки и вновь идет к заросшей пустоши, обходя по периметру бейсбольное поле. Туда он ни ногой, нет-нет. Луна поможет ему, едва он окажется под деревьями, но сейчас поле выглядит огромной ярко освещенной сценой.

Пакет из-под картофельных чипсов, указавший путь в прошлый раз, исчез, и Моррису требуется время, чтобы найти тропу. Он раздвигает кусты за бейсбольным полем (местом детских унижений), наконец находит тропу и идет по ней. Когда до него доносится журчание речки, едва сдерживается, чтобы не побежать.

Времена нынче тяжелые, думает он. Здесь могут спать люди, бездомные. Если кто-то увидит меня...

Если кто-то его увидит, он пустит в ход топор. Мистер Макфарленд, возможно, считает, что для волка он слишком стар, но его районный инспектор не знает, что Моррис уже убил трех человек, а вождение автомобиля — не единственное, что вспоминается так же легко, как езда на велосипеде.

27

Деревья приземистые, душат друг друга в борьбе за солнце и пространство, но достаточно высокие, чтобы пропускать лунный свет. Два или три раза Моррис теряет тропу и кружит на месте, пытаясь ее найти. Ему это даже нравится. Он знает, что журчание речки все равно выведет его куда надо, если он окончательно сойдет с пути, но почти заросшая тропа свидетельствует о том, что теперь молодежь пользуется ею гораздо реже, чем в дни его юности. Моррис только надеется, что не угодит в заросли сумаха.

Речка журчит совсем близко, когда он находит тропу в последний раз, и менее чем через пять минут он стоит на берегу напротив дерева-ориентира. Застывает на какое-то время в тени, оглядывается и прислушивается в поисках признаков человеческого присутствия: одеял, спального мешка, тележки, полиэтиленовой пленки, натянутой между ветвями, как тент. Ничего. Только вода, журчащая по камушкам, и наклонившееся дерево на другом берегу. Дерево, которое столько лет преданно охраняло его сокровище.

— Доброе старое дерево, — шепчет Моррис и по камням переходит речку.

Опускается на колени, откладывает в сторону инструменты и сумки, медитирует.

— Я здесь, — шепчет он и прижимает ладони к земле, словно хочет нащупать пульс.

И вроде бы его *чувствует*. Пульс гениальности Джона Ротстайна. Старик превратил Джимми Голда в продажную шлюху, но кто может сказать, что Ротстайн не возродил Джимми за восемнадцать лет затворничества? Если возродил... *если*... тогда все тяготы и лишения, через которые пришлось пройти ему, Моррису, оправданны.

— Я здесь, Джимми. Я наконец-то здесь.

Он хватает лопату и начинает копать. Чтобы добраться до сундука, времени нужно не много, но корни плотно обвили его, так что проходит почти час, прежде чем Моррис обрубаёт большую их часть. Прошли годы с тех пор, как он занимался тяжёлым физическим трудом, и он вымотался донельзя. Он думает обо всех заключённых, которых знал, — в том числе и о Чарли Робертсоне, — постоянно тренировавшихся, вспоминает, как пренебрежительно фыркал (только мысленно, никогда в открытую), глядя на это — как он считал — обсессивно-компульсивное поведение. Сейчас Моррису не до фыркания. Болят бедра, болит спина, а самое ужасное — дергающая боль в голове, как в гнилом зубе. Поднимается легкий ветерок, охлаждает липкое от пота лицо, но также качает ветви, создает мечущиеся тени, которые пугают Морриса, вновь навевают мысли о Макфарленде. Тот уже идет по тропе, совершенно бесшумно, как умеют некоторые здоровяки, особенно солдаты и бывшие спортсмены.

Когда дыхание успокаивается, а бег сердца немного замедляется, Моррис тянется к ручке на торце сундука и обнаруживает, что ее там нет. Наклоняется вперед, опираясь на зудящие ладони, всматривается в дыру, сожалея о том, что не додумался захватить фонарь.

Ручка на месте, только висит двумя половинками.

Это неправильно, думает Моррис.

Мысленно он уходит в далекое прошлое, пытаясь вспомнить, была ли ручка целой. Вроде бы да. Более того, он в этом практически уверен. Но потом он вспоминает, как ударил сундук в гараже, и с облегчением выдыхает, надувая щеки. Должно быть, он сам порвал ручку, когда укладывал сундук на отцовскую тележку. А может, когда вез по тропе к этому самому месту. Яму он вырыл торопливо, потом быстро запихнул в нее сундук. Очень хотел убраться отсюда и мог не обратить внимания на такую мелочь, как порванная ручка. Да. Именно так. В конце концов, сундук он покупал не новым.

Он хватает сундук за бока, и тот так быстро выскальзывает из земли, что Моррис от неожиданности теряет равновесие и падает на спину. Лежит, глядя на яркий лунный круг, и пытается убедить себя, что все хорошо. Только знает, что это не так. Он мог убедить себя насчет порванной ручки, но не насчет этого.

Сундук слишком легкий.

Моррис садится, размазывая землю по потной коже. Трясущимися пальцами отбрасывает волосы со лба, оставляя грязный след.

Сундук слишком легкий.

Моррис тянется к нему, потом отдергивает руку.

«Я не могу, — думает он. — Не могу. Если я его открою, а записных книжек не будет, я просто... *сломаюсь*».

Но кто мог польститься на записные книжки? Деньги — это понятно, но записные книжки? В большинстве даже чистого места не было. Ротстайн исписал их от корки до корки.

А если кто-то взял деньги, а потом сжег записные книжки? Не понимая их ценности, чтобы избавиться от того, что могло послужить уликой?

— Нет, — шепчет Моррис. — Никто бы так не поступил. Они все еще здесь. Должны быть здесь.

Но сундук слишком легкий.

Моррис смотрит на маленький эксгумированный гроб, лежащий на берегу в лунном свете. Позади него дыра напоминает разъявленный рот, только-только что-то выблевывавший. Моррис опять тянется к сундуку, потом бросается вперед, открывает защелки. Молясь Богу, которому, он это прекрасно знает, наплевать на таких, как он.

Заглядывает внутрь.

Сундук не совсем пуст. В нем по-прежнему лежит полиэтиленовая пленка, которой он застелил дно и стенки. Он вытаскивает ее шуршащим облаком в надежде, что под ней осталось несколько записных книжек — две или три,

пожалуйста, пожалуйста, Господи, хотя бы одна, — но видит лишь горстки земли в углах.

Моррис прижимает грязные руки к лицу — когда-то молодому, теперь в глубоких морщинах — и начинает рыдать в лунном свете.

28

Он обещал вернуть фургон к десяти вечера, но уже первый час, когда он паркует его за мотоциклетной мастерской и кладет ключи под правое переднее колесо. Оставляет в кузове инструмент и сумки, которые намеревался привезти полными: пусть Чарли Роберсон делает с ними что угодно.

Свет на стадионе Малой лиги, который находится в четырех кварталах, погасили больше часа назад. Автобусы уже не ходят, но в барах — их в округе полно — громко играет живая музыка или гремят музыкальные автоматы. Двери открыты, мужчины и женщины в футболках и бейсболках «Сурков» стоят на тротуарах, курят, пьют из пластиковых стаканчиков. Моррис тащится мимо, не поднимая головы, игнорируя дружелюбные окрики нескольких подвыпивших бейсбольных фанатов: они в превосходном настроении благодаря пиву и победе любимой команды и спрашивают, не хочет ли он выпить. Вскоре бары остаются позади.

Ему уже не до страха перед Макфарлендом, а мысль о том, что до Клоповника идти три мили, вообще не приходила в голову. Ему плевать на ноющие ноги. В лунном свете он чувствует себя таким же пустым, как старый сундук. Все, ради чего он жил последние тридцать шесть лет, унесло, как лачугу при наводнении.

Он выходит на Гавенмент-сквер, и тут ноги окончательно отказываются ему служить. Он даже не садится — падает на одну из скамей. Мутным взглядом окидывает

бетонные просторы, осознавая, что наверняка вызовет подозрения, если мимо проедет патрульный автомобиль. Ему нельзя находиться вне дома так поздно (для него, как для подростков, существует *комендантский час*), но какое это имеет значение? Дерьмо ни хрена не значит. Пусть отправят его обратно в Уэйнесвилл. Почему нет? По крайней мере там ему не придется иметь дело с жирным говнюком. Или мочиться на глазах у Эллиса Макфарленда.

На другой стороне «Счастливая чашка», где он так часто и с таким удовольствием болтал о книгах с Эндрю Холлидеем. Не считая их *последнего* разговора, от которого он никакого удовольствия не получил. «Держись от меня подальше», — сказал тогда Энди. Вот как закончился их последний разговор.

Разум Морриса, до того лениво урчавший на холостых оборотах, внезапно включается в работу, и туман, заставлявший глаза, начинает уходить. *Держись от меня подальше, а не то я сам позвоню в полицию*, сказал тогда Энди... но в тот день он наговорил и много другого. Его давний друг также дал ему совет.

Спрячь их где-нибудь. Закопай!

Действительно ли Энди Холлидей сказал это — или ему только так кажется?

— Он сказал, — шепчет Моррис. Смотрит на свои руки и видит, что пальцы сжались в грязные кулаки. — Сказал, будьте уверены. Спрячь их, сказал он. *Закопай!* — Что вызывало определенные вопросы.

К примеру, кто тот единственный человек, который знал, что записные книжки Ротстайна у него?

И кто знал, где он живет?

И — это очень важный вопрос — кто знал о пустоши, нескольких акрах неосвоенной земли, которые не могли ввести в оборот из-за бесконечных судебных тяжб и которые использовались только мальчишками, срезавшими путь, чтобы побыстрее добраться до Центра досуга на Берч-стрит?

Ответ на все три вопроса один.

Может, нам удастся их использовать, но через много-много лет, и при условии, что тебя не схватят.

Что ж, прошло много-много лет. Достаточно много для того, чтобы его давний друг задумался о тех дорогих записных книжках, которые так и не появились — ни когда Морриса арестовали за изнасилование, ни когда продали дом.

В какой-то момент его давний друг решил побывать в районе, где жил Моррис. Может, с тем, чтобы прогуляться по тропе между Сикомор и Берч? И прогуливался он с металлоискателем, надеясь, что тот среагирует на металлические части сундука?

Упомянул ли Моррис в тот день сундук?

Может, и нет, но что еще могло подойти? Не сейф же. Полотняные или бумажные мешки сгнили бы. Только чемодан или сундук. Моррис задается вопросом, сколько ям вырыл Энди, прежде чем сорвать банк? Десяток? Четыре десятка? Четыре десятка — это много, но в семидесятых Энди еще не растолстел, не переваливался при ходьбе, как жирный гусь. Да, мотив налицо. А может, ему и рыть не пришлось? Может, как-то весной вода размыва землю и открыла сундук, оплетенный корнями? Почему нет?

Моррис встает и идет, вновь думая о Макфарленде и время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что его нет. Теперь это важно, потому что ему снова есть ради чего жить. У него снова есть цель. Возможно, его давний друг продал записные книжки, продажи — его бизнес, как и бизнес Джимми Голда в романе «Бегун сбрасывает темп», но, возможно, он по-прежнему сидит на них. Есть только один способ это выяснить, как есть только один способ выяснить, остались ли зубы у старого волка. Он должен нанести визит своему земляку.

Своему давнему другу.

Часть III

ПИТЕР И ВОЛК

Суббота, вторая половина дня, Ходжес и Холли в вестибюле «Эй-эм-си сити сентер 7». Увлеченно обсуждают фильмы, глядя на расписание сеансов. Его предложение — «Судная ночь-2» — отменяется. Слишком страшно. Холли обожает фильмы-ужастики — по ее словам, — но только на экране компьютера, потому что может поставить фильм на паузу и немного походить по комнате, чтобы успокоиться. Ее встречное предложение — «Виноваты звезды» — отвергнуто Ходжесом: слишком сентиментально. Но он хотел сказать, слишком эмоционально. История кого-то, умирающего молодым, вызовет мысли о Джейни Паттерсон, покинувшей этот мир при взрыве бомбы, предназначавшейся Ходжесу. Они останавливаются на комедии «Мачо и ботан-2». Главные роли исполняют Джона Хилл и Ченнинг Татум. Фильм хороший. Они много смеются и берут поп-корн из общего большого ведерка, но мысли Ходжеса продолжают возвращаться к истории Тины о деньгах, которые помогли родителям остаться на плаву в тяжелые для них годы. Где, скажите на милость, Питер Зауберс мог раздобыть больше двадцати тысяч долларов?

Когда по экрану ползут титры, Холли накрывает руку Ходжеса своей, и он с легкой тревогой видит стоящие в ее глазах слезы. Спрашивает, что не так.

— Все хорошо. Просто приятно пойти с кем-то в кино. Я рада, что ты мой друг, Билл.

Ходжес больше чем тронут.

— И я рад, что мы дружим. Как проведешь остаток дня?

— Вечером собираюсь заказать обед навынос в китайском ресторане и посмотреть «Оранжевый — хит сезона». А перед сном займусь этими ограблениями. У меня их уже длинный список.

— Что-то привлекло твое внимание?

Холли качает головой:

— Я продолжаю искать, но, думаю, это нечто другое, хотя понятия не имею, что именно. По-твоему, брат Тины тебе скажет?

Поначалу Ходжес не отвечает. Они идут по проходу, ведущему из оазиса фантазий в реальный мир.

— Билл! Земля вызывает Билла.

— Я очень на это надеюсь, — говорит он. — Для его же блага. Потому что деньги, свалившиеся с неба, почти всегда означают проблемы.

2

Тина, Барбара и мать Барбары проводят вторую половину субботы на кухне Робинсонов, готовят шарики из поп-корна. Занятие это грязное и шумное. Они веселятся вовсю, и впервые с момента приезда к Робинсонам с лица Тины уходит тревога. Таня Робинсон думает, что это замечательно. Она не знает, что случилось у Тины, но разные мелочи — девочка подпрыгивает, когда сквозняк наверху хлопает дверью, и глаза у нее подозрительно красные — говорят: что-то не так. Таня не знает, большая это проблема или маленькая, однако уверена: в настоящий момент Тине Зауберс жизненно необходимо немного веселья.

Они заканчивают готовку и пугают друг дружку перепачканными в сиропе руками, когда раздается веселый голос:

— Вы только посмотрите на всех этих женщин, что носятся по кухне! Вот это да!

Барбара разворачивается, видит брата, привалившегося к дверному косяку, и кричит:

— *Джером!*

Бежит к нему и прыгает. Он ловит ее, кружит по кухне, потом ставит на пол.

— Я думала, ты сегодня *на балу*.

Джером улыбается:

— Увы, мой фрак вернулся в прокатное ателье ненашенным. После всестороннего и беспристрастного обмена мнениями мы с Присциллой решили расстаться. Это долгая история, и не очень интересная. В общем, я предпочел вернуться домой, к готовке ма.

— Не называй меня ма, — требует Тania. — Это вульгарно. — Но видно, что она очень рада приезду Джерома.

Он поворачивается к Тине, кланяется:

— Рад знакомству с вами, маленькая мэм. Любая подруга Барбары — моя подруга.

— Я Тина.

Она пытается говорить обычным голосом, но это нелегко. Джером высокий, Джером широкоплечий, Джером удивительно красивый, и Тина Зауберс мгновенно в него влюбляется. Скоро она подсчитает, сколько должно пройти лет, прежде чем он увидит в ней нечто большее, чем маленькую мэм в большущем фартуке, с перемазанными после приготовления шариков из поп-корна руками. Но пока она слишком потрясена его красотой, чтобы заниматься математикой. И тем же вечером, только позже, Барбаре не приходится прилагать особых усилий, чтобы убедить Тину рассказать ему все. Хотя под взглядом его темных глаз связный рассказ дается ей с трудом.

3

Вторая половина субботы у Пита не задалась. Если на то пошло, оказалась просто дерьмовая.

В два часа дня действующие и только что избранные члены ученических администраций трех школ округа собрались в самом большом конференц-зале пансионата «Ривер бенд», чтобы выслушать долгую и нудную речь одного из двух сенаторов штата под названием «Ученическая администрация старшей школы — ваш первый шаг в политику и на государственную службу». Сенатор в костюме-тройке, с зачесанными назад роскошными седыми волосами (Пит думает, что это «волосы злодея из мыльной оперы»), похоже, готов говорить до ужина. Если не дольше. Главная идея его речи: они — СЛЕДУЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ, и работа в ученической администрации подготовит их к решению проблем, связанных с загрязнением окружающей среды, иссякающими природными ресурсами и, возможно, первым контактом с инопланетянами, прилетевшими с Проксимы Центавра. Под его бубнеж каждая минута бесконечной второй половины субботнего дня умирает медленно и мучительно.

Пита меньше всего заботит, что в следующем сентябре он начнет исполнять обязанности вице-президента ученической администрации школы Нортфилд. Сентябрь от него так же далеко, как и Проксима Центавра с населяющими ее инопланетянами или без оных. Для него будущее ограничивается следующим понедельником, когда ему предстоит встретиться с Эндрю Холлидеем, и он всей душой сожалеет о том, что свел знакомство с этим человеком.

«Но я смогу выпутаться, — думает Пит. — Если справлюсь с нервами, то смогу». Он помнит слова, которые пожилая тетушка Джимми Голда говорит в романе «Бегун поднимает флаг».

Пит решает начать разговор с Холлидеем именно с этих слов: *Говорят, полбатона лучше, чем ничего, Джимми, но в этом мире нищеты даже один ломтик лучше, чем ничего.*

Пит знает, чего хочет Холлидей, и предложит больше одного ломтика, но не полбатона и определенно не целый батон. Такого просто не будет. Теперь, когда записные

книжки надежно спрятаны в подвале Центра досуга на Берч-стрит, он может позволить себе торговаться, и если Холлидей хочет что-то получить, ему тоже придется торговаться.

Больше никаких ультиматумов.

Я дам вам три десятка записных книжек, продолжает Пит воображаемый разговор. В них стихотворения, эссе, девять законченных рассказов. Я даже готов разделить прибыль пополам, лишь бы отделаться от вас.

И он будет настаивать на том, чтобы получить деньги, хотя ему никогда не узнать, сколько выручит за блокноты Холлидей от своего покупателя или покупателей. Пит пришел к выводу, что его обсчитают, и обсчитают по-крупному. Но это ничего. Главное — убедить Холлидея, что он настроен серьезно, что он, по хлесткому выражению Джимми Голда, не будет ничьим гребаным днерожденным подарком. А еще важнее — не показать Холлидею, как он напуган.

Просто трясется от ужаса.

Сенатор заканчивает несколькими звонкими фразами о том, что ЖИЗНЕННО ВАЖНАЯ РАБОТА СЛЕДУЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ начинается в АМЕРИКАНСКИХ СТАРШИХ КЛАССАХ, а они, избранные, должны нести дальше ФАКЕЛ ДЕМОКРАТИИ. Аплодисменты оглушительные, возможно, потому, что лекция наконец-то закончилась и они могут разойтись. Пит отчаянно хочет выбраться из конференц-зала, отправиться на долгую прогулку, чтобы еще несколько раз проверить свой план, отыскивая слабые места и подводные камни.

Но никого не отпускают. Школьная директриса, которая устроила эту бесконечную послеполуденную болтологию, выходит вперед, чтобы объявить радостную весть: сенатор согласился задержаться еще на час, чтобы ответить на их вопросы.

— Я уверена, их у вас полно, — говорит она, и жопа-лизы и отличники, которых здесь в избытке, уже тянут руки.

Пит думает: Это дерьмо ни хрена не значит.

Он смотрит на дверь, оценивает свои шансы незаметно выскользнуть из конференц-зала и откидывается на спинку стула. Через неделю все закончится, говорит он себе.

Эта мысль приносит некоторое утешение.

4

Некий условно-досрочно освобожденный просыпается, когда Ходжес и Холли выходят из кинотеатра, а Тина влюбляется в брата Барбары. Моррис отключился, когда в окно начали прокрадываться первые признаки зари, и после нервной, тревожной ночи продрых все утро и часть второй половины дня. Сны были хуже кошмаров. В разбудившем его он открыл сундук и увидел, что внутри полно пауков «черная вдова» — их тысячи, они переплелись лапками, брызжут ядом и пульсируют в лунном свете. Пауки выплеснулись наружу, покрыли кисти рук Морриса, начали взбираться выше.

Моррис кричит и вырывается в реальный мир, грудь сжимает так сильно, что трудно дышать.

Он перекидывает ноги через край кровати, сидит, опустив голову, так же, как сидел на унитазе после ухода Макфарленда из мужского туалета ЦКИ прошлым днем. Моррис не знает, где записные книжки, и эта неопределенность убивает его.

Их *точно* взял Энди, думает Моррис. Больше некому. И лучше бы им быть у тебя, друг. Да поможет тебе Бог, если их у тебя не будет.

Он надевает чистые джинсы и едет на автобусе в Саут-Сайд, решив, что один из инструментов ему все-таки понадобится. Сумки он тоже хочет забрать. Потому что надо мыслить позитивно.

Чарли Роберсон вновь сидит перед «харлеем», разобранном до такой степени, что мотоцикл в нем уже и не

узнать. И не слишком доволен возвращением человека, который помог ему выбраться из тюрьмы.

— Как прошла ночь? Ты сделал то, что хотел?

— Все отлично, — говорит Моррис и растягивает губы в улыбке, слишком широкой и фальшивой, чтобы выглядеть убедительно. — На все сто.

Роберсон не улыбается в ответ.

— Главное, чтобы и полиция так считала. Выглядишь ты не очень, Морри.

— Это точно. Знаешь, редко удастся сделать все и сразу. Осталось уладить некоторые мелочи.

— Если тебе вновь нужен фургон...

— Нет-нет. Только кое-какие вещи из кузова. Не будешь возражать, если я их возьму?

— Ко мне след не приведет?

— Ни в коем случае. Это просто пара сумок.

И топор, но об этом он не упоминает. Он может купить нож, но в топоре есть что-то более пугающее. Моррис бросает его в одну из сумок «Тафф-тоут», прощается с Чарли и направляется к автобусной остановке. Лежащий в сумке топор скользит туда-сюда при каждом шаге.

Не заставляй меня пустить его в ход, скажет он Энди. Я не хочу причинять тебе вред.

Но разумеется, какая-то часть Морриса хочет пустить топор в ход. Эта часть хочет причинить вред давнему другу. Потому что — не считая записных книжек — Энди у него в долгу, а долги надо возвращать.

5

На Лэйсмейкер-лейн и в пешеходной зоне, где она расположена, во второй половине субботы многолюдно. Здесь сотни магазинчиков с названиями вроде «Деб», и «Пряжка», и «21 Навсегда». Один называется «Крышки» и торгует исключительно головными уборами. Моррис

заходит в него и покупает бейсболку «Сурков» с удлиненным козырьком. Подойдя еще ближе к магазину «Редкие издания Эндрю Холлидея», покупает в киоске солнцезащитные очки.

Когда он видит вывеску магазина своего давнего друга с золочеными витиеватыми буквами, приходит пугающая мысль: а вдруг по субботам Энди закрывает магазин раньше? Все остальные работают, но некоторые букинисты не любят утруждать себя по субботам, а Моррису обычно не везет.

Но, проходя мимо, помахивая сумками, в одной из которых елозит топор, Моррис видит на двери табличку «ОТКРЫТО». И видит кое-что еще: камеры наблюдения, которые смотрят вдоль тротуара, направо и налево. Наверное, камеры есть и внутри, но Моррис на этот счет особо не тревожится: он несколько десятилетий перенимал опыт у воров.

Он неспешно идет по улице, заглядывает в витрину булочной, изучает сувениры на передвижном лотке (хотя трудно представить, кому может понадобиться сувенир из этого грязного приозерного города), наблюдает за мимом, который жонглирует цветными шарами, а потом делает вид, будто взбирается по невидимой лестнице. Моррис бросает пару четвертаков в его шляпу. На удачу, говорит он себе. Поп-музыка гремит из динамиков на углу. В воздухе пахнет шоколадом.

Моррис идет обратно. Видит двух молодых мужчин, выходящих из магазина Энди. На этот раз Моррис рассматривает витрину. Там лежат три раскрытые книги: «Убить пересмешника», «Над пропастью во ржи» и — конечно, это знак — «Бегун берет разгон». За витриной — узкий магазин с высоким потолком. Других покупателей Моррис не видит, зато видит своего давнего друга, единственного и неповторимого Энди Холлидея, который сидит за столом где-то в середине магазина и читает книгу в мягкой обложке.

Моррис делает вид, что нагибается, чтобы завязать шнурок, и расстегивает молнию сумки, в которой лежит топор. Выпрямляется и без колебаний открывает дверь книжного магазина «Редкие издания Эндрю Холлидея».

Его давний друг отрывается от книги, оглядывает солнцезащитные очки, бейсболку с длинным козырьком, сумки. Хмурится, но едва заметно, потому что в этом районе *все* ходят с сумками, а день теплый и солнечный. Моррис видит настороженность, но не признаки тревоги, и это хорошо.

— Вас не затруднит оставить сумки под вешалкой? — спрашивает Энди. Улыбается. — Такие у нас правила.

— Отнюдь, — отвечает Моррис. Ставит сумки, снимает очки, складывает, кладет в нагрудный карман рубашки. Снимает бейсболку и проводит рукой по коротко стриженным седым волосам. Думает: Видишь? Безобидный старикан, который пришел, чтобы укрыться от яркого солнца и поглазеть на книги. Тревожиться не о чем. — Уф! Жарковато сегодня. — И снова надевает бейсболку.

— Да, и говорят, завтра будет еще жарче. Могу я вам что-нибудь показать?

— Пока просто смотрю. Хотя... Я ищу достаточно редкое издание романа «Палачи». Триллер Джона Д. Макдональда. — В тюремной библиотеке книги Макдональда пользовались популярностью.

— Прекрасно его знаю, — весело отвечает Энди. — Он написал все эти истории про Тревиса Макги. В названии каждой присутствует какой-нибудь цвет. В основном издавался в мягкой обложке. Как правило, я не торгую книгами в мягких обложках. Они очень редко бывают коллекционного качества.

А как насчет записных книжек? — думает Моррис. «Молескинов», если конкретнее. Ими ты приторговываешь, толстый, вороватый говнюк?

— «Палачи» публиковались в переплете, — говорит Моррис, глядя на полки с книгами у двери. Он хочет пока

держаться поближе к выходу. И сумке с топором. — По книге сняли фильм «Мыс страха». Я бы купил экземпляр, будь он у вас в идеальном состоянии. Как новенький. И разумеется, если устроит цена.

Энди выглядит заинтересованным. Почему нет? Рыбка вроде бы на крючке.

— Я уверен, что в магазине этой книги нет, но могу поискать ее для вас на «Бук-файндере». Это сайт с большой базой данных. Если книга в нее внесена — а книга Макдональда в переплете скорее всего окажется в базе, особенно если по ней снят фильм... и если это первое издание... я смогу получить ее во вторник. Самое позднее, в среду. Хотите, чтобы я взглянул?

— Хочу, — кивает Моррис. — Но цена должна быть приемлемой.

— Естественно, естественно. — В смешке Энди столько же сала, сколько в его животе. Он устремляет взгляд на экран ноутбука, и Моррис пользуется этим моментом, чтобы перевернуть табличку на двери с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО». Потом наклоняется и достает из открытой сумки топор. Идет по узкому центральному проходу, прижимая топор к ноге. Не торопится. Это ни к чему. Энди увлеченно работает, не отрывая глаз от экрана.

— Нашел! — восклицает его давний друг. — У Джеймса Грэма есть один экземпляр, новехонький, всего за триста...

Он замолкает, когда лезвие топора сначала всплывает в поле его периферийного зрения, а потом оказывается перед глазами. Энди поднимает голову, на его лице ужас.

— Руки держи так, чтобы я их видел, — говорит Моррис. — Под столом у тебя наверняка тревожная кнопка. Если хочешь сохранить пальцы, не трогай ее.

— Чего вы хотите? Почему вы?..

— Не узнаешь меня, да? — Моррис сам не знает, забавляет его это или бесит. — Даже вблизи?

— Нет, я... я...

— Наверное, неудивительно. Много лет прошло с нашей последней встречи в «Счастливой чашке», да?

Холлидей с нарастающим ужасом вглядывается в морщинистое, изможденное лицо Морриса. Как птичка, уставившаяся на змею. Мысль приятная, Моррис улыбается.

— Господи, — выдыхает Энди. Его лицо приобретает цвет старого сыра. — Не может быть, ты в тюрьме.

Моррис качает головой, по-прежнему улыбаясь.

— Наверняка есть база данных по освобожденным условно-досрочно, такая же, как по редким книгам, но, пожалуй, ты никогда в нее не заглядывал. Это хорошо для меня и не очень — для тебя.

Одна из рук Энди сползает с клавиатуры ноутбука. Моррис замахивается топором.

— Не делай этого, Энди. Я хочу, чтобы ты положил руки на стол, ладонями вниз, по обе стороны компьютера. И не пытайся ударить по тревожной кнопке коленом. Я это увижу, и последствия для тебя будут крайне неприятными.

— Чего ты хочешь?

Вопрос злит Морриса, но его улыбка становится шире.

— Как будто ты не знаешь.

— Господи, я не знаю, Морри. — Язык Энди лжет, но глаза говорят правду, всю правду, и ничего, кроме правды.

— Пойдем в твой кабинет. Я уверен, он у тебя есть, где-нибудь в недрах магазина.

— Нет!

Моррис вновь замахивается топором.

— Ты можешь встать из-за стола целым и невредимым или оставить на нем несколько пальцев. Уж поверь мне, Энди. Я не тот человек, которого ты знал.

Энди встает, его взгляд не покидает лица Морриса, но Моррис не уверен, что давний друг действительно его видит. Он раскачивается, словно под бесшумную музыку, и, похоже, на грани обморока. Если Энди отключится, он не сможет отвечать на вопросы, пока не придет в себя. Опять же, Моррису придется *тащить* его в кабинет. А он

не уверен, что справится. Если Энди еще не весит триста фунтов, набрать ему осталось сущие пустяки.

— Дыши глубоко, — приказывает Моррис. — Успокойся. Мне нужны лишь ответы на несколько вопросов. Потом я уйду.

— Обещаешь? — Нижняя губа Энди оттопыривается, блестит от слюны. Он выглядит маленьким толстым мальчиком, который поссорился с отцом.

— Да. Теперь дыши.

Энди глубоко вдыхает.

— Еще.

Массивная грудь Энди вздымается, натягивая рубаху на груди, потом опускается. Мертвенная бледность уходит с лица.

— Кабинет. Пошли. Показывай дорогу.

Энди поворачивается и идет по проходу в дальнюю часть магазина, лавируя между коробками и стопками книг с изысканной грацией, свойственной некоторым толстякам. Моррис следует за ним. Его злость нарастает. Отчасти это связано с женственным покачиванием ягодиц Энди под серыми габардиновыми брюками.

Около двери пульт. Энди нажимает четыре цифры — 9118, — и загорается зеленая лампочка.

Когда Энди переступает порог, Моррис буквально читает его мысли сквозь лысый затылок.

— Ты не такой быстрый, чтобы захлопнуть передо мной дверь. Если попытаешься, потеряешь то, что ничем не заменишь. Можешь мне поверить.

Плечи Энди, которые напряглись в готовности предпринять именно такую попытку, вновь поникают. Он проходит в кабинет. Моррис следует за ним и закрывает дверь.

Кабинет маленький, вдоль стен — забитые книгами стеллажи, с потолка свешиваются лампы в шарообразных плафонах. На полу — турецкий ковер. Стол в кабинете гораздо лучше — из красного или тикового дерева. Абажур настольной лампы напоминает «Тиффани». Слева от сто-

ла — тумбочка, на которой стоят четыре тяжелых хрустальных графина. Моррис не может сказать, что за прозрачные жидкости в двух из них, но в оставшихся — точно шотландское и бурбон. И, насколько он знает, у его давнего друга все — высшего качества. Несомненно, чтобы обмы-вать крупные сделки.

Моррис вспоминает, что в тюрьме заключенные могли рассчитывать только на бренди из чернослива или изюма, и хотя сам он пил его редко, скажем, на свой день рождения (и дни рождения Джона Ротстайна, которые всегда отмечал единственным глотком), злость его нарастает. Хорошо пил и вкусно жрал — вот чем занимался Энди Холлидей, пока Моррис красил джинсы, вдыхал пары лака и жил в камере с низким потолком, размерами мало отличавшейся от гроба. Он попал в тюрьму за изнасилование, это так, но он никогда бы не оказался в том проулке, в диком алкогольном беспамятстве, если бы этот человек не отшил его, не послал куда подальше. Сказал, что говорить им не о чем. Назвал его психом.

— Роскошные апартаменты, мой друг.

Энди осматривается, словно впервые замечает роскошь собственного кабинета.

— На вид — да, — признает он, — но внешняя сторона обманчива, Морри. По правде говоря, я на грани банкротства. Магазин так и не оправился после рецессии и неких... голословных обвинений. Уж поверь мне.

Моррис редко думает о конвертах с деньгами, которые в ту ночь Кертис Роджерс нашел в сейфе вместе с записными книжками Ротстайна, но теперь они приходят на ум. Его давний друг заполучил вместе с записными книжками и наличные. И, вполне возможно, потратил их на этот стол, ковер и хрустальные графины со спиртным.

Вот тут ярость наконец-то выплескивается, Моррис вскидывает топор и наносит удар сбоку по широкой дуге. Топор рвет габардин и с чавкающим звуком впивается в необъятную ягодицу. Энди вскрикивает. Его бросает

вперед. Он не валится на пол только потому, что руками хватается за край стола, падает на колени. Кровь льется из шестидюймового разреза на брюках. Энди зажимает разрез рукой, и кровь бежит между пальцами. Он заваливается набок, перекачивается на турецкий ковер. С чувством удовлетворения Моррис думает: Тебе никогда не оттереть *это* пятно, земляк.

— Ты сказал, что не тронешь меня! — верещит Энди.

Моррис обдумывает услышанное и качает головой:

— Не верю, что произносил эти слова, но, возможно, мог это подразумевать. — Он смотрит на перекошенное лицо Энди и серьезно добавляет: — Считай это липосакцией подручными средствами. И ты еще можешь выйти из этой истории живым. От тебя требуется только одно: отдай мне записные книжки. Где они?

На этот раз Энди не притворяется, будто не понимает, о чем говорит Моррис, да и как притворяться, если жопа в огне, а кровь струится по бедру.

— Я не знаю, где они.

Моррис опускается на колено, стараясь не угодить в расширяющуюся лужу крови.

— Я тебе не верю. Их нет, остался только сундук, в котором они лежали, а кроме тебя никто не знал, что они у меня. Поэтому я спрашиваю снова, и если ты не хочешь рассматривать с близкого расстояния свои внутренности и полупереваренный ленч, тебе лучше хорошенько подумать над ответом. *Где записные книжки?*

— Их нашел какой-то мальчишка! Это не я — мальчишка! Он живет в доме, где раньше жил ты, Морри! Наверное, он нашел их в подвале или где-то еще!

Моррис всматривается в лицо давнего друга. Выискивает признаки лжи, но также пытается приспособиться к столь неожиданному повороту в ситуации, которая только что казалась совершенно понятной. Все равно что резкий поворот налево на скорости шестьдесят миль в час.

— Пожалуйста, Морри, пожалуйста! Его зовут Питер Зауберс!

Это убедительный довод, потому что Моррис знает фамилию семьи, проживающей в доме, где он вырос. А кроме того, человек с глубокой раной на жопе едва ли смог бы выдумать такое под влиянием момента.

— Откуда ты это знаешь?

— *Потому что он пытается продать их мне!* Морри, мне нужен врач! Я истекаю кровью, как зарезанная свинья!

«Ты и *есть* свинья, — думает Моррис. — Но не волнуйся, старый друг. Скоро ты избавишься от страданий. Я намерен отправить тебя в большой небесный книжный магазин». Только чуть позже, потому что Моррис вдруг заметил яркий лучик надежды.

Пытается, сказал Энди, не *пытался*.

— Выкладывай все, — говорит Моррис. — Потом я уйду. «Скорую» тебе придется вызывать самому, но, думаю, ты справишься.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

— Если записные книжки у парня, ты для меня никакого интереса не представляешь. Разумеется, тебе придется пообещать, что ты не скажешь, кто на тебя напал. Какой-то мужчина в маске, правильно? Вероятно, наркоман. Хотел денег, да?

Энди с готовностью кивает.

— И никакой связи с записными книжками, верно?

— Конечно, никакой. Ты думаешь, я хочу, чтобы меня связали с этой историей?

— Полагаю, нет. Но если попытаешься что-то выдумать, и *мое* имя попадет в эту историю, мне придется вернуться.

— Не попытаюсь, Морри, не попытаюсь! — Далее следует клятва, такая же детская, как оттопыренная слюнявая нижняя губа: — Ей-богу!

— Теперь рассказывай все.

Энди рассказывает. Первый визит Зауберса с фотокопиями страниц записных книжек и «Письмами с Олимпа» для сравнения. Оpozнание Энди мальчишки, который назвался Джеймсом Хокинсом, по библиотечной наклейке на корешке «Писем». Второй визит Зауберса, когда Энди его прижал. Сообщение на автоответчике о поездке на выходные в пансионат «Ривер бенд» вместе с другими членами ученической администрации; обещание прийти во второй половине дня в понедельник, через двое суток.

— В какое время в понедельник?

— Он... он не сказал. После школы, я полагаю. Он учится в Нортфилде. Морри, я истекаю кровью.

— Да, — рассеянно ответил Моррис. — Похоже на то. — Его мысли заняты другим. Парень утверждает, что все записные книжки у него. Может, лжет, но вряд ли. Он назвал Энди правильное число. *И он их прочитал.* Мысль эта выбивает искру дикой зависти в голове Морриса Беллами, от которой вспыхивает пожар, быстро охватывающий сердце. Этот Зауберс прочитал то, что предназначалось Моррису, и только Моррису. За этот серьезный проступок придется отвечать.

Моррис наклоняется к Энди и спрашивает:

— Ты гей? Ты ведь гей, правда?

Глаза Энди широко раскрываются.

— Я?... Какое это имеет значение? Морри, мне нужна «скорая»!

— У тебя есть сожитель?

Старый друг ранен, но не глуп. Сразу ухватывает подоплеку вопроса.

— Да!

Нет, думает Моррис и взмахивает топором: *чвак.*

Энди кричит и начинает корчиться на окровавленном ковре. Моррис бьет снова, и Энди кричит еще громче. К счастью, стены уставлены полками с книгами, думает Морри. Книги отлично поглощают звук.

— Угомонись, черт бы тебя побрал, — говорит он, но Энди его не слушает. Всего требуется четыре удара. Последний — по переносице. Оба глаза лопаются, как виноградины, и Энди перестает извиваться. Моррис вытаскивает топор — сталь скрипит о кость — и бросает на ковер рядом с вытянутой рукой Энди.

— Ну вот, — говорит Моррис. — Все кончено.

Ковер пропитался кровью. Стол спереди забрызган ею же. Как и одна из стен, как и сам Моррис. Кабинет теперь больше похож на скотобойню. Морриса это ничуть не расстраивает. Он совершенно спокоен. Вероятно, это шок, думает он, ну и что с того? Ему *надо* сохранять спокойствие. От волнения люди становятся рассеянными.

За столом две двери. Одна ведет в личный туалет давнего друга, вторая — в стенной шкаф. Там много одежды, включая и два дорогих костюма. Моррису от них пользы никакой: он в них утонет.

Ему бы хотелось, чтобы в ванной была душевая кабинка, но если бы желания были лошадьми, и так далее, и так далее. Приходится воспользоваться раковиной. Сняв окровавленную рубашку и вымывшись, он пытается вспомнить все, к чему прикасался после того, как вошел в магазин. Вроде бы он почти ничего не трогал. Но нужно не забыть протереть дверную табличку. А также дверные ручки шкафа и туалета.

Вытершись, Моррис возвращается в кабинет, бросает полотенце и окровавленную рубашку рядом с телом. Джинсы тоже в крови, но эту проблему быстро решает находка на одной из полок стенного шкафа: не меньше двух десятков аккуратно свернутых футболок, переложенных оберточной бумагой. Он находит футболку размера XL, которая закроет джинсы почти до колен, то есть наиболее испачканную часть, и разворачивает ее. На груди надпись: «РЕДКИЕ ИЗДАНИЯ ЭНДРЮ ХОЛЛИДЕЯ», — а также номер телефона, адрес сайта и изображение раскрытой

книги. Моррис думает: Наверное, он раздавал футболки крупным покупателям. Которые говорили «спасибо» и никогда их не надевали.

Начинает натягивать футболку, решает, что не хочет ходить по городу с адресом своего последнего убийства на груди, и выворачивает футболку наизнанку. Буквы проступают сквозь ткань, но прочитывать их нельзя, а книга превратилась в непонятный прямоугольник.

С «докерсами» ситуация хуже. Они заляпаны кровью сверху, подошвы тоже в крови. Моррис смотрит на ноги давнего друга, удовлетворенно кивает, возвращается к стенному шкафу. Талия у Энди в два раза шире, чем у Морриса, а вот размер обуви, похоже, такой же. Он выбирает туфли из мягкой кожи. Они немного жмут, возможно, останутся волдыри, но это небольшая цена за полученные сведения и за месть, которая свершилась, пусть и по прошествии долгого времени.

Опять же, туфли чертовски хорошо выглядят.

Свою вымазанную кровью обувь он добавляет к лежащим на полу рубашке и полотенцу. Тщательно осматривает бейсболку. Ни единого пятнышка. Повезло. Надевает ее и обходит кабинет, протирает поверхности, которых точно касался, и те, которых мог коснуться.

В последний раз опускается на колени у тела, обыскивает карманы, понимая, что опять выпачкает руки кровью и придется их мыть. Ну и ладно, вымоет.

Это Воннегут — не Ротстайн, думает он и смеется. Литературные аллюзии всегда его радовали*.

Ключи Энди в переднем кармане, бумажник — в заднем, на ягодице, которой не досталось от топора Морриса. Опять повезло. Наличных не много, чуть меньше тридцати долларов, но курочка по зернышку, и так далее. Моррис сует купюры в тот же карман, что и ключи, вновь моет руки и протирает краны.

* Отсылка к роману Курта Воннегута «Бойня номер пять».

Прежде чем покинуть святая святых Энди, осматривает топор. На лезвие налипли кровь и волосы. На обтянутой резиной рукояти — отпечаток ладони Морриса. Следовало бы положить топор в одну из сумок вместе с рубашкой и ботинками, но интуиция — откуда-то из самых глубин подсознания, он не столько слышит ее, сколько чувствует, — говорит, что надо оставить его здесь, во всяком случае, пока.

Моррис поднимает топор, протирает лезвие и рукоять, чтобы не осталось отпечатков пальцев. Потом осторожно кладет на дорогой стол. Как предупреждение. Или визитную карточку.

— Кто сказал, что я не волк, мистер Макфарленд? — спрашивает он у пустого кабинета. — Кто сказал?

Потом он уходит, повернув ручку полотенцем с кровавыми потеками.

6

Вернувшись в магазин, Моррис складывает окровавленные вещи в одну из сумок, закрывает молнию. Потом садится, чтобы ознакомиться с содержимым ноутбука Энди.

Этот «Мак» гораздо лучше и современнее того, что стоит в тюремной библиотеке, но сути это не меняет. Поскольку его оставили включенным, пароль не нужен. На экране множество рабочих файлов, внизу, на панели инструментов, иконка приложения «ОХРАНА». Моррис с ней познакомится, и очень тщательно, но сначала он открывает файл «ДЖЕЙМС ХОКИНС», и да, здесь вся нужная ему информация: адрес Питера Зауберса (который он и так знает) и номер мобильного, вероятно, почерпнутый с автоответчика. Отец — Томас. Мать — Линда. Сестра — Тина. Есть даже фотография юного мистера Зауберса, стоящего среди сотрудников библиотеки на Гарнер-стрит, и эту библиотеку Моррис знает очень хорошо. Под этой информа-

цией — которая наверняка пригодится, очень даже пригодится — библиография Джона Ротстайна. Моррис просматривает ее мельком: он помнит произведения Ротстайна.

Кроме тех, разумеется, которые заграбастал юный мистер Зауберс, украл у законного владельца.

Рядом с компьютером лежит блокнот. Моррис записывает номер мобильного мальчишки и сует блокнот в карман. Потом открывает приложение «ОХРАНА» и выбирает «КАМЕРЫ». Появляются шесть маленьких экранов. На двух — Лэйсмейкер-лейн во всем ее торговом великолепии. Еще две просматривают длинный коридор. Пятая показывает тот самый стол, за которым сидит Моррис в новой футболке. Шестая — кабинет Энди, его тело, распростертое на турецком ковре. Изображение черно-белое, пятна и разводы крови выглядят чернильными.

Моррис кликает последнее изображение, и оно заполняет весь экран. Внизу появляются кнопки со стрелками. Он выбирает перемотку назад, ждет, потом нажимает на «Просмотр». Наблюдает, не отрывая глаз от экрана, как убивает своего давнего друга. Завораживающее зрелище. Конечно, это домашнее видео никому не следует показывать, а потому ноутбук он забирает с собой.

Выдергивает различные шнуры, в том числе и ведущий к сверкающему ящичку с надписью «ВИДЖИЛЕНТ СЕКЬЮРИТИ СИСТЕМС». Камеры передают изображение непосредственно на жесткий диск ноутбука и не пишут DVD-копии. Это логично. Маленькое предприятие вроде книжного магазина «Редкие издания Эндрю Холлидея» может не потянуть охранную систему с автоматическим копированием. Но один из отсоединенных проводов вел к DVD-приводу, то есть при желании давний друг Морриса мог перекинуть информацию с камер наблюдения на DVD.

Моррис методично обыскивает ящики стола, охотясь за этими дисками. Всего ящиков пять. В первых четырех ничего интересного нет, однако последний заперт на ключ. Моррис предполагает, что не случайно. Он просматрива-

ет ключи Энди, выбирает самый маленький, отпирает замок и срывает банк. Нет, речь не о шести или восьми фотографиях его давнего друга, отсасывающего молодому здоровяку со множеством татуировок, но рядом лежит пистолет. «Зиг-зауэр», модель P238. Вычурно декорированный, красно-черный, с золотыми цветочками. Моррис достает обойму: полная. Патрон есть даже в стволе. Он возвращает обойму на место и кладет пистолет на стол, чтобы забрать с собой. Лезет глубже и находит белый конверт без марки. Клапан не заклеен. Моррис открывает конверт, ожидая увидеть новые порнографические фотографии, но, к своей радости, находит деньги, не меньше пятисот долларов. Ему по-прежнему везет. Он кладет конверт рядом с пистолетом.

Больше ничего важного в ящике нет, и Моррис начинает думать, что если нужные ему диски и существуют, то Энди держал их где-то в сейфе. Но в тот день госпожа Удача еще не закончила одаривать Морриса Беллами своим вниманием. Поднимаясь, он задевает плечом полку, которая висит слева от стола. Старые книги валятся на пол, а за ними обнаруживается тонкая стопка скрепленных резинкой пластиковых коробочек с дисками.

— Привет, как поживаете? — шепчет Моррис. — Как поживаете?

Он вновь садится и торопливо просматривает диски, словно тасует карты. Энди надписал их черным маркером. Но только на последнем имя что-то говорит Моррису, потому что именно этот диск он и ищет. На блестящей поверхности написано: «ХОКИНС».

В этот день у него непрерывная череда удач (возможно, компенсация за жестокое разочарование прошлой ночи), но пора и честь знать. Моррис несет компьютер, пистолет, конверт с деньгами и диск с надписью «ХОКИНС» к двери. Складывает во вторую сумку, не обращая внимания на людей, которые проходят мимо магазина. Если ведешь себя естественно, большинство думает, что ты имеешь на это

право. С уверенным видом Моррис выходит из магазина и запирает за собой дверь. Табличка «ЗАКРЫТО» покачивается, потом замирает. Моррис надвигает на лоб длинный козырек бейсболки «Сурков» и уходит.

По пути в Клоповник делает еще одну остановку: в интернет-кафе «Вкусные байты». За двенадцать долларов Энди Холлидея получает до безобразия дорогую чашку паршивого кофе и двадцать минут в индивидуальной кабинке с компьютером, снабженным DVD-приводом. Моррису требуется меньше пяти минут, чтобы убедиться, что у него в руках: его давний друг разговаривает с мальчишкой со специально отрашенными усами и в очках, которые тот, похоже, надел исключительно для маскировки. На первой записи Зауберс с книгой, вероятно, «Письмами с Олимпа», и большим конвертом, в котором те самые фотокопии, о которых упоминал Энди. На второй Зауберс и Энди о чем-то спорят. Оба мини-фильма черно-белые и немые, но Моррису без разницы. Мальчишка мог говорить что угодно. На второй записи, во время спора, мог даже сказать: «Если я приду в следующий раз, то с топором, жирный ублюдок».

Уходя из «Вкусных байтов», Моррис улыбается. Мужчина за кассой улыбается в ответ и говорит:

— Вижу, вы хорошо провели время.

— Да, — отвечает человек, две трети своей жизни проводивший за решеткой. — Но твой кофе — дерьмо, умник. Мне следовало вылить его на твою гребаную голову.

Улыбка сползает с лица кассира. Сюда частенько заходят психи. С такими лучше молчать и надеяться, что больше они здесь не появятся.

7

Ходжес сказал Холли, что собирается провести хотя бы часть выходных в кресле перед телевизором, посмотреть бейсбол, и в воскресенье днем честно смотрит пер-

вые три иннинга игры «Индейцев», а потом знакомое беспокойство охватывает его, и он решает наведаться в гости. Не к давнему другу, но определенно давнему знакомому. После каждого из таких визитов он говорит себе: «Все, хватит, это бессмысленно». Говорит совершенно серьезно. А потом — через четыре недели, или восемь, или десять — едет снова. Что-то его заставляет. И кроме того, «Индейцы» уже проигрывают «Рейнджерам» пять очков, и это после третьего иннинга.

Он выключает телевизор, надевает футболку с надписью «Полицейская спортивная лига» (растолстев, Ходжес избегал носить футболки, но теперь ему нравится, как они ровненько падают вниз, не округляясь над ремнем брюк) и запирает дом. В воскресенье дороги пустуют, и через двадцать минут он уже паркует «приус» на третьем этаже гаража для посетителей, примыкающего к огромному, продолжающему расплзаться бетонному зданию больницы имени Джона М. Кайнера. Направляясь к лифту, шепчет молитву, как и всегда, благодарит Господа за то, что он здесь посетитель, а не пациент. Хотя при этом отдает себе отчет, что рано или поздно большинство горожан *становятся* пациентами одной из пяти прекрасных больниц. Час расплаты приходит всегда, и в конце концов даже самый надежный корабль идет ко дну: буль-буль-буль. Противостоять этому, по мнению Ходжеса, можно единственным способом: максимально использовать каждый день на плаву.

Но возникает вопрос: что же в таком случае он здесь делает?

Эта мысль приводит на память строки, услышанные или прочитанные много лет назад, которые засели в голове благодаря простой рифме: «Не спрашивай же ни о чем, давай туда скорей пойдем»*.

* Строки из стихотворения Т. С. Элиота «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока» (1915).

8

В любой большой городской больнице легко потеряться, но Ходжес столько раз проходил этим маршрутом, что теперь может объяснять дорогу, а не спрашивать. Гаражный лифт выводит его к крытой аллее, по которой он попадает в вестибюль размером с железнодорожный вокзал. Лифт коридора А поднимает его на третий этаж; далее он проходит по переходу над Кайнер-бульвар и попадает в конечный пункт путешествия, где стены окрашены в успокаивающий розовый цвет, а люди разговаривают, понизив голос. Над стойкой регистратора щит:

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КЛИНИКУ ТРАВМАТИЧЕСКИХ
ПОВРЕЖДЕНИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА ОЗЕРНОГО РЕГИОНА!
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ И ДРУГИХ
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ УСТРОЙСТВ ЗАПРЕЩЕНО.
ПОМОГИТЕ НАМ ПОДДЕРЖИВАТЬ ТИШИНУ!
БЛАГОДАРИМ ЗА ПОНИМАНИЕ.**

Ходжес подходит к стойке, где его уже ждет бейдж посетителя. Старшая медсестра знает Ходжеса. После четырех лет знакомства они почти что давние друзья.

— Как ваша семья, Бекки?

Она отвечает, что в добром здравии.

— Сломанная рука сына срослась?

Она отвечает, что да. Гипс сняли, и через неделю, может, две, он сможет избавиться от повязки.

— Отлично. Мой мальчик в палате или на лечебной физкультуре?

Она отвечает, что в палате.

Ходжес по коридору направляется к палате 217, пребывание в которой пациенту оплачивает штат. По пути встречает санитаря, прозванного медсестрами Библиотечный Эл. Ему за шестьдесят, и он, как обычно, толкает перед собой тележку с книгами в мягкой обложке и газе-

тами. В его маленьком арсенале прибавление: небольшой пластмассовый контейнер с электронными читалками.

— Привет, Эл, — здоровается Ходжес. — Как дела?

Хотя Эл обычно болтлив, как и положено санитарам, сегодня глаза у него слипаются, а под ними — лиловые мешки. Видать, кто-то бурно провел вечер. Ходжес думает об этом с улыбкой. С ним такое тоже случалось. Ходжес готов шелкнуть перед глазами Эла пальцами, словно гипнотизер на сцене, но решает, что это будет грубо. Пусть Эл спокойно отстрадает свое похмелье. Раз он в таком состоянии во второй половине дня, Ходжесу не хочется думать, что было утром.

Но не успевает Ходжес пройти мимо, как Эл вырывается из полудремы и улыбается:

— Привет, детектив! Давно не видел вас в наших краях.

— Теперь я просто «мистер», Эл. Ты в порядке?

— Конечно. Просто задумался о... — Эл пожимает плечами. — Даже не знаю, о чем задумался. — Он смеется. — Старение — работа не для слабаков.

— Ты не старый, — говорит Ходжес. — Кто-то забыл сообщить тебе хорошие новости. Шестьдесят — все равно что сорок.

Эл фыркает:

— По-моему, *это* кусок сами знаете чего.

Ходжес с ним полностью согласен. Указывает на тележку:

— Как я понимаю, мой мальчик книг у тебя не просит?

Эл вновь фыркает:

— Хартсфилд? Нынче он и беренштейновских «Медвежат» не осилит. — Эл стучит себя по лбу. — Ничего не осталось, кроме овсянки. Хотя иногда он тянется к одной из этих штук. — Он достает из контейнера электронную читалку «Заппит». Ярко-розовую, девчачью. — В этих читалках есть игры.

— Он играет в игры? — Ходжес поражен.

— Господи, нет. Никакой регуляции моторики. Но если я включаю одну из демоверсий, например, «Барби идет по подиуму» или «Место рыбалки», он смотрит их часами. Они повторяются по кругу, но разве он об этом знает?

— Догадываюсь, что нет.

— Догадка верная. Я думаю, ему нравятся звуки: пиканье, постукивание, звоночки. Когда я прихожу через два часа, читалка лежит на его кровати или на подоконнике — экран темный, аккумулятор сел. Но что с того, им это не вредит, три часа на зарядке — и читалка как новенькая. *Его-то* не подзарядишь. Но это скорее хорошо. — Эл морщит нос, словно унюхал что-то противное.

Может, да, может, и нет, думает Ходжес. Пока Хартсфилду не становится лучше, он здесь, в уютной больничной палате. Вид из окна, конечно, не очень, зато кондиционированный воздух, цветной телевизор, в любое время — розовая читалка «Заппит», чтобы смотреть на нее. А будь он *compos mentis* — в здравом уме и твердой памяти, способный защищать себя, юридически выражаясь, — пришлось бы ему предстать перед судом по десятку обвинений, включая убийство девяти человек. Десяти, если окружной прокурор решит добавить мать говнюка, которая умерла от отравления. А после этого его будет ждать тюрьма Уэйнесвилл, где он и останется до конца жизни.

Там никаких кондиционеров.

— Отдохни, Эл. Ты выглядишь усталым.

— Нет, я в порядке, детектив Хатчинсон. Наслаждайтесь вашим визитом.

Эл катит тележку дальше, Ходжес, нахмутив брови, смотрит ему вслед. Хатчинсон? Откуда это, черт побери, взялось? Ходжес приходит сюда уже четыре года, и Эл прекрасно знает его фамилию. Или знал. Господи, остается надеяться, что у этого парня не раннее старческое слабоумие.

Первые четыре месяца у двери палаты 217 стояли два охранника. Потом один. Теперь ни одного, потому что

охрана Брейди — пустая трата времени и денег. Едва ли надо опасаться, что преступник сбежит, если он не может самостоятельно добраться даже до туалета. Каждый год начинаются разговоры о переводе его в более дешевое заведение на севере штата, и каждый год прокурор напоминает, что этот господин, с поврежденным мозгом или нет, формально ожидает суда. И проще держать его здесь, потому что клиника сама оплачивает немалую часть расходов. Для врачей — особенно для доктора Феликса Бэбино, главного невролога — Брейди Хартсфилд исключительно интересный клинический случай.

Сегодня он сидит у окна в джинсах и клетчатой рубашке. Отросшие волосы нуждаются в стрижке, но вымыты и блестят золотом в солнечном свете. Какая-нибудь девушка с радостью зарылась бы в них пальцами, думает Ходжес. Если бы не знала, каким он был монстром.

— Привет, Брейди.

Хартсфилд не реагирует. Он смотрит в окно — но видит ли кирпичную стену гаража, единственное, что можно увидеть? Знает ли, что в палате Ходжес? Знает ли, что в палате вообще *кто-то* есть? Это вопросы, на которые хочет получить ответы целая команда неврологов. И Ходжес тоже. Он присаживается на край кровати, думая: *Был монстром? Или остался?*

— Давненько не виделись, как сказал хористке сошедший на берег моряк.

Хартсфилд не отвечает.

— Я знаю, шутка с бородой. У меня их сотни, спроси мою дочь. Как сам?

Хартсфилд не отвечает, руки лежат на коленях, длинные белые пальцы переплетены.

В апреле 2009 года Брейди Хартсфилд угнал «мерседес-бенц», принадлежавший тете Холли, и сознательно, на большой скорости врезался в толпу безработных у Городского центра. Убил восьмерых и причинил тяжелые увечья двенадцати, включая Томаса Зауберса, отца Питера и Тины.

Тогда ему удалось выйти сухим из воды. Ошибка Хартсфилда состояла в том, что он написал Ходжесу, к тому времени вышедшему на пенсию, издевательское письмо.

На следующий год Брейди убил кузину Холли, женщину, в которую Ходжес успел влюбиться. И надо же, именно Холли остановила часы Брейди Хартсфилда, практически вышибив ему мозги Веселым ударником Ходжеса, прежде чем Хартсфилд успел взорвать бомбу и убить несколько тысяч подростков на концерте поп-группы.

Первый удар Веселого ударника проломил Хартсфилду череп, а вот второй привел к необратимым последствиям. Брейди привезли в Клинику травматических повреждений головного мозга в глубокой коме, и его шансы выйти из нее стремились к нулю. Так сказал доктор Бэбино. Но в дождливый ноябрьский вечер 2011 года Хартсфилд открыл глаза и заговорил с медсестрой, которая меняла капельницу. (Раздумывая об этом моменте, Ходжес всегда представляет себе доктора Франкенштейна, кричащего: «Он ожил! Он ожил!») Хартсфилд сказал, что у него болит голова, и попросил позвать мать. Когда прибежавший доктор Бэбино предложил пациенту проследить взглядом за его пальцем, Хартсфилд смог это сделать.

За тридцать месяцев, прошедших с того вечера, Брейди Хартсфилд говорил часто (хотя с Ходжесом — никогда). По большей части он просит позвать мать. Когда ему говорят, что она умерла, он иногда кивает, вроде бы понимая... но через день или через неделю повторяет просьбу. Он может выполнять простые инструкции в центре физиотерапии, в каком-то смысле ходит, точнее, передвигает ноги, опираясь на санитаря. В хорошие дни ест сам, но не одевается. Его состояние оценивают как полукататоническое. По большей части он сидит в палате, глядя на обои — с цветочками — или на кирпичную стену за окном.

Но благодаря некоторым загадочным событиям последнего года Брейди Хартсфилд стал в Клинике травма-

тических повреждений головного мозга легендарной личностью. Конечно, это слухи и домыслы. Доктор Бэбино их отмечает и отказывается о них говорить... однако некоторые санитары и медсестры говорят, а один ушедший на пенсию детектив готов снова и снова их слушать.

Ходжес наклоняется вперед, свесив руки между колен, и улыбается Хартсфилду.

— Ты притворяешься, Брейди?

Брейди не реагирует.

— А зачем? Все равно будешь сидеть под замком до конца жизни, так или иначе.

Брейди не реагирует, но поднимает руку. Едва не попадает себе в глаз, в последний момент соображает, куда метит, и просто откидывает со лба прядь волос.

— Хочешь спросить о матери?

Брейди не реагирует.

— Она мертва. Гниет в гробу. Ты накормил ее ядом для сусликов. Наверное, она долго мучилась. Она мучилась? Ты при этом присутствовал? Наблюдал?

Нет ответа.

— Ты здесь, Брейди? Тук-тук, алло?

Нет ответа.

— Я думаю, здесь. Надеюсь, что здесь. И вот что я тебе скажу. Я раньше крепко выпивал. И знаешь, что я лучше всего помню о тех днях?

Молчание.

— Похмелье. Попытки выбраться из кровати, когда голова лежит на наковальне, а по ней стучат молотом. Отливаешь утреннюю кварту и гадаешь, а что я делал прошлой ночью. Иногда даже не знаешь, как добрался до дому. Проверяешь автомобиль на наличие вмятин. Все равно что заблудиться в собственном гребаном разуме и искать дверь, чтобы выйти. До полудня эту дверь никогда не удавалось найти, и только потом мир начинал обретать нормальные очертания.

Тут на ум Ходжесу приходит Библиотечный Эл.

— Я надеюсь, что ты сейчас в таком же состоянии. Бродишь внутри своего наполовину вышибленного разума и ищешь дверь наружу. Только для тебя такой двери нет. Твое похмелье будет длиться вечно. Так обстоят дела? Очень на это надеюсь.

Ходжес чувствует боль в руках. Смотрит на них и понимает, что ногти впились в ладони. Разжимает пальцы и видит белые полукружия, которые краснеют. Вновь кривит губы в улыбке.

— Просто говорю, дружище. Просто говорю. Не хочешь что-нибудь сказать сам?

Хартсфилд ничего не говорит.

Ходжес встает.

— Ладно. Сиди у окна и пытайся найти выход. Тот самый, которого нет. А пока ты этим занимаешься, я пойду на улицу и подышу свежим воздухом. День сегодня прекрасный.

На столике между стулом и кроватью — фотография, которую Ходжес впервые увидел в доме на Элм-стрит, где жили Хартсфилд и его мать. Уменьшенная копия. В простенькой металлической рамке. Брейди и его мама где-то на пляже, обнявшись, щека к щеке, больше напоминают парня с девушкой, чем мать с сыном. Когда Ходжес поворачивается, чтобы уйти, фотография с громким стуком падает.

Ходжес смотрит на фотографию, смотрит на Хартсфилда, снова на фотографию, лежащую лицом вниз.

— Брейди?

Нет ответа. Никогда. Во всяком случае, для него.

— Брейди, это ты сделал?

Никакой реакции. Брейди смотрит на колени, где лежат руки с вновь переплетенными пальцами.

— Некоторые медсестры говорят... — Ходжес умолкает. Ставит фотографию на маленькую подставку. — Если это сделал ты, повтори.

Хартсфилд молчит, фотография стоит. Мать и сын в более счастливые дни. Дебора Энн Хартсфилд и ее сладкий мальчик.

— Ладно, Брейди. Увидимся, аллигатор. Ухожу, дорогуша.

И он уходит, закрывая за собой дверь. Брейди Хартсфилд на мгновение вскидывает голову. И улыбается.

На столике фотография вновь падает.

Стук.

9

Эллен Брэн (известная как Брэн Стокер среди учеников Нортфилда, которые выбрали курс «Фэнтези и хоррор» кафедры английского языка и литературы) стоит у двери школьного автобуса, припаркованного около административного корпуса пансионата «Ривер бенд». В ее руке — мобильник. Воскресенье, четыре пополудни, и она уже готова позвонить 911 и сообщить о пропавшем ученике. Но тут Питер Зауберс появляется из-за той части здания, в которой расположен ресторан, и бежит к автобусу так быстро, что ветер отбрасывает со лба его волосы.

Эллен всегда безупречно вежлива с учениками, держит дистанцию, не допускает фамильярностей, но сейчас забывает про условности и так крепко прижимает Пита к себе, что у того перехватывает дыхание. Из автобуса, в котором дожидаются члены ученической администрации, нынешние и будущие, слышатся издевательские аплодисменты.

Эллен отпускает Пита, тут же хватает за плечи и совершает второй ранее немыслимый поступок: как следует встряхивает.

— Где ты *был*? Ты пропустил все утренние семинары. Пропустил ленч. Я уже собиралась звонить в *полицию*!

— Извините, мисс Брэн. Прихватило живот. Я подумал, что прогулка на свежем воздухе мне поможет.

Мисс Брэн — руководительница и консультант в этой поездке, потому что она преподает американскую политику и американскую историю — принимает решение поверить ему. И не только потому, что Пит — один из ее лучших учеников и никогда не доставлял проблем. Мальчик действительно *выглядит* больным.

— Ну... зря ты мне не сказал. Я подумала, что ты решил вернуться в город на попутках или что-то такое. Случись с тобой что-нибудь, виновата была бы я. Ты не понимаешь, что я отвечаю за вас в таких поездках?

— Я потерял счет времени. Меня рвало, и я не хотел делать это внутри. Наверное, я что-то съел. Или какая-то вирусная инфекция.

Он ничего такого не ел и ничем не заболел, но его действительно рвало. От нервов. А точнее, от неконтролируемого страха. Он до смерти боялся завтрашней встречи с Энди Холлидеем. Она могла пройти нормально, Пит знал, есть шанс, что она пройдет нормально, но ему предстояло попасть ниткой в ушко движущейся иглы. И если он промажет, его ждут проблемы и с родителями, и с полицией. Стипендия на учебу в колледже, хоть какая-то? Забудь. Он даже мог загреметь в тюрьму. Вот он и провел день, бродя по тропинкам, что пересекали тридцать акров земли, занимаемой пансионатом, вновь и вновь обдумывая предстоящую встречу. Что скажет он, что ответит Холлидей, что на это скажет он. И да, он потерял счет времени.

Лучше бы он никогда не видел этот гребаный сундук!

«Но я только хотел поступить правильно, — думает Пит. — Черт побери, ничего больше».

Эллен видит слезы в глазах мальчика, впервые замечает — возможно, потому, что он сбрил эти дурацкие донжуанские усы, — какое худое у него лицо. Почти изможденное. Она бросает мобильник в сумочку, достает пачку бумажных салфеток.

— Вытри лицо, — говорит она.

Из автобуса доносится голос:

— Эй, Зауберс! Так держать!

— Заткнись, Джереми, — говорит Эллен не оборачиваясь. Потом обращается к Питу: — Мне следовало бы на неделю отстранить тебя от занятий, но я собираюсь ограничиться устным замечанием.

Само собой, ведь для отстранения от занятий на неделю необходимо изложить причину Уотерсу, заместителю директора, который курирует все дисциплинарные вопросы. Уотерс пожелает узнать, как она действовала в возникшей ситуации, почему не подняла тревогу раньше, особенно если вытянет из нее, что она не видела Питера Зауберса после ужина прошлым вечером. То есть он находился вне ее поля зрения почти сутки, слишком долго для школьной поездки.

— Спасибо, мисс Брэн.

— Ты думаешь, рвота окончательно прекратилась?

— Да. Уже ничего не осталось.

— Тогда заходи в автобус, и едем домой.

Издавательские аплодисменты раздаются вновь, когда Пит поднимается по ступенькам и идет по проходу. Он пытается улыбнуться, словно все в порядке. Больше всего на свете ему хочется вернуться в дом на Сикомор-стрит и спрятаться в своей комнате, дожидаясь завтрашнего дня, когда он сможет покончить с этим кошмаром.

10

Вернувшись домой из больницы, Ходжес видит симпатичного молодого человека в гарвардской футболке, который сидит на его крыльце и читает толстую книгу. На бумажной обложке сражаются то ли греки, то ли римляне. Рядом с ним лежит ирландский сеттер, на морде которого написана счастливая улыбка, свойственная всем соба-

кам, живущим в домах, где их любят. И молодой человек, и пес поднимаются, когда Ходжес заезжает под навес, который служит ему гаражом.

Молодой человек встречает его на середине лужайки, протягивая сжатую в кулак руку. Ходжес тоже поднимет кулак, признавая черный цвет кожи Джерома, потом пожимает ему руку, тем самым показывая, что не забывает свою принадлежность к белым.

Держа Ходжеса за руки, Джером отступает на шаг и оглядывает его с ног до головы.

— Это же надо! — восклицает он. — Худее не бывает!

— Я хожу пешком, — говорит Ходжес. — И купил беговую дорожку для дождливых дней.

— Прекрасно. Вы будете жить вечно!

— Хотелось бы, — отвечает Ходжес и наклоняется. Пес поднимает лапу, и Ходжес пожимает ее. — Как поживаешь, Одилл?

Одилл гавкает, и это, вероятно, означает, что прекрасно.

— Заходите, — предлагает Ходжес. — У меня есть кока-кола. Если, конечно, ты не хочешь пива.

— Кола вполне устроит. А Одилл, готов спорить, не откажется от воды. Мы пришли пешком. Одилл теперь шагает не так быстро, как прежде.

— Его миска по-прежнему под раковиной.

Они заходят в дом и чокаются стаканами с ледяной кока-колой. Одилл лакает воду, потом растягивается на привычном месте у телевизора. Ходжес не отлипал от него в первые несколько месяцев после выхода на пенсию, но теперь включает редко, разве что для того, чтобы послушать Скотта Пелли в «Вечерних новостях» на Си-би-эс да иногда посмотреть игру «Индейцев».

— Как кардиостимулятор, Билл?

— Даже не замечаю. И это меня вполне устраивает. А что произошло с танцами в большом загородном клубе, на которые ты собирался в Питсбург с этой как-ее-там?

— Не сложилось. Мои родители знают, что как-ее-там и я пришли к выводу, что наши учебные и личные интересы не совпадают.

Ходжес вскидывает брови:

— Такое ждешь услышать от юриста, а не от человека, решившего специализироваться по философии и древним цивилизациям.

Джером отпивает кока-колы, вытягивает ноги, улыбается.

— По правде, значит? Как-ее-там — она же Присцилла — использовала меня, чтобы разжечь ревность у парня, с которым встречалась в старших классах. И ведь сработало. Она сказала мне, что очень сожалеет, надеется, что мы останемся друзьями, и так далее. Неприятно, конечно, но, вероятно, оно и к лучшему. — Он умолкает. — Она по-прежнему хранит на полке в своей комнате кукол Барби и Братц, и, должен признать, уже это заставило меня задуматься. Наверное, я не против, если родители выяснят, что меня использовали как поварешку, чтобы помешивать любовный суп, но если вы скажете Барбстер, она будет припоминать мне это до конца моей жизни.

— Буду нем как могила, — обещает Ходжес. — А что теперь? Возвращаешься в Массачусетс?

— Нет, я здесь на лето. Нашел работу в доках. Поворочаю контейнеры.

— Это не лучшее занятие для студента Гарварда, Джером.

— Наоборот. Зимой я получил лицензию на управление тяжелым оборудованием, жалованье замечательное, а обучение в Гарварде стоит недешево, даже с частичной стипендией. — Тайрон Филгуд Делайт заглядывает в гости, к счастью, на короткое время. — Ентот черный мальчик будет грузить енту баржу и таскать ентот тюк, масса Ходжес! — Но тут же уступает место Джерому. — Кто косит вашу лужайку? Она неплохо выглядит. До уровня Джерома Робинсона далеко, но все равно неплохо.

— Паренек, который живет в конце квартала, — отвечает Ходжес. — Это визит вежливости или...

— Барбара и ее подруга Тина рассказали мне чертовски интересную историю, — говорит Джером. — Тине сначала не хотелось, но Барбс ее уговорила. Она это умеет. Послушайте, вы знаете, что отца Тины покалечило в той бойне у Городского центра?

— Да.

— Если именно ее брат посылал деньги, которые позволили семье удержаться на плаву, тогда он молодец... но откуда он их взял? Я даже представить себе не могу, как ни стараюсь.

— Я тоже.

— Тина говорит, что вы собираетесь его спросить.

— Завтра после школы, согласно намеченному плану.

— Холли участвует?

— В определенной степени. Собирает информацию.

— Круто! — Джером широко улыбается. — Как насчет того, чтобы я завтра поехал с вами? Воссоединение! Исполним все хиты!

Ходжес задумывается.

— Не знаю, Джером. Один человек — такой старичок, как я, — возможно, не слишком испугает юного мистера Зауберса. Два парня, особенно если один из них — здоровенный чернокожий ростом под шесть с половиной футов...

— Пятнадцать раундов, а я все равно красивый! — восклицает Джером, размахивая руками над головой. Одилил прижимает уши. — Все равно красивый! Этот скверный старый медведь Сонни Листон не достал меня! Я порхал как бабочка, я жалил...* — Видит, что Ходжес терпеливо ждет завершения. — Ладно, ладно, иногда меня заносит. Где вы собираетесь его ждать?

* Намек на первый бой за звание чемпиона мира между Сонни Листоном и Кассиусом Клеем 25 февраля 1964 г.

— По нашему плану — перед школой. Перед главным входом.

— Не все им пользуются, и он может ускользнуть, особенно если Тина проболтается, что говорила с вами. — Джером видит, что Ходжес хочет его перебить, и поднимает руку. — Она обещала, что ничего не скажет, но большие братья знают маленьких сестреночек, можете поверить человеку, у которого есть сестра. Если ему станет известно, что кто-то хочет его расспросить, он может уйти задом и выбраться через футбольное поле на Уэстфилд-стрит. Я могу припарковаться там и позвонить, если увижу его.

— Ты знаешь, как он выглядит?

— Да, Тина показала мне фотографию из ее бумажника. Позвольте мне поучаствовать в этом, Билл. Барби нравится эта девочка. Мне она тоже понравилась. И она показала характер, обратившись к вам, пусть моя сестра и командовала парадом.

— Знаю.

— Опять же, мне чертовски любопытно. Тина говорит, деньги начали приходить, когда ее брату было только тринадцать. Совсем мальчишка, и такие деньги... — Джером качает головой. — Неудивительно, что у него проблемы.

— Согласен. Ладно, если ты этого хочешь, ты в деле.

— Брат!

Разумеется, за этим следует очередной удар кулака о кулак.

— Ты учился в Нортфилде, Джером. Там есть еще какой-нибудь выход, кроме главного и на Уэстфилд-стрит? Джером думает.

— Если он спустится в подвал, то попадет к прежнему месту для курения. Дальше через конференц-зал можно выйти на Гарнер-стрит.

— Я отправлю туда Холли, — решает Ходжес.

— Отличная идея! — восклицает Джером. — Вся команда в сборе! Как я и говорил!

— Но если увидишь его, не подходи, — уточняет Ходжес. — Только позвони. Говорить с ним буду я. Холли я скажу то же самое. Хотя она и сама не подойдет.

— При условии, что вы нам все расскажете.

— Расскажу, если будет что, — отвечает Ходжес в надежде, что не дает поспешного обещания. — Завтра приезжай в мой офис в Тернер-билдинг около двух. Выезжаем в два пятнадцать. В два сорок пять — на позициях.

— Вы уверены, что Холли справится?

— Да. Наблюдение — это для нее. Проблемы возникают при конфронтации.

— Не всегда.

— Да, — соглашается Ходжес. — Не всегда.

Оба думают о конфронтации — в ЦКИ с Брейди Хартсфилдом, — в которой Холли показала себя с наилучшей стороны.

Джером смотрит на часы:

— Должен идти. Я обещал отвезти Барбару в торговый центр. Она хочет часы «Суотч». — Он закатывает глаза.

Ходжес ухмыляется:

— Люблю твою сестричку, Джером.

Тот ухмыляется в ответ:

— Если на то пошло, я тоже. Пошли, Одилл. Шевели лапами.

Одилл встает и идет к двери. Джером берется за ручку, потом оборачивается. Он больше не улыбается.

— Вы ездили туда, куда я думаю?

— Возможно.

— Холли знает, что вы у него бываете?

— Нет. И не говори ей. Ее это сильно расстроит.

— Да. Конечно. Как он?

— Без изменений. Хотя... — Ходжес думает о том, как упала фотография. *Со стуком.*

— Хотя что?

— Ничего. Он без изменений. Окажи мне услугу, попроси Барбару связаться со мной, если Тина ей позвонит

и скажет, что ее брат каким-то образом прознал о моем пятничном разговоре с девочками.

— Обязательно. До завтра.

Джером уходит. Ходжес включает телевизор, и его ждет приятный сюрприз: «Индейцы» еще играют. Счет равный. Идут дополнительные иннинги.

11

Холли проводит воскресный вечер в своей квартире, пытается смотреть «Крестного отца-2» на компьютере. Обычно это занятие доставляет ей большое удовольствие, поскольку она считает, что это один из двух или трех лучших фильмов всех времен и народов, наряду с «Гражданином Кейном» и «Тропами славы», но сегодня она то и дело прерывает просмотр, чтобы в тревоге покружить по гостиной. Места для кружения хватает. Эта квартира не такая роскошная, как в кондоминиуме на берегу озера, где она жила первое время после переезда в город, но достаточно большая, и район респектабельный. Холли может позволить себе аренду: по завещанию кухни Джейни она получила полмиллиона долларов. Конечно, пришлось уплатить налоги, но все равно это большая сумма. И благодаря работе у Билла Ходжеса сумма эта растет.

Кружа по комнате, Холли бормочет любимые фразы:

— Мне не нужно убивать всех — только моих врагов.

— Как сказать по-испански «банана дайкири»?

— Это твоя страна, а не твоя кровь, запомни это.

И разумеется, самую знаменитую:

— Я знаю, это был ты, Фредо. Ты разбил мне сердце.

Если бы она смотрела другой фильм, то повторяла бы другой набор цитат. Эту форму самогипноза Холли использовала с тех пор, как в семь лет посмотрела «Звуки музыки». (Любимая фраза: «Любопытно, какой у травы вкус».)

Думает она о записной книжке «Молескин», которую брат Тины так быстро спрятал под подушку. Билл уверен, что записная книжка не имеет отношения к деньгам, которые Пит посылал родителям, а Холли в этом сомневается.

Она всю жизнь вела дневник, записывала в него фильмы, которые посмотрела, книги, которые прочла, людей, с которыми разговаривала, время, когда вставала, время, когда ложилась. И время, когда справляла большую нужду, но в зашифрованном виде (а вдруг кто-то прочтет дневник после ее смерти?): СНГ, что означало «сходила на горшок». Она знает, что это ОКП, то есть обсессивно-компульсивное поведение. Они с психотерапевтом обсуждали, что навязчивое составление списков — одна из форм магического мышления, но это никому не вредит, и если ей хочется вести списки в записных книжках «Молескин», это только ее дело. Речь о том, что она знает о «Молескинах», а потому знает, что эти записные книжки стоят дорого. За два с половиной доллара в «Уолгринс» можно купить блокнот на спирали, но «Молескин» с таким же количеством страниц обойдется в десять баксов. Зачем подростку потребовалась такая дорогая записная книжка, особенно если семья остро нуждалась в деньгах?

— Нелогично, — говорит Холли. И словно в продолжение этой мысли добавляет: — Оставь пистолет. Захвати канноли. — Это из первого «Крестного отца», но все равно хорошая цитата. Одна из лучших.

Отправь деньги. Сохрани записные книжки.

Дорогая записная книжка засовывается под подушку, когда младшая сестра внезапно заходит в комнату. Чем дольше Холли об этом думает, тем крепче ее уверенность, что это неспроста.

Она включает фильм, но не может следовать за столь хорошо знакомым и столь любимым сюжетом, когда в голову лезут мысли о записных книжках, и Холли совершает неслыханный для нее поступок: выключает компьютер

прежде, чем соберется лечь спать. После этого возобновляет кружение по комнате, сцепив руки за спиной.

Отправь деньги. Сохрани записные книжки.

— И временной промежуток! — сообщает она пустой комнате. — Не забывай про это!

Да. Семь месяцев спокойной жизни между днем, когда иссякли деньги, и началом странного поведения Зауберса. Ему потребовалось семь месяцев, чтобы придумать способ добыть *больше* денег? Холли думает, что так оно и есть. Холли думает, что у него появилась идея, но идея эта оказалась не из *лучших*. Из-за нее Зауберс попал в серьезную передрагу.

— Что приводит человека к беде, когда дело касается денег? — спрашивает Холли пустую комнату, кружа по ней все быстрее. — Воровство приводит. А также шантаж.

В этом все дело? Пит Зауберс пытался кого-то шантажировать насчет содержимого этого «Молескина»? Что-то насчет украденных денег? Только как Пит мог шантажировать кого-то насчет денег, которые он сам и украл?

Холли идет к телефону, протягивает руку, потом отдергивает. Почти минуту стоит неподвижно, жует губы. Она не привыкла проявлять инициативу. Может, ей лучше сначала позвонить Биллу, спросить, правильно ли она все делает?

— Хотя Билл не думает, что записная книжка имеет значение, — делится она с гостиней. — Я думаю иначе. И я могу думать иначе, если мне того хочется.

Холли хватает мобильник с кофейного столика и звонит Тине Зауберс, прежде чем успевает испугаться собственной прыти.

— Алло! — с тревогой произносит Тина. Чуть ли не шепотом. — Кто это?

— Холли Гибни. Ты не видишь моего номера, потому что он не внесен в телефонный справочник. Я очень осторожна со своим номером, хотя тебе дам его с радостью. Мы можем болтать в любое время, потому что мы — по-

други, а для этого подружки и нужны. Твой брат вернулся домой?

— Да, около шести, мы как раз заканчивали обед. Мама сказала, что жаркого и картошки достаточно, она ему подогреет, если он хочет. Но он ответил, что на обратном пути они заехали в «Денниз». Потом поднялся в свою комнату. Отказался даже от клубничного торта, который так любит. Я очень за него волнуюсь, мисс Холли.

— Можешь называть меня Холли, Тина. — Она ненавидит «мисс», это слово напоминает ей комариное жужжание над ухом.

— Хорошо.

— Он тебе что-нибудь сказал?

— Только «привет», — тихо отвечает Тина.

— И ты не рассказывала ему, что в пятницу приходила в офис с Барбарой?

— Господи, нет!

— Где он сейчас?

— В своей комнате. Слушает «The Black Keys». Я ненавижу «The Black Keys».

— Да, я тоже. — Холли понятия не имеет, кто такие «The Black Keys», хотя может назвать весь актерский состав «Фарго». (Лучшую фразу в этом фильме произносит Стив Бушеми: «Раскуси эту гребаную трубку мира».)

— Тина, у Пита есть близкий друг, которому он бы мог рассказать о том, что его тревожит?

Тина думает. Холли пользуется паузой, чтобы схватить пластинку жевательной резинки «Никоретте» из открытой упаковки, лежащей рядом с компьютером, и бросить в рот.

— Вряд ли, — наконец отвечает Тина. — Наверное, в школе у него есть друзья, его знают многие, но единственным близким другом Пита был Боб Пирсон, который жил в нашем квартале, а они в прошлом году переехали в Денвер.

— А как насчет подружки?

— Он довольно много времени проводил с Глорией Мур, но они разбежались после Рождества. Пит сказал, что она не любит читать, а ему не по душе девушка, которая не дружит с книгами. — И она печально добавляет: — Мне Глория нравилась. Она научила меня красить глаза.

— Девушкам не нужно красить глаза до тридцати лет, — авторитетно заявляет Холли, хотя сама глаза не красила никогда. Ее мать говорит, что глаза красят только шлюхи.

— *Правда?* — В голосе Тины изумление.

— А учителя? У него есть любимый учитель, с которым он мог бы поговорить? — Холли сомневается, что большой брат будет делиться с маленькой сестричкой, кто его любимый учитель, да и маленькая сестричка вряд ли такое запомнит. Она спрашивает, потому что других идей пока нет.

Но Тина отвечает без запинки:

— Рикки-Хиппи. — И смеется.

Холли останавливается на полушаге.

— Кто?

— Мистер Рикер, это его настоящая фамилия. Пит говорил, что некоторые дети зовут его Рикки-Хиппи, поскольку он носит старомодные цветастые рубашки и галстуки. Он преподавал у Пита в девятом классе. А может, в десятом. Я не помню. Мисс... В смысле, Холли, мистер Ходжес собирается завтра поговорить с Питом?

— Да. Не волнуйся об этом.

Но Тина волнуется. Судя по голосу, она на грани слез, и от этого желудок Холли сворачивается в тугий маленький шар.

— Надеюсь, он не возненавидит меня за это.

— Нет, конечно, — отвечает Холли. Яростно жует никотиновую жвачку. — Билл выяснит, что не так, и все поправит. Потом твой брат будет еще больше тебя любить.

— Вы обещаете?

— Да! Ох!

— Что случилось?

— Ничего. — Холли вытирает рот и обнаруживает кровь на пальцах. — Я прикусила губу. Мне пора, Тина. Ты позвонишь, если вспомнишь кого-нибудь еще, с кем он мог говорить насчет денег?

— Ни с кем не мог, — с тоской отвечает Тина и начинает плакать.

— Ну... ладно. — И чувствуя, что надо что-то добавить, Холли произносит: — Тебе ни к чему красить глаза. Они у тебя и так красивые. До свидания.

Холли разрывает связь, не дожидаясь ответа Тины, и возобновляет кружение. Сплевывает жвачку в корзинку для мусора, которая стоит около стола, промокает губу бумажной салфеткой, но кровотечение уже прекратилось.

Ни близких друзей, ни подружек. Никаких имен, за исключением одного учителя.

Холли садится, включает компьютер. Запускает «Файр-фокс», заходит на сайт школы Нортфилд. Открывает раздел «НАШИ ПРЕПОДАВАТЕЛИ», и вот он, Говард Рикер, в цветастой рубашке с широкими рукавами, как и говорила Тина. С нелепым галстуком. Мог ли Пит Зауберс сказать что-то важное своему любимому учителю английского языка и литературы, особенно если это имело отношение к тому, что он писал (или читал) в записной книжке «Молескин»?

Несколько кликов, и на экране компьютера Холли высвечивается телефонный номер Говарда Рикера. Час ранний, но она не может заставить себя позвонить полному незнакомцу. Ей с трудом дался звонок Тине, и разговор закончился слезами.

«Завтра скажу Биллу, — решает она. — Он позвонит Рикки-Хиппи, если сочтет нужным».

Холли открывает объемную папку кинофильмов и скоро вновь погружается в «Крестного отца-2».

12

Воскресным вечером Моррис заходит в другое интернет-кафе и быстро проводит собственный поиск. Найдя желаемое, достает листок с номером мобильного Питера Зауберса и записывает адрес Эндрю Холлидея. Кольридж-стрит в Уэст-Сайде. В семидесятых здесь проживал средний класс, по большей части белые, все обитатели этого района старались, чтобы дома выглядели богаче, чем были на самом деле, и в результате все они стали одинаковыми.

Быстрый визит на сайты местных риелторских агентств показывает, что ситуация не изменилась, хотя в районе появился дорогой торговый центр «Уэлли-плаза». Автомобиль Энди, возможно, припаркован рядом с его домом. Конечно, он может стоять и за магазином, Моррис не проверял (Господи, нельзя же проверить все, думает он), но это маловероятно. Зачем каждое утро ехать три мили в город, а каждый вечер — три мили обратно в час пик, когда можно купить месячный проездной на автобус за десять долларов или полугодовой — за пятьдесят? У Морриса есть ключи от дома давнего друга, но пользоваться ими он не собирается: вероятность, что в доме установлена охранный сигнализация, гораздо выше, чем в закрытом Центре досуга на Берч-стрит.

Однако у него есть и ключи от автомобиля Энди, а автомобиль вполне может потребоваться.

Моррис идет к Клоповнику в полной уверенности, что на крыльце его поджидает мистер Макфарленд, и не только для того, чтобы подопечный пописал в маленький стаканчик. Нет, не на этот раз. На этот раз он захочет устроить шмон в комнате Морриса, а сделав это, найдет сумку с украденным компьютером, окровавленными ботинками и рубашкой. Не говоря уже о конверте с деньгами, которые Моррис взял из стола давнего друга.

«Я его убью», — думает Моррис, теперь (во всяком случае, таким он себя видит) — Моррис-Волк.

Однако пистолет он пустить в ход не может: слишком многие жильцы Клоповника знают звук пистолетного выстрела, пусть даже это вежливое *ка-пау* маленького пидорского пистолетика вроде Р238, принадлежавшего его давнему другу. А топор он оставил в кабинете Энди. Но и топора могло оказаться мало. Макфарленд такой же крупный, как Энди, вот только жира у него поменьше, а мышц побольше. Макфарленд кажется сильным парнем.

«Это нормально, — говорит себе Моррис. — Дерьмо ни хрена не значит. Потому что старый волк — хитрый волк, и таким я отныне и должен быть: хитрым».

Макфарленд не ждет его на крыльце, но прежде чем Моррис успевает облегченно выдохнуть, ему становится понятно, что РИ ждет его наверху. И не в коридоре. Вероятно, у него есть мастер-ключ, обеспечивающий доступ в любую комнату этого гребаного провонявшего мочой многоэтажного барака.

Только попробуй, думает Моррис. Только попробуй, сукин ты сын.

Однако дверь заперта, комната пуста, и не создается впечатления, будто ее обыскивали... хотя Макфарленд мог сделать это предельно осмотрительно... *хитро*.

Тут Моррис называет себя идиотом. Обыщи Макфарленд комнату, он бы подждал Морриса в компании парочки копов, а те держали бы наготове наручники.

Тем не менее он рывком открывает дверь стенового шкафа, чтобы убедиться, что сумки на месте. Так и есть. Он достает деньги и пересчитывает. Шестьсот сорок долларов. Не много, никакого сравнения с деньгами в сейфе Ротстайна, но и неплохо. Моррис кладет деньги на место, закрывает сумку на молнию, садится на кровать. Поднимает руки. Они трясутся.

«Я должен вывезти все это отсюда, — думает он, — и сделать это надо завтра утром. Но вывезти куда?»

Моррис ложится, смотрит в потолок, думает. Наконец засыпает.

13

Понедельник выдается солнечным и теплым, термометр перед Городским центром показывает семьдесят градусов* еще до того, как солнце полностью поднимается над горизонтом. Учебный год закончится только через две недели, но этому понедельнику, похоже, предстоит стать первым жарким летним днем, из тех дней, когда люди вытирают с шеи пот, щурясь, смотрят на солнце и говорят о глобальном потеплении.

Ходжес приходит в офис в половине девятого, Холли уже на месте. Она пересказывает Ходжесу вечерний разговор с Тиной и спрашивает, позвонит ли тот Говарду Рикеру, он же Рикки-Хиппи, если не сможет вытащить историю о деньгах из самого Питера. Ходжес соглашается позвонить и говорит Холли, что это дельная мысль (Холли от этих слов расцветает), но про себя думает, что необходимости в разговоре с Рикером не возникнет. Если он, Ходжес, не в состоянии расколоть семнадцатилетнего парня — который, возможно, умирает от желания все рассказать, — то ему надо бросать работу и уезжать во Флориду, приютившую столь многих копов-пенсионеров.

Он спрашивает Холли, подежурит ли она у выхода из школы на Гарнер-стрит, чтобы засечь Зауберса, если тот захочет скрыться. Холли соглашается, при условии, что ей не придется с ним говорить.

— Не придется, — заверяет ее Ходжес. — Если увидишь его, от тебя потребуется только одно: позвонить мне. Я объеду квартал и перехвачу парня. У нас есть фотография Зауберса?

— Я загрузила полдюжины в свой компьютер. Пять — из школьного ежегодника и одну — с сайта библиотеки на Гарнер-стрит, где он подрабатывает. Подойди и взгляни.

Под лучшей фотографией — портретом, на котором Пит Зауберс при галстукке и в темном пиджаке, — указано,

* По Фаренгейту. Примерно 21,1°C.

что он — ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ УЧЕНИЧЕСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ 2015 ГОДА. Он темноволосый и симпатичный. Сходство с сестрой в глаза не бросается, но присутствует. Умные синие глаза смотрят прямо на Ходжеса. В них едва заметные смешинки.

— Можешь отправить Джерому?

— Уже отправила. — Холли улыбается, и Ходжес думает, хорошо бы она делала это почаще. Улыбка превращает Холли в почти красавицу. Немного туши для ресниц — и «почти» можно было бы убрать. — Как хорошо, что Джером снова с нами.

— Что у меня этим утром, Холли? Есть что-нибудь?

— Судебный процесс в десять утра. Дело о нападении.

— Точно. Парень, который набросился на мужа сестры. Белсон, Лысый Драчун.

— Обзывать людей нехорошо, — говорит Холли.

Наверное, так и есть, но суды всегда вызывают у Ходжеса раздражение, особенно сегодня, пусть даже процесс не займет и часа, если только судья Уиггинс не сбавила темп с той поры, как Ходжес ушел из полиции. Пит Хантли прозвал Бренду Уиггинс «Федэксом», потому что она все делала по расписанию.

Лысый Драчун — это Джеймс Белсон. Его портрет следовало бы поместить в толковом словаре рядом со статьей «белая шваль». Живет он в районе Эджмонт-авеню, который в городе известен как Мужланский Рай. По контракту с одним из городских автосалонов Ходжеса наняли для того, чтобы забрать у Белсона «Акуру-эм-ди-экс», за которую он прекратил выплачивать взносы несколько месяцев назад. Когда Ходжес подъехал к лачуге Белсона, ни его самого, ни автомобиля там не было. Миссис Белсон — которая выглядела совершенно загнанной — сказала Ходжесу, что автомобиль украл ее брат, Хоуи. Дала его адрес, тоже в Мужланском Раю.

— Хоуи я не люблю, — сообщила она Ходжесу, — но вам лучше приехать туда до того, как Джимми его убьет.

Когда Джимми зол, он в разговоры не верит. Сразу начинает махать кулаками.

Когда Ходжес прибыл по указанному адресу, Джеймс Белсон уже избивал Хоуи. Черенком от грабель, в солнечном свете лысая голова Белсона блестела от пота. Брат его жены лежал на заросшей сорняками подъездной дорожке у заднего бампера «акуры», слабо пинался и пытался прикрыть руками окровавленное лицо со сломанным носом. Ходжес подошел к Белсону сзади и уговорил его Веселым ударником. «Акура» вернулась на стоянку автосалона к полудню, а Белсона — он же Лысый Драчун — сегодня судили за нападение.

— Его адвокат сегодня попытается представить тебя бандитом, — говорит Холли. — Спросит, как ты укротил мистера Белсона. Ты должен к этому подготовиться, Билл.

— Господи, — вздыхает Ходжес. — Я ударил его только раз, чтобы помешать убить брата жены, вот и все. Применил допустимую сдерживающую силу.

— Но ты применил оружие. Точнее, носок, наполненный металлическими шариками.

— Это правда, но Белсон этого не знает. Он стоял ко мне спиной. А второй парень уже мало что соображал.

— Хорошо... — Но она выглядит встревоженной, и зубы жуют то место, которое она прокусила, когда разговаривала с Тиной. — Я просто не хочу, чтобы ты попал в беду. Пообещай, что будешь держать себя в руках, не станешь кричать, или размахивать руками, или...

— Холли. — Он мягко берет ее за плечи. — Пойди на улицу. Выкури сигарету. Расслабься. Все будет хорошо, и утром в суде, и днем с Питером Зауберсом.

Она смотрит на него широко раскрытыми глазами.

— Ты обещаешь?

— Да.

— Хорошо. Я выкурю *половину* сигареты. — Она направляется к двери, роясь в сумочке. — Нас ждет *такой* напряженный день.

— Наверное. И вот что еще, пока ты не ушла.
Она поворачивается, вопросительно смотрит на него.
— Тебе надо чаще улыбаться. С улыбкой ты красавица.
Холли краснеет до корней волос и торопливо уходит.
Но она снова улыбается, и Ходжес счастлив.

14

У Морриса тоже напряженный день, и это хорошо. Пока он в движении, сомнения и страхи не могут обратиться в его разум. Также помогает абсолютная уверенность, с которой он проснулся: сегодня ему суждено стать настоящим волком. Он больше не будет доводить до ума допотопную регистрационную систему Центра культуры и искусств, чтобы его жирный говнюк-босс хорошо выглядел в глазах *своего* босса, больше не будет ручным барашком Эллиса Макфарленда. С него хватит *да, сэр* и *нет, сэр*, он не желает вставать на задние лапки при виде Макфарленда. С правилами условно-досрочного освобождения покончено. Как только он заполучит записные книжки Ротстайна, уберется к чертовой матери из этого вонючего города. Ехать далеко на север, в Канаду, он не собирается. Ему хватит и сорока восьми оставшихся материковых штатов. Может, в Новую Англию? Как знать, может, даже в Нью-Хэмпшир? Читать записные книжки рядом с горами, на которые, возможно, смотрел Ротстайн, когда писал. Есть в этом некая завершенность, правда? А в романах завершенность имеет большое значение. В конце все должно сойтись. Конечно же, Ротстайн не мог оставить Джимми работать в гребаном рекламном агентстве, потому что в этом нет завершенности, одна лишь мерзкая недоговоренность. Может, глубоко в душе Моррис это *знал*. Может, только это и позволяло ему не рехнуться все эти годы.

И сейчас ум у него как никогда ясный.

Когда он не появится на работе этим утром, его гребаный жирный босс, вероятно, позвонит Макфарленду. Во всяком случае, он должен так поступить в случае неожиданного отсутствия условно освобожденного. Поэтому Моррис должен исчезнуть. Пропасть с экрана радара. Затаиться.

Отлично.

Просто прекрасно.

В восемь утра он садится на автобус к Мейн-стрит, доезжает до разворота, где заканчивается Лоуэр-мейн, неспешно идет к Лэйсмейкер-лейн. На Моррисе его единственный приталенный пиджак и единственный галстук, они достаточно хорошие, чтобы он не смотрелся белой вороной в этом торговом районе, хотя еще слишком рано, и дорогие модные магазины закрыты. Он сворачивает в проулок между «Редкими изданиями Эндрю Холлидея» и соседним магазином-бутиком детских товаров «Ла Белла Флора». Во дворе за зданиями — три парковочных места: одно — для книжного магазина, два — для детского. Одно место детского магазина занято «вольво», второе пустует. Как и парковочное место, зарезервированное для Энди Холлидея.

И это здорово.

Моррис покидает двор тем же быстрым шагом, каким и заходил в него, останавливается на мгновение, чтобы взглянуть на табличку «ЗАКРЫТО» на двери книжного магазина, потом возвращается на Лоуэр-мейн, где садится на автобус, идущий в спальные районы. Две пересадки, и он выходит перед торговым центром «Уэлли-плаза», всего в двух кварталах от дома покинувшего этот мир Эндрю Холлидея.

Моррис идет быстро, не задерживаясь. По нему видно: он точно знает, где находится и куда направляется, и имеет полное право делать то, что делает. Кольридж-стрит практически пустынна, и его это не удивляет. На часах четверть десятого (жирный говнюк-босс смотрит на пу-

стующий стол Морриса и медленно закипает). Дети в школе, работающие папаши и мамыши уже пашут, чтобы не выйти из установленных кредитных рамок, посыльные и ремонтники появятся не раньше десяти. Лучше этого часа — только дремотный послеобеденный промежуток, но Моррис не может себе позволить ждать так долго. В слишком многих местах надо побывать, слишком много дел надо закончить. Это большой день для Морриса Беллами. Его жизнь надолго, очень надолго сбилась с курса, но теперь он практически вышел на магистраль.

15

Тина начинает чувствовать себя плохо примерно в то время, когда Моррис проходит по подъездной дорожке дома покойного Дрю Холлидея и видит гараж, в котором стоит автомобиль давнего друга. Тина практически не спала прошлую ночь: очень волновалась из-за того, как Пит воспримет новость о ее предательстве. Завтрак тяжелым камнем лежит в животе, и пока миссис Слоун декламирует «Аннабель Ли» (миссис Слоун ничего не читает просто так), непереваренная пища начинает медленно ползти вверх, к горлу и выходу.

Тина поднимает руку, которая весит никак не меньше десяти фунтов, и держит ее, пока миссис Слоун не переводит взгляд на девочку.

— Да, Тина, что такое?

В ее голосе раздражение, но Тину это не волнует. У нее сейчас другие заботы.

— Меня тошнит. Мне надо в туалет.

— Конечно, иди, но сразу возвращайся.

Тина выскакивает из класса. Некоторые девочки смеются — в тринадцать срочные визиты в туалет всегда кажутся забавными, — но Тине не до смущения: ее слишком заботит поднимающееся по пищеводу содержимое желуд-

ка. В коридоре она переходит на бег, мчится со всех сил, но непереваренная пища быстрее, и за несколько шагов до туалета Тина сгибается пополам и выблевывает завтрак на кроссовки.

Мистер Хаггерти, старший техник школы, как раз поднимается по лестнице. Видит, как она отшатывается от лужи блевоты, и спешит к ней, позвякивая висящими на ремне инструментами.

— Эй, девочка, что с тобой?

Тина держится за стену рукой, которая словно потеряла чувствительность, стала пластмассовой. Мир плывет перед глазами. Отчасти потому, что ее вырвало очень сильно, до слез, но причина не только в этом. Тина отчаянно раскаивается, что позволила Барбаре уговорить ее на поездку к мистеру Ходжесу, что не оставила Пита одного разбираться с проблемами. А вдруг теперь он вообще не будет с ней разговаривать?

— Все хорошо, — отвечает она. — Извините, что я...

Но муть перед глазами сгущается, и закончить предложение ей не удастся. Она не теряет сознание, но земля уходит у нее из-под ног, а мир она видит словно через грязное окно. Тина скользит вниз по стене, удивляясь, что колени, обтянутые зелеными колготками, поднимаются ей навстречу. Тут мистер Хаггерти подхватывает ее и уносит вниз, в кабинет школьной медсестры.

16

Маленький зеленый «субару» Энди — идеальный вариант, во всяком случае, для целей, которые ставит перед собой Моррис: не привлекает внимания ни с первого взгляда, ни тем более со второго. Таких тысячи. Задним ходом он добирается до улицы, а потом едет в Норт-Сайд, высматривая копов и соблюдая все скоростные ограничения. Поначалу его маршрут почти такой же, что и в пят-

ничный вечер. Он вновь останавливается в торговом центре на Беллоу-авеню. Идет в отдел инструментов, где покупает отвертку с длинным стержнем и долото. Потом едет к квадратному кирпичному зданию на Берч-стрит, которое раньше использовалось как Центр досуга, и опять заезжает за него, паркуется под щитом с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ АВТОМОБИЛЕЙ ЦЕНТРА ДОСУГА».

Хорошее место для темных делишек. С одной стороны погрузочная эстакада, с другой — высокая живая изгородь. Видно Морриса только со стороны бейсбольного поля и баскетбольных площадок, которые пустуют, потому что в школе идут занятия. Моррис идет к подвальному окну, на которое обратил внимание раньше, садится на корточках, загоняет отвертку в трещину наверху. Отвертка входит легко: дерево сгнило. Моррис использует долото, чтобы расширить щель. Стекло дребезжит, но не разлетается: замазка ссохлась, и появились полости. Вероятность того, что в старом здании установлена охранная сигнализация, тает на глазах.

Моррис меняет долото на отвертку. Вставляет в дыру, которую проделал, достает до шпингалета, толкает. Оглядывается, чтобы убедиться, что за ним не наблюдают — да, место хорошее, но лезть в чужой дом при свете дня все-таки опасно, — видит только ворону на телеграфном столбе. Вгоняет долото снизу под раму, надавливая. Поначалу ничего, потом окно поднимается в скрипе дерева и дожде грязи. Бинго! Моррис вытирает пот со лба и всматривается в сложенные стулья, столы, коробки со всяким хламом. Убеждается, что спуститься в подвал не составит труда.

Но не сейчас. Сначала надо исключить даже малейшую вероятность того, что где-то уже сработала бесшумная тревога.

Моррис уносит инструменты к маленькому зеленому «субару» и уезжает.

17

Линда Зауберс проводит урок в начальной школе Нортфилд, когда открывается дверь, заходит Пегги Моран и шепотом говорит, что позвонили из средней школы Дортон, расположенной в трех милях, сказать, что ее дочь заболела.

— Она сейчас в кабинете медсестры, — добавляет Пегги. — Как я понимаю, ее вырвало, а потом она на несколько минут лишилась чувств.

— Господи, — выдыхает Линда. — Я еще за завтраком обратила внимание на ее бледность, но когда спросила, как она себя чувствует, она ответила, что нормально.

— Обычное дело, — отвечает Пегги, закатывая глаза. — То мелодрама, то *Все хорошо, мама, отвяжись*. Поезжай и отвези ее домой. Сейчас я тебя подменю, а мистер Яблонски уже вызвал замену.

— Ты святая. — Линда собирает книги, укладывает в портфель.

— Наверное, желудочная инфекция, — говорит Пегги, усаживаясь на стул, который только что освободила Линда. — Конечно, ты можешь отвезти ее к врачу, но стоит ли выбрасывать тридцать баксов? Сейчас эта зараза ходит по городу.

— Я знаю, — отвечает Линда... но сомневается, что причина именно в этом.

Они с Томом медленно, но верно вылезают из ям, денежной и семейной. Через год после несчастного случая они находились на грани развода. Потом начали приходить таинственные деньги, настоящее чудо, и дела пошли в гору. Полностью они из этих ям еще не выбрались, но Линда уже верила, что выберутся обязательно.

Поскольку родители сосредоточились на выживании (а у Тома хватало проблем и с восстановлением после тяжелых травм), детям приходилось по большей части лететь на ав-

топилоте. И только теперь, когда у нее наконец-то появилась возможность вздохнуть полной грудью и оглядеться, Линда почувствовала, что с Питом и Тиной что-то не так. Она знала, что они хорошие дети, *умные* дети, и не думала, что кто-то из них попал в обычную западню, подстерегающую подростков: алкоголь, наркотики, мелкие кражи, секс. Но с ними *что-то случилось*, и Линда подозревала, что знает, в чем дело. Подозревала, что и Том это знает.

Бог послал манну с небес, когда евреи умирали от голода, однако деньги приходят из более прозаических источников: из банков, от друзей, по наследству, от родственников, которые в состоянии помочь. В 2010 году все их родственники находились в таком же сложном положении, как и Том с Линдой. Только дети — тоже родственники, верно? Упустить это из виду легко, потому что они так близко, но они родственники. Думать, что деньги поступали от Тины, — абсурд. Ей было всего девять, когда начали приходить конверты, да она бы и не смогла сохранить такой секрет.

А Пит... он из молчунов. Линда вспоминает, как ее мать говорила, когда Питу было только пять лет: «У него рот на замке».

Только откуда тринадцатилетний подросток мог взять такие деньги?

По пути за больной дочерью в Дортон Линда думает: «Мы никогда не задавали никаких вопросов, по-настоящему не задавали, потому что боялись. Этого не понять тем, кто не пережил всех этих ужасных месяцев после происшествия с Томми, и я не собираюсь за это извиняться. У нас были причины для трусости. Много причин. Две самые большие жили под нашей крышей и рассчитывали на нашу поддержку. Но пришло время спросить, кто кого поддерживал. Если это был Пит, если Тина как-то это выяснила и не находит места от волнения, тогда мне пора перестать трустить. Пора открыть глаза.

Мне нужны ответы на несколько вопросов».

18

Позднее утро.

Ходжес в суде, с блеском ведет свою партию. Холли может им гордиться. На все вопросы адвоката Лысого Драчуна отвечает кратко и четко. Адвокат предоставил ему немало возможностей пуститься в рассуждения, и хотя Ходжес иногда допускал такую ошибку, когда служил в полиции, теперь он ее с легкостью избегает.

Линда Зауберс везет бледную, молчаливую дочь из школы домой, где собирается дать Тине стакан имбирного эля, чтобы успокоить желудок, а потом уложить в постель. Она наконец-то готова спросить Тину, что та знает о загадочных деньгах, но не раньше, чем девочка чуть оклемается. Во второй половине дня времени хватит, и она собирается привлечь к этому разговору и Пита, когда тот вернется из школы. Они пообщаются втроем, что, возможно, и к лучшему. Том повез группу коллег-риелторов осматривать офисный комплекс, недавно освобожденный Ай-би-эм, в пятидесяти милях к северу от города, так что он приедет не раньше семи. Может, и позже, если на обратном пути они где-нибудь остановятся перекусить.

Пит на третьем уроке — углубленной физике, — и хотя его взгляд не отрывается от мистера Нортон, который заливается соловьем, рассказывая о бозоне Хиггса и Большом адронном коллайдере в ЦЕРНе, что в Швейцарии, мысли Пита заняты другими проблемами, для решения которых так далеко ехать не придется. Пит вновь и вновь мысленно прокручивает сценарий сегодняшней послеполуденной встречи и напоминает себе, что наличие у него такого сценария вовсе не означает, что Холлидей будет ему следовать. Холлидей в этом бизнесе давно, и, возможно, ему частенько приходилось идти по лезвию ножа, а то и прямо нарушать закон. Пит же — еще подросток и ни в коем случае не должен об этом забывать. Ему надо про-

являть предельную осторожность, чтобы не поплатиться за неопытность. Всякий раз, прежде чем что-то сказать, ему придется хорошенько подумать.

А прежде всего ему нельзя выказывать страх.

Он говорит Холлидею: «Полбатона лучше, чем ничего, но в мире нищеты даже один ломтик лучше, чем ничего. Я предлагаю вам три десятка ломтиков. Подумайте об этом».

Он говорит Холлидею: «Я не собираюсь быть ничьим гребаным днерожденным подарком, вам лучше подумать и об этом».

Он говорит Холлидею: «Если вы думаете, что я блефую, проверьте, так ли это. Но если вы пойдете этим путем, мы оба останемся с пустыми руками».

Он думает: «Если я сумею совладать с нервами, я выберусь из этой передрыги. И я сумею. Обязательно. Потому что должен».

Моррис Беллами паркует украденный «субару» в двух кварталах от Клоповника. Какое-то время топчется в дверях комиссионного магазина, чтобы убедиться, что Эллиса Макфарленда поблизости нет. Потом спешит к Клоповнику и пешком поднимается на девятый этаж: оба лифта, как обычно, не работают. Моррис набивает одеждой сумку и уходит из этой сраной комнаты навсегда. По пути вниз его то и дело прошибает пот, шея не желает поворачиваться, затвердевает, как гладильная доска. Сумки оттягивают руки, весят не меньше сотни фунтов каждая. Каждое мгновение он ждет, что над ухом раздастся голос Макфарленда. Тот выступает из темного угла и спрашивает, почему он не на работе. Спрашивает, что он тут делает. Спрашивает, что у него в сумках. А потом говорит, что отправляет Морриса обратно в тюрьму. Ни тебе «Пройди», ни «Получи 200 долларов»*. Моррис расслабляется, лишь когда Клоповник исчезает из виду.

* Аллюзия на игру «Монополия», на игровом поле которой есть клетка «Отправляешься в тюрьму».

Том Зауберс ведет группу риелторов по пустующему комплексу Ай-би-эм, указывает на различные достоинства, рекомендует фотографировать. Все взбудоражены открывающимися перспективами. К концу дня хирургически восстановленные ноги чертовски разболятся от таких нагрузок, но пока все в норме. Покинутые офисные помещения и производственные площади могут принести ему хорошие деньги. Удача наконец-то поворачивается к нему лицом.

Джером входит в офис Ходжеса, немало удивив Холли. Та визжит от радости, когда видит его, а потом от страха, когда он поднимает ее за талию и кружит, как свою младшую сестру. Они болтают час с небольшим, делясь новостями, она излагает свой взгляд на дело Зауберса. Холли счастлива, что Джером соглашается с ее выводами по поводу важности «Молескина», настроение у нее поднимается еще больше, когда выясняется, что он видел фильм «Мачо и ботан-2». От Питера Зауберса они переходят к подробному анализу фильма, сравнивают его с другими в фильмографии Джоны Хилла. Потом «Мачо и ботан-2» уступает место обсуждению достоинств и недостатков новых компьютерных программ.

Эндрю Холлидей — единственный, кто ничем не занят. Первые издания ему уже безразличны, как и молодые официанты в обтягивающих черных брюках. Теперь для него вода и масло — что воздух и ветер. Он спит вечным сном в луже свернувшейся крови, привлекая мух.

19

Одиннадцать часов. В городе восемьдесят градусов, по радио говорят, что столбик термометра поднимется до девяноста*. «Должно быть, глобальное потепление», — объясняют друг другу люди.

* По Фаренгейту. Примерно 26,7 и 32,2°С соответственно.

Моррис дважды проезжает мимо Центра досуга и рад (хотя и не удивлен), что он стоит, всеми заброшенный, пустая кирпичная коробка, жарящаяся на солнце. Никакой полиции, никаких автомобилей охранной компании. Ворона и та улетела в поисках более прохладного места. Проезжая по Сикомор-стрит, Моррис видит чистый, аккуратный маленький «форд-фокус», припаркованный на подъездной дорожке его старого дома. Кто-то из старших Зауберсов сбежал с работы пораньше. Черт, да хоть оба. Моррису до лампочки. Он вновь направляется к Центру досуга и теперь сворачивает к нему, заезжает за здание и паркуется на привычном месте, которое уже считает своим.

Он уверен, что за ним никто не наблюдает, но предпочитает все сделать быстро. Относит сумки к взломанному окну и бросает в подвал. Они падают на пол с глухим стуком и поднимают облачка пыли. Моррис быстро оглядывается, ложится на живот, спускает вниз ноги. Потом соскальзывает сам.

Голова вдруг начинает кружиться, когда он делает первый глоток прохладного затхлого воздуха. Морриса качает, и он вскидывает руки, чтобы сохранить равновесие. «Дело в жаре, — думает он. — Я не обращал на это внимания, но я весь в поту. И не завтракал».

И первое, и второе — правда, но главная причина проще и более очевидна: он вовсе не молод, и прошли годы с тех пор, как он трудился в красильном цехе. Ему надо сбавить темп. Около котла отопления стоят две большие коробки с надписями «КУХОННАЯ УТВАРЬ» на боках. Моррис садится на одну и сидит, пока не успокаивается сердце и не проходит головокружение. Потом расстегивает сумку, в которой лежит маленький автоматический пистолет Энди, засовывает его сзади за пояс брюк и прикрывает подолом рубашки. Берет сотню долларов Энди, на случай непредвиденных расходов; конверт с остальными деньгами оставляет в сумке. Он намерен вернуться сюда

вечером, может, провести здесь ночь. Это будет во многом зависеть от мальчишки-вора и действий, которые придется предпринять Моррису, чтобы вернуть украденное.

Чего бы это ни стоило, членосос, думает он. Чего бы это ни стоило.

Однако пора двигаться дальше. В молодости он бы легко подтянулся и выбрался через подвальное окно, но не теперь. Приходится подтащить к стене коробку с надписью «КУХОННАЯ УТВАРЬ» — она на удивление тяжелая, наверное, набита сломанными электроприборами — и использовать ее как ступеньку. Через пять минут он уже едет к книжному магазину «Редкие издания Эндрю Холлидея», где намерен поставить автомобиль давнего друга на парковочное место, а потом, включив кондиционер, в прохладе дожидаться прибытия юного вора, укравшего записные книжки.

Тот еще Джеймс Хокинс, думает Моррис.

20

Четверть третьего.

Ходжес, Холли и Джером уже в пути. Направляются к исходным позициям возле школы Нортфилд: Ходжес — у центрального входа, Джером — на Уэстфилд-стрит, Холли — за школьным конференц-залом, на Гарнер-стрит. Холли и Джером, прибыв на место, должны отзвониться Ходжесу.

В магазине на Лэйсмейкер-лейн Моррис поправляет галстук, переворачивает дверную табличку с «ЗАКРЫТО» на «ОТКРЫТО» и отпирает дверь. Идет к столу и садится. Если заглянет покупатель, чтобы поглазеть на книги — маловероятно в столь тихое время дня, но возможно, — он с радостью ему поможет. Если покупатель окажется в магазине, когда придет мальчишка, он что-нибудь придумает. Симпровизирует. Сердце гулко бьется, но рука тверда.

Дрожь ушла. «Я — волк, — говорит себе Моррис. — И укушу, если придется».

У Пита урок по литературному творчеству. Тема: «Элементы стиля» Странка и Уайта, и сегодня они обсуждают знаменитое правило 13: «Опускайте лишние слова». Им предложили прочитать рассказ Хемингуэя «Убийцы», и обсуждение получилось очень живым. Много слов о том, как Хемингуэй обходится без лишних слов. Пит едва слушает. Постоянно смотрит на часы, где стрелки неумолимо движутся к встрече с Эндрю Холлидеем. В два двадцать пять в кармане брюк вибрирует мобильник. Пит достает его и смотрит на экран.

Мама: После школы сразу домой, нам надо поговорить.

Желудок скручивает, сердце ускоряет бег. Возможно, его ждет какая-то работа по дому, но он в это не верит. *Нам надо поговорить* на мамином языке означает: *Хьюстон, у нас проблема*. Возможно, речь пойдет о конвертах с деньгами, и это представляется более чем вероятным, потому что беда обычно не приходит одна. Если это так, значит, Тина проболталась.

Ладно. Если это так, будь что будет. Он придет домой, и они поговорят, но сначала ему надо решить вопрос с Холлидеем. Его родители не имеют отношения к пердряге, в которую он угодил, и он не собирается перекладывать ответственность на них. Себя он тоже винить не будет. Он сделал то, что следовало сделать. Если Холлидей откажется пойти на сделку, если обратится в полицию, не прислушавшись к доводам Пита, то чем меньше родители будут знать, тем лучше. Он не хочет, чтобы их обвинили в соучастии или в чем-то таком.

Пит уже собирается отключить мобильник, но в последний момент отказывается от этой мысли. Если мать вновь пришлет ему эсэмэску — или Тина, — лучше об этом

знать. Смотрит на часы: без двадцати три. Скоро прозвонит звонок, и он уйдет из школы.

Пит задается вопросом, а вернется ли он сюда?

21

Ходжес паркует «приус» в пятидесяти футах от центрального входа в школу. Бордюрный камень окрашен желтым, но в бардачке лежит старая табличка «ПОЛИЦИЯ: СЛУЖЕБНЫЙ ВЫЗОВ», которую он держит для таких проблем с парковкой. Он кладет табличку на приборную панель. Когда звенит школьный звонок, выходит из машины, прислоняется к капоту, сложив руки на груди, смотрит на двери. Над ними выбита надпись: «ОБРАЗОВАНИЕ — СВЕТОЧ ЖИЗНИ». В руке у Ходжеса мобильник. Он готов принять звонок или позвонить, в зависимости от того, выйдет Пит из дверей или нет.

Долго ждать не приходится, потому что Пит Зауберс — в первой группе учеников, вырывающихся в солнечный июньский день и сбегающих по гранитным ступеням. Большинство с друзьями и подругами. Пит Зауберс сам по себе. Конечно, не только он в одиночном полете, но лицо у него очень напряженное, то есть мыслями он где-то в будущем, а не здесь и сейчас. Зрение у Ходжеса такое же острое, как и прежде, и он думает, что это лицо солдата, идущего в бой.

А может, Пит просто тревожится из-за итоговых оценок.

Вместо того чтобы направиться к желтым автобусам, припаркованным слева от центрального входа, он поворачивает направо, к Ходжесу. Тот делает шаг вперед, чтобы перехватить его, одновременно звонит Холли.

— Он здесь. Передай Джерому. — И отключается, не дожидаясь ответа.

Юноша пытается обойти Ходжеса, но тот заступает ему дорогу.

— Эй, Пит, есть минутка?

Глаза юноши широко раскрываются. Он симпатичный, но лицо слишком худое, а лоб в угрях. Губы сжаты так плотно, что рот превратился в узкую полоску.

— Кто вы? — спрашивает он. Ни тебе *Да, сэр?*, ни *Чем я могу вам помочь?* Только *Кто вы?* Голос у парня такой же напряженный, как и лицо.

— Меня зовут Билл Ходжес. Я хочу с тобой поговорить.

Школьники проходят мимо них, болтают, толкаются, смеются, поправляют рюкзаки. Некоторые бросают короткие взгляды на Пита и мужчину с редеющими седыми волосами, но никто не проявляет интереса. Им есть куда идти и чем заняться.

— О чем?

— Давай лучше в машине. Там нас никто не услышит. — Он указывает на «приус».

— О чем? — повторяет юноша, не двигаясь с места.

— Ситуация следующая, Пит. Твоя сестра дружит с Барбарой Робинсон. Я знаю семью Робинсон много лет, и Барб убедила Тину приехать и поговорить со мной. Она волнуется из-за тебя.

— Почему?

— Если ты спрашиваешь, почему Барб предложила обратиться ко мне, то ответ прост: я много лет проработал полицейским детективом.

В глазах юноши вспыхивает тревога.

— Если ты спрашиваешь, почему Тина волнуется, то об этом лучше говорить не на улице.

Тревога в глазах Пита гаснет, лицо вновь становится бесстрастным, как у хорошего игрока в покер. Ходжесу доводилось допрашивать подозреваемых, которые умели так же скрывать эмоции, и он знает, что расколоть таких сложнее всего. Иногда невозможно.

— Я не знаю, что вам сказала Тина, но волноваться ей не о чем.

— Если она говорила правду, то есть о чем. — Ходжес обаятельно улыбается Питу. — Ну же, Пит. Я не собираюсь тебя похищать. Богом клянусь.

Пит с неохотой кивает. Когда они подходят к «приусу», останавливается как вкопанный. Смотрит на желтую табличку на приборной панели.

— Вы *служили* полицейским детективом или до сих пор служите?

— Служил, — отвечает Ходжес. — Эта табличка... назовем ее сувениром. Иногда оказывается весьма кстати. Я на пенсии уже пять лет. Пожалуйста, садись, чтобы мы могли поговорить, просто по-дружески поговорить. Если мы простои́м еще минуту, я начну плавиться.

— А если я не сяду?

Ходжес пожимает плечами:

— Тогда ты уйдешь.

— Хорошо, но только на минуту, — соглашается Пит. — Я сегодня иду домой пешком, потому что мне надо заглянуть в аптеку и купить лекарство отцу. Он принимает виокс. Получил серьезные травмы несколько лет назад.

Ходжес кивает:

— Я знаю. Городской центр. Я вел то расследование.

— Правда?

— Да.

Пит открывает пассажирскую дверцу и садится в «приус». Он вроде бы не нервничает из-за того, что находится в автомобиле незнакомца. Насторожен, сдержан, но не нервничает. Ходжес, которому за годы службы пришлось допросить десять тысяч подозреваемых и свидетелей, практически уверен, что юноша уже принял решение, хотя не может сказать, поделится тот с ним своими секретами или нет. В любом случае скоро все выяснится.

Ходжес обходит автомобиль, садится за руль. Юноша не реагирует. Но когда Ходжес заводит двигатель, Пит хватается за ручку двери.

— Расслабься. Я хочу включить кондиционер. Чертовски жарко, если ты этого не заметил. Особенно для этого времени года. Вероятно, глобальное потеп...

— Давайте побыстрее закончим, чтобы я мог взять лекарство для отца и пойти домой. Что вам сказала моя сестра? Вы знаете, что ей только тринадцать? Я очень ее люблю, но мама называет ее Королевой драмы. — И добавляет, словно это может все объяснить: — Она и ее подружка Эллен не пропускают ни одной серии «Милых обманщиц».

Понятно, значит, изначальное решение — не говорить. Удивляться нечему. Задача Ходжеса — убедить Пита сменить принятое решение на противоположное.

— Расскажи мне о деньгах, которые приходили по почте, Пит.

Никакого видимого напряжения, на лице — ноль эмоций. Он знал, о чем пойдет речь, думает Ходжес. Его могли предупредить. Возможно, Тина передумала и скинула ему эсэмэску.

— Вы про загадочные деньги, — кивает Пит. — Так мы их называем.

— Да. Про них.

— Они начали приходить четыре года назад, плюс-минус. Мне было тринадцать, как сейчас Тине. Конверт на папино имя приходил примерно раз в месяц. Никаких писем, только деньги.

— Пятьсот долларов.

— Пару раз было чуть меньше или больше. Я не всегда был дома, когда приносили конверт, а после первых двух или трех мама с папой особо о них не говорили.

— Чтобы не сглазить?

— Что-то вроде этого. В какой-то момент Тинс вбила себе в голову, что деньги посылал я. Только откуда? Мне тогда не давали денег даже на карманные расходы.

— Если ты их не посылал, то кто?

— Я не знаю. — Кажется, он на этом закончит, но нет. Ходжес слушает, надеясь, что Пит скажет лишнее. Юноша, несомненно, умен, но иногда даже умные говорят слишком много. Если им не мешать. — Вы знаете, каждое Рождество в новостях рассказывают истории о том, как кто-то раздает сотенные купюры в «Уол-марте»?

— Знаю.

— Думаю, идея та же. Какой-нибудь богатый парень решил сыграть в Тайного Санту и помочь одному из тех, кто пострадал в тот день у Городского центра. Бросил в шляпу бумажки с именами и вытащил имя моего отца. — Пит поворачивается к Ходжесу, впервые с того момента, как сел в машину, его широко раскрытые искренние глаза совершенно не заслуживают доверия. — Может, он посылает деньги и другим. Тем, кто пострадал сильнее остальных и не может работать.

Неплохо, сынок, думает Ходжес. Даже не лишено смысла.

— Раздать тысячу долларов десяти или двадцати случайным покупателям на Рождество — это одно. Отправить одной семье двадцать тысяч за четыре года — совсем другое. Если добавить другие семьи, получится кругленькая сумма.

— Может, у него хедж-фонд, — говорит Пит. — Может, этот парень разбогател, когда все обеднели, и теперь мучается угрызениями совести.

Сейчас он смотрит не на Ходжеса, а прямо перед собой, сквозь ветровое стекло. От него пахнет, по крайней мере так кажется Ходжесу. Не потом, а фатализмом. Ходжес вновь думает о солдатах, идущих в бой, знающих, что скорее всего будут ранены или погибнут.

— Послушай, Пит. Деньги меня не волнуют.

— Я их не посылал!

Ходжес нажимает. В этом он мастер.

— Они свалились тебе на голову, и ты использовал их, чтобы помочь родителям в тяжелую минуту. Ничего плохого в этом нет. Это замечательно.

— Многие решили бы иначе, — отвечает Пит. — Будь это правдой.

— Тут ты ошибаешься. Большинство *подумали бы* именно так. И я хочу тебе кое-что сказать. Можешь мне поверить, потому что мои слова подкреплены сорокалетним опытом службы в полиции. Ни один прокурор в этом городе, ни один прокурор в этой *стране* не посмеет выдвинуть обвинения против юноши, который нашел деньги и использовал их, чтобы помочь семье после того, как его отец сначала потерял работу, а потом стал инвалидом из-за одного безумца. Пресса распнет любого, кто попытается привлечь за *такое* к суду.

Пит молчит, но судорожно сглатывает, словно пытается подавить рыдание. Хочет заговорить, однако его что-то сдерживает. Не деньги, но имеющее к ним отношение. Иначе быть не может. Ходжесу интересно, откуда взялись деньги, которые каждый месяц приходили в конвертах — любому интересно, — однако еще больше его интересует другое: что сейчас творится с парнем?

— Ты посылал им деньги...

— Последний раз говорю: *не посылал!*

— ...и все шло как нельзя лучше, но потом ты во что-то влип. Скажи мне, во что, Пит. Позволь тебе помочь. Позволь вытащить тебя.

Юноша колеблется. Потом его взгляд смещается вправо. Ходжес следует за ним и видит табличку, которую положил на приборную панель. Она желтая — цвета тревоги. Цвета опасности. «ПОЛИЦИЯ: СЛУЖЕБНЫЙ ВЫЗОВ». Как же он теперь жалеет, что не оставил табличку в бардачке и не припарковался в сотне ярдов от центрального входа. Господи Иисусе, он же ходит каждый день. Сто ярдов — такая мелочь.

— Ни во что я не влип, — говорит Пит механическим голосом, совсем как навигатор на приборной панели «приуса», но на виске мальчика бьется жилка, руки на коленях крепко сцеплены, а лицо блестит от пота, несмотря на работающий кондиционер. — Я не посылал деньги. Мне надо взять лекарства для моего папы.

— Пит, послушай. Даже если бы я служил в полиции, наш разговор нельзя было бы приобщить к делу. Ты — несовершеннолетний, рядом с тобой нет взрослого, который несет за тебя ответственность. Кроме того, я не зачитывал тебе твои права... правило Миранды...

Ходжес видит, как лицо юноши замыкается — словно захлопнулась дверь банковского сейфа. Для этого хватило двух слов. *Правило Миранды.*

— Я ценю вашу заботу. — Все тот же вежливый механический голос. Пит открывает дверцу. — Но у меня все в порядке. Правда.

— Тем не менее. — Ходжес достает из нагрудного кармана визитную карточку и протягивает Питу. — Возьми. Позвони мне, если передумаешь. Что бы это ни было, я тебе по...

Дверца закрывается. Ходжес смотрит, как Пит уходит, возвращает визитку в карман и думает: «Черт побери, облом. Шесть лет назад, может, даже два года, я бы его расколол».

Но винить свой возраст слишком легко. Более глубинная часть разума Ходжеса, оперирующая фактами, а не эмоциями, понимает, что он даже близко не подошел. Подобные мысли — иллюзия. Пит до такой степени настроился на битву, что психологически не способен отступить.

Юноша подходит к Городской аптеке, достает из заднего кармана рецепт, скрывается внутри. Ходжес звонит Джерому.

— Билл! Как все прошло?

— Не очень. Ты знаешь Городскую аптеку?

— Конечно.

— Он вошел в нее с рецептом. Быстро подъезжай сюда. Он сказал мне, что потом поедет домой, и, может, так оно и будет, но если нет, я хочу знать, *куда* он отправится. Сумеешь проследить за ним? Мой автомобиль он знает. Твой — нет.

— Никаких проблем. Уже еду.

Не проходит и трех минут, а Джером уже выезжает из-за угла. Встает на парковочное место, только что освобожденное мамашей, посадившей в машину двух детей, которые выглядят слишком хилыми, чтобы учиться в старших классах. Ходжес отъезжает от тротуара, машет рукой Джерому и направляется на Гарнер-стрит, где несет вахту Холли, одновременно набирая ее номер. Звонка Джерома они будут ждать вместе.

22

Отец Пита действительно принимает виокс с тех самых пор, как отказался от оксиконтин, но в настоящее время таблеток у него достаточно. Сложенный листок бумаги, который Пит достает из кармана, прежде чем войти в аптеку, на самом деле не рецепт, а строгое предупреждение заместителя директора, напоминающее ученикам, что свободный день для одиннадцатиклассников — миф, и администрация будет с особым тщанием следить за всеми отсутствующими.

Пит не всматривается в листок: Билл Ходжес, возможно, ушел из полиции, но определенно не выжил из ума. Нет, Пит бросает на листок короткий взгляд, словно убеждаясь, что достал нужную бумажку, и входит в аптеку. Быстрым шагом направляется к рецептурной стойке, расположенной в глубине. Увидев его, мистер Пелки дружелюбно вскидывает руку:

— Привет, Пит. Что хочешь купить?

— Ничего, мистер Пелки, у нас все есть, но два парня гонятся за мной, потому что я не дал им списать ответы

из домашней контрольной по истории. Вот я и решил обратиться к вам за помощью.

Мистер Пелки хмурится и собирается выйти из-за прилавка. Ему нравится Пит, всегда веселый, несмотря на невероятно тяжелые испытания, выпавшие на долю его семьи.

— Покажи их мне. Я скажу, чтобы они убрались.

— Нет, я с этим разберусь, но завтра, когда они чуть остынут. А сейчас... если бы я мог выйти через черный ход...

Мистер Пелки заговорщически подмигивает, показывая, что когда-то и сам был мальчишкой.

— Конечно. Пошли.

Он ведет Питера между полками, заставленными таблетками и мазями, в маленький кабинет. Там дверь с крупной красной надписью: «СРАБОТАЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ». Мистер Пелки прикрывает расположенную рядом с дверью панель управления одной рукой, а другой нажимает несколько кнопок. Слышится жужжание.

— Можешь идти, — говорит он Питу.

Пит благодарит, выходит на погрузочно-разгрузочную платформу за аптекой, спрыгивает на потрескавшийся бетон. Проулок выводит его на Фредерик-стрит. Он смотрит направо, потом налево в поисках «приуса» бывшего детектива, не видит его и бегом срывается с места. Ему требуется двадцать минут, чтобы добраться до Лоуэр-Мейн-стрит, и хотя синего «приуса» нигде нет, Пит пару раз резко сворачивает в боковые улицы, на всякий случай. И уже выходит на Лэйсмейкер-лейн, когда вновь вибрирует мобильник. На этот раз — сообщение от сестры:

Тина: Ты поговорил с м-ром Ходжесом? Надеюсь, да. Мама знает. Я ей не говорила, но она ЗНАЛА. Пожалуйста, не злись на меня. ☹

«Как будто я могу», — думает Пит. Будь разница между ними на два года меньше, возможно, они соперничали бы, а может, и нет. Иногда она его раздражает, но он ни

разу не злился на нее всерьез, даже когда она ведет себя отвратительно.

Правда о деньгах выплыла наружу, но, возможно, ему удастся сказать, что он нашел *только* деньги, и утаить попытку продать личные вещи убитого человека с тем, чтобы его сестра смогла учиться в частной школе, где ей не пришлось бы принимать душ с другими девочками. И не пришлось бы дружить с тупицей Эллен.

Он знает, что его шансы выйти сухим из воды невелики и стремятся к нулю, но в какой-то момент — может, этим самым днем, когда он наблюдал, как стрелки медленно ползут к трем часам, — проблема эта потеряла актуальность. Теперь он хотел отослать записные книжки, особенно с двумя последними романами о Джимми Голде, в Нью-Йоркский университет. А может, в «Нью-йоркер», поскольку в пятидесятых годах именно в этом журнале публиковались практически все рассказы Ротстайна. И он объявит об этом Эндрю Холлидею. Решительно и бесповоротно. Нельзя позволить продать еще не известные миру произведения Ротстайна безумному коллекционеру, который будет держать записные книжки в тайной комнате, где температура воздуха и влажность под контролем, вместе с картинами Ренуара и Пикассо или Библией XV века.

Мальчишкой Пит воспринимал записные книжки исключительно как сокровище. *Его* сокровище. Теперь он считает иначе, и не только потому, что полюбил язвительную, смешную, задевающую за живое прозу Джона Ротстайна. Записные книжки никогда не принадлежали ему. Не принадлежали они и Ротстайну, что бы он там ни думал, прячась на занюханной ферме в Нью-Хэмпшире. Они заслуживали того, чтобы их увидел и прочел каждый. Может, маленький оползень, открывший сундук в тот зимний день, — чистая случайность, но Пит в это не верит. Он верит, что записные книжки, как и кровь Авеля, кричали из земли. Пусть его считают неисправимым романтиком. Иногда дерьмо кое-что да *значит*.

Пройдя половину Лэйсмейкер-лейн, он видит вычурные буквы вывески книжного магазина. Такие иногда можно встретить над английским пабом, но здесь написано: «РЕДКИЕ ИЗДАНИЯ ЭНДРЮ ХОЛЛИДЕЯ», а не «ПРИЮТ ПАХАРЯ» или что-то в этом роде. Пит смотрит на вывеску, и последние сомнения развеиваются как дым.

Он думает: «Джон Ротстайн — не ваш гребаный подарок на день рождения, мистер Холлидей. Ни сейчас, ни раньше. Вы не получите ни одной записной книжки. Мимо кассы, дорогуша, как сказал бы Джимми Голд. А если вы пойдете в полицию, я выложу им все. И кому там поверят, учитывая историю с книгой Джеймса Эйджи?»

Гора — невидимая, но очень тяжелая — соскальзывает с его плеч. А на сердце впервые за долгое время становится легко. Быстрым шагом Пит направляется к магазину Холлидея, не осознавая, что кулаки у него крепко сжаты.

23

В самом начале четвертого — примерно в то самое время, когда Пит садится в «приус» Ходжеса — в книжный магазин заходит покупатель. Низенький и пухлый, в очках с толстыми стеклами и тронутой сединой бородкой, которые не скрывают его сходства с Элмером Фаддом*.

— Я могу вам помочь? — спрашивает Моррис, хотя с языка чуть не слетает другая фраза: *Э-э-э, в чем дело, Док?*

— Не знаю. — В голосе «Элмера» слышится сомнение. — А где Дрю?

— Ему пришлось уехать. По срочному семейному делу в Мичиган. — Моррис знает, что Энди родом из Мичигана, то есть это нормально, но про семью лучше не распространяться: если Энди что-то и говорил про родственников, Моррис позабыл. — Я его давний друг. Он попросил меня сегодня поработать в магазине.

* Элмер Фадд — персонаж мультсериала «Безумные мотивы», заклятый враг Багза Банни.

«Элмер» обдумывает его слова. Левая рука Морриса тем временем ползет к пояснице, прикасается к придающему уверенность металлу маленького автоматического пистолета. Ему не хочется убивать этого парня, не хочется рисковать и привлекать внимание прохожих выстрелом, но он на это пойдет, если придется. В кабинете Энди хватит места для «Элмера».

— Он получил для меня книгу, за которую я внес аванс. «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», первое издание. Ее написал...

— Хорас Маккой, — заканчивает за него Моррис. Книжки на полке слева от стола — те, за которыми стояли диски с записями камер видеонаблюдения, — снабжены закладками, и Моррис их уже просмотрел. Это заказы покупателей, и среди них есть роман Маккоя. — Отличный экземпляр. С автографом. Простой автограф, без посвящения. Есть маленькое пятно на корешке.

«Элмер» улыбается.

— Это она.

Моррис снимает книгу с полки, одновременно косясь на часы. 3:13. Занятия в Нортфилде заканчиваются в три, а это означает, что мальчишка появится не позже половины четвертого.

Моррис вынимает закладку и видит: «Ирвин Янкович, 750\$». С улыбкой вручает книгу покупателю.

— Эту книгу я особо запомнил. Энди — похоже, теперь он предпочитает, чтобы его звали Дрю — говорил мне, что собирается взять с вас пятьсот долларов. Книга досталась ему дешевле, чем он ожидал, и он хотел сделать вам скидку.

Если у «Элмера» и возникли какие-то подозрения при виде незнакомца в магазине, они испарились, едва появился шанс сэкономить двести пятьдесят баксов. Он достает чековую книжку.

— Тогда... с учетом аванса это будет...

Моррис величественно машет рукой.

— Про аванс он не упоминал. Вычитите сами. Я уверен, он вам доверяет.

— Еще бы, после стольких-то лет. — Элмер склоняется над столом, выписывает чек. Ужасающе медленно. Моррис смотрит на часы. 3:16. — Вы читали «Лошадей»?

— Нет, — отвечает Моррис. — К сожалению.

И что он будет делать, если мальчишка появится до того, как этот надутый бородатый говнюк выпишет чек? Он не сможет сказать Зауберсу, что Энди в кабинете, поскольку уже сказал «Элмеру Фадду», что тот в Мичигане. Капельки пота начинают стекать по лбу и щекам Морриса. Он это чувствует. Он так же потел в тюрьме, в ожидании, что его сейчас изнасилуют.

— Отличная книга, — говорит «Элмер», его рука застывает над недописанным чеком. — Великолепный нуар и социальная зарисовка, по силе воздействия не уступающая «Гроздьям гнева». — Он замолкает, думает, вместо того чтобы писать, а на часах уже 3:18. — Ладно, может, не «Гроздьям гнева», это чересчур, но «Битве с неясным исходом» — наверняка, хотя это скорее социалистический трактат, чем роман, вы согласны?

Моррис соглашается. У него немеют руки. Если придется вытащить пистолет, он скорее всего его выронит. Или стрельнет себе в зад. Эта мысль вызывает у него громкий нервный смех, который разносится по узкому, заставленному книгами магазину.

«Элмер» поднимает голову, хмурится.

— Вспомнили что-то смешное? Насчет Стейнбека?

— Нет-нет, — отвечает Моррис. — Это... у меня такая болезнь. — Он проводит рукой по влажной от пота щеке. — Я вдруг начинаю потеть, а потом смеяться. — И вновь смеется при виде выражения лица «Элмера». Задается вопросом, а занимались ли когда-нибудь Энди и «Элмер» сексом, и при мысли о том, как это могло выглядеть, смех только усиливается. — Извините, мистер Янкович. Вы тут ни при чем. И кстати... вы не родственник знаменитого комика, Чудика Эла Янковича?

— Нет, не имею к нему никакого отношения. — Янкович торопливо расписывается. Вырывает чек из чековой книжки, протягивает Моррису, который ухмыляется, думая, что такую миниатюру вполне мог написать Джон Ротстайн. Янкович прилагает определенные усилия к тому, чтобы их пальцы не соприкоснулись.

— Извините за смех, — говорит Моррис и вновь смеется, вспоминая, как они прозвали этого комика «Чудик-Эл-Дерни-за-Хрен». — Ничего не могу с собой поделать. — На часах 3:21, и даже это смешно.

— Понимаю. — «Элмер» пятится от стола, прижимая книгу к груди. — Спасибо.

Он спешит к двери. Моррис кричит вслед:

— Обязательно скажите Энди, что я сделал вам скидку. Когда его увидите.

И заливается смехом, потому что это классная шутка. Когда его увидите! Дошло?

Когда приступ смеха проходит, на часах 3:25, и впервые Моррису приходит мысль, что, возможно, он напрасно поторопил мистера Ирвина Янковича. Может, мальчишка передумал. Может, он не придет, а в этом ничего смешного нет.

«Что ж, — думает Моррис, — если он сюда не придет, придется навестить его дома. И тогда пусть пеняет на себя. Верно?»

24

Без двадцати четыре.

Парковаться у желтого бордюра не приходится. Свободных мест сколько хочешь. Родители, приехавшие за детьми, давно отбыли. Автобусы тоже. Ходжес, Холли и Джером сидят в «мерседесе», который ранее принадлежал Оливии, кузине Холли. Его использовали как орудие убийства около Городского центра, но никто из них сейчас об

этом не думает. Они озабочены другим, прежде всего — поведением сына Томаса Зауберса.

— Парень, возможно, в щекотливом положении, но надо признать, что соображает он быстро, — говорит Джером. После десяти минут ожидания у Городской аптеки он вошел в торговый зал и обнаружил, что юноши, за которым ему полагалось следить, и след простыл. — Профессионал не сработал бы лучше.

— Точно, — кивает Ходжес. Парень оказался крепким орешком, даже крепче, чем самолетный вор мистер Мэдден. Ходжес не разговаривал с фармацевтом, но не видит в этом необходимости. Пит наверняка не один год получал лекарства, знает фармацевта, а фармацевт знает его. Мальчишка придумал какую-нибудь историю, фармацевт выпустил его через черный ход — и теперь ищи ветра в поле. Они не дежурили на Фредерик-стрит, потому что не про считали этот вариант.

— Что теперь? — спрашивает Джером.

— Думаю, нам надо ехать к Зауберсам. У нас был шанс не втягивать в это дело родителей, как просила Тина, но он упущен.

— Они должны подозревать, что это он, — вставляет Джером. — Я хочу сказать, они же его *родители*.

Ходжесу вспоминается поговорка: *Слеп тот, кто не хочет видеть*, но он лишь пожимает плечами.

Холли пока не принимает участия в дискуссии, сидит за рулем громадного автомобиля, сложив руки на груди, пальцы барабают по плечам. Теперь она поворачивается к Ходжесу, который развалился на заднем сиденье.

— Ты спросил Питера о записной книжке?

— Не было возможности, — отвечает Ходжес. Холли мертвой хваткой вцепилась в эту записную книжку, и ему следовало спросить, хотя бы для того, чтобы пойти ей навстречу, но, по правде говоря, у него не возникло и мысли. — Он решил уйти — и смылся. Даже не взял мою визитку.

Холли указывает на школу.

— Я думаю, до отъезда мы должны поговорить с Рикки-Хиппи. — И продолжает, поскольку оба молчат: — *Дом Пита* никуда не денется. Не *улетит на крылышках*.

— Думаю, это не повредит, — соглашается с ней Джером.

Ходжес вздыхает.

— И что мы ему скажем? Один из ваших учеников пришел или украл крупную сумму денег и выдавал родителям ежемесячными порциями? Родители должны выяснить это раньше какого-то учителя, который, возможно, ничего ни о чем не знает. И Питу следовало сказать им самому. Тогда бы его сестре не пришлось тревожиться.

— Но если он попал в какую-то передрагу и не хочет, чтобы они знали об этом, а поговорить с кем-то нужно... вы понимаете, со взрослым... — Джером на четыре года старше, чем в те дни, когда помогал Ходжесу в розыске Брейди Хартсфилда, имеет право голосовать и законным образом покупать спиртное, но достаточно молод, чтобы помнить, каково это — быть семнадцатилетним и внезапно осознать, что взялся за дело, которое тебе не по зубам. Когда это происходит, действительно возникает желание поговорить с кем-то, у кого больше опыта.

— Джером прав. — Холли поворачивается к Ходжесу. — Давайте поговорим с учителем и выясним, а вдруг Пит спрашивал совета насчет чего-то. Если он пожелает знать, зачем нам это нужно...

— *Разумеется*, пожелает, — отвечает Ходжес, — и я не смогу сослаться на конфиденциальность. Я же не адвокат.

— И не священник, — не слишком тактично добавляет Джером.

— Мы можем сказать, что мы — друзья семьи, — твердо говорит Холли. — И это правда. — Она открывает дверь.

— У тебя есть предчувствие? — спрашивает Ходжес. — Я прав?

— Да, — кивает она. — Холли что-то чувствует. А теперь — пошли.

25

Когда они поднимаются по широким ступеням и проходят под девизом «ОБРАЗОВАНИЕ — СВЕТОЧ ЖИЗНИ», дверь магазина «Редкие издания Эндрю Холлидея» открывается вновь, и Пит Зауберс переступает порог. Идет по центральному проходу, потом останавливается, хмурясь. За столом сидит не мистер Холлидей. Во многом этот мужчина — антипод мистера Холлидея, бледный, а не багровый (за исключением губ, неестественно красных), седовласый, а не лысый, худой, а не толстый. Не просто худой — истощенный. Господи! Пит ожидал, что подготовленный сценарий пойдет прахом, но не с первого же мгновения.

— Где мистер Холлидей? У меня с ним встреча.

Незнакомец улыбается.

— Да, конечно, только он не назвал мне твоего имени. Сказал, что зайдет молодой человек. Он ждет тебя в своем кабинете. В глубине магазина. — И это правда в каком-то смысле. — Постучи и заходи.

Пит чуть расслабляется. Логично, что Холлидей не хочет проводить столь важную встречу в магазине, куда в любой момент может кто-то зайти, чтобы купить подержанный экземпляр романа «Убить пересмешника». Он тоже готовился к встрече. И если Пит потеряет бдительность, даст слабину, его хлипкие шансы выйти сухим из воды растают как дым.

— Спасибо, — говорит он и идет между книжными полками в указанном направлении.

Как только Пит минует стол, Моррис поднимается и спешит к двери. Переворачивает табличку с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО».

Потом запирает дверь на замок.

26

В административном крыле секретарь с любопытством изучает троицу, заглянувшую в школу после окончания занятий, но вопросов не задает. Предполагает, что это родственники одного из отстающих учеников. В любом случае это проблема не ее, а Хоуи Рикера.

Она проверяет магнитную доску с разноцветными фишками.

— Он все еще в классе выполнения домашних заданий. Это комната триста девять, на третьем этаже, но, пожалуйста, загляните в окно и убедитесь, что он не занимается с учеником. У него консультации до четырех, учебный год заканчивается через пару недель, так что многие заходят к нему с вопросами по итоговым работам. Или просят дать им еще время на подготовку этих работ.

Ходжес благодарит ее, и они поднимаются по лестнице, их шаги отдаются от стен гулким эхом. Где-то внизу квартет играет «Зеленые рукава». Откуда-то сверху доносятся мужской крик: «Ты *достал*, Мейлон!»

Комната 309 прямо в середине коридора третьего этажа, и там мистер Рикер, в яркой, режущей глаз рубашке с рисунком пейсли, на которой расстегнута верхняя пуговица, и в галстук с ослабленным узлом разговаривает с энергично жестикулирующей девушкой. Рикер поднимает голову, видит гостей, вновь сосредоточивает внимание на девушке.

Гости стоят у стены, на которой постеры рекламируют летние курсы, летние семинары, летние поездки, вечеринку по поводу завершения учебного года. Две девушки, пританцовывая, проходят по коридору, обе в бейсболках и свитерах для софтбола. Одна перекидывает из руки в руку перчатку кетчера, словно это горячая картофелина.

Мобильник Холли играет несколько зловещих нот из саундтрека «Челюстей». Не притормаживая, одна девушка говорит:

— Тебе понадобится лодка побольше. — И обе смеются.

Холли смотрит на экран, потом убирает мобильник.

— Эсэмэска от Тины.

Ходжес скидывает брови.

— Ее мать знает о деньгах. Отец узнает, как только придет домой. — Она кивает в сторону закрытой двери в класс мистера Рикера. — Скрывать больше нет смысла.

27

Пит открывает дверь в темноту кабинета мистера Холлидея, и на него обрушивается запах. Металл и органика, стальная стружка, смешанная с гниющей капустой. Потом на запах накладывается звук, низкое жужжание. *Мухи*, думает Пит, и хотя ничего не видит в темноте, запах и звук сталкиваются в его голове с оглушительным грохотом, словно что-то тяжелое падает на пол. Он поворачивается, чтобы убежать.

Красногубый продавец стоит в коридоре под одной из свисающих с потолка ламп, и в его руке забавный пистолет, красно-черный, с золотистыми завитушками по стволу. Первая мысль Пита: Похож на бутафорский. В кино они никогда не похожи на бутафорские.

— Держи себя в руках, Пит, — говорит продавец. — Не дергайся и останешься цел и невредим. Нам просто надо кое-что обсудить.

Вторая мысль Пита: Врешь. У тебя это на лице написано.

Довернись, сделай шаг вперед и включи свет. Выключатель слева у двери. Потом зайди и не вздумай хлопнуть дверь, если не хочешь получить пулю в спину.

Пит шагает. Внутри, от груди и ниже, все стало жидким и пребывает в непрерывном движении. Он надеется, что не обмочится, как младенец. Едва ли в этом будет что-то удивительное: наверняка он не будет первым, кто надул в штаны, увидев направленный на него пистолет, — но по-

чему-то это *имеет* большое значение. Он водит по стене левой рукой, находит выключатель, шелкает. Когда видит, что лежит на ковре, пытается закричать, но горло перехватывает, и с губ срывается едва слышный стон. Мухи жужжат и летают над изувеченным лицом мистера Холлидея. От которого мало что осталось.

— Знаю, — сочувственно говорит продавец. — Зрелище не из приятных, верно? С наглядными уроками иначе не бывает. Он меня разозлил, Пит. Ты хочешь меня разозлить?

— Нет, — отвечает Пит пронзительным, дрожащим голосом, больше похожим на голос Тины, чем на его собственный. — Не хочу.

— Тогда будем считать, что свой урок ты выучил. Заходи. Двигайся медленно, но можешь постараться ни во что не вляпаться.

Пит идет, почти не чувствуя ног, прокрадывается слева, вдоль одного из книжных шкафов, пытаясь ступить только там, где ковер не пропитался кровью. Таких мест не много. Первоначальная паника сменяется волной ужаса, которая накрывает его с головой. Он постоянно думает об этих красных губах. Постоянно представляет себе большого злого волка, который говорит Красной Шапочке: *Чтобы лучше тебя целовать, моя милая.*

«Я должен думать, — говорит себе Пит. — Должен, или умру в этой комнате. Может, я все равно умру, но если не смогу думать, это случится обязательно».

Он пробирается вдоль черно-пурпурного пятна, пока столик вишневого дерева не преграждает ему путь, и он останавливается. Идти дальше — значит наступить на окровавленную часть ковра, а она может оказаться еще влажной и *чавкнуть*. На столике хрустальные графины со спиртным и несколько приземистых стаканов. На столе он видит топор, свет от потолочной лампы отражается от лезвия. Конечно, это то самое орудие, которое мужчина с красными губами использовал для убийства мистера Холлидея, и Пит полагает, что топор оставили на столе,

чтобы напугать его, но вместо этого от вида топора разум его проясняется, как от увесистой затрешины.

Дверь за спиной Пита закрывается. Продавец, который скорее всего вовсе не является продавцом, приваливается к ней, нацелив забавный маленький пистолет на Пита.

— Ну вот. — Он улыбается. — Теперь мы можем поговорить.

— О... о?... — Пит откашливается, делает новую попытку, с большим успехом. — О чем? О чем нам говорить?

— Не валяй дурака. О записных книжках. Которые ты украл.

Тут до Пита наконец доходит. У него отвисает челюсть.

Продавец, который не продавец, улыбается:

— Я вижу, все стало на свои места. Скажи мне, где они, и ты, возможно, выйдешь отсюда живым.

Пит так не думает.

Он уверен, что знает слишком много, чтобы выйти отсюда живым.

28

Покидая класс мистера Рикера, девушка улыбается, то есть общение с учителем прошло успешно. Она даже машет рукой — возможно, им троим, более вероятно, только Джерому — и спешит по коридору.

Мистер Рикер, который проводил ее до двери, смотрит на Ходжеса и его спутников:

— Могу я вам чем-нибудь помочь, леди и джентльмены?

— Маловероятно, — отвечает Ходжес, — но попытка — не пытка. Позвольте войти?

— Разумеется.

Они садятся в первом ряду, как примерные ученики. Рикер устраивается на краешке своего стола, чего не позволил себе при общении с юной дамой.

— Я практически уверен, что вы не родители. Так что случилось?

— Мы здесь по поводу одного вашего ученика, — отвечает Ходжес. — Его зовут Питер Зауберс. Мы думаем, что у него проблемы.

Рикер хмурится.

— У Пита? Маловероятно. Он один из лучших учеников за всю мою карьеру. Искренне любит литературу, особенно американскую. Каждую четверть — среди отличников. И какие, по-вашему, у него проблемы?

— В том-то и дело, что мы не знаем. Я спросил его, но он не стал говорить.

Рикер хмурится еще сильнее.

— Совершенно не похоже на Пита Зауберса, с которым я общался.

— Это как-то связано с деньгами, которые, похоже, попали к нему несколько лет назад. Я бы хотел рассказать вам все, что нам известно. Много времени это не займет.

— Пожалуйста, скажите, что это никак не связано с наркотиками.

— Не связано.

На лице Рикера — облегчение.

— Это хорошо. Я видел многих сбившихся с пути, и умные в такой же опасности, как и тупые. В некоторых случаях — даже в большей. Рассказывайте. Помогу, если это в моих силах.

Сначала Ходжес рассказывает о деньгах, которые начали приходить в дом к Зауберсам, когда семья переживала самые тяжелые времена. Говорит о том, что через семь месяцев после того, как загадочные деньги перестали приходить, Пит стал подавленным и несчастным. Заканчивает, вспоминая о твердой уверенности Тины в том, что ее брат попытался добыть больше денег, возможно, из того же источника, но в итоге попал в трудное положение.

— Он отрастил усы, — задумчиво говорит Рикер, когда Ходжес замолкает. — Он сейчас учится у миссис Дэвис, на курсе «Литературное творчество», но я как-то встретил его в коридоре и пошутил по этому поводу.

— И как он воспринял вашу шутку? — спрашивает Джером.

— Не уверен, что он меня услышал. Казалось, он на другой планете. Но с подростками это обычное дело, как вы, я полагаю, знаете. Особенно когда до летних каникул рукой подать.

— Он когда-нибудь упоминал про записную книжку? — спрашивает Холли. — «Молескин»?

Рикер думает, а Холли с надеждой смотрит на него.

— Нет, — наконец отвечает он. — Вроде бы нет.

На лице Холли читается огорчение.

— Он к вам с *чем-нибудь* приходил? — спрашивает Ходжес. — С какими-то проблемами, пусть самыми мелкими? У меня взрослая дочь, и я знаю, что иногда они говорят о своих проблемах не напрямую. Наверняка вы в курсе.

Рикер улыбается:

— Тот самый знаменитый друг.

— Простите?

— Скажем, «у меня есть друг, от которого забеременела его подружка». Или «у меня друг, который знает, кто исписал антигейскими лозунгами стену в раздевалке». Через пару лет работы в школе каждый учитель знает этого знаменитого друга.

— Пит говорил вам о таком друге? — интересуется Джером.

— Насколько я помню, нет. Очень сожалею. Я бы с удовольствием помог, но — увы.

Теперь спрашивает Холли, тихо, безо всякой надежды:

— Никогда не говорил о друге, который вел тайный дневник или нашел какую-то важную информацию в записной книжке?

Рикер качает головой:

— Нет. Мне правда очень жаль. Это ужасно, если у Пита действительно проблемы. Он написал одно из лучших сочинений, которые я когда-либо получал от ученика. О трилогии про Джимми Голда.

— Джон Ротстайн. — Джером улыбается. — У меня была футболка с надписью...

— Можете не говорить, — прерывает его Рикер. — Дерьмо ни хрена не значит.

— Если на то пошло, нет. Тоже цитата, но о том, что кто-то — не подарок на день рождения.

— А. — Рикер улыбается. — *Эта*.

Ходжес встает.

— Мне больше нравится Майкл Коннолли*. Спасибо, что уделили нам время. — Он протягивает руку. Рикер ее пожимает. Джером тоже встает, но Холли остается сидеть.

— Джон Ротстайн, — говорит она. — Он написал книгу о подростке, которого до такой степени достали родители, что он убежал в Нью-Йорк, правильно?

— Да, это первый роман трилогии про Джимми Голда. Пит буквально бредил Ротстайном. Может, до сих пор бредит. Возможно, в колледже он найдет новых героев, но когда учился в моем классе, думал, что Ротстайн ходил по воде. Вы читали его произведения?

— Никогда. — Холли поднимается. — Но я большая поклонница кино, поэтому часто захожу на сайт *deadline.com*, чтобы прочитать новости Голливуда. Там есть статья о том, как продюсеры хотели снять фильм по «Бегуну». Но какие бы суммы ни предлагали Ротстайну, он посылал всех к чертовой матери.

— Похоже на Ротстайна, — кивает Рикер. — Знаменитый грубиян. Ненавидел кино. Заявлял, что это искусство для идиотов. Высмеивал *кинематограф*. Кажется, у него есть эссе на эту тему.

Холли оживает.

— Потом его убили, а завещания он не оставил, и снять фильм так и не смогли из-за *юридических* проблем.

— Холли, нам пора, — говорит Ходжес. Он хочет как можно быстрее приехать к дому Зауберсов. Где бы сейчас ни находился Пит, туда он придет обязательно.

* Майкл Коннолли (р. 1974) — американский актер и продюсер.

— Да... пожалуй... — Она вздыхает. Хотя Холли под пятьдесят и она принимает нормотимики*, она по-прежнему слишком много времени проводит на эмоциональных «американских горках». Вот и теперь свет в ее глазах гаснет, и выглядит она крайне расстроенной. Ходжес ее жалеет, хочет сказать, что пусть не всегда интуиция срабатывает, надо обязательно прислушиваться к ней. Потому что когда срабатывает, это чистое золото. Не жемчужина мудрости, но Ходжес дает себе зарок обязательно сказать Холли об этом, когда они останутся вдвоем, чтобы хоть немного ее подбодрить.

— Спасибо вам, мистер Рикер. — Ходжес открывает дверь. Издалека, словно во сне, доносится мелодия «Зеленых рукавов».

— Господи! — вдруг восклицает мистер Рикер. — Минуточку!

Они поворачиваются к нему.

— Питер *приходил* ко мне с вопросом, и недавно. Но я вижу так много учеников...

Ходжес понимающе кивает.

— И проблема была небольшой, никакого юношеского Sturm und Drang**. Мы очень мило побеседовали. Я вспомнил об этом только потому, что речь шла о книге, которую вы упомянули, мисс Гибни. «Бегуне». — Легкая улыбка. — Впрочем, Пит повел речь не о друге, а о дяде.

Ходжес чувствует, как вспыхивает что-то яркое и горячее, словно кто-то зажег фитиль.

— А что заставило Пита заговорить о дяде?

— Пит сказал, что у его дяди есть экземпляр первого издания «Бегуна» с автографом. Дядя предложил его Питу, потому что тот был поклонником творчества Ротстайна. Так, во всяком случае, звучала легенда. Пит сказал мне, что собирается продать книгу. Я спросил, действительно ли ему хочется расставаться с книгой, на которой стоит

* Стабилизаторы настроения.

** Буря и натиск (нем.).

автограф его литературного идола, и он ответил, что долго об этом думал. Он надеялся, что эти деньги пойдут на оплату обучения сестры в одной из частных школ, не могу вспомнить, в какой...

— Чэпл-Ридж, — подсказывает Холли. В ее глазах вновь горит огонь.

— Думаю, да.

Ходжес медленно возвращается к столу Рикера.

— Расскажите мне... *нам*... все, что вы помните об этом разговоре.

— Это, пожалуй, и есть все, за исключением одной мелочи, которая, собственно, и заставила меня подумать, что никакого дяди нет и в помине. Он сказал, будто дядя выиграл книгу в покер. Я еще подумал: такое встречается в романах или в кино, но редко — в реальной жизни. Однако, разумеется, *иногда* жизнь копирует искусство.

Ходжес только формулирует очевидный вопрос, а Джером уже говорит:

— Он спрашивал о торговцах книгами?

— Да, собственно, по этой причине он и пришел ко мне. Принес список местных владельцев книжных магазинов, вероятно, нашел в Интернете. Я предостерег его от одного из них. У него подмоченная репутация.

Джером смотрит на Холли. Та смотрит на Ходжеса. Тот смотрит на Говарда Рикера и задает следующий очевидный вопрос. Все становится на свои места, фитиль в голове ярко пылает.

— И у кого из продавцов книг подмочена репутация?

29

Пит понимает, что у него лишь один шанс остаться в живых. Пока этот мужчина с красными губами и бледным лицом не знает, где записные книжки Ротсгейна, он не нажмет спусковой крючок пистолета, который выглядит все менее забавным.

— Вы — партнер мистера Холлидея? — спрашивает Пит, стараясь не смотреть на труп — это слишком страшное зрелище, — но мотнув головой в его сторону. — Сообщник.

Красногубый издает смешок, а потом делает нечто такое, что потрясает Пита, который до этого мгновения верил, что его уже ничем не пронять. Мужчина плюет на труп.

— Он никогда не был моим партнером, хотя однажды, давным-давно, у него был шанс. Когда тебя, Питер, еще в проекте не было. И хотя твоя попытка увести разговор в сторону достойна восхищения, я вынужден настаивать на том, чтобы мы придерживались главной темы. Где записные книжки? В твоём доме? Который, между прочим, был моим домом. Какое любопытное совпадение, да?

Новый шок.

— *Вашим?..*

— Еще более древняя история. Не важно. Они там?

— Нет. Они там были, но я перенес их в другое место.

— И я должен тебе поверить? Это вряд ли.

— Из-за него. — Пит вновь мотает головой в сторону трупа. — Я пытался продать ему несколько записных книжек, а он пригрозил рассказать все полиции. Мне пришлось их перепрятать.

Красногубый обдумывает его слова, потом кивает.

— Ладно, это я понимаю. Совпадает с тем, что он мне рассказал. Так куда ты их перенес? Выкладывай, Питер, не тани. Нам обоим станет легче, особенно тебе. Если уж делать, то быстро. «Макбет», первый акт.

Но Пит ничего выкладывать не собирается. Выложить — значит умереть. Перед ним человек, который первым украл записные книжки, теперь он это знает. Украл записные книжки и убил Джона Ротстайна более тридцати лет назад. А теперь он убил мистера Холлидея. И что помешает ему добавить к списку Пита Зауберса?

Красногубый без труда читает его мысли.

— Нет необходимости убивать тебя, знаешь ли. Во всяком случае, сразу. Я прострелю тебе ногу. Если это не развяжет тебе язык, вторая пуля отправится в яйца. А без них к чему жизнь такому молодому человеку, как ты? Верно?

Окончательно загнанному в угол Питу не остается ничего другого, кроме как выплеснуть обжигающую, беспомощную ярость, на какую способны лишь подростки.

— Ты убил его! *Ты убил Джона Ротстайна!* — Слезы льются из глаз, текут по щекам теплыми струйками. — Лучший писатель двадцатого столетия, а ты вломился в его дом и убил! Ради денег! Всего лишь ради денег!

— *Не ради денег!* — кричит в ответ Красногубый. — *Он продался!* — Он подходит на шаг, ствол пистолета немного опускается. — Он отправил Джимми Голда в ад и назвал это рекламным бизнесом! И между прочим, кто ты такой, чтобы судить? Это ты пытался продать записные книжки! Я продавать их не хотел. Может, однажды, когда был молодым и глупым, но это в прошлом. Я хочу их прочесть. Они — мои. Я хочу провести рукой по чернилам и почувствовать слова, которые он написал собственной рукой. Только эта мысль и позволяла мне тридцать шесть лет сохранять рассудок! — Еще шаг. — Да, а как насчет денег, которые лежали в сундуке? Их ты тоже взял? Разумеется, взял. Вор — ты, а не я! *Ты!*

В этот момент Пит слишком разъярен, чтобы думать о побеге. Потому что последнее обвинение, при всей его несправедливости, — правда. Он хватает один из графинов и со всей силы швыряет в своего мучителя. Красногубый этого не ожидает. Он пытается увернуться, отклоняется вправо, и графин попадает ему в плечо. Падает на ковер, стеклянная пробка вылетает, и резкий запах виски накладывается на запах свернувшейся крови. Мухи, чья трапеза прервана, взмывают в воздух черным жужжащим облаком.

Пит хватается второй графин и, подняв его, как дубину, бросается на Красногубого, напрочь забыв про пистолет. Спотыкается о вытянутую ногу Холлидея, падает на ко-

лено, и когда Красногубый стреляет — в небольшом замкнутом пространстве кабинета выстрел гремит как гром, — пуля пролетает над головой Пита так близко, что чуть не задевает волосы. Пит слышит ее свист: з-з-з-з. Он бросает второй графин и попадает Красногубому в подбородок, пускает кровь. Красногубый вскрикивает, отшатывается, ударяется спиной о стену.

Два уцелевших графина остались сзади, нет времени повернуться и схватить еще один. Пит встает и дотягивается до лежащего на столе топора, хватая его не за обтянутую резиной рукоятку, а за лезвие. Чувствует боль: лезвие поранило ладонь, — но боль далекую, словно чужую. Красногубый не выпустил пистолет из руки и теперь поднимает его, чтобы выстрелить вновь. Думать Пит не способен, однако какая-то часть его мозга, глубинная, возможно, ни разу не просыпавшаяся до сегодняшнего дня, понимает, что он мог бы схватиться с Красногубым и отнять пистолет, если бы находился ближе. Легко. Но между ними стол, поэтому Пит бросает топор. Он летит в сторону Красногубого, вращаясь, как томагавк.

Красногубый кричит и сжимается в комок, поднимая руку с пистолетом, чтобы прикрыть лицо. Тупая сторона головки топора попадает ему в локоть. Пистолет выпрыгивает из пальцев, ударяется о книжный шкаф, падает на пол. Снова гремит гром. Пит не знает, куда попала вторая пуля, но точно не в него, а на все остальное плевать.

Красногубый опускается на колени и ползет за пистолетом, седые волосы падают на глаза, кровь капает с подбородка. Он невероятно быстр. Напоминает ящерицу. По-прежнему не думая, Пит прикидывает, что проиграет, если попытается добраться до пистолета первым. Совсем чуть-чуть, но проиграет. Есть шанс схватить мужчину за руку до того, как он прицелится, но шанс небольшой.

Поэтому Пит бросается к двери.

— Вернись, сучонок! — кричит Красногубый. — Мы не закончили!

Способность мыслить логически на мгновение возвращается. Как раз закончили, думает Пит.

Он распахивает дверь кабинета и выбегает в коридор. Захлопывает ее за собой и мчится к входной двери, к Лэйсмейкер-лейн, туда, где есть люди, которым ничто не угрожает. Еще один выстрел — приглушенный, — и Пит внутренне сжимается, но не чувствует ни удара, ни боли.

Он дергает входную дверь. Не открывается. Бросает безумный взгляд через плечо и видит, как Красногубый, отрастивший кровавую бородку, пошатываясь, выходит из кабинета. Красногубый держит в руке пистолет и пытается прицелиться. Пит онемевшими пальцами хватается барашек замка, поворачивает. Мгновением позже он на залитом солнечным светом тротуаре. Никто на него не смотрит. Потому что поблизости никого нет. В жаркий рабочий день торговый район, частью которого является пешеходная Лэйсмейкер-лейн, практически пуст.

Пит бежит куда глаза глядят.

30

Теперь за рулем «мерседеса» Холли сидит Ходжес. Соблюдает все правила дорожного движения, не рыскает с полосы на полосу, но едет максимально быстро. И совершенно не удивлен, что поездка из Норт-Сайда к книжному магазину Холлидея на Лэйсмейкер-лейн вызывает воспоминания о другой, более отчаянной поездке на этом же автомобиле. Только за рулем в тот вечер сидел Джером.

— С чего вы так уверены, что брат Тины пошел к этому Холлидею? — спрашивает Джером с заднего сиденья.

— Пошел. — Холли отрывается от айпада, который достала из просторного бардачка «бенца». — Я знаю, что пошел, и думаю, что знаю почему. Речь не о книге с автографом. — Она стучит пальцем по экрану и бормочет: — Давай, давай, давай. *Загружайся, придурок!*

— А что ты там ищешь, Холлиберри? — спрашивает Джером, наклоняясь между сиденьями.

Она бросает на него сердитый взгляд.

— Не называй меня так, ты же знаешь, я терпеть этого не могу.

— Извини, извини. — Джером закатывает глаза.

— Скажу через минуту, — отвечает Холли. — Я почти добралась. Жаль, что у меня не Wi-Fi, а паршивая сотовая связь. Такая *медленная и дерьмовая*.

Ходжес смеется. Ничего не может с собой поделать. Холли сердито косится на него, не прекращая тыкать пальцами в экран.

Ходжес по пандусу въезжает на Центральную магистраль.

— Все начинает складываться. — говорит он Джерому. — Допустим, книга, о которой Пит рассказал Рикеру, на самом деле — записная книжка, которую видела Тина. Которую Пит прятал под подушку.

— Наконец-то! — восклицает Холли, не отрывая глаз от айпада. — Холли Гибни подтверждает прием. — Она вновь нажимает на что-то пальцем, проводит им по экрану и раздраженно вскрикивает. Ее спутники подпрыгивают. — О-о-о, эти чертовы рекламные ролики *сводят меня с ума!*

— Успокойся, — советует ей Ходжес.

Она его не слышит.

— Подождите. Подождите и увидите.

— Деньги и записная книжка в одном флаконе, — говорит Джером. — Этот парнишка Зауберс нашел их вместе. Вы об этом думаете?

— Да, — отвечает Ходжес.

— И то, что в записной книжке, тоже стоит денег. Только торговец книгами, дорожающий своей репутацией, не подойдет к такой записной книжке и на пу...

— НАШЛА! — кричит Холли, отчего мужчины вновь подпрыгивают. «Мерседес» виляет. Водитель автомобиля, который едет по соседней полосе, раздраженно жмет на клаксон и показывает средний палец.

— Нашла что? — спрашивает Джером.

— Не *что*, Джером, а *кого*! *Джон Гребаный Ротстайн!* Убит в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году! Как минимум три человека ворвались в его сельский дом в Нью-Хэмпшире, убили писателя и обчистили сейф. Послушайте. Статья из манчестерской «Юнион лидер», опубликованная через три дня после убийства.

Пока она читает, Ходжес сворачивает с Центральной магистрали на Лоуэр-мейн.

— «Все с большей определенностью можно утверждать, что налетчиков интересовали не только деньги. «Возможно, они забрали и записные книжки с различными произведениями мистера Ротстайна, написанными им после того, как он перестал участвовать в общественной жизни», — сообщает источник, знакомый с ходом расследования. Источник добавил, что эти записные книжки, существование которых вчера подтвердила приходящая домработница убитого Джона Ротстайна, могут стоить немалых денег на черном рынке».

Глаза Холли сверкают. Это один из дивных моментов, когда она полностью забывает о себе.

— Налетчики спрятали добычу, — говорит она.

— Спрятали деньги, — уточняет Джером. — Двадцать тысяч.

— И записные книжки. Пит нашел как минимум часть, а может, и все. Деньги он использовал, чтобы помочь родителям. И у него не было никаких проблем, пока он не попытался продать записные книжки, чтобы оплатить учебу сестры. Холлидей знает. Записные книжки, возможно, уже у него. Быстрее, Билл. Быстрее, быстрее, *быстрее!*

31

Моррис спешит к входной двери, сердце колотится, в висках стучит. Он сует пистолет Энди в карман пиджака, хватая одну из книг, выложенных для просмотра на де-

монстрационном столике, раскрывает, прижимает к подбородку, чтобы остановить кровь. Мог бы вытереть ее рукавом пиджака, едва не вытер, но теперь снова может соображать и понимает, что нельзя. Нельзя выходить на улицу, измазавшись в крови. А вот мальчишка испачкал брюки, и это хорошо. Даже отлично.

«Я снова думаю, и мальчишка скорее всего тоже соображает. Если так, ситуацию еще можно исправить».

Моррис открывает дверь магазина, смотрит в обе стороны. Зауберса и след простыл. Ничего другого он не ожидал. Подростки такие шустрые. Как тараканы.

Моррис лезет в карман за листком бумаги с номером мобильного Пита. На мгновение его охватывает паника, потому что листка нет. Наконец пальцы нащупывают его, и Моррис с облегчением выдыхает. Сердце колотится, колотится, и он хлопает ладонью по костлявой груди.

«Только не подведи меня сейчас, — думает он. — Не смей!»

Он звонит Зауберсу с телефона в магазине, потому что это часть плана, который складывается у него в голове. Моррис считает этот план хорошим. Сомневается, что Ротстайн смог бы предложить лучший.

32

Окончательно Пит приходит в себя в том месте, которое Моррис Беллами хорошо знает: Гавенмент-сквер, рядом с кафе «Счастливая чашка». Пит садится на скамью, чтобы отдышаться, с тревогой смотрит в ту сторону, откуда пришел. Красногубого не видит, и его это не удивляет. Пит теперь тоже может думать и знает, что мужчина, который пытался его убить, на улице привлечет к себе внимание. «Я его пометил как следует, — мрачно думает Пит. — Был Красногубый, стал Кровавый Подбородок».

Пока все хорошо, но что дальше?

Словно в ответ вибрирует мобильник. Пит вытаскивает его из кармана, смотрит на высветившийся номер. Узнает последние четыре цифры — 8877. По этому номеру он звонил Холлидею и оставил сообщение о поездке на выходные в «Ривер бенд». Конечно, это Красногубый, потому что мистер Холлидей позвонить никак не может. Эта мысль настолько ужасна, что Пита разбирает смех, хотя вырывающиеся из горла звуки больше похожи на рыдания.

Первая реакция — не отвечать. Изменяет он решение из-за трех фраз, произнесенных Красногубым: *В твоём доме? Который, между прочим, был моим домом. Какое любопытное совпадение, да?*

Мать велела ему сразу возвращаться домой после школы. Тина сообщила о том, что мать знала о деньгах. Следовательно, они обе дома, ждут его. Пит не хочет волновать их без необходимости — учитывая, что причина для волнений — он *сам*, — но ему нужно знать, что предвещает этот звонок, ведь отец уехал, и если этот безумец вдруг появится на Сикомор-стрит, защитить мать с сестрой будет некому. Отец в округе Виктор, показывает что-то потенциальным покупателям.

«Я позвоню в полицию, — думает Пит. — Когда я это скажу, он сбежит. Ему придется». Эта мысль немного успокаивает его, и он принимает вызов.

— Привет, Питер, — говорит Красногубый.

— Я не хочу с тобой разговаривать, — отвечает Питер. — Тебе лучше бежать, потому что я сейчас позвоню копам.

— Я рад, что связался с тобой до того, как ты так сглупил. Ты не поверишь, но я говорю с тобой как друг.

— Ты прав, — отвечает Пит. — Не поверю. Ты пытался меня убить.

— Ты опять не поверишь, но я рад, что не убил. Потому что тогда никогда бы не узнал, где ты спрятал записные книжки Ротстайна.

— Ты никогда не узнаешь, — отвечает Пит и добавляет: — Говорю тебе это как друг. — Он немного успокаивает:

ется. Красногубый не преследует его и не едет на Сикомор-стрит. Прячется в магазине и звонит с городского телефона.

— Ты так считаешь, потому что не обдумал последствия. В отличие от меня. Ситуация следующая. Ты пришел к Энди, чтобы продать записные книжки. Он попытался тебя шантажировать, и ты его убил.

Пит молчит. Не может вымолвить ни слова. Его словно огрели обухом по голове.

— Питер? Ты слушаешь? Если не хочешь провести год в колонии для малолетних преступников Ривервью, а потом двадцать лет в Уэйнсвилле, тебе лучше оставаться на связи. Я побывал в обоих заведениях и могу сказать, что это не место для молодых людей с невинными попками. Колледж намного лучше, ты согласен?

— В эти выходные меня даже не было в городе, — отвечает Пит. — Я ездил на школьное мероприятие и могу это доказать.

Красногубый продолжает без запинки:

— Значит, ты сделал это до отъезда. А может, в воскресенье вечером, когда вернулся. Полиция найдет твоё сообщение... я его сохраню. Еще есть диск с записью камер видеонаблюдения, на которой ты с ним споришь. Диск я забрал, но, конечно, полиция его найдет, если мы не договоримся. Ну и отпечатки пальцев. Копы найдут их на ручке двери в его кабинет. Более того, они найдут их на орудии убийства. Я думаю, тебе не выкрутиться, даже если ты считаешься за каждую минуту прошедших выходных.

Пит с отчаянием осознает, что не сможет этого сделать. Он вспоминает мисс Брэн — она же Брэн Стокер, — стоящую у двери автобуса какие-то двадцать четыре часа назад, с мобильником в руке, готовую набрать девять-один-один и сообщить о пропавшем ученике.

Извините, сказал он ей. Прихватило живот. Я подумал, что прогулка на свежем воздухе мне поможет.

Он видит ее на судебном заседании как наяву, говорящую: «Да, в тот день Питер выглядел больным». А потом

слышит, как окружной прокурор обращается к присяжным и заявляет, что любой подросток *выглядел* бы больным, зарубив топором престарелого торговца книгами.

Дамы и господа присяжные, я утверждаю, что Пит Зауберс, которого вы видите перед собой, в воскресенье утром на попутках вернулся в город, потому что договорился о встрече с мистером Холлидеем, который рассчитывал, что мистер Зауберс решил уступить шантажу. Но мистер Зауберс и не собирался уступить.

«Это кошмар, — думает Пит. — Словно снова Холлидей, только в тысячу раз хуже».

— Питер? Ты слушаешь?

— Никто не поверит. Ни на секунду. Как только они все о тебе выяснят.

— А кто я, между прочим?

«Волк, — думает Пит. — Ты — большой злобный волк».

Люди наверняка видели его гуляющим по территории пансионата. *Много* людей, потому что он держался тропинок. Кто-нибудь наверняка вспомнит его и даст показания. Но, как и сказал Красногубый, оставалось время до и после поездки. Особенно воскресный вечер, когда он сразу поднялся в свою комнату и закрыл за собой дверь. В сериалах «Место преступления» и «Мыслить как преступник» эксперты всегда могли установить точное время убийства, а в реальной жизни? Кто знает? Точно не Пит. И если у полиции есть реальный подозреваемый, отпечатки пальцев которого найдены на орудии убийства, время убийства можно и подогнать.

«Но я *должен был* бросить в него топор, — думает Пит. — Ничего другого под рукой не было!»

Уверенный, что хуже быть уже не может, Пит смотрит на свои ноги и видит кровавое пятно на колене.

И это кровь мистера Холлидея.

— Я могу все уладить, — вкрадчиво говорит Красногубый, — и если мы договоримся, я так и сделаю. Сотру отпечатки твоих пальцев, сотру запись на автоответчике.

Уничтожу диски с записями. Тебе надо лишь сказать мне, где сейчас записные книжки.

— Как будто я могу тебе поверить!

— А ты поверь. — Все так же вкрадчиво, убедительно. — Подумай об этом, Питер. Без тебя убийство Энди будет выглядеть как неудачная попытка ограбления. Как дело рук случайно забредшего в магазин безумца или наркомана. И это хорошо для нас обоих. Если копы выйдут на тебя, они выйдут и на записные книжки. А мне это совершенно ни к чему.

«Тебе без разницы, — думает Пит. — Естественно, потому что тебя здесь не будет, когда труп Холлидея обнаружат в его кабинете. Ты сказал, что сидел в Уэйнесвилле. Получается, что ты — бывший заключенный, который знал мистера Холлидея. Одно это превращает тебя в подозреваемого. И отпечатки твоих пальцев найдут вместе с моими. Сомневаюсь, что ты стер их все. Поэтому ты поступишь следующим образом, если я тебе позволю: заберешь записные книжки и смоешься. А как только почувствуешь себя в безопасности, что помешает тебе отправить полиции эти диски с записями камеры видеонаблюдения, просто из вредности? Чтобы рассчитаться со мной за то, что я поранил тебя графином и сумел удрать. Если я соглашусь на твои условия...»

Мысль он заканчивает вслух:

— Мне будет только хуже. Что бы ты ни сказал.

— Заверяю тебя, ты не прав.

Он говорит как адвокат, скользкий тип с модной прической, какие поздним вечером появляются в рекламных роликах на кабельных каналах. Ярость Пита возвращается и заставляет его распрямиться, словно от удара электрическим током.

— Да пошел ты! Ты *никогда* не получишь эти записные книжки!

Он обрывает связь. Мобильник опять начинает вибрировать у него в руке — тот же номер, Красногубый звонит

снова, — но Пит отклоняет вызов и отключает телефон. Сейчас ему надо подумать, подумать крепко, как никогда раньше.

Мама и Тина, вот самое важное. Он должен поговорить с мамой. Сказать, что ей и Тине надо немедленно уехать из дома. Перебраться в мотель, куда угодно. Они должны...

Нет, не с мамой. Поговорить надо с Тиной, во всяком случае, начать с нее.

Он не взял визитку мистера Ходжеса, но Тина должна знать, как с ним связаться. Если не получится, он позвонит в полицию, и будь что будет. Нельзя подвергать семью опасности ни при каких обстоятельствах.

Пит звонит сестре.

33

— Алло! Пит? Алло! *Алло!*

Напрасный труд. Этот вороватый сучий сын отключился. Первое желание Морриса — сорвать телефонный аппарат со стены и швырнуть в книжные полки, но в последний момент он сдерживается. Сейчас не время давать волю ярости.

Но что теперь? Каким будет его следующий шаг? Вдруг Зауберс позвонит в полицию, несмотря на все улики против него?

Моррис не позволяет себе в это поверить, потому что если Зауберс это сделает, ему, Моррису, никогда не видать записных книжек. И надо учесть кое-что еще: пойдет ли мальчишка на бесповоротный шаг, не поговорив с родителями? Не спросив у них совета? Не предупредив их?

Я должен действовать немедленно, думает Моррис и говорит вслух, вытирая отпечатки пальцев с телефонного аппарата:

— Если делать, то быстро.

Поэтому сейчас надо умыться и уйти через черный ход. Он не верит, что выстрелы слышали на улице, книжные

полки вдоль стен кабинета — отличная звукоизоляция, но береженного Бог бережет.

Моррис смывает кровавую бородку в ванной Холлидея, оставляет окровавленное полотенце в раковине, где полиция его найдет, когда в конце концов появится в магазине. Покончив с этим, идет по узкому коридору к двери под табличкой «ВЫХОД». Перед дверью — коробки с книгами. Моррис переставляет их, думая, как это глупо — перегораживать запасной выход. А если пожар? Глупо и недальновидно.

«А ведь это эпитафия моему давнему другу, — думает Моррис. — Здесь покоится Эндрю Холлидей, жирный, глупый, недальновидный гомик. Никто его не хватится».

Дневная жара обрушивается на Морриса словно молоток, и он пошатывается. Голова гудит после удара чертовым графином, но мозг работает на высоких оборотах. Моррис садится в «субару» — в салоне еще жарче, — заводит двигатель и сразу включает кондиционер на максимум. Оглядывает себя в зеркале заднего вида. На подбородке — отвратительный лиловый синяк, по центру которого порез в форме полумесяца, но кровь остановилась, и в целом выглядит он не слишком ужасно. Еще бы пару таблеток аспирина, но с этим можно подождать.

Моррис выезжает задним ходом с парковки и направляется по переулку к Грант-стрит. Она менее притязательна, чем Лэйсмейкер-лейн с ее дорогими магазинами, но по этой улице разрешено автомобильное движение.

Моррис останавливается на выезде из переулка, когда Ходжес и двое его помощников подходят к зданию с другой стороны и видят табличку «ЗАКРЫТО» на входной двери магазина «Редкие издания Эндрю Холлидея». Промысел в транспортном потоке возникает в тот самый момент, когда Ходжес берется за ручку и обнаруживает, что дверь не заперта. Моррис поворачивает налево и направляется к Центральной магистрали. Час пик только начинается, и до Норт-Сайда он может доехать за пятнадцать минут.

А то и за двенадцать. Нужно не дать Зауберсу обратиться в полицию, при условии, что он еще не обратился, а для этого существует только один надежный способ.

Всего-то добраться первым до сестренки книжного вора.

34

За домом Зауберсов, около забора, отделяющего двор от пустоши, стоят старые ржавые качели, которые Том Зауберс давно собирается убрать, поскольку дети выросли и качелями не пользуются. Но сегодня Тина устроилась на сиденье и медленно покачивается взад-вперед. На коленях лежит раскрытая книга, «Избранная», однако за последние пять минут она не перевернула ни страницы. Мама пообещала посмотреть с ней кино после того, как она закончит книгу, но сегодня Тине не хочется читать о подростках среди руин Чикаго. Сегодня это кажется ужасным, а не романтичным. Продолжая медленно раскачиваться, она закрывает и книгу, и глаза.

«Господи, — молится она, — пожалуйста, не допусти, чтобы Пит попал в беду. И сделай так, чтобы он не возненавидел меня. Я умру, если он возненавидит меня, поэтому, пожалуйста, пусть он поймет, почему я это сделала. *Пожалуйста*».

Бог тут же ей отвечает. Бог говорит, что Пит ни в чем не будет ее винить, поскольку мама сама обо всем догадалась, но Тина сомневается, можно ли Ему верить. Она открывает книгу, однако с чтением по-прежнему не получается. День словно застыл в ожидании чего-то ужасного.

Мобильник, подаренный Тине на одиннадцатый день рождения, наверху, в ее спальне. Дешевая модель — не айфон со всеми его наворотами, как ей хотелось, но это самое дорогое ее сокровище, она редко с ним расстается. А сегодня рассталась. Оставила в спальне и ушла во двор,

едва отправила сообщение Питу. *Не могла* не отправить, не могла оставить его в неведении, но даже сама мысль о злом, обвиняющем ответе казалась невыносимой. Тина понимает, что скоро придется встретиться с ним лицом к лицу, избежать этого невозможно, но тогда рядом будет мама. Она скажет, что Тина не виновата, и он ей поверит.

Наверное.

Мобильник на ее столе начинает вибрировать и гудеть. У нее клевый рингтон от «Snow Patrol», но, мучаясь животом и волнуясь из-за Пита, по приезде с мамой домой Тина забыла включить звук, отключенный в школе, поэтому Линда Зауберс внизу не слышит звонка. На экране мобильного появляется фотография брата. Мобильник замолкает, через тридцать секунд вновь начинает вибрировать. И в третий раз. Потом замолкает совсем.

Фотография Пита исчезает с экрана.

35

На Гавенмент-сквер Пит изумленно смотрит на мобильник. Впервые на его памяти Тинс не ответила на звонок в свободное от учебы время.

Тогда надо позвонить маме... а может, и нет. Не сейчас. Она начнет задавать миллионы вопросов, а время дорого.

Хотя (пусть он боится признаваться в этом даже себе) он хочет говорить с матерью только в случае крайней необходимости.

Пит использует «Гугл», чтобы отыскать телефонный номер мистера Ходжеса. Находит девятих Уильямов Ходжесов, но того, который ему нужен, зовут, похоже, К. Уильям Ходжес, и он — владелец агентства «Найдем и сохраним». Пит звонит и слышит автоответчик. Однако в конце долгого-долгого сообщения Холли говорит: «Если вам нужна срочная помощь, наберите пять-пять-пять-восемнадцать-девяносто».

Пит снова думает, не позвонить ли матери, потом решает начать с только что услышанного номера. Его убеждают два слова: *срочная помощь*.

36

— Фу-у-у, — говорит Холли, когда они подходят к пустому столу в центральной части длинного магазина Эндрю Холлидея. — Что это за запах?

— Кровь, — отвечает Ходжес. И разлагающаяся плоть, но этого он говорить не хочет. — Вы остаетесь здесь. Оба.

— У вас есть оружие? — спрашивает Джером.

— У меня есть Ударник.

— Это все?

Ходжес пожимает плечами.

— Тогда я иду с вами.

— И я тоже, — добавляет Холли и хватается увесистый том под названием «Дикие растения и цветущие травы Северной Америки». Держит книгу так, словно собирается прихлопнуть кусачее насекомое.

— Нет, — терпеливо отвечает Ходжес, — вы остаетесь здесь. Оба. Увидим, кто быстрее наберет девять-один-один, если я крикну.

— Билл... — начинает Джером.

— Не надо со мной спорить, и не будем терять время. Я чувствую, что его у нас совсем мало.

— Интуиция? — спрашивает Холли.

— И не только.

Ходжес достает из кармана пиджака Веселый ударник (теперь он редко выходит из дома без него, а вот старый табельный пистолет практически не носит) и перехватывает повыше узла. Быстро и бесшумно направляется к двери, за которой, по его мнению, должен находиться кабинет Эндрю Холлидея. Она чуть приоткрыта. Тяжелый конец Ударника свисает из правой руки Ходжеса. Ходжес

встает сбоку от двери и стучит левой рукой. Поскольку это один из тех моментов, когда правдой можно пренебречь, говорит: «Полиция, мистер Холлидей».

Нет ответа. Ходжес стучит снова, громче. Вновь не получив ответа, распахивает дверь. Запах резко усиливается: кровь, разлагающаяся плоть, разлитое спиртное. И кое-что еще. Сгоревший порох, этот аромат ему хорошо знаком. Монотонно жужжат мухи. Свет включен, и он видит тело на ковре.

— Господи, ему снесли полголовы! — восклицает Джером. Он так близко, что Ходжес подпрыгивает от неожиданности, поднимает руку с Веселым ударником. Потом опускает. «Мой кардиостимулятор работает с перегрузкой», — думает он. Поворачивается и видит, что оба его помощника рядом. Джером прикрывает рот рукой. Глаза выпучены.

Холли же совершенно спокойна. Она прижимает к груди «Дикие растения и цветущие травы Северной Америки» и, похоже, определяет размеры кровавого пятна на ковре. Говорит Джерому:

— Блеть нельзя. Это место преступления.

— Я не собираюсь блеть, — приглушенно отвечает Джером.

— Проку от вас никакого, — говорит Ходжес. — Будь я вашим наставником, отправил бы в офис. Я захожу. Вы — не вздумайте.

Он делает два шага вперед. Джером и Холли тут же следуют за ним. Бок о бок. «Гребаные близнецы Боббси»*, — думает Ходжес.

— Это сделал брат Тины? — спрашивает Джером. — Господи Иисусе, Билл, это сделал он?

— Если и сделал, то не сегодня. Кровь практически высохла. И есть мухи. Червей я пока не вижу, но...

В горле Джерома булькает.

* Близнецы Боббси — главные герои приключенческих детских книг Лауры Ли Хоуп.

— Джером, *не смей!* — строго одергивает его Холли. Потом обращается к Ходжесу: — Я вижу топор. Это орудие убийства?

Ходжес не отвечает. Оценивающе оглядывает комнату. Прикидывает, что Холлидей мертв уже сутки, может, и дольше. *Вероятно*, дольше. Но что-то произошло здесь позже, поскольку запахи разлитого спиртного и сгоревшего пороха — сильные и свежие.

— Это отверстие от пули, Билл? — спрашивает Джером, указывая на книжную полку слева от двери, рядом со столиком вишневого дерева. В «Уловке-22» — маленькое круглое отверстие.

Ходжес подходит, присматривается, думает: Теперь его дорого не *продашь*. Потом смотрит на столик. Там два хрустальных графина, вероятно, уотерфордских*. На столе тонкий слой пыли, так что видны места, где стояли еще два графина. Ходжес изучает комнату, смотрит за стол, видит, что они лежат на полу.

— Конечно, это дыра от пули, — отвечает Холли. — Я чувствую запах сгоревшего пороха.

— Здесь дрались, — говорит Джером и указывает на труп, не глядя на него. — Но он точно не принимал участия.

— Да, не принимал, — соглашается Ходжес. — Драчуны успели сбежать до нашего прибытия.

— Одним был Питер Зауберс?

Ходжес шумно вздыхает:

— Почти наверняка. Я думаю, он пришел сюда, как только удрал от нас в аптеке.

— Кто-то забрал компьютер мистера Холлидея, — говорит Холли. — На столе рядом с кассовым аппаратом — DVD-привод, а также беспроводная мышь и коробочка с флешками, но самого компьютера нет. Зато есть пустое место. Похоже, там стоял ноутбук.

* Уотерфорд — город в Ирландии, славящийся производством хрусталя.

— Что теперь? — спрашивает Джером.

— Звоним в полицию, — отвечает Ходжес. Этого ему делать не хочется, он понимает, что у Пита Зауберса проблемы, и звонок в полицию лишь изменит ситуацию к худшему, по крайней мере вначале, но он уже изображал Одинокого Рейнджера, разыскивая Мерседеса-убийцу, и едва не погубил несколько тысяч подростков.

Он достает мобильник, однако прежде чем успевает включить его, тот включается сам и звонит.

— Питер, — говорит Холли. Ее глаза сверкают, в голосе — абсолютная уверенность. — Спорю на шесть тысяч долларов. *Теперь* он хочет поговорить. Не стой столбом, Билл, отвечай по своему дурацкому телефону.

Он отвечает.

— Мне нужна помощь, — быстро говорит Пит. — Пожалуйста, мистер Ходжес. Мне действительно нужна помощь.

— Минуточку. Я включу громкую связь, чтобы слышали мои помощники.

— Помощники? — Тревога в голосе Пита растет. — Какие помощники?

— Холли Гибни. Твоя сестра ее знает. И Джером Робинсон. Старший брат Барбары Робинсон.

— А-а, понятно... Думаю, это нормально. — И добавляет, как бы самому себе: — Все равно хуже уже некуда.

— Питер, мы в магазине Эндрю Холлидея. В его кабинете труп. Я предполагаю, что это Холлидей, и предполагаю, что ты это знаешь. Я прав?

Молчание. Если бы не слабый шум проезжающего транспорта, Ходжес мог бы подумать, что Пит отключился. Потом юноша начинает говорить, слова выплескиваются водопадом:

— Он там был, когда я пришел, мужчина с красными губами. Он сказал мне, что мистер Холлидей в кабинете, и я туда пошел, а он последовал за мной, и у него был пистолет, и он попытался меня убить, когда я не захотел

говорить ему, где записные книжки. Я не захотел, потому что... потому что он не заслуживает записных книжек, а кроме того, он бы все равно меня убил, я это видел в его глазах. Он... я...

— Ты бросил в него графины?

— Да! И он в меня выстрелил! Не попал, но пуля пролетела так близко, что я ее слышал. Я убежал, но потом он мне позвонил и сказал, что обвинят меня, полиция обвинит, потому что я бросил в него еще и топор... вы видели топор?

— Да, — отвечает Ходжес. — Как раз смотрю на него.

— И... и отпечатки моих пальцев... понимаете... они там, потому что я бросил в него топор... и у него есть видеозапись... как мы с мистером Холлидеем спорим... потому что он пытался меня шантажировать! Я имею в виду, Холлидей, не мужчина с красными губами, только теперь он тоже пытается шантажировать меня!

— У мужчины с красными губами есть записи камер видеонаблюдения? — спрашивает Ходжес. — Ты об этом?

— Да! Он сказал, что полиция арестует меня, и так и будет, потому что в «Ривер бенд» я не пошел ни на один воскресный утренний семинар, и у него еще есть мое сообщение на автоответчике, и *я не знаю, что мне делать!*

— Где ты, Питер? — спрашивает Ходжес. — Где ты сейчас находишься?

Опять пауза, и Ходжес знает, чем занят Питер: пытается сориентироваться. Он прожил в городе всю жизнь, но сейчас так напуган, что не отличит восток от запада.

— Гавенмент-сквер, — наконец говорит он. — Напротив ресторана, «Счастливая чашка».

— Ты видишь человека, который в тебя стрелял?

— Н-нет. Я убежал, и не думаю, что он смог бы меня догнать. Он старый, а по Лэйсмейкер-лейн на автомобиле ездить нельзя.

— Оставайся на месте, — говорит Ходжес. — Мы приедем и заберем тебя.

— Пожалуйста, не звоните в полицию, — просит Пит. — Это убьет моих родителей, после всего пережитого... Я отдам вам записные книжки. Напрасно я держал их у себя и тем более пытался продать. Мне следовало ограничиться деньгами. — Его голос срывается. — Мои родители... они попали в такую беду. *Все рухнуло*. Я пытался помочь.

— Я уверен, так и было, но я должен позвонить в полицию. Если ты не убивал Холлидея, улики это докажут. Все будет хорошо. Мы заберем тебя и поедem к тебе домой. Родители там?

— Папа в деловой поездке, но мама и сестра дома. — Пит хватается ртом воздух, прежде чем продолжить. — Меня посадят в тюрьму, да? Они никогда не поверят, что там был этот мужчина с красными губами. Скажут, что я его выдумал.

— Все, что ты должен сделать, это сказать правду, — вмешивается Холли. — Билл не допустит, чтобы с тобой что-нибудь случилось. — Она хватается руку Билла и крепко сжимает. — Правда?

— Если ты его не убивал, все будет хорошо, — повторяет Ходжес.

— Я не убивал! Клянусь Богом!

— Это сделал другой мужчина. С красными губами.

— Да. А еще он убил Джона Ротстайна. Сказал, что Ротстайн продан.

У Ходжеса миллион вопросов, но задавать их сейчас не время.

— Слушай меня, Пит. Очень внимательно. Оставайся на месте. Мы будем на Гавенмент-сквер через пятнадцать минут.

— Через десять, если вы позволите мне сесть за руль, — встревает Джером.

Ходжес его игнорирует.

— Потом мы все поедem к тебе домой. Ты расскажешь всю историю мне с помощниками и матери. Она, возможно, захочет позвонить твоему отцу, чтобы обсудить необ-

ходимость привлечь адвоката. *После этого* мы позвоним в полицию. Это наилучший вариант, который я могу тебе предложить.

«И мне, возможно, еще *придется* об этом пожалеть», — думает он, глядя на труп и вспоминая, как четыре года назад едва не попал в тюрьму. По той же причине: решил изобразить Одинокого Рейнджера. Но, конечно, полчаса или сорок пять минут вряд ли что изменят. И слова парнишки о родителях попали в цель. Ходжес побывал у Городского центра в тот день. Видел последствия.

— Хо-хорошо. Приезжайте как можно быстрее.

— Да. — Ходжес отключается.

— Что будем делать с *нашими* отпечатками пальцев? — спрашивает Холли.

— Оставим их, — отвечает Ходжес. — Поехали к мальчишке. Мне не терпится выслушать его историю. — Он бросает Джерому ключ от «мерседеса».

— Пасиба, масса Ходжес! — верещит Тайрон Филгуд. — Ентот черный малшик — *кароший водила!* Доставить к месту в лучшем виде...

— Заткнись, Джером! — хором говорят Ходжес и Холли.

37

Пит со всхлипом набирает полную грудь воздуха, закрывает мобильник. В его голове все кружится, словно в каком-то кошмарном аттракционе в парке развлечений, и он уверен, что говорил как идиот. Или как убийца, до смерти боявшийся, что его поймают, и выдумавший какую-то дикую историю. Он забыл сказать мистеру Ходжесу, что Красногубый когда-то жил в доме Пита на Сикомор-стрит, а это следовало сказать. Пит думает о том, чтобы позвонить Ходжесу снова, но зачем, если тот с помощниками подъедет через считанные минуты?

«Этот тип не пойдет ко мне домой, — говорит себе Пит. — Не сможет. Ему надо оставаться невидимым. Од-

нако может и пойти. Если решит, что я солгал насчет того, что записные книжки в другом месте. Потому что он спятил. Окончательно и бесповоротно».

Пит вновь пытается позвонить Тине, но получает только голосовое сообщение: «Привет, это Тинс, извини, что не могу ответить, говори, что хотел». И звуковой сигнал.

Ладно.

Тогда мама.

Но, не успев ей позвонить, Пит видит подъезжающий автобус, а в окошечке над лобовым стеклом, как дар с неба, — табличка со словом «НОРТ-САЙД». И Пит внезапно принимает решение не сидеть здесь и не ждать мистера Ходжеса. Автобус доставит его домой быстрее, а он хочет оказаться там *немедленно*. Он позвонит мистеру Ходжесу, как только войдет в салон, и скажет, что они встретятся у него дома, но сначала позвонит маме и попросит запечатать все двери.

Автобус практически пуст, но Пит все равно идет в самый конец салона. И ему не приходится звонить матери — его мобильник звонит, когда он садится. «МАМА» — высвечивается на экране. Пит делает глубокий вдох и принимает вызов. Мать начинает говорить прежде, чем он успевает сказать: «Алло».

— Где ты, Питер? — Питер, а не Пит. Не очень хорошее начало. — Я ждала тебя еще час назад.

— Еду, — отвечает Пит. — В автобусе.

— Давай не будем врать, хорошо? Автобус приехал и уехал. Я его видела.

— Не в школьном автобусе. В том, который идет из центра города в Норт-Сайд. Мне пришлось... — Что? Поехать по делам? Это так нелепо, что даже смешно. Только смеяться не над чем. — Мне нужно было кое-что сделать. Тина дома? Она не у Эллен или где-то еще?

— Она во дворе, читает книгу.

Автобус проезжает ремонтные работы. Еле тащится.

— Мама, послушай меня. Ты...

— Нет, это ты послушай *меня*. Ты посылал деньги?

Пит закрывает глаза.

— Ты? Короткого «да» или «нет» вполне достаточно. О подробностях мы поговорим позже.

— Да, — отвечает он с закрытыми глазами. — Я. Но...

— Откуда они взялись?

— История длинная, и сейчас это не важно. Есть один тип...

— Что *значит* — не важно? Ты прислал *больше двадцати тысяч долларов!*

Он подавляет желание спросить: *Ты только сейчас заметила?*

Автобус продолжает ползти по ремонтируемому участку дороги. Капли пота катятся по лицу Пита. Он видит пятно крови на колене, темно-коричневое, а не красное, но все равно бросающееся в глаза и кричащее: *Виновен! Виновен! Виновен!*

— Мама, пожалуйста, заткнись и послушай меня.

С другой стороны — изумленная тишина. Только совсем маленьким, во время истерики, он говорил матери «заткнись».

— Есть один тип, и он опасен. — Он мог бы рассказать, *насколько* опасен, но хочет, чтобы мать была бдительна, а не напугана. — Он очень бледный, седой. С красными губами. Я не думаю, что он придет к нам домой, но он может. Пожалуйста, уведи Тину в дом и запри все двери. Только на несколько минут, потом я приеду. И другие люди, которые смогут помочь.

«По крайней мере я на это надеюсь, — думает он. — Господи, очень надеюсь».

38

Моррис Беллами сворачивает на Сикомор-стрит. Он понимает, что его жизнь стремительно катится в пропасть. Все, что у него есть, это несколько сотен украденных дол-

ларов, украденный автомобиль и необходимость заполнить записные книжки Ротстайна. И еще кое-что: у него есть убежище, где он может на время затаиться, и читать, и наконец-то выяснить, что случилось с Джимми Голдом после того, как рекламная кампания «Даззи-Ду» вознесла его на самую вершину огромной кучи рекламного дерьма и оставила там с пригоршней Золотых баксов. Моррис понимает, что это безумие, поэтому он скорее всего безумец, но это все, что у него есть, и этого достаточно.

— Безумие ни хрена не значит, — говорит Моррис Беллами. — Безумие ни хрена не значит. *Ничто* ни хрена не значит.

Вот правила, по которым следует жить.

39

— Билл, — говорит Джером, — неприятно, конечно, но я думаю, что наша пташка улетела.

Ходжес вырывается из своих мыслей, когда Джером проезжает по Гавенмент-сквер. На скамьях сидит немало людей — читают газеты, болтают, пьют кофе, кормят голубей, — но среди них нет подростков ни мужского, ни женского пола.

— За столиками в кафе его тоже не видно, — докладывает Холли. — Может, он зашел внутрь за чашкой кофе?

— В такой ситуации ему не до кофе, — отвечает Ходжес и ударяет кулаком по бедру.

— Автобусы в Норт-Сайд и Саут-Сайд проходят через площадь каждые пятнадцать минут, — говорит Джером. — Окажись я на его месте, не смог бы сидеть и ждать, пока кто-то приедет за мной. Попытался бы что-то сделать.

В этот момент звонит мобильник Ходжеса.

— Подъехал автобус, и я решил не ждать, — сообщает Пит. Он заметно успокоился. — Я буду дома, когда вы приедете. Мне только что позвонила мама. Они с Тиной в порядке.

Ходжесу эта фраза не нравится.

— А что с ними может случиться, Пит?

— Этот тип с красными губами знает, где мы живем.

Он говорил, что раньше жил в том же доме. Я забыл вам сказать.

Ходжес оглядывается:

— Сколько нам ехать до Сикомор-стрит, Джером?

— Минут двадцать. Может, меньше. Если бы я знал, что парнишка поедет на автобусе, я бы не сворачивал на Центральную магистраль.

— Мистер Ходжес? — спрашивает Пит.

— Слушаю тебя.

— С его стороны будет глупо идти ко мне домой. В этом случае ему уже не удастся меня подставить.

Логично.

— Ты сказал им запереться и не выходить?

— Да.

— Ты его описал?

— Да.

Ходжес понимает: позвони он копам, мистера Красногубого как ветром сдует, и судьба Пита будет зависеть от выводов криминалистов. Кроме того, возможно, ему с напарниками удастся приехать туда раньше.

— Скажи ему, пусть позвонит этому типу, — говорит Холли. Наклоняется к Ходжесу и кричит: — *Позвони и скажи, что передумал и готов отдать записные книжки!*

— Пит, ты слышал?

— Да, но я не могу. Я даже не знаю, есть ли у него мобильник. Он звонил мне из магазина. У нас, знаете ли, не было времени обмениваться телефонами.

— Хреново, — сообщает Холли, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Ладно. Позвони мне, как только придешь домой и убедишься, что все в порядке. Если не дашь о себе знать, мне придется позвонить в полицию.

— Я уверен, у них все...

Но на этом разговор заканчивается, потому что Ходжес отключает телефон и наклоняется вперед.

— Прибавь, Джером.

— Как только смогу, — отвечает он, указывая на блестящую хромом улицу, по три ряда в каждую сторону. — После развязки помчимся как ветер.

«Двадцать минут, — думает Ходжес. — Двадцать минут максимум. И что может случиться за двадцать минут?»

Он знает ответ по своему горькому опыту: очень многое. Жизнь и смерть. И сейчас ему остается только надеяться, что эти двадцать минут не будут преследовать его в кошмарных снах.

40

Линда Зауберс пришла в маленький кабинет мужа, чтобы там подождать Пита. Ноутбук Тома стоит на столе, и она раскладывает пасьянс. Она слишком расстроена, чтобы читать.

Разговор с Питом совершенно выбил ее из колеи. Кроме того, она боится, но не какого-то жуткого злодея, рыскающего по Сикомор-стрит. Боится за сына, который, несомненно, *верит* в этого злодея. Все начинает складываться воедино. Его бледность и потеря веса... эти дурацкие усы, которые он пытался отрастить... возвращение угрей и долгие периоды молчания... теперь многое становится понятным. Если у него еще нет нервного расстройства, то он уже на грани.

Линда встает и смотрит в окно на дочь. Тина в своей лучшей блузке, желтой, воздушной, и, конечно, незачем садиться в ней на грязные качели, которые уже давно пора выкинуть. У Тины раскрытая книга, но едва ли Тина читает. Она выглядит измученной и грустной.

«Просто кошмар, — думает Линда. — Сначала Том получает такие тяжелые увечья, что остается хромым до

конца жизни, теперь наш сын видит монстров в тенях. Эти деньги — не манна небесная, а кислотный дождь. Может, ему просто надо излить душу. Рассказать всю историю о том, откуда взялись деньги. И как только он это сделает, начнется выздоровление».

А пока она выполнит все его просьбы. Позовет Тину в дом и запрет двери. Это не повредит.

За спиной скрипит половица. Линда поворачивается, ожидая увидеть сына, но это не Пит, а мужчина с бледной кожей, редкими седыми волосами и красными губами. Это человек, которого описывал ее сын, тот самый жуткий злодей, и прежде всего она ощущает не ужас — абсурдно сильное облегчение. Все-таки у ее сына нет никакого нервного расстройства.

Потом она видит пистолет в руке мужчины, и ужас приходит, яркий и жгучий.

— Должно быть, вы мама, — говорит незванный гость. — Явное семейное сходство.

— Кто вы? — спрашивает Линда Зауберс. — Что вы здесь делаете?

Незванный гость — он стоит в дверях кабинета ее мужа, а не живет в воспаленном разуме сына — бросает короткий взгляд в окно, и Линде приходится подавить крик: *Не смотрите на нее*.

— Это ваша дочь? — спрашивает Моррис. — Хорошенькая. Мне всегда нравились девочки в желтом.

— Что вам нужно? — спрашивает Линда.

— То, что принадлежит мне, — отвечает Моррис и стреляет ей в голову. Выплескивается кровь, капли падают на стекло. Словно идет дождь.

41

Тина слышит, как в доме что-то грохнуло, и бежит к двери на кухню. «Это скороварка, — думает она. — Мама опять забыла выключить эту чертову скороварку».

Такое уже случалось, когда мама варила варенье. Сковорода у них старая, из тех, что ставят на плиту, и Пит провел чуть ли не всю вторую половину субботы, стоя на стремянке и оттирая от потолка клубничную слизь. Когда это случилось, мама пылесосила в гостиной, так что ей повезло. Тина надеется, что и сейчас мамы на кухне не было.

— Мама? — зовет она, вбегая в дом. Но на плите ничего нет. — Ма?..

Рука обхватывает ее за пояс, сильно и резко. Из легких Тины выходит воздух. Брыкающиеся ноги отрываются от пола. Она чувствует щекой щетину. В нос ударяет запах пота, кислый и жаркий.

— Не ори, а не то будет больно. — Мужской голос, от которого по коже бегут мурашки. — Ты меня понимаешь?

Тине удастся кивнуть, но сердце колотится, и перед глазами темнеет.

— Я не могу дышать, — хрипит Тина, и хватка слабеет. Ноги возвращаются на пол. Она поворачивается и видит мужчину с бледным лицом и красными губами. У него порез на подбородке, похоже, глубокий; кожа вокруг припухла и почернела.

— Не кричи, — повторяет мужчина и предостерегающе поднимает палец. — *Не надо*. — Он улыбается, но если улыбка должна успокоить Тину, это не срабатывает. Зубы у него желтые. Больше напоминают клыки.

— Что вы сделали с моей мамой?

— Она в порядке, — отвечает мужчина с красными губами. — Где твой мобильник? У такой хорошенькой маленькой девочки должен быть мобильник. И много друзей, с которыми можно болтать и обмениваться эсэм-эсками. Он у тебя в кармане?

— Н-н-нет. Наверху. В моей комнате.

— Пошли, — говорит Моррис. — Тебе надо позвонить.

42

Остановка Пита — на Элм-стрит, в двух кварталах от его дома, и автобус уже подъезжает к ней. Пит идет по проходу, когда звонит мобильник. На экране возникает фотография сестры, и Пит ощущает такое облегчение, что ноги становятся ватными. Чтобы не упасть, ему приходится схватиться за поручень.

— Тина! Я буду дома через...

— Здесь мужчина! — Тина так плачет, что Пит едва может разобрать слова. — Он в доме! Он...

Ее голос исчезает, и Пит знает, кого он сейчас услышит. Как же ему хочется ошибиться.

— Привет, Питер, — говорит Красногубый. — Едешь домой?

Пит не может ответить. Язык прилип к нёбу. Автобус останавливается на углу Элм-стрит и Брэкенридж-террэс, но Пит словно прилип к полу.

— Можешь не отвечать и можешь не торопиться домой, потому что если появишься, там никого не будет.

— Он врёт! — кричит Тина. — Мама... — Тут она визжит от боли.

— Не бей ее, — говорит Пит. Остальные пассажиры не отрываются от газет или читалок, потому что он шепчет: — Не бей мою сестру.

— Не буду, если она заткнется. Ей надо вести себя тихо. И тебе надо вести себя тихо и слушать меня. Но сначала ты должен ответить на два вопроса. Ты звонил в полицию?

— Нет.

— Ты *кому-нибудь* звонил?

— Нет, — лжет Пит без запинки.

— Хорошо. Прекрасно. А теперь ты должен внимательно меня выслушать. Готов?

Полная дама с хозяйственной сумкой залезает в автобус, пытит как паровоз. Пит выскальзывает из салона,

как только она освобождает дверь, идет словно во сне, с прижатым к уху мобильником.

— Я увожу твою сестру в безопасное место. Место, где мы можем встретиться, как только записные книжки будут у тебя.

Пит уже собирается возразить, что можно поступить иначе, что он просто скажет Красногубому, где записные книжки, потом осознает, что едва не допустил роковую ошибку. Как только Красногубый узнает, что записные книжки в Центре досуга, ему незачем оставлять Тину в живых.

— Ты здесь, Питер?

— Д-да.

— И это хорошо. Хорошо. Вали за записными книжками. Как только они будут у тебя — но не раньше, — звони на мобильник сестры. Если позвонишь по какой-то другой причине, ей будет больно.

— Моя мама в порядке?

— В порядке, только связана. Не волнуйся за нее, и дома тебе делать нечего. Забирай записные книжки и сразу звони мне.

На этом Красногубый отключается. Пит не успевает сказать, что ему надо заскочить домой за тележкой Тины, чтобы везти записные книжки. Кроме того, ему надо взять отцовские ключи от Центра досуга. Он повесил их на доску в кабинете отца, а без них в Центр досуга не войти.

43

Моррис сует розовый мобильник Тины в карман и вырывает шнур из настольного компьютера.

— Повернись. Руки за спину.

— Вы ее застрелили? — Слезы текут по щекам Тины. — Этот звук я слышала? Вы застрелили мою...

Моррис отвечает ей тяжелую оплеуху. Кровь льется из носа Тины и уголка рта. Глаза широко раскрываются.

— Заткнись и поворачивайся. Руки за спину.

Рыдая, Тина подчиняется. Моррис связывает ей запястья на пояснице, злобно затягивает узлы.

— О! О, мистер! Очень туго!

— Переживешь! — Моррис думает, сколько патронов осталось в пистолете его давнего друга. Двух хватит: один — для вора, второй — для сестры вора. — Пошла. Вниз. И через кухонную дверь. Шевелись. Раз-два, раз-два.

Она смотрит на него широко раскрытыми покрасневшими глазами, по ее щекам катятся слезы.

— Вы собираетесь меня изнасиловать?

— Нет, — отвечает Моррис и добавляет нечто пугающее и непонятное: — Больше я такой ошибки не допущу.

44

Когда Линда приходит в себя, она видит потолок. Она знает, где находится — в кабинете Тома, — но не знает, что с ней произошло. Правая сторона головы в огне, а когда она подносит руку к лицу, на пальцах и ладони — кровь. Последнее, что она может вспомнить, это слова Пегги Моран о том, что Тину вырвало в школе.

Поезжай и отвези ее домой, сказала Пегги. Я тебя подмению.

Нет, она помнит что-то еще. Что-то насчет загадочных денег.

«Я собиралась поговорить о них с Питом, — думает она. — Получить ответы на некоторые вопросы. Я раскладывала пасьянс на компьютере Тома, убивала время, дожидаясь возвращения Пита домой, а потом...»

Потом — темнота.

А теперь — ужасная боль в голове, словно где-то постоянно хлопает дверь. Хуже приступов мигрени, которые у нее иногда бывают, хуже родов. Линда пытается поднять голову, и у нее получается, но мир начинает то пропадать,

то появляться, в такт ударам сердца, *расширяется* и *сжимается*, и эти колебания сопровождаются настоящей агонией.

Она смотрит вниз и видит, что на груди платье из серого стало грязно-пурпурным. «Господи, — думает Линда, — сколько крови. У меня случился инсульт? Какое-то мозговое кровоизлияние?»

Конечно же, нет, при инсульте кровотечение внутреннее, но, что бы ни случилось, ей нужна помощь. Ей нужна «скорая», но она не может дотянуться до телефона. Рука поднимается, трясется, потом падает на пол.

Она слышит крик боли где-то рядом, потом плач, который узнает всегда, даже на смертном одре (где, как Линда подозревает, она и находится). Тина.

Ей удается приподняться на окровавленной руке, чтобы выглянуть в окно. Она видит, как какой-то мужчина тащит Тину с крыльца во двор. Руки Тины связаны за спиной.

Линда забывает про боль, забывает про «скорую». Какой-то мужчина ворвался в дом, а теперь похищает ее дочь. Она должна его остановить. Ей надо вызвать полицию. Она пытается сесть на кресло за столом, но сначала может только схватиться рукой за сиденье. Потом ей удается рывком приподняться, и на мгновение боль становится такой сильной, что мир затягивает белая пелена, но она изо всех сил цепляется за сознание и держится за подлокотники. Когда перед глазами проясняется, она видит, как мужчина открывает калитку в заборе и толкает Тину вперед. *Гонит*, как животное на скотобойню.

Верни ее! — кричит Линда. *Не причиняй боль моей девочке!*

Но только мысленно. Когда она пытается встать, кресло поворачивается, подлокотники выскальзывают из ее пальцев. Мир темнеет. Она слышит какой-то жуткий хрип и, прежде чем отключиться, успевает подумать: «Неужели это я?»

45

Лучше после развязки не становится. Вместо свободной дороги они видят пробку и два оранжевых щита. На одном написано: «ВПЕРЕДИ РЕГУЛИРОВЩИК», на втором — «РЕМОНТ ДОРОГИ». Автомобили стоят, пока регулировщик пропускает транспорт в сторону центра. Через три минуты ожидания, каждая из которых растягивается на час, Ходжес предлагает Джерому воспользоваться боковыми улицами.

— Я бы с удовольствием, но нас зажали. — Он указывает назад, где автомобили стоят до самой развязки.

Холли сидит, склонившись над айпадом, ушедшая в себя, но тут поднимает голову.

— Воспользуйся тротуаром, — говорит она и возвращается к прерванному занятию.

— Тут же почтовые ящики, Холлиберри, — возражает Джером. — И впереди забор. Не думаю, что мы пролезем.

Холли вновь смотрит вперед.

— Пролезем. Можешь поцарапать борта, не в первый раз. Поезжай.

— А кто заплатит штраф, если меня арестуют за вождение в черноможом виде? Ты?

Холли закатывает глаза. Джером поворачивается к Ходжесу, который вздыхает и кивает:

— Она права. Мы пролезем. Я заплачу твой гребаный штраф.

Джером выворачивает направо. «Мерседес» цепляет бампер стоящего впереди автомобиля, переваливается через бордюр на тротуар. Вот и первый почтовый ящик. Джером берет еще правее, полностью залезает на тротуар. Слышится грохот: водительский борт сшибает почтовый ящик со столба. Потом скрип: пассажирский трется о рабицу. Женщина в шортах и топике косит лужайку перед домом. Кричит, когда пассажирский борт принадлежащей Холли немецкой подлодки сбивает табличку с надписями

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН! ПОПРОШАЙКАМ И КОММИВОЯЖЕРАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!». Бежит к подъездной дорожке, продолжая кричать. Потом застывает. Прикрывает рукой глаза, щурится. Ходжес видит, как шевелятся ее губы.

— Боже, — выдыхает Джером. — Она запоминает твой номер.

— Просто поезжай, — отвечает Холли. — Поезжай, поезжай, поезжай. — И добавляет без паузы: — Красногубый — это Моррис Беллами. Так его зовут.

Теперь на них кричит регулировщик. Строительные рабочие, которые вытаскивают канализационную трубу, просто смотрят. Некоторые смеются. Один подмигивает Джерому и салютует воображаемой бутылкой. Потом они остаются позади. «Мерседес» скатывается с тротуара на проезжую часть. Все автомобили, направляющиеся в Норт-Сайд, толпятся в пробке, поэтому дорога совершенно свободна.

— Я проверила городской налоговый архив, — говорит Холли. — В тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, когда убили Джона Ротстайна, налоги за дом двадцать три по Сикомор-стрит платила Анита Элейн Беллами. Я погуглила ее и нашла больше пятидесяти ссылок. Она пользовалась известностью в академических кругах, но для нас оказалась полезной только одна ссылка. Ее сына судили и признали виновным в изнасиловании с отягчающими обстоятельствами в конце того же года. В этом самом городе. Он получил пожизненное. В одной из новостных статей есть его фотография. Смотри. — Она протягивает айпад Ходжесу.

Моррис Беллами сфотографирован спускающимся по лестнице здания суда, которое Ходжес хорошо помнит, хотя пятнадцать лет назад его сменило бетонное страшилище на Гавенмент-сквер. Беллами сопровождают два детектива. Одного Ходжес узнает: Пол Эмерсон. Хороший коп, давно на пенсии. Он в костюме. Как и второй детектив. Но тот

набросил пиджак на руки Беллами, чтобы скрыть наручники. Беллами тоже в костюме, а значит, фотографию сделали то ли во время процесса, то ли сразу после вынесения приговора. Фотоснимок черно-белый, отчего контраст между бледным лицом Беллами и темными губами еще более разительный. Он словно намазал их помадой.

— Наверняка это он, — говорит Холли. — Если позвонить в тюрьму штата, готова поспорить с тобой на шесть тысяч долларов, что он на свободе.

— Спор отклоняется, — отвечает Ходжес. — Сколько до Сикомор-стрит, Джером?

— Десять минут.

— Точно или если повезет?

— Ну... пожалуй, если немного повезет, — с неохотой признается Джером.

— Сделай все, что в твоих силах, и постарайся никого не зада...

Звонит мобильник Ходжеса. Пит. Задышающимся голосом:

— Вы позвонили в полицию, мистер Ходжес?

— Нет. — Хотя полиции уже наверняка известен номер «мерседеса» Холли, но он не видит смысла говорить об этом Питу. Мальчик и так сильно расстроен. Почти безумел.

— Не звоните. Ни в коем случае. Он захватил мою сестру. Говорит, что убьет ее, если не получит записных книжек. Я собираюсь отдать их ему.

— Пит, не...

Но Ходжес говорит в пустоту. Пит оборвал связь.

46

Моррис гонит Тину по тропе. В какой-то момент острая обломанная ветка рвет ей блузку и до крови царапает руку.

— Не заставляйте меня идти так быстро, мистер! Я упаду.

Моррис бьет ее по затылку, повыше конского хвоста.

— Не сотрясай зря воздух, сука! Скажи спасибо, что не заставляю тебя бежать!

Когда они переходят речку, он держит Тину за плечи, чтобы не упала, а когда добираются до густых зарослей, за которыми начинается территория Центра досуга, приказывает девочке остановиться.

Бейсбольное поле пустует, но несколько мальчишек играют на асфальте баскетбольной площадки. Голые по пояс, плечи блестят от пота. Для игр на открытом воздухе слишком жарко, и Моррис думает, что только по этой причине мальчишек так мало.

Он развязывает руки Тины. Она вскрикивает от облегчения и начинает растирать запястья, исчерченные глубокими красными полосами.

— Сейчас мы пойдем вдоль деревьев, — говорит он ей. — Эти мальчишки увидят нас, лишь когда мы выйдем из тени и будем проходить рядом со зданием. Если они поздороваются или если там будет кто-то из твоих знакомых, помаши рукой, улыбнись и продолжай идти. Ты понимаешь?

— Д-да.

— Если закричишь или позовешь на помощь, я прострелю тебе голову. Ты *это* понимаешь?

— Да. Вы застрелили мою маму? Застрелили, да?

— Конечно, нет, просто выстрелил в потолок, чтобы она не дергалась. С ней все хорошо, и с тобой тоже будет, только делай, что тебе говорят. Пошли.

Они идут в тени, нескошенная трава шуршит, трется о брюки Морриса и джинсы Тины. Мальчишки полностью поглощены игрой и не оглядываются, хотя если бы оглянулись, наверняка заметили бы ярко-желтую блузку Тины, которая выделяется на темно-зеленом фоне, словно предупредительный флажок.

Когда они наконец добираются до задней стороны Центра досуга, Моррис ведет ее мимо «субару» своего давнего друга, поглядывая на мальчишек. Едва кирпичная стена здания скрывает их от баскетбольной площадки, он вновь связывает руки Тины за спиной. Нет смысла рисковать — Берч-стрит слишком близко. И на ней много домов.

Моррис видит, как Тина набирает полную грудь воздуха, и хватает ее за плечо.

— Не вздумай кричать, девочка. Откроешь рот — и я вколочу твой крик обратно!

— Не бейте меня, — шепчет Тина. — Я сделаю все, что скажете.

Моррис довольно кивает. Ответ правильный.

— Видишь подвальное окно? Которое открыто? Ложись на землю, поворачивайся на живот и залезай в него.

Тина садится на корточки, смотрит в темноту подвала. Потом поворачивает к Моррису свое опухшее, окровавленное лицо.

— Там высоко! Я упаду!

Моррис раздраженно пинает ее в плечо. Тина вскрикивает. Моррис наклоняется и приставляет дуло пистолета к ее виску.

— Ты сказала, что сделаешь, что я хочу, а хочу я этого. Быстро лезь в окно, а не то пуля пробьет твой маленький девчачий мозг.

Моррис задается вопросом, серьезно ли он говорит. Решает, что да. Маленькие девочки тоже ни хрена не значат.

Плача, Тина заползает в окно. Застывает, наполовину внутри. Умоляюще смотрит на Морриса. Тот поднимает ногу, чтобы ударить девчонку в лицо и придать ускорение. Она падает вниз. Вскрикивает, несмотря на запрет Морриса.

— Лодыжка! Кажется, я сломала лодыжку!

Моррису плевать на ее лодыжку. Он быстро оглядывается, чтобы убедиться, что за ним по-прежнему никто не наблюдает, потом через окно залезает в подвал бывшего Центра досуга на Берч-стрит, приземляется на картонную коробку, которую в последний раз использовал вместо ступеньки. Сестра вора, похоже, проделала то же самое неудачно и свалилась с коробки на пол. Одна ее ступня вывернута, а лодыжка уже распухает. Для Морриса Беллами это тоже ни хрена не значит.

47

У мистера Ходжеса тысяча вопросов, но у Пита нет времени отвечать ни на один. Он обрывает разговор и бежит по Сикомор-стрит к своему дому. Решает, что катить с собой старую тележку Тины слишком долго, и он найдет другой способ транспортировки записных книжек, когда доберется до Центра досуга. Что ему действительно нужно, так это ключи от здания.

Он вбегает в маленький отцовский кабинет, чтобы схватить их, и останавливается как вкопанный. Его мать лежит на полу, синие глаза сверкают в кровавой маске. Кровь на открытом ноутбуке отца, на мамином платье, на кресле и на окне. Из компьютера доносится музыка, и даже в шоковом состоянии Пит ее узнает: мама раскладывала пасьянс. Просто раскладывала пасьянс и ждала, когда ее сын вернется домой.

— *Мама!* — Не скрывая слез, Пит бросается к ней.

— Моя голова, — говорит она. — Посмотри на мою голову.

Он наклоняется, мягко разделяет слипшиеся от крови волосы, видит канавку, бегущую от виска к затылку. В одном месте, посередине, просвечивает что-то серо-белое. «Это кость черепа, — думает Пит. — Плохо, конечно, но все-таки не мозг, слава Богу. Мозг мягкий, мозг вытекает. Это только череп».

— Приходил мужчина, — с трудом произносит мать. — Он... забрал... Тину. Я слышала, как она кричала. Ты должен... Господи, как *звонит* в голове.

Пит колеблется бесконечную секунду, раздираемый необходимостью помочь матери и стремлением защитить сестру, вернуть ее домой. *Если бы это был кошмар*, думает он. *Если бы я мог проснуться*.

Сначала мама. Прямо сейчас. Он хватает телефон с отцовского стола.

— Просто лежи, мама. Ничего не говори и не двигайся. Она устало закрывает глаза.

— Он приходил за деньгами? Этот мужчина приходил за деньгами, которые ты нашел?

— Нет, за тем, что было с ними, — отвечает Пит и нажимает три цифры, которые выучил еще в начальной школе.

— Девять-один-один, — отвечает женский голос. — Что у вас случилось?

— В мою маму стреляли, — говорит Пит. — Сикомор-стрит, дом двадцать три. Пришлите «скорую», немедленно. Она истекает кровью.

— Ваше имя, сэ...

Пит кладет трубку.

— Мама, я должен идти. Мне надо вернуть Тину.

— Только... будь осторожен. — Язык у матери заплетается, глаза по-прежнему закрыты, и Пит с ужасом видит, что даже на ресницах у нее кровь. Это его вина. Только его. — Не дай причинить боль... Тине.

Она замолкает, но дышит. Господи, помоги ей дышать и дальше.

Пит берет ключи от Центра досуга на Берч-стрит с отцовской доски.

— Все будет хорошо, мама. «Скорая» скоро приедет. А еще приедут друзья.

Он уже направляется к двери, но тут его осеняет:

— Мама?

— Что-о...

— Папа все еще курит?

— Он думает... я... не знаю, — отвечает она, не открывая глаз.

Пит быстро — он должен уйти до того, как Ходжес появится здесь и попытается его остановить, — выдвигает ящики отцовского стола.

На всякий случай, думает он. На всякий случай.

48

Задняя калитка открыта, но Пит не обращает на это внимания. Он спешит по тропе. На подходе к речке видит клочок тонкой желтой ткани, повисший на ветке. У самой речки оборачивается, почти этого не осознавая, чтобы взглянуть на место захоронения сундука. Сундука, который вызвал этот кошмар.

Пит заносит ногу, чтобы поставить ее на первый камень, лежащий в воде, и внезапно замирает. Его глаза широко раскрываются. Ноги становятся ватными, подгибаются. Он крепко прикладывается задом к земле, глядя на журчащую мелкую речушку, которую пересекал столько раз, часто с маленькой сестренкой, без умолку болтавшей о том, что ее в тот момент интересовало. Миссис Бисли. Губка Боб. Лучшая подруга Эллен. Самый вкусный ленч.

Любимая одежда.

Например, тонкая желтая блузка с пышными рукавами. Мама говорит, что не надо носить эту блузку так часто, потому что стирать ее нельзя, можно только отдать в химчистку. Отправилась ли Тинс утром в школу в этой блузке? С тех пор прошла вечность, но он думает...

Он думает, что да.

Я увожу твою сестру в безопасное место, сказал Красногубый. Место, где мы можем встретиться, как только записные книжки будут у тебя.

Возможно ли такое?

Разумеется, возможно. Если Красногубый вырос в доме Пита, он проводил немало времени в Центре досуга. Дети со всей округи приходили туда, пока Центр не закрылся. И конечно же, он знал о тропе, потому что сундук был закопан в двадцати шагах от того места, где тропа пересекала речушку.

«Но он не знает, где записные книжки, — думает Пит. — Пока не знает».

Если только не нашел их после телефонного звонка. Если нашел, то уже забрал их. Ушел с ними. Это хорошо, при условии, что он оставил Тину в живых. Но почему бы и нет? Зачем ему убивать ее, если он получил желаемое?

«Из мести, — хладнокровно думает Пит. — Чтобы посчитаться со мной. Я — вор, укравший записные книжки. Я ударил его бутылкой и сбежал из книжного магазина, так что я заслуживаю наказания».

Он поднимается, к горлу подкатывает тошнота, его шатает. Придя в себя, Пит пересекает речушку. На другом берегу снова бежит.

49

Входная дверь дома двадцать три на Сикомор-стрит распахнута. Ходжес выскакивает из салона еще до того, как Джером полностью останавливает «мерседес». Бежит в дом, рука в кармане сжимает Веселого ударника. Слышит негромкую тренькающую музыку, которую прекрасно знает: раньше Ходжес проводил долгие часы за компьютером, раскладывая пасьянс.

Идет на звук и находит женщину, она полусидит — рядом со столом в небольшой нише, переоборудованной

под кабинет. Часть лица женщины раздута и залита кровью. Женщина смотрит на Ходжеса, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Пит, — говорит она, потом добавляет: — Он увел Тину.

Ходжес опускается на колени и осторожно раздвигает волосы женщины. Видит, что все плохо, но могло быть хуже. Женщина выиграла в лотерею, а это главное. Пуля прочертила шестидюймовую канавку в скальпе — в одном месте обнажилась кость, — но эта рана несмертельна. Конечно, женщина потеряла много крови, у нее шок и контузия. Сейчас не время задавать вопросы, однако он должен. Моррис Беллами оставляет за собой кровавый след, и Ходжес никак не может его догнать.

— Холли. Вызови «скорую».

— Пит... уже вызвал, — говорит Линда, и словно в ответ они слышат завывания сирены. Она далеко, но быстро приближается. — До того... как ушел.

— Миссис Зауберс, Пит забрал с собой Тину? Вы это хотите сказать?

— Нет. *Он*. Мужчина.

— У него красные губы, миссис Зауберс? — спрашивает Холли. — У мужчины, который увел Тину, красные губы?

— Ирландские... губы, — отвечает Линда. — Но он... не рыжий. Седой. Он старый. Я умру?

— Нет, — отвечает Ходжес. — «Скорая» сейчас подъедет. Но вы должны нам помочь. Вы знаете, куда пошел Питер?

— Во двор... Через калитку. Видела его.

Джером подходит к окну, смотрит во двор, на приоткрытую калитку.

— А что там?

— Тропа, — шепчет Линда. — Дети по ней бегали... чтобы срезать путь к Центру досуга, пока он не закрылся. Пит взял с собой... думаю, он взял с собой ключи.

— Ключи?

— Да. — Ее взгляд смещается к доске, где на гвоздиках висит много ключей. Один гвоздик пустует. Под ним наклейка с надписью: «БЕРЧ-СТ., ЦД».

Ходжес принимает решение:

— Джером, ты со мной. Холли, останься с миссис Зауберс. Возьми полотенце, смочи холодной водой и приложи к ране. — Он делает глубокий вдох. — Но сначала позвони в полицию. Спроси моего прежнего напарника, Хантли.

Он ожидает, что Холли начнет спорить, но та кивает и берется за телефон.

— Он взял зажигалку отца, — говорит Линда. Вроде бы она немного пришла в себя. — Не знаю зачем. И еще банку «Ронсона».

Джером вопросительно смотрит на Ходжеса.

— Это жидкость для заправки зажигалок.

50

Пит не выходит из тени деревьев, точно так же, как Моррис и Тина, хотя мальчишки, которые играли в баскетбол, ушли домой обедать, и баскетбольная площадка пуста, если не считать нескольких ворон, клюющих рассыпанные картофельные чипсы. Он видит маленький автомобиль в разгрузочно-погрузочной зоне. Его там спрятали, и одного взгляда на индивидуальные номерные знаки достаточно, чтобы у Пита исчезли последние сомнения. Красногубый здесь, это точно, и он не мог попасть в Центр досуга через парадный вход. Та дверь выходит на улицу, а в это время по ней ездят автомобили и ходят люди, да и ключа у него нет.

Пит проходит мимо автомобиля, на углу здания опускается на колени и оглядывает стену. Одно подвальное окно распахнуто, трава и сорняки рядом примяты. Он слышит мужской голос. Они внизу, это точно. Как и за-

писные книжки. Вопрос в одном: нашел ли их Красногубый или нет?

Пит отходит, приваливается к нагретой солнцем кирпичной стене, гадая, что делать дальше. «Думай, — говорит он себе. — Ты втянул Тину в эту историю, тебе ее и вытаскивать, так что думай, черт бы тебя побрал!»

Только он не может. В голове — сплошной белый шум.

В одном из редких интервью раздражительный Джон Ротстайн выразил свое отвращение к вопросу где-вы-берете-идеи-для-книг. Идеи появляются ниоткуда, заявил он. Прибывают безо всякого разлагающего воздействия со стороны разума автора. Идея, которая приходит к Питу, похоже, тоже берется ниоткуда. Одновременно жуткая и жутко привлекательная. Конечно, она не сработает, если Красногубый уже нашел записные книжки. С другой стороны, в этом случае *ничего* не сработает.

Пит выпрямляется и вновь огибает здание, теперь в противоположном направлении, проходит мимо зеленого автомобильчика с выпендрежным номерным знаком, останавливается у переднего правого угла кирпичной коробки, смотрит на автомобили, едущие по Берч-стрит. Словно глядит через окно на другой мир, нормальный, где все идет своим чередом. Затем проводит быструю инвентаризацию: мобильник, зажигалка, банка с горючей жидкостью. Банка стояла в нижнем ящике, рядом с отцовской зажигалкой «Зиппо». Судя по плеску, она наполовину пуста, но для реализации его идеи хватит и половины.

Он сворачивает за угол, выходит на Берч-стрит, старается шагать спокойно и уверенно, надеясь, что никто — в частности мистер Эванс, бывший тренер команды Малой лиги — не окликнет его.

Никто не окликает. Теперь он знает, какой из двух ключей надо использовать, и на этот раз ключ легко поворачивается в замке. Пит медленно открывает дверь, заходит в вестибюль. Воздух пыльный и горячий. Он на-

дается, что в подвале, где сейчас Тина, прохладнее. Как же она испугана, думает он.

Если жива и способна что-либо чувствовать, шепчет злобный голос. Красногубый мог стоять над ее трупом и разговаривать сам с собой. Он безумен, а для безумцев это обычное дело.

Слева от Пита лестница, она ведет на второй этаж. Его занимает один большой зал, именуемый Общая комната Норт-Сайда, но дети называли этот зал иначе, и Красногубый, вероятно, помнит, как именно.

Пит садится на ступеньки и снимает обувь (нельзя, чтобы стук подошв разносился по зданию), снова думает: «Я ее в это втянул, мне и вытаскивать. Больше никому».

Он звонит на мобильник сестры. Снизу доносится рингтон «Snow Patrol», приглушенный, но ошибиться невозможно.

Красногубый отвечает сразу же.

— Привет, Питер. — Голос более спокойный, сдержанный. Для плана Пита это, возможно, хорошо, а может, и нет. Он не знает. — Записные книжки у тебя?

— Да. С моей сестрой все в порядке?

— Естественно. Где ты?

— Это довольно забавно, — отвечает Пит... и если подумать, так оно и есть. — Готов спорить, Джимми Голду это бы понравилось.

— Знаешь, мне сейчас не до разгадывания твоих шуток. Давай закончим наши дела и разбежимся. Ты где?

— Ты помнишь Субботний кинозал?

— Что ты... — Красногубый замолкает, думает. — Ты об Общей комнате, где показывали все эти тупые... — Опять замолкает. До него доходит. — Ты *здесь*?

— Да. А ты в подвале. Я видел твой автомобиль за центром. Все это время ты находился в каких-то девятиста футах от записных книжек. — *И даже ближе*, думает Пит. — Приходи и забирай их.

Он обрывает связь, прежде чем Красногубый попытается изменить условия в свою пользу. На цыпочках спешит на кухню, с обувью в руках. Он должен скрыться из виду до того, как Красногубый поднимется по лестнице. Если поднимется, все еще может кончиться хорошо. Если нет, они с сестрой, наверное, умрут вместе.

Снизу, громче, чем рингтон — *гораздо* громче, — доносится крик боли Тины.

Жива, думает Пит, а потом: Ублюдок сделал ей больно. Только это неправда.

«Это я сделал ей больно. Это моя вина. Моя, моя, моя».

51

Моррис, сидя на коробке с надписью «КУХОННАЯ УТВАРЬ», смотрит на умолкший мобильник Тины. На повестке дня один вопрос, и он требует срочного ответа: правду ли говорит мальчишка или врет?

Моррис думает, что мальчишка говорит правду. В конце концов, они оба выросли на Сикомор-стрит, оба смотрели кино на втором этаже, сидели на складных стульях и ели поп-корн, который продавал местный отряд герлскаутов. Логично предположить, что они оба выбрали для тайника заброшенное здание, расположенное неподалеку от дома, в котором они жили, и от места захоронения сундука. Но главным доводом стало объявление, которое Моррис видел на фасаде, когда первый раз осматривал Центр досуга: «ЗВОНИТЕ В РИЕЛТОРСКОЕ АГЕНТСТВО ТОМАСА ЗАУБЕРСА». Если отец Питера занимается продажей здания, мальчишка мог без труда раздобыть ключ.

Моррис хватается Тину и тащит через подвал к котлу отопления, огромному, покрытому пылью динозавру, занимающему целый угол. Девчонка издает очередной противный вопль, когда пытается наступить на распухшую

ногу, и та подгибается под ее весом. Он вновь отвешивает девчонке оплеуху.

— Заткнись, — рычит он. — Сколько можно скулить?

Провода от компьютера не хватает, чтобы крепко привязать ее, однако на стене висит фонарь, вокруг которого обмотано несколько ярдов оранжевого электрического провода. Сам фонарь Моррису ни к чему, но провод — дар Божий. Он не думал, что может еще сильнее разозлиться на вора, — и ошибся. *Готов спорить, Джимми Голду это бы понравилось.* Какое право имел вор говорить о творчестве Джона Ротстайна? Творчество Ротстайна принадлежит ему!

— Поворачивайся.

Тина двигается не так быстро, как хочется Моррису, который по-прежнему кипит от ярости. Он хватает ее за плечи и разворачивает. На этот раз Тина не кричит, но стон срывается с ее плотно сжатых губ. Ее любимая желтая блуза перемазана подвальной пылью.

Моррис закрепляет оранжевый провод на компьютерном шнуре, которым связаны запястья Тины, перебрасывает фонарь через одну из труб котла. Туго натягивает провод, заставляя девчонку снова застонать: ее связанные руки задираются вверх.

Моррис завязывает новый шнур двойным узлом, думая: «Они все время были здесь, и он считает, что это *забавно*? Что ж, если он хочет посмеяться, я ему это устрою. Пусть сдохнет, смеясь».

Он наклоняется, уперев руки в колени, чтобы его глаза оказались на уровне глаз сестры вора.

— Я иду наверх за тем, что принадлежит мне, подружка. А еще убить твоего брата, который меня достал. Потом я вернусь и убью тебя. — Он целует ее в кончик носа. — Твоя жизнь закончена. Я хочу, чтобы ты подумала об этом в мое отсутствие.

И спешит к лестнице.

52

Пит в кладовой. Дверь едва приоткрыта, но этого достаточно, чтобы увидеть, как Красногубый пробегает мимо, с маленьким красно-черным пистолетом в одной руке и мобильником Тины — в другой. Пит вслушивается в эхо его шагов, разлетающееся по пустым комнатам первого этажа, но как только оно сменяется бух-бух-бух — это Моррис поднимается в Субботний кинозал, — спешит к лестнице в подвал. По пути бросает обувь. Руки должны быть свободны. Он также хочет, чтобы Красногубый точно знал, где его искать. Может, подонок чуть притормозит.

Глаза Тины широко раскрываются, когда она видит его.

— Пит! *Вытащи меня отсюда!*

Он идет к ней, смотрит на переплетение узлов — белый шнур, оранжевый, — стягивающих ее руки за спиной и не дающих отойти от котла. Узлы тугие, и при взгляде на них Пита охватывает отчаяние. Он ослабляет один из оранжевых узлов: теперь Тина может немного опустить руки и снять часть нагрузки с плеч. Начинает развязывать второй, когда звонит его мобильник. Волк ничего не нашел наверху и желает узнать, в чем причина. Вместо того чтобы ответить, Пит бежит к стоящей под окном коробке. С надписью «КУХОННАЯ УТВАРЬ». Видит следы подошв на крышке и знает, кто их оставил.

— Что ты *делаешь*? — спрашивает Тина. — Развяжи меня!

Но развязать — это только первая часть дела. Вытащить сестру отсюда — вторая, и Пит не уверен, что ему хватит времени на обе до возвращения Красногубого. Он видел лодыжку Тины, которая настолько распухла, что уже и не похожа на лодыжку.

Красногубый теперь обходится без мобильного Тины. Кричит наверху. Орет.

— *Где ты, гребаный сучий сын?*

«Два маленьких поросенка в подвале и один большой злой волк наверху, — думает Пит. — И у нас нет даже соломенного домика, не говоря уже о каменном».

Он выносит коробку, которую Красногубый использовал как ступеньку, на середину подвала, открывает. Шаги гремят уже у них над головой. Красногубый так стучит ногами по полу, что дрожат старые полосы утеплителя, свисающие с потолка. Лицо Тины — маска ужаса. Пит переворачивает коробку, вываливая на пол «Молескины».

— Пит, что ты делаешь? Он же *идет*!

«Как будто я не знаю», — думает Пит, открывая вторую коробку. Когда он добавляет записные книжки из нее к куче на полу, шаги затихают. Красногубый увидел туфли. Он открывает дверь в подвал. Осторожно. Пытаясь просчитать, что все это значит.

— Питер? Ты заглянул в гости к своей сестре?

— Да! — кричит в ответ Пит. — С пистолетом в руке.

— Знаешь что? — говорит волк. — Я тебе не верю.

Пит свинчивает крышку с банки жидкости для зажигалок и переворачивает банку над грудой записных книжек, поливая рассказы, стихотворения, сердитые, пьяные мысли, которые часто обрывались на полуслове. А также два романа, завершающие историю запутавшегося в жизни американского парня по имени Джимми Голд, продающего сквозь шестидесятые и ищущего хоть какое-то искупление грехов. Ищущего — по его словам — хоть какое-то дерьмо, которое что-то значит. Пит достает зажигалку, но та выскальзывает из пальцев. Господи, он уже видит тень этого человека. И тень пистолета.

Глаза Тины — блюдца ужаса над окровавленными носом и губами. Мерзавец ее бил, думает Пит. Почему? Она же маленькая девочка.

Но он знает. Его сестра заменила собой того, кого Красногубый *действительно* хочет избить.

— Тебе *лучше* в это поверить, — отвечает Пит. — Сорок пятый калибр, гораздо больше твоего. Он лежал в столе моего отца. Тебе лучше уйти. Это будет самое разумное.

Пожалуйста, Господи, *пожалуйста*.

Но на последних словах голос Пита срывается на фальцет тринадцатилетнего мальчишки, который нашел эти записные книжки. Красногубый все понимает, смеется и начинает спускаться. Пит хватается за зажигалку — на этот раз крепко, — откидывает крышку в тот самый момент, когда Красногубый появляется на лестнице. Крутит колесико и в ужасе осознает, что не проверил, заправлена ли она, и этот просчет в ближайшие десять секунд может стоить жизни и ему, и его сестре. Но от искры вспыхивает ровное желтое пламя.

Пит держит зажигалку в футе над грудой записных книжек.

— Ты прав, — говорит он. — Пистолета нет. Но кое-что я в отцовском столе нашел.

53

Ходжес и Джером бегут через бейсбольное поле. Джером впереди, но Ходжес не слишком отстает. Джером останавливается на краю баскетбольной площадки и указывает на зеленый «субару», который припаркован в разгрузочно-погрузочной зоне. Ходжес читает индивидуальный номер — «КНИГОВОЗ» — и кивает.

Они направляются к зданию, когда изнутри доносится яростный крик: *Где ты, гребанный сучий сын?*

Кричал, само собой, Беллами. А гребанный сучий сын — несомненно, Питер Зауберс. Парнишка проник в Центр досуга с помощью отцовского ключа, следовательно, парадная дверь открыта. Ходжес указывает на себя, потом на Центр досуга. Джером кивает, но говорит тихим голосом:

— У вас нет пистолета.
— Это правда, но я сердцем чист, а потому как дюжина силен*.

— Что?

— Оставайся здесь, Джером. Я серьезно.

— Вы уверены?

— Да. У тебя нет ножа? Хотя бы перочинного?

— Нет. Извините.

— Ничего, но посмотри, что здесь есть. Найди бутылку. Наверняка их тут много. Мальчишки скорее всего пьют здесь пиво, когда стемнеет. Разбей ее и порежь шины. Если что-то пойдет не так, он не должен удрать на автомобиле Холлидея.

Лицо Джерома говорит, что его такой вариант совершенно не устраивает. Он сжимает руку Ходжеса.

— Только никаких подвигов камикадзе, Билл, слышите? Вам не в чем себя винить.

— Я знаю.

По правде говоря, ничего такого он не знает. Четырьмя годами раньше женщина, которую он полюбил, погибла при взрыве бомбы, предназначавшейся ему. Не проходит и дня, чтобы он не думал о Джейни, не проходит и ночи, чтобы он, лежа в постели, не говорил себе: «Если бы я был чуть быстрее. Чуть умнее».

На этот раз он тоже показал себя недостаточно быстрым и недостаточно умным, и ему не спасти этих детей от нависшей над ними смертельной опасности отговорками, что ситуация развивалась слишком быстро. Но он точно знает, что сегодня ни Пит, ни Тина просто не могут умереть. Он сделает все возможное и невозможное, чтобы спасти их.

Он похлопывает Джерома по щеке.

— Доверься мне, малыш. Я свою задачу выполняю. А ты позаботься о колесах. Хотя бы выпусти из них воздух.

* Цитата из стихотворения «Сэр Галахад» А. Теннисона. (Пер. Н. Никитенко.)

Ходжес уходит. Оглядывается только раз, перед тем как свернуть за угол. Джером с печалью в глазах наблюдает за ним, но стоит на месте. И это хорошо. Хуже смерти Питера и Тины от руки Беллами может быть только одно: смерть Джерома.

Ходжес сворачивает за угол и бежит к фасаду.

Парадная дверь распахнута, как и в доме двадцать три по Сикомор-стрит.

54

Красногубый смотрит на груды записных книжек «Мо-лескин» как загипнотизированный. Наконец поднимает глаза на Пита. Поднимает и пистолет.

— Давай, — говорит Пит. — Стреляй и увидишь, что случится с записными книжками, когда зажигалка выпадет из моей руки. Я облил горючей жидкостью только верхние, но теперь она просочилась вниз. И они старые. Вспыхнут как порох. А вместе с ними и остальное дерьмо.

— Значит, ситуация патовая, — говорит Красногубый. — Единственная проблема, Питер, — и это твоя проблема — состоит в том, что мой пистолет протянет дольше, чем твоя зажигалка. И что ты сделаешь после того, как она погаснет? — Он пытается говорить спокойно и уверенно, но его взгляд тревожно мечется между «Зиппо» и записными книжками. Обложки верхних влажно блестят, как тюленья кожа.

— Я заранее пойму, когда это произойдет. Как только высота пламени уменьшится и оно сменит цвет с желтого на синий, я брошу зажигалку. А потом — нуф!

— Не бросишь. — Верхняя губа волка приподнимается, обнажая эти желтые зубы. Обнажая эти клыки.

— Почему нет? Это всего лишь слова. В сравнении с жизнью моей сестры они ни хрена не значат.

— Правда? — Красногубый переводит пистолет на Тину. — Тогда гаси зажигалку, а не то я убью ее у тебя на глазах.

Словно чья-то безжалостная рука сжимает сердце Пита, когда он видит пистолет, нацеленный в живот сестре, но он не закрывает зажигалку. Наклоняется вперед, очень медленно опускает «Зиппо» к записным книжкам.

— Здесь еще два романа о Джимми Голде. Ты это знал?

— Лжешь. — Пистолет Красногубого по-прежнему нацелен на Тину, но взгляд вновь прикован — похоже, Красногубый ничего не может с собой поделаться — к «Мо-лескинам». — Только один. О том, как он уходит на Запад.

— Два, — повторяет Пит. — «Бегун уходит на Запад» хорош, но «Бегун поднимает флаг» — лучшее, что он написал. Это длинный роман. Эпический. Жаль, что ты не сможешь его прочитать.

На бледных щеках мужчины вспыхивает румянец.

— Как ты смеешь? Как ты смеешь так *издеваться* надо мной? Я положил *жизнь* ради этих записных книжек. Я *убивал* ради них!

— Знаю, — отвечает Пит. — И раз ты такой поклонник его таланта, вот тебе на затравку. В последнем романе Джимми вновь встречает Андреа Стоун. Как тебе это?

Глаза волка широко раскрываются.

— Андреа? Встречает? Когда? Как это происходит?

При сложившихся обстоятельствах это крайне странный вопрос, но он искренний. Честный. Пит осознает, что вымышленная Андреа, первая любовь Джимми, для этого человека совершенно реальна, тогда как сестра Пита — нет. Ни одно человеческое существо не кажется Красногубому таким же реальным, как Джимми Голд, Андреа Стоун, мистер Микер, Пьер Ретонн (он же авто-торговец Судного дня) и все остальные персонажи. Это очевидные, безусловные признаки полного безумия, но в этом случае Пит тоже безумен. Потому что точно знает, что чувствует сейчас этот псих. Со всеми нюансами. Ощу-

шал то же самое волнение, то же самое *изумление*, когда Джимми случайно увидел Андреа в парке Гранта во время чикагских бунтов шестьдесят восьмого года. Ему на глаза даже навернулись слезы. Такие слезы, осознает Пит — да, даже сейчас, *особенно* сейчас, потому что именно от этого зависит их жизнь, — показывают глубинную силу человеческой фантазии. Эта сила заставила рыдать тысячи людей, когда стало известно о смерти Диккенса от инсульта. Благодаря этой силе каждый год 19 января, в день рождения Эдгара Аллана По, кто-то кладет розу на его могилу. И эта же сила заставляет Пита ненавидеть этого человека, даже не потому, что тот нацелил пистолет в дрожащий, уязвимый живот сестры Пита. Красногубый отнял жизнь у великого писателя, и за что? За то, что Ротстайн не остановил персонажа, двинувшегося в направлении, которое пришлось не по нутру Красногубому. Да, именно так все и было. Он сделал это, безоговорочно веря, что написанное важнее написавшего.

Медленно и демонстративно Пит качает головой:

— Все это в записных книжках. «Бегун поднимает флаг» занимает целых шестнадцать. Ты можешь их прочитать, но от меня не услышишь ни слова. — Пит даже улыбается. — Никаких спойлеров.

— Записные книжки мои, ублюдок! *Мои!*

— Если не отпустишь мою сестру, они превратятся в пепел.

— Пит, я даже не могу *идти!* — взвизгивает Тина.

Пит не позволяет себе смотреть на сестру — только на Красногубого. На волка.

— Как тебя зовут? Думаю, у меня есть право знать твое имя.

Красногубый пожимает плечами, словно это уже не имеет значения.

— Моррис Беллами.

— Брось пистолет, мистер Беллами. Пни его, чтобы он улетел под котел. Как только ты это сделаешь, я закрою

зажигалку. У тебя будет достаточно времени, чтобы забрать записные книжки и уехать. Я хочу только одного: отвести Тину домой и вызвать помощь маме.

— И я должен тебе поверить? — Красногубый фыркает.

Пит опускает зажигалку еще ниже.

— Или ты поверишь мне, или увидишь, как горят записные книжки. Решай быстрее. Я не знаю, когда папа в последний раз заправлял зажигалку.

Краем глаза Пит замечает какое-то движение. Кто-то спускается по лестнице. Посмотреть он не решается. Если посмотрит, Красногубый сделает то же самое. *А он почти у меня в руках*, думает Пит.

И, кажется, так оно и есть. Красногубый начинает опускать пистолет. На мгновение он выглядит на свой возраст, а то и старше. Потом вдруг поднимает пистолет и вновь целится в Тину.

— Я ее не убью, — говорит он уверенным тоном генерала, который только что принял судьбоносное решение. — Не сразу. Сначала прострелю ей ногу. И ты сможешь наслушаться ее криков. Если подожжешь записные книжки, я прострелю ей другую ногу. Потом пушу пулю в живот. Она умрет, но ей хватит времени для того, чтобы возненавидеть тебя, если она уже...

Слева от Морриса слышится стук. Это туфли Пита, упавшие к подножию лестницы. Моррис, уже изготавившийся к выстрелу, поворачивается и стреляет. Пистолет маленький, но в замкнутом пространстве подвала выстрел звучит оглушительно. Пит непроизвольно дергается, и зажигалка выскальзывает из его пальцев. Слышится громкий хлопок, и на куче записных книжек внезапно вырастает огненная корона.

— *Нет!* — кричит Моррис и отворачивается от Ходжеса, который спускается по лестнице так быстро, что едва не падает. Моррис смотрит на Пита, нацеливает на него

пистолет, но тут Тина подается вперед, насколько позволяет привязь, и бьет его в голень здоровой ногой. Пуля пролетает над плечом Пита, совсем рядом с шеей.

Записные книжки тем временем горят ярким пламенем.

Ходжес подбегает к Моррису, прежде чем тот успевает выстрелить вновь, хватает его за правую руку. Ходжес крупнее, в лучшей форме, но Моррис Беллами одержим. Они кружат по подвалу, Ходжес держит правую руку Морриса с направленным в потолок пистолетом, Моррис пытается левой рукой выцарапать Ходжесу глаза.

Пит обегает груды записных книжек — они пылают, горит просочившаяся вглубь жидкость для зажигалок — и обхватывает Морриса сзади. Тот поворачивает голову, скалитися, пытается укусить. Его глаза бешено вращаются в орбитах.

— *Его рука!* — кричит Ходжес. — *Перехвати его руку!* — Они оказываются под лестницей. Лицо Ходжеса в крови, кожа на щеке висит лохмотьями. — Перехвати, а не то он освежает меня!

Пит хватается за левую руку Беллами. Позади кричит Тина. Ходжес дважды бьет кулаком в лицо Беллами, сильно, с размаху. Это вроде бы решает исход: лицо Беллами расслабляется, ноги подкашиваются. Тина все кричит. В подвале становится заметно светлее.

— *Посмотри вверх, Пит! Там огонь!*

Моррис стоит на коленях, свесив голову, кровь льется с подбородка, с разбитых губ, из сломанного носа. Ходжес обеими руками сжимает его правое запястье, выкручивает. Слышится треск костей, пистолет падает на пол. Ходжес уже думает, что все кончено, но ублюдок поднимает свободную руку и бьет его прямо по яйцам, наполняя нижнюю часть живота дикой болью. Моррис проскальзывает между ног Ходжеса. Ходжес стонет, прижав руки к пульсирующей промежности.

— *Пит, Пит, потолок!*

Пит думает, что Беллами собирается добраться до потолка, но пистолет тому совершенно не нужен. Его цель — записные книжки. Они пылают, обложки скручиваются, от искр загорается потолочный утеплитель. Огонь начинает распространяться над головой, расползается во все стороны. Горящий обрывок планирует на голову Тины, и запах тлеющих волос присоединяется к запахам горящей бумаги и утеплителя. Тина мотает головой, скидывает обрывок, вскрикнув от боли.

Пит бежит к ней, отшвырнув пистолет далеко в сторону. Гасит волосы, начинает распутывать узлы.

— *Нет!* — кричит Моррис, но не Питу. Он стоит на коленях перед записными книжками, словно религиозный фанатик — перед пылающим алтарем. Тянется в пламя. Пытается растащить груды. Взлетают новые столбы искр. — *Нет, нет, нет, нет!*

Ходжесу хочется подбежать к Питу и его сестре, но он едва может переставлять ноги. Боль из промежности спускается вниз, расслабляя мышцы, которые он так долго наращивал. Тем не менее он подходит и начинает распутывать один из узлов оранжевого шнура. Вновь жалеет об отсутствии ножа, но чтобы разрезать такой шнур, больше подошел бы тесак. Эта дрянь очень *толстая*.

Вокруг падают горящие ошметки утеплителя. Ходжес отбрасывает их от девочки, в ужасе от того, что может загореться ее тонкая блузка. Наконец узел поддается, но девочка дергается и...

— Замри, Тина, — командует Пит. Пот катится по его лицу. В подвале становится все жарче. — Это скользкие узлы. Ты их только сильнее затягиваешь, поэтому не шевелись.

Крики Морриса сменяются воплями боли. У Ходжеса нет времени посмотреть на него. Узел наконец-то полностью распутан. Ходжес оттаскивает Тину от котла, но ее руки по-прежнему связаны за спиной.

Подняться по лестнице нельзя: нижние ступени горят, верхние занимаются. Столы, стулья, коробки с бумагами — все в огне. И Моррис Беллами в огне. Пылают пиджак, рубашка, но он продолжает рыться в костре, пытаясь достать из глубины еще целые записные книжки. Его пальцы почернели. И хотя боль должна быть нестерпимой, он не отступает. Ходжес успевает подумать о сказке, в которой волк залезает в дом через трубу и падает в котел с кипящей водой. Его дочь, Элисон, не хотела слушать эту сказку. Говорила, что она слишком страшная...

— Билл! Билл! Сюда!

Ходжес видит Джерома в одном из подвальных окон. Вспоминает, как сказал: *Проку от вас никакого*, и рад, что ошибся. Джером лежит на животе, протягивает руки вниз.

— Поднимите ее! Поднимите! Быстро, пока вы не изжарились!

Пит почти без посторонней помощи несет Тину к окну, сквозь падающие искры и куски горящего утеплителя. Один приземляется девочке на спину, но Ходжес скидывает его. Пит поднимает сестру. Джером хватается за ее подмышки. Шнур с вилкой, которым Моррис связал ей руки, тянется следом.

— Теперь ты, — выдыхает Ходжес.

Пит качает головой.

— Вы первый. — Он смотрит снизу вверх на Джерома. — Ты тянешь, я толкаю.

— Хорошо, — кивает Джером. — Поднимайте руки, Билл.

Спорить времени нет. Ходжес поднимает руки, чувствует, как за них хватаются. Успевает подумать: *Словно наручники*, — а потом его уже тащат вверх. Поначалу медленно — он гораздо тяжелее девочки, — но потом еще две руки упираются ему в ягодицы и толкают. Он поднимается на чистый, сладкий воздух — горячий, но более про-

хладный, чем в подвале, — и приземляется рядом с Тиной Зауберс. Джером вновь тянется вниз.

— Давай, парень. Быстро.

Пит поднимает руки, Джером сжимает его запястья. Подвал заполнен дымом, Пит начинает кашлять, его почти рвет, но он использует ноги, помогает Джерому, отталкиваясь от стены. Едва оказавшись на траве, поворачивается, смотрит в окно.

Почерневшее чучело стоит на коленях, роется в горящих записных книжках горящими руками. Лицо Морриса тает. Он кричит, прижимает к горячей груди пылающие остатки творений Ротстайна.

— Не смотри на это, малыш. — Ходжес кладет руку ему на плечо. — Не надо.

Но Пит хочет смотреть. Должен смотреть.

Он думает: «Я мог бы оказаться на его месте».

Он думает: «Нет. Потому что я знаю разницу. Знаю, что действительно имеет значение».

Он думает: «Пожалуйста, Господи, если ты есть... пусть это будет правдой».

55

Пит позволяет Джерому донести Тину до бейсбольного поля, потом говорит:

— Пожалуйста, дай ее мне.

Джером смотрит на него: бледное, потрясенное лицо, покрытое волдырями уху, прожженные дыры на рубашке.

— Ты уверен?

— Да.

Тина уже протягивает к брату руки. Она молчала с тех пор, как ее вытащили из горящего подвала, но когда Пит берет ее, обнимает его за шею, утыкается лицом в плечо и начинает громко плакать.

Холли бежит по тропе им навстречу.

— Слава Богу! — восклицает она. — Вы здесь. А где Беллами?

— Там, в подвале, — отвечает Ходжес. — И если еще не умер, горько об этом жалеет. Мобильник при тебе? Вызови пожарных.

— Наша мама в порядке? — спрашивает Пит.

— Думаю, с ней все будет хорошо, — отвечает Холли, снимая с ремня мобильник. — «Скорая» увезла ее в Мемориальную больницу Кайнера. Она в сознании и говорит. По словам медиков, все жизненно важные показатели у нее в норме.

— Слава Богу, — выдыхает Пит. Тут он тоже начинает плакать, слезы прочерчивают чистые полоски на покрытых копотью щеках. — Если бы она умерла, я бы покончил с собой. Потому что все это — моя вина.

— Нет, — возражает Ходжес.

Пит смотрит на него. Тина тоже смотрит, по-прежнему обнимая брата за шею.

— Ты нашел записные книжки и деньги, так?

— Да. Случайно. В сундуке, закопанном у реки.

— Любой на твоём месте поступил бы так же, — говорит Джером. — Правда, Билл?

— Да, — кивает Ходжес. — Ради семьи — все, что угодно. Ты ведь бросился вслед за Беллами, когда тот захватил Тину.

— Лучше бы я не находил этот сундук, — говорит Пит. О чем он молчит, о чем никогда не скажет, так это боль от того, что записных книжек больше нет, что написанное Ротстайном уничтожено огнем. Он понимает, что чувствовал Моррис, и осознание этого тоже жжет. — Лучше бы он остался в земле.

— Мечтать не вредно, — отвечает Ходжес. — Пошли, мне нужен пузырь со льдом, пока все окончательно не распухло.

— Распухло где? — спрашивает Холли. — Я ничего не вижу.

Ходжес обнимает ее за плечи. Иногда Холли вся сжимается, когда он так поступает, но не сегодня, поэтому он еще и целует ее в щеку. Она неуверенно улыбается.

— Он ударил тебя туда, где мальчикам больно?

— Да. И хватит разговоров.

Они идут медленно, отчасти подстраиваясь под Ходжеса, отчасти — под Пита. Сестра становится все тяжелее, но он не собирается передавать ее Джерому. Хочет донести до самого дома.

ПОЗЖЕ

ПИКНИК

В пятницу, предшествующую длинным выходным по случаю Дня труда, «джип-рэнглер» — уже в годах, но любимый владельцем — заезжает на стоянку над бейсбольными площадками Малой лиги в парке Макгинниса и останавливается рядом с синим «мерседесом», тоже не первой молодости. Джером Робинсон спускается по заросшему травой склону к столу для пикника, на котором уже разложена еда. В руке у Джерома — большой бумажный пакет.

— Привет, Холлиберри!

Она поворачивается.

— Сколько раз я просила не называть меня так? Сто? Тысячу? — Но она улыбается, а когда Джером обнимает ее, в ответ обнимает его. Джером не испытывает судьбу, стискивает Холли один раз и спрашивает, что на ленч.

— Куриный салат, салат с тунцом и капустный салат. Я также купила сандвич с ростбифом. Это для тебя. Если захочешь. Я красное мясо больше не ем. Оно не согласуется с моими суточными биоритмами.

— Съем, конечно, чтобы не ввергать тебя в искушение.

Они садятся. Холли наливает «Снэппл» в одноразовые стаканчики. Они произносят тост за окончание лета, принимают за еду, обсуждая фильмы и телешоу, временно не касаясь причины, по которой встретились: это прощание, во всяком случае, на какое-то время.

— Жаль, что Билл не смог подъехать, — говорит Джером, когда Холли протягивает ему кусок торта с шоколадным кремом. — Помнишь, как мы собрались здесь на пикник после его судебных слушаний? Чтобы отпраздновать решение судьи не отправлять его в тюрьму?

— Очень хорошо помню, — отвечает Холли. — Ты хотел приехать на автобусе.

— Так ведь енто, автобус бесплатно! — восклицает Тайрон Филгуд. — Я беру все, что бесплатно, мисс Холли!

— Когда ты это перерастешь, Джером?

Он вздыхает:

— Думаю, в каком-то смысле уже перерос.

— Биллу позвонил Питер Зауберс, — объясняет Холли. — Поэтому он и не смог подъехать. Он передает тебе наилучшие пожелания и обещает, что повидается с тобой до твоего отъезда в Кембридж. Вытри нос. Он у тебя в шоколаде.

Джером с трудом подавляет желание сказать: *Шоколад — енто моя самая любимая расцветка!* — и спрашивает:

— У Пита все в порядке?

— Да. У него какие-то хорошие новости, и он хотел сообщить их Биллу при личной встрече. Я не могу доесть торт. Хочешь? Если, конечно, ты не против того, чтобы доедать за мной. Если против — ничего страшного, но я не простужена и ничем таким не болею.

— Я готов даже воспользоваться твоей зубной щеткой, — отвечает Джером, — но я наелся до отвала.

— Фу. Я бы никогда не воспользовалась чужой зубной щеткой. — Холли собирает бумажные стаканчики и тарелки, относит в ближайший мусорный бак.

— Когда ты завтра уезжаешь? — спрашивает Джером.

— Восход в шесть пятьдесят пять. Я собираюсь выехать не позже семи тридцати.

Холли едет на автомобиле в Цинциннати повидаться с матерью. Одна. Джерому с трудом в это верится. Он рад,

но при этом тревожится за нее. Вдруг что-то пойдет не так и выбьет ее из колеи?

— Перестань волноваться. — Она возвращается и садится. — Все будет хорошо. Только платные автострады, никакой езды в темноте, и синоптики обещают хорошую погоду. Опять же, у меня три любимых саундтрека на диске: из «Проклятого пути», «Побега из Шоушенка» и «Крестного отца-два». Последний, по моему мнению, лучше всех, хотя Томас Ньюман в целом гораздо лучше Нино Роты. У Томаса Ньюмана музыка такая *загадочная*.

— Джон Уильямс, «Список Шиндлера», — возражает Джером. — Лучше быть не может.

— Джером, я не хочу сказать, что ты несешь пургу, но... так оно и есть.

Джером смеется, довольный.

— У меня будут мобильник и айпад. Полностью заряженные. «Мерседес» только что прошел техническое обслуживание. И вообще, ехать каких-то четыреста миль.

— Клево. Но позвони, если возникнет необходимость. Мне или Биллу.

— Конечно. Когда ты уезжаешь в Кембридж?

— На следующей неделе.

— В доках работу закончил?

— Да, и рад этому. Физический труд, возможно, хорош для тела, но вряд ли облагораживает душу.

Смотреть в глаза для Холли еще проблема, даже близким друзьям, но она делает над собой усилие и встречается взглядом с Джеромом.

— С Питом все хорошо, с Тиной все хорошо, их мать уже на ногах. Все это замечательно, но скажи мне, что с Биллом? Скажи правду.

— Я не знаю, о чем ты. — Теперь Джерому с трудом удастся не отвести взгляд.

— Он очень похудел, это первое. Физические нагрузки и салаты завели его слишком далеко. Но на самом деле меня тревожит другое.

— Что? — Но Джером знает ответ и не особо удивлен, что *она* тоже знает, хотя Билл думает, что для нее это тайна. Холли умеет добывать информацию.

Она понижает голос, словно боится, что их подслушают, хотя в радиусе ста ярдов нет ни души:

— Как часто он ездит к нему?

Джером не спрашивает, о ком речь.

— Точно не знаю.

— Чаше, чем раз в месяц?

— Думаю, да.

— Раз в неделю?

— Едва ли так часто. — Хотя кто знает?

— *Почему?* Он же... — Губы Холли дрожат. — Брейди Хартсфилд — почти *овощ*!

— Ты не должна винить себя за это, Холли. Абсолютно не должна. Ты ударила его, потому что он собирался взорвать несколько тысяч детей.

Джером пытается коснуться руки Холли, но та ее отдергивает.

— *Я и не виню!* Сделала бы это снова! Снова, снова и снова! Но я вижу, что для Билла он превратился в навязчивую идею! Я специалист по навязчивостям, и ничего хорошего в этом нет!

Она скрещивает руки на груди, прежним жестом самоуспокоения, от которого в последнее время практически отказалась.

— Не думаю, что это навязчивость, — говорит Джером осторожно, словно нащупывая путь. — И не думаю, что это связано с прошлым.

— А с чем еще это может быть связано? У этого монстра нет будущего!

Билл в этом не уверен, думает Джером, но молчит. Холли, конечно, лучше, однако психика у нее такая хрупкая. И, как она сама выразилась, она специалист по навязчивостям. А кроме того, он понятия не имеет, с чем связан

интерес Билла к Брейди. Есть только что-то неопределенное. Интуитивная догадка.

— Оставим это. — На этот раз, когда он кладет свою руку на ее, Холли не возражает, и какое-то время они говорят о другом. Потом Джером смотрит на часы:

— Мне пора. Я обещал Барбаре и Тине, что заберу их с роллердрома.

— Тина в тебя влюблена, — будничным тоном сообщает Холли, когда они поднимаются по склону к автомобилям.

— Если и влюблена, это пройдет, — отвечает он. — Я уеду на восток, и скоро в ее жизни появится какой-нибудь красивый мальчик. Она будет писать его имя на книжных обложках.

— Наверное, — соглашается Холли. — Обычно так и бывает. Я просто не хочу, чтобы ты высмеивал ее. Она подумает, что ты злой, и расстроится.

— Не буду, — обещает Джером.

У автомобилей Холли вновь заставляет себя посмотреть Джерому в глаза.

— Я в тебя *не* влюблена, не так, как она, но я все равно очень тебя люблю. Береги себя, Джером. Некоторые студенты колледжей совершают глупости. Не будь таким, как они.

На этот раз она обнимает его.

— Эй, чуть не забыл! — восклицает Джером. — Я привез тебе маленький подарок. Это футболка, хотя не думаю, что ты захочешь надеть ее, когда будешь гостить у мамы.

Он протягивает ей пакет. Она достает красную футболку, разворачивает. На груди кричат черные буквы:

ДЕРЬМО НИ ХРЕНА НЕ ЗНАЧИТ

Джимми Голд

— Их продают в книжном магазине Городского колледжа. Я взял размер побольше, если ты захочешь исполь-

зовать ее вместо ночнушки. — Он всматривается в ее лицо, а она изучает слова, написанные на футболке. — Конечно, ты можешь обменять ее на что-то другое, если тебе не нравится.

— Очень даже нравится, — отвечает Холли, и ее лицо расплывается в улыбке, той самой, которая так нравится Ходжесу, той самой, что превращает ее в красавицу. — И я надену ее, когда приеду к маме. Просто чтобы позлить ее.

Джером так удивлен, что Холли смеется.

— Тебе никогда не хочется позлить свою мать?

— Время от времени. И, Холли... Я тоже тебя люблю. Ты ведь это знаешь, да?

— Да, — кивает она, прикладывает футболку к груди. — И я рада. Это дерьмо многое значит.

СУНДУК

Ходжес идет по тропе через пустошь со стороны Берч-стрит. Пит сидит на берегу речки, подтянув колени к груди. Рядом дерево склоняется над водой, уровень которой заметно упал после долгого жаркого лета. Под деревом вновь зияет дыра, в которой в свое время скрывался сундук. Сам сундук лежит на берегу, старый, ободранный, весьма зловещий, путешественник во времени, прибывший из эры расцвета диско. Рядом стоит тренога для фотоаппарата. И пара сумок, в каких профессиональные фотографы возят свои игрушки.

— Знаменитый сундук, — говорит Ходжес, присаживаясь рядом с Питом.

Тот кивает:

— Да. Знаменитый сундук. Фотограф и его помощник ушли на ленч, но, думаю, скоро вернутся. Местные рестораны восторга у них не вызывают. Они из Нью-Йорка. — Он пожимает плечами, словно это все объясняет. — Сначала этот парень хотел, чтобы я сел на сундук, положив подбородок на кулак. Знаете, как та знаменитая статуя. Я его отговорил, но с таким трудом.

— Это для местной газеты?

Пит качает головой, улыбается.

— Это и есть мои хорошие новости, мистер Ходжес. Для «Нью-йоркера». Они хотят статью о том, что произошло. И не маленькую заметку. Им нужна статья на центральные полосы, в середину журнала. Действительно

большая статья, может, самая большая из всех, что когда-либо печатались.

— Так это здорово!

— Будет, если я не напортачу.

Ходжес смотрит на него.

— Подожди. Ты собираешься написать ее *сам*?

— Да. Поначалу они хотели прислать кого-то из журналистов — Джорджа Паркера, к примеру, он действительно мастер, — чтобы взять у меня интервью и написать историю. Им это нужно, потому что в свое время Джон Ротстайн печатался у них постоянно, вместе с другими звездами — Джоном Апдайком, Ширли Джексон... вы знаете, о ком я.

Ходжес не знает, но кивает.

— Ротстайн был из тех, кто выражал недовольство молодежи и недовольство среднего класса. Как Джон Чивер. Я как раз читаю Чивера. Вы читали его рассказ «Пловец»?

Ходжес качает головой.

— А надо. Он потрясающий. Короче, им нужна история записных книжек. Полностью, от начала и до конца. Понадобилась после того, как они провели три или четыре почерковедческих экспертизы сделанных мной фотокопий и фрагментов.

О фрагментах Ходжес *знает*. В сгоревшем подвале осталось немало обрывков, подтверждающих заявление Пита, что эти записные книжки принадлежали Ротстайну. Полиция проследила путь Морриса Беллами и также подтвердила версию Пита. Впрочем, Ходжес с самого начала не сомневался в его словах.

— Как я понимаю, ты Паркеру отказал.

— Я отказал *всем*. Если они хотят такую статью, то написать ее могу только я. Не потому, что я нашел сундук. Просто чтение рукописей Ротстайна изменило мою... — Он замолкает и качает головой. — Нет, не буду говорить, что чтение его рукописей изменило мою жизнь, потому что это неправильно. Я не думаю, что жизнь подростка

может сильно поменяться. В прошлом месяце мне исполнилось восемнадцать. Наверное, лучше сказать, что его рукописи изменили мое *сердце*.

Ходжес улыбается.

— Это я понимаю.

— Ответственный редактор сказал, что я слишком молод — это лучше, чем сказать, что у меня нет таланта, правда? — поэтому я послал ему несколько моих сочинений. Это помогло. Опять же, я стоял на своем. Это было несложно. Редактор нью-йоркского журнала — это вам не Моррис Беллами. В *тех* переговорах ставки были куда выше. — Пит пожимает плечами. — Конечно, они отредактируют мой текст как захотят. Я прочитал достаточно много, чтобы знать, как это делается, и возражений у меня нет. Но если они захотят опубликовать статью, она выйдет под моим именем.

— Жесткая позиция, Пит.

Он смотрит на сундук и в этот момент выглядит старше своих лет.

— Таков наш мир. Слабаков не терпит. Я это понял после того, как моего отца изувечили у Городского центра. — Ответить нечего, поэтому Ходжес молчит. — А знаете, что больше всего хотели получить в «Нью-Йоркере»?

Ходжес не зря проработал тридцать лет детективом.

— Полагаю, краткое содержание двух последних романов о Джимми Голде, его сестре и друзьях. Кто, что, где, как и когда сделал и чем это закончилось.

— Да. И я — единственный, кому это известно. А теперь я подхожу к извинениям. — И он очень серьезно смотрит на Ходжеса.

— Пит, тебе незачем извиняться. Официальных обвинений против тебя не выдвинуто, а я тем более не держу на тебя зла. Холли и Джером — тоже. Мы просто рады, что твои мать и сестра живы и здоровы.

— Но все могло пойти по-другому. Только потому, что в тот день я ничего не сказал вам в автомобиле, а потом

еще и удрал от вас через аптеку. Готов спорить, если бы не это, Беллами никогда бы не пришел в наш дом. У Тины до сих пор кошмары.

— Она винит в этом тебя?

— Ну... нет.

— Вот видишь, — говорит Ходжес. — Тебя держали на мушке, в прямом и переносном смысле. Холлидей чертовски тебя напугал, и ты не мог знать, что он мертв, собираясь в тот день в его магазин. Что касается Беллами, ты понятия не имел, что он жив, не говоря о том, что он вышел из тюрьмы.

— Это правда, но я не пожелал говорить с вами не только из-за угроз Холлидея. Я по-прежнему думал, что у меня есть шанс оставить записные книжки у себя, понимаете? Именно *поэтому* я не стал говорить. Поэтому сбежал. Я хотел оставить их у себя. Не могу сказать, что в первую очередь думал об этом, но постоянно помнил. Эти записные книжки... ну... и я должен упомянуть об этом в статье, которую пишу для «Нью-Йоркера»... они заколдовали меня. И я должен извиниться, потому что на самом деле не слишком отличался от Морриса Беллами.

Ходжес берет Пита за плечи, смотрит в глаза.

— Будь это правдой, ты бы никогда не пошел в Центр досуга, чтобы их сжечь.

— Зажигалку я выронил случайно, — едва слышно отвечает Пит. — Грохот выстрела напугал меня. Думаю, я бы все равно это сделал... если бы он выстрелил в Тину... но наверняка я этого не знаю.

— А я знаю, — говорит Ходжес. — И могу утверждать за нас обоих.

— Правда?

— Правда. Так сколько тебе заплатят?

— Пятнадцать тысяч долларов.

Ходжес присвистывает.

— Если статью возьмут, но они возьмут, это точно. Мне помогает мистер Рикер, и получается неплохо. Черновой

вариант первой половины уже готов. В беллетристике я, конечно, не силен, но с такими вещами у меня полный порядок. Может, со временем сделаю карьеру.

— И что ты собираешься делать с деньгами? Отложишь на колледж?

Пит качает головой:

— Я все равно поступлю в колледж, так или иначе. Это меня не тревожит. Деньги пойдут на Чэпл-Ридж. Тина с этого года учится там. Вы и представить себе не можете, в каком она восторге.

— Это хорошо, — кивает Ходжес. — Это действительно хорошо.

Какое-то время они сидят молча, глядя на сундук. На тропе слышатся шаги, мужские голоса. Появляются двое мужчин, в практически одинаковых клетчатых рубашках и джинсах, на которых еще видны магазинные складки. Ходжес догадывается, в чем дело: мужчины считали, что именно так одеваются в этом захолустье. У одного на груди висит фотоаппарат. Второй несет внешнюю вспышку.

— Как прошел ленч? — спрашивает Пит, когда они переправляются по камням через речку.

— Отлично, — отвечает фотограф. — Зашли в «Денниз». Сэндвичи с яичницей и ветчиной. Картофельные оладьи — кулинарное чудо. Иди сюда, Пит. Я сфотографирую тебя стоящим на коленях рядом с сундуком. И еще я хочу сделать несколько снимков, на которых ты будешь заглядывать в сундук.

— Он же пустой, — возражает Пит.

Фотограф постукивает себя по лбу.

— Люди включают *воображение*. Представят себе, как это было, когда ты впервые открыл сундук и увидел свои литературные сокровища. Понимаешь?

Пит встает, отряхнув сзади поношенные джинсы, которые смотрятся более естественно.

— Хотите остаться на съемку, мистер Ходжес? Не каждый восемнадцатилетний подросток удостоивается пол-

ностраничного портрета в «Нью-Йоркере» рядом с собственной статьей.

— Я бы с удовольствием, Пит, но есть у меня дело, которое надо выполнить.

— Ладно. Спасибо, что пришли и выслушали меня.

— Не упустишь в своей статье один момент?

— Какой?

— Все началось не с того, как ты нашел сундук. — Ходжес смотрит на сундук, черный и потрепанный, реликвию с поцарапанными металлическими частями и заплесневевшей кожей. — Все началось с человека, который сложил записные книжки в этот сундук. И когда ты вдруг почувствуешь вину за случившееся, сразу вспоминай любимую присказку Джимми Голда. *Дерьмо ни хрена не значит.*

Пит смеется и протягивает руку.

— Вы хороший человек, мистер Ходжес.

Ходжес пожимает руку.

— Просто Билл. А теперь иди и улыбайся в объектив.

На другом берегу реки Ходжес останавливается и оглядывается. По указанию фотографа Пит присел и положил одну руку на потертую поверхность сундука. Это классическая поза владельца. Ходжесу вспоминается фотография, которую он однажды видел: Хемингуэй рядом с убитым им львом. Но на лице Пита нет хемингуэевской самодовольной, улыбчивой, глупой уверенности. На лице Пита написано: *Мне это никогда не принадлежало.*

Держись за эту мысль, малыш, думает Ходжес, направляясь к своему автомобилю. Держись за эту мысль.

СТУК

Он сказал Питу, что у него есть одно дело. Это не совсем правда. Мог бы сказать, что по работе проводит расследование, которое не терпит отлагательств, но и это не соответствовало бы действительности. Хотя было бы ближе к истине.

Перед самым отъездом на встречу с Питом ему позвонила Бекки Хелмингтон из Клиники травматических повреждений головного мозга. Каждый месяц он платит ей символическую сумму за то, что она предоставляет текущую информацию о пациенте клиники Брейди Хартсфилде, которого Ходжес называет «мой мальчик». Она также сообщает ему о странных инцидентах в отделении и делится последними слухами. Рациональная сторона разума Ходжеса настаивает, что за этими слухами ничего нет и всем странным происшествиям можно найти здоровое объяснение, но рациональная сторона — не весь его разум. Где-то под ней таится океан — наверняка в каждой голове есть такой же, — в котором плавают неведомые чудовища.

— Как ваш сын, Бекки? — спросил Ходжес. — Надеюсь, в последнее время ниоткуда не падал?

— Нет, Бобби в полном порядке. Сегодняшнюю газету не читали, мистер Ходжес?

— Даже не доставал из пакета. — В эту новую эру, когда вся информация находится на расстоянии вытянутой руки в Интернете, иногда газета так и остается в пакете.

Просто лежит рядом с раскладным креслом, как брошенный ребенок.

— Загляните в раздел «Городские новости». Вторая страница. Потом перезвоните мне.

Он перезвонил пятью минутами позже.

— Господи, Бекки!

— И я так подумала. Она была такой милой девушкой.

— Вы сегодня дежурите?

— Нет, я за городом, у моей сестры. Проведем здесь все выходные. — Бекки какое-то время молчит. — Знаете, я подумываю над тем, чтобы по возвращении перевестись в отделение интенсивной терапии основной больницы. Там открылась вакансия. Я устала от доктора Бэбино. Верно говорят, иногда психиатры безумнее психов. — Снова пауза. — Можно сказать, от Хартсфилда я тоже устала, но это не совсем так. По правде говоря, я его немного побаиваюсь. Как в детстве побаивалась местного дома с привидениями.

— Правда?

— Да. Я знала, что никаких привидений там нет, но с другой стороны, а вдруг есть?

Ходжес приезжает в больницу в начале третьего. Во второй половине пятницы, накануне длинных выходных, Клиника травматических повреждений головного мозга пустынна, как никогда. Во всяком случае, для светлого времени суток.

Дежурная медсестра — Норма Уилмер, согласно бейджу — выдает ему гостевой пропуск. Цепляя его к рубашке, Ходжес, исключительно чтобы скоротать время, говорит:

— Как я понимаю, вчера в отделении произошла трагедия.

— Я не могу это обсуждать, — отвечает Уилмер.

— Вы были на дежурстве?

— Нет. — И она возвращается к бумагам и мониторам.

Ходжес не возражает: остальное он узнает от Бекки, когда та вернется на работу и переговорит с медсестрами. Если она осуществит свой план и переведется из клиники (для Ходжеса это наглядное свидетельство того, что здесь действительно что-то происходит), он найдет кого-то еще, чтобы оставаться в курсе событий. Некоторые медсестры — заядлые курильщицы, хотя прекрасно знают о вреде этой привычки, и никогда не отказываются немного подзаработать на сигареты.

Ходжес направляется к палате 217, ощущая, что сердце колотится слишком быстро. Еще один признак того, что он начинает воспринимать происходящее серьезно. Новости в утренней газете как следует его встряхнули.

По пути он встречает Библиотечного Эла с тележкой и, как обычно, приветствует его:

— Привет, парень. Как жизнь?

Эл сначала не отвечает. Вроде бы и не слышит. Темные мешки под его глазами словно увеличились, а волосы, обычно аккуратно причесанные, всклокочены. И чертов бейдж висит вверх ногами. Ходжес вновь задается вопросом: не начал ли Эл терять связь с реальностью?

— Все хорошо, Эл?

— Конечно, — отвечает тот безжизненным голосом. — Не бывает лучше того, чего не видишь, верно?

Ходжес понятия не имеет, как ответить на *non sequitur**, и Эл продолжает свой путь, прежде чем Ходжес успеет что-то сказать. Он в недоумении смотрит вслед мужчине с тележкой, потом идет к нужной ему палате.

Брейди сидит на обычном месте у окна, в обычной одежде: джинсы и клетчатая рубашка. Кто-то его подстриг. Плохо подстриг, просто обкорнал. Ходжес сомневается, что его мальчика это волнует. Вряд ли ему в скором будущем предстоит свидание.

* Нелогичное заключение (лат.).

— Привет, Брейди. Давно не виделись, как сказал капеллан корабля матери-настоятельнице.

Брейди смотрит в окно, и старые вопросы берутся за руки и водят хоровод в голове Ходжеса: видит ли Брейди что-нибудь за стеклом? Знает ли, что он не один? Если да, знает ли, что к нему пришел Ходжес? Думает ли вообще? *Иногда* он думает — во всяком случае, может сказать несколько простых предложений, — а в центре физиотерапии может прошаркать семьдесят футов по дорожке, именуемой пациентами «авеню Пыток», но что это в действительности значит? Рыбы плавают в аквариуме, но никто не говорит, что они думают.

Не бывает лучше того, чего не видишь, вспоминает Ходжес слова Эла. *Что* бы они ни значили.

Он берет фотографию в металлической рамке. Брейди и мать стоят обнявшись и широко улыбаются. Если этот ублюдок кого и любил, так это свою дорогую матушку. Ходжес смотрит на Брейди, чтобы понять, есть ли реакция на то, что фотография Деборы Энн у него в руках. Вроде бы нет.

— Она выглядит горячей штучкой, Брейди. Она была горячей? Любила это дело?

Никакой реакции.

— Я спрашиваю только потому, что в твоём компьютере мы нашли очень интересные фотографии с ней. Ты знаешь, пеньюары, нейлоновые чулки, трусики и лифчики, все такое. В таком прикиде она показалась мне горячей штучкой. Другим копам тоже, когда я с ними поделился.

И пусть врет он, как всегда, мастерски, реакции по-прежнему нет. Никакой.

— Ты ее трахал, Брейди? Готов спорить, тебе этого хотелось.

Чуть шевельнулась бровь? Чуть дернулась губа?

Возможно, но Ходжес знает, что это всего лишь воображение, потому что он *хочет*, чтобы Брейди его слышал.

Во всей Америке Брейди больше других заслуживает соли на свои раны.

— Может, ты убил ее, а потом трахнул? Когда отпала необходимость соблюдать приличия, а?

Никакой реакции.

Ходжес садится на стул для посетителей и ставит фотографию на прикроватный столик, рядом с одной из читалок «Заппит», которые Эл раздает пациентам, если они высказывают такое желание. Складывает руки на коленях и смотрит на Брейди, который не мог выйти из комы, но вышел.

Ну.

В каком-то смысле.

— Ты притворяешься, Брейди?

Он всегда задает этот вопрос — и никогда не получает ответа. Нет его и сегодня.

— Прощлой ночью в отделении медсестра покончила с собой. В туалете. Ты это знаешь? Ее имя пока не разглашается, но в газете написали, что умерла она от сильного кровотечения. Как я понимаю, это означает, что она вскрыла вены, но полной уверенности у меня нет. Если ты знал, готов спорить, тебя это порадовало. Тебе всегда нравились качественные самоубийства, верно?

Он ждет. Никакой реакции.

Ходжес наклоняется вперед, всматривается в пустое лицо Брейди, с жаром продолжает:

— Дело в том — и я этого не понимаю, — как она это сделала. Зеркала в туалетах — из полированного металла. Конечно, она могла использовать зеркало из пудреницы, но мне кажется, для такой работы маловато будет. Все равно что нож в перестрелке. — Он вновь откидывается на спинку стула. — Эй, а может, она воспользовалась *ножом*? Типа швейцарского армейского, со множеством лезвий, ты понимаешь? Принесла в сумочке. У тебя когда-нибудь был такой?

Никакой реакции.

Или все-таки что-то есть? Интуитивно он чувствует, что Брейди, скрываясь за бесстрастной маской, наблюдает за ним.

— Брейди, некоторые медсестры верят, что ты можешь включать и выключать воду в ванной, не вставая с места. Они думают, что ты это делаешь, чтобы напугать их. Это правда?

Никакой реакции. Но чувство, что за ним наблюдают, — сильное. Брейди *действительно* нравились самоубийства. Можно сказать, самоубийства были его фишкой. До того, как Холли утомонила его Веселым ударником, он пытался довести до самоубийства Ходжеса. Не вышло... зато получилось с Оливией Трелони, женщиной, «мерседес» которой теперь принадлежит Холли Гибни, и на нем она собирается поехать в Цинциннати.

— Если можешь, сделай это сейчас. Давай. Похвались. Прдемонстрируй свои возможности. Что скажешь?

Никакой реакции.

Некоторые медсестры верили, что несколько ударов, нанесенных по голове Брейди в аудитории Минго, как-то перекроили ему мозги. Эти несколько ударов наделили его... сверхъестественными способностями. Доктор Бэбинго говорит, что это нелепо, но такова больничная легенда. Ходжес уверен, что доктор прав, однако от ощущения, что за ним наблюдают, никуда не деться.

А еще Ходжесу кажется, что где-то глубоко внутри Брейди Хартсфилд смеется над ним.

Ходжес берет читалку, на этот раз ярко-синюю. При его последнем разговоре с Библиотечным Элом тот сказал, что Брейди обожает демоверсии игр. *Смотрит их часами.*

— Тебе эта штуковина нравится, да?

Никакой реакции.

— Хотя сделать ты с ней ничего не можешь, правда?

Напрасный труд.

Ходжес кладет читалку рядом с фотографией и встает.

— Пойду посмотрю, что удастся узнать о медсестре. Что не найду я, отыщет моя помощница. У нас есть нужные источники информации. Ты рад, что медсестра мертва? Она щипала тебя за нос или выкручивала твой маленький, бесполезный крантик, потому что ты задавил кого-то из ее родственников или друзей около Городского центра?

Никакой реакции.

Никакой.

Ника...

Глазные яблоки Брейди поворачиваются в орбитах. Он смотрит на Ходжеса, и Ходжес ощущает дикий, безотчетный ужас. Казалось бы, эти глаза мертвы, но в них есть что-то не совсем человеческое. Он вспоминает фильм о маленькой девочке, в которую вселился Пазузу. Потом взгляд Брейди вновь смещается к окну, и Ходжес говорит себе: не будь идиотом. Бэбино уверен, что Брейди пришел в себя настолько, насколько возможно, то есть не слишком. Его разум — чистая доска, на которой написаны лишь собственные чувства Ходжеса к этому человеку, самому отвратительному существу, которое встретилось ему за долгие годы службы в полиции.

«Я хочу, чтобы он оставался здесь, где я могу причинить ему боль, — думает Ходжес. — А в случившемся нет ничего особенного. Выяснится, что муж медсестры сбежал, или администрация прознала, что она — наркоманка, или первое и второе, вместе взятые».

— Хорошо, Брейди, — говорит он. — Пожалуй, пойду. Жужжи в одиночестве. Но должен сказать по-дружески: стрижка у тебя действительно *дерьмовая*.

Никакой реакции.

— Увидимся позже, аллигатор, до скорой встречи, крокодил.

Ходжес уходит, мягко затворяя за собой дверь. Если Брейди здесь, захлопнувшаяся дверь порадовала бы его, дала бы знать, как сильно он достал Ходжеса.

А он, разумеется, достал.

После ухода Ходжеса Брейди поднимает голову. Рядом с фотографией оживает читалка. Рыбка носится взад-вперед, играет веселая музыка. Включается демоверсия «Злых птичек», потом «Барби идет по подиуму», наконец «Галактического воина». После этого экран гаснет.

В ванной в раковину льется вода, перестает литься.

Брейди смотрит на фотографию в рамке: он и его мать, улыбающиеся, щека к щеке. Смотрит на нее. Смотрит.

Рамка с фотографией падает.

Стук.

26 июля 2014 г.

ОТ АВТОРА

Книгу пишут в одиночестве, так это делается. Я написал первый вариант этой книги во Флориде, глядя на пальмы. Переписал его в Мэне, глядя на сосны, растущие на склоне, спускающемся к прекрасному озеру, где гагары беседуют на закате. Но нигде я не находился в полном одиночестве. Если мне требовалась помощь, я ее получал.

Нэн Грэм отредактировала книгу. Сюзан Молдоу и Роз Липпел тоже работают в «Скрибнере», и без них я бы ничего не добился. Эти женщины бесценны.

Чак Веррилл продвигал эту книгу. Он занимается этим тридцать лет, умный, веселый, бесстрашный. Не из тех, кто со всем соглашается. Если я несу пургу, он без колебаний говорит мне об этом.

Расс Дорр подбирал необходимые материалы, и с годами у него получается лучше и лучше. Как хороший ассистент хирурга в операционной, он уже держит наготове следующий инструмент еще до того, как я прошу о нем. Его вклад в эту книгу — практически на каждой странице. Если на то пошло, Расс предложил название, когда я никак не мог его подобрать.

Оуэн Кинг и Келли Браффет, оба блестящие писатели, прочитали черновой вариант и существенно улучшили текст. Их правка также присутствует едва ли не на каждой странице.

Марша Дефилиппо и Джули Югли управляют моим офисом в Мэне и держат меня на связи с реальным миром. Барбара Макинтайр управляет моим офисом во Флориде и занимается тем же. Ширли Сондереггер вышла на заслуженную пенсию, но по-прежнему с нами.

Табита Кинг — лучший критик и единственная истинная любовь.

И ВЫ, ПОСТОЯННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ. Слава Богу, Вы все еще здесь после стольких лет. Если Вам нравится, то и мне тоже.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Пользуясь случаем, переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего Ольге Бугровой из Москвы, Дмитрию Витеру из Москвы, Антону Галаю из Харькова, Антону Егорову из Тулы, Петру Кадину из Северодвинска, Эрику М. Кауфману из Санкт-Петербурга, Николаю Козлову из Ногинска, Егору Куликову из Томска, Сергею Ларину из Рязани, Валерию Ледовскому из Ставрополя, Анне Михайловой из Минска, Андрею Михалицыну из Москвы, Лизе Пинаевой из Бендер, Валентине Сидоровой из Москвы, Надежде Симкиной из Химок, Ксении Стройковой из Тольятти, Григорию Шокину из Мурманска), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Сергея Тихоненко и Екатерины Лян, усилиями которых эту работу удалось провести.

Содержание

Часть I. КЛАД	7
1978 год	9
2009 год	21
1978 год	32
2010 год	45
1978 год	63
2010 год	80
1978 год	88
2013–2014 годы	99
1979–2014 годы	131
Часть II. ДАВНИЕ ДРУЗЬЯ	161
Часть III. ПИТЕР И ВОЛК	269
ПОЗЖЕ	421
Пикник	423
Сундук	429
Стук	435
От автора	443
От переводчика	445

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен

**Кто нашел, берет себе
Мистер Мерседес-2**

Роман

Ответственный редактор Л. Кузнецова

Редакторы К. Егорова, С. Тихоненко

Корректор А. Железкова

Компьютерная верстка: Р. Рыдалин

Технический редактор Т. Полонская

Подписано в печать 28.09.15. Формат 84x108/32
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 35 000 экз. Заказ № 7721.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21,
строение 3, комната 5

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 кұрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Домбровский көп., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

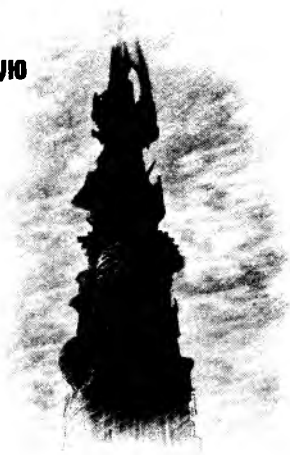

СТИВЕН КИНГ

и его легендарный цикл

ТЕМНАЯ БАШНЯ

- Стрелок
- Извлечение трюк
- Бесплодные земли
- Колдун и кристалл
- Ветер сквозь замочную
сважину
- Волки Кальи
- Песнь Сюзанны
- Темная Башня

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», прототрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

www.ast.ru

«Просыпайся, гений» — с этих слов начинается новый потрясающий роман Стивена Кинга. Книга о силе Слова, в какой-то степени продолжающая историю, которую писатель начал в романе «Мистер Мерседес», и в то же время перекликающаяся с одним из лучших его произведений — «Мизери». Гений — писатель Ротстайн, прежде бунтарь, а теперь затворник, вот уже долгие годы ничего не публикует. Но это не значит, что он ничего не пишет. В его доме — множество черновиков, ждущих «своего часа». Сборники стихов, рассказы и даже продолжение знаменитой саги, изменившей судьбу едва ли не целого поколения фанатов Ротстайна.

Но теперь крутой поворот делает судьба самого писателя — черновики похищают, а Ротстайна жестоко убивают...

Однако пройдет много лет, прежде чем блокноты писателя вновь всплывут на поверхность, чтобы самым непостижимым образом соединить людей, имевших отношение к трагическим событиям, связанным с Мистером Мерседесом...

Новый великолепный триллер Стивена Кинга, от которого невозможно оторваться. Ничего подобного Кинг не создавал со времен «Мизери».
«Washington Post»

Блестящий роман о том, как легко перейти тонкую грань, отделяющую страсть от фанатизма. Одна из лучших работ Кинга!

«Publishers Weekly»